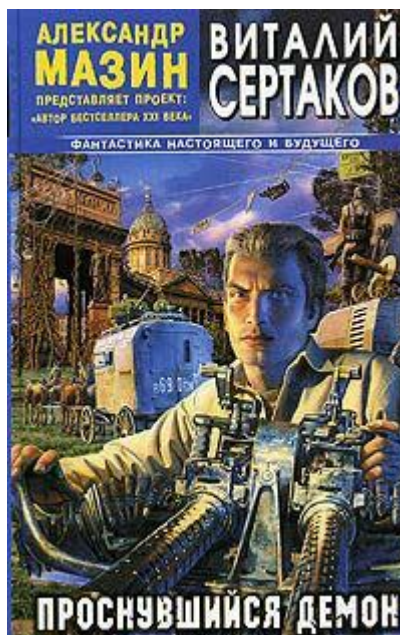

Виталий Сертаков Проснувшийся Демон

Аннотация

Он проснулся и понял, что произошла планетарная катастрофа. Его мира больше нет. Есть мир чужой, где правят банды и колдуны, а чудовищные мутанты охотятся на людей даже при солнечном свете. Его, человека из прошлого, звали Кузнецом, его звали Клинком. Но те, кто верил, что он может изменить судьбу этого страшного мира, называли его Проснувшимся Демоном. Виталий Сертаков Проснувшийся демон

Он проснулся и понял, что произошла планетарная катастрофа. Его мира больше нет. Есть мир чужой, где правят банды и колдуны, а чудовищные мутанты охотятся на людей даже при солнечном свете. Его, человека из прошлого, звали Кузнецом, его звали Клинком. Но те, кто верил, что он может изменить судьбу этого страшного мира, называли его Проснувшимся Демоном. Виталий Сертаков Проснувшийся демон

1. Обратный отсчет

Глаза открылись, и человек закричал.

То есть хотел закричать, но сразу же начал задыхаться оттого, что рот распирал широкий резиновый загубник. От загубника в глубину гортани тянулся упругий захват, не дававший возможности шевельнуть языком. Человек понял, что не может не только крикнуть, но даже свободно сглотнуть. Конструкция, раздвигающая губы, позволяла лишь с натугой дышать. Воздух, попадавший в легкие, был очень холодный и отдавал кислинкой.

Он еще раз сморгнул и понял, что его так напугало.

Серая тварь.

Прямо напротив его глаз из голубоватого стекла смотрела адская харя с торчащими из раздутых ноздрей трубками и круглыми резиновыми нащепками на выбритых висках. Вместо нормального человеческого рта у серокожего чудища торчало спереди нечто вроде хоккейного забрала, куда уходил голубой гофрированный шланг и две красные трубки,

потоньше. Макушку укрывала свободная полупрозрачная шапочка вроде тех, что надевают в душ дамы, берегущие прическу. С глазами тоже что-то было не в порядке. Шапочка крепилась ко лбу широкой мягкой банданой, из нее к каждому глазу тянулся тонкий розовый волосок. По поверхности волосков перекачивались еле заметные капельки жидкости.

Глаза моргнули; человек вынужден был признать, что видит собственное отражение. Мозг попытался унять нарастающую панику и прислушаться к телу. И руки, и ноги оставались на своих местах. Человек лежал на спине и почти не мог шевелиться. Голову что-то удерживало повернутой в правую сторону. То, что он принял за зеркало, оказалось узким прозрачным окошком. Слабый рассеянный свет шел откуда-то сзади, а за окошком было темно, поэтому он видел только себя. Распахнутые от ужаса глаза, капли пота на лбу под эластичной повязкой, бьющаяся на шее вена.

Он попробовал пошевелить пальцами и сделал несколько открытий. При нажатии указательным пальцем на невидимую кнопку прямо перед глазами, в нижней части "иллюминатора" заиграл целый ряд зеленых цифр и букв. Буквы шли латинские, но он их легко прочел. Одни цифры постоянно менялись, другие оставались неподвижными. "Давление", "Пульс", "Частота дыхания"... Некоторые слова он узнавал, но никак не мог припомнить, что они означают, например "Лейкоциты". Всего шестнадцать параметров. Он увлекся изучением зеленой панели и тут же понял, что не имело смысла с таким напряжением втягивать кислород. Механизм, пленником которого он оказался, сам исправно подавал воздух в шланг. Человек попытался задержать дыхание. Несколько секунд ничего не происходило, потом раздался щелчок, и поверх зеленых цифр побежала красная надпись: "Принудительная вентиляция. Профилактика системы через пять секунд".

Он не стал дожидаться выполнения угрозы и снова задышал. Красные буквы исчезли. Уже хорошо! По крайней мере, эта штука не пытается его убить. Возможно, он попал в аварию и находится в барокамере?

Легкое движение средним пальцем. Новая картинка. "Мышечный тренинг. Уровень нагрузки - 4. Частота - 120 минут. Задайте другой режим".

Он пошевелил подушечкой безымянного пальца. Еще одна зеленая сетка с цифрами. "Температура реагента", "Скорость циркуляции протектора", "Давление среды"... Нет, это не барокамера и не реанимация. Не может такого быть, чтобы больной сам регулировал параметры жизнеобеспечения.

Человек обрадовался, что не потерял способности трезво мыслить. Кроме того, его не затрудняли сложные слова. Поскольку этот узкий гроб способен выполнять команды изнутри, значит, появляется возможность выбраться отсюда. Он подвигал бедрами, пытаясь определить на ощупь наличие одежды. Согнул колено и тут же уперся ногой в стенку. Действительно, похоже на гроб. Было еще что-то, жутко его раздражавшее. Сразу он не понял, но теперь, когда первый страх отступил, возник тревожный вопрос: как давно я тут лежу? Он явственно ощущал мягкую помеху в районе заднего прохода и еще какую-то конструкцию, фиксирующую член. Сколько времени надо проваляться в забытии, чтобы в зад воткнули клизму? Нет, не клизму.

Он вспомнил слово. Катетер.

Предплечье левой руки стягивали как минимум две повязки, зато правая была почти свободна. Ничего страшного, сказал он себе. Ничего страшного. Раз я очнулся, это должны заметить те, кто снаружи, врач или сестра. Сейчас кто-нибудь подойдет и заговорит со мной, всё встанет на свои места. Так бывает после аварий: провалы в памяти, и всё такое прочее...

Человек честно подождал, считая до тысячи. Никто не появлялся, и свет по ту сторону окна так и не зажегся. Он напрягал слух, но, кроме тихого шипения воздуха в шланге, не доносилось ни звука. Присмиривший было страх зашевелился липкими змеиными кольцами в области сердца. Спокойно, повторил человек, надо вспомнить, как меня зовут. Я думаю, а значит, и говорю на русском. Стало быть, и имя у меня должно быть русское. Я жив, и уже не умру. А раз ко мне никто не подходит, наверное, так и надо. Вероятно, врачи заняты другими пациентами или у них собрание. Или сейчас ночь... Как же меня зовут? Как

страшно, оказывается, забыть собственное имя.

Под правой кистью оставались неизученными две кнопки. По сигналу мизинца перед носом вспыхнули электронные часы. Минута четырнадцать, тринадцать, двенадцать...

Обратный отсчет! Правее единички ровно светились десять нулей. Какое-то время он беспомощно глядел на смену цифр. Итак, напрашивалось объяснение, что часы показывали как раз полторы минуты, прошедшие с момента, как он очнулся. А зачем тогда столько нулей справа? А вдруг он космонавт и летит с катетером в заднице к далекой планете? И будет лететь еще несколько тысяч лет? Он изо всех сил напряг память, но ничего, даже отдаленно связанного с космонавтикой, на ум не приходило. Он понятия не имел, чем занимался до того, как угодил в гроб с окошком, но явно не исследованиями космоса.

"...Американцы еще не слетали к Марсу". Ух ты, возникла связная мысль, первое отчетливое воспоминание! Отголосок телепередачи или газетной статьи. Он так увлекся этой идеей, что не сразу заметил произошедшие на экране изменения. Поверх линии нулей пульсировала голубоватая надпись: "Процесс завершен. Преждевременная разгерметизация. Нарушение температурного режима. Состояние организма стабильное. Ручное управление - код 110".

Как набрать этот чертов код? Внутри него шевельнулось воспоминание. Так и есть, под неподвижной ладонью левой руки располагалась миниатюрная клавиатура. На ощупь он набрал нужную комбинацию.

"Подтверждение любой клавишей". Человек напряг пальцы, готовясь ввести это самое подтверждение, но в последний миг задержался. Почему "преждевременная разгерметизация"? Что может быть не в порядке снаружи? Потоп? Радиация? Змея страха снова шевельнула кольцами, на спине проступил пот. Теперь он вполне чувствовал собственное тело. Он лежал совсем голый, а по всей длине туловища под ним перекатывались тугие подвижные валики, вроде массажера. Это и есть массажер, сказал он себе. Анатомическая массажная лежанка для капсулы полужидкого типа... Черт возьми, из каких закоулков мозга он выкопал подобную тарабарщину?

Воспринимая височной костью оглушительные удары сердца, он опустил левую ладонь на клавиатуру. Раздался протяжный чмокающий звук, словно воздух вырвался из-под неплотно пригнутой крышки на банке домашних консервов, и голубое оконце плавно скользнуло вверх. Человек скосил глаза и увидел белую крышку капсулы, вставшую на попа, в ногах лежанки. Крышка была огромна, не менее двух метров длиной, полна проводов и всяких непонятных приспособлений. Окошечко оказалось два, слева и справа от головы лежащего человека. В процессе мышечного тренинга затылочный захват должен был менять положение головы, чтобы голова не оставалась запрокинутой...

Черт подери, для пациента он слишком подкован! Неужели кто-то способен добровольно забраться в этот напичканный проводами футляр? Он предпринял попытку сесть, вытащил изо рта загубник, из носа шланги, освободил язык. Воздух снаружи ему сразу не понравился. В отличие от свежего морского запаха в камере в "палате" стояла жуткая духота, и плюс к тому пробивался еще какой-то противный запах. Больница, твердил он, сражаясь с браслетами на левой руке. В больнице всегда неприятный запах, ничего удивительного.

Но идея насчет больницы казалась ему всё менее убедительной. Ни в одной больнице, даже ночью, не должна стоять такая мертвая тишина. И вдобавок к тишине - абсолютный мрак! Единственным источником света оставался круглый плафончик светильника в головах лежанки. Человек резко потянул с макушки полиэтиленовый берет и чуть не завопил от боли. На его полностью выбритой голове крепились десятки тончайших проводков. Он стиснул зубы и принялся отдирать их по одному, точно Гулливер, вырывающийся из веревок лилипутов. Вдобавок к проводам голову и лицо покрывал слой неприятного на ощупь мельчайшего порошка, вроде талька.

Наконец он освободился от всего, что его держало, и принял сидячее положение. Из правого металлического бортика капсулы, похожей снаружи на овальную джакузи,

выступали три огромные сенсорные клавиши: "Вызов дежурного", "Вызов врача" и "Пожарная тревога". На сей раз все на русском языке. Он нажал на "врача", затем подождал и перепробовал все три. Безрезультатно. Никто не спешил на помощь к пациенту. И ни единый звук не достигал ушей.

Человек ухватился за влажный бортик, напомнивший ему уплотнительную резину на дверце холодильника, и перебросил наружу левую ногу. Почти сразу нащупал подошвой рифленый резиновый коврик. Почему-то это придало ему уверенности; еще не дотянувшись ступней до пола, он уже знал, что встретит резину. Влажными были не только податливые борта капсулы. Всё тело, казалось, недавно извляли в прокисшем студне.

– Эй! - негромко сказал он.

Звук растворился в холодном безмолвии. Только теперь он ощутил царящий вокруг мороз, по голой коже поползли мурашки.

– Так и заболеть недолго! - вслух пожаловался он. - Есть тут кто живой?

Молчание.

Он перебросил через край вторую ногу, сделал попытку встать и чуть не растянулся на твердом резиновом полу. Мышцы дрожали, точно у древнего старика. Может, я и есть старик, подумал он, успокаивая дыхание. Он ощупал себя в темноте. Нет, с телом всё в порядке, ему... Ему тридцать один год. Замечательно... Раз вспомнился возраст, так и до имени недалеко. Вероятно, он здорово ослаб за время лечения. А вдруг был сломан позвоночник и он пролежал несколько месяцев на вытяжке?

Спустя минуту человек поднялся, и, опираясь одной рукой о спасительный борт капсулы, предпринял отважную вылазку в сторону стоящей вертикально крышки. С каждым шагом к нему возвращалось чувство равновесия. За крышкой его поджидало новое открытие: три ступеньки вверх, широкий полукруглый пульт и кресло. Поеживаясь от холода, он опустился на невидимое во мраке кожаное сиденье, бегло ощупал консоль. Его руки помнили невидимые ряды выключателей! Над головой находились какие-то агрегаты, в слабом свете фонаря он различал свисавшие с потолка шланги, отдельные фрагменты подъемного механизма крышки.

"Аварийное питание. Капсула 1. Капсула 2. Капсула 3". Ему пришлось встать на колени и приблизить лицо вплотную к прозрачному щитку, чтобы разглядеть показания приборов. Все циферблаты были давно мертвы. Аварийное питание... Это означало, что в больнице или в том месте, которое он принял за больницу, что-то произошло со светом. Видимо, все побежали устранять аварию?..

Но где-то же должна находиться стена, а значит, и дверь! Нет, дверь должна быть сзади! В этот момент он совершенно отчетливо вспомнил, как выглядит и каким образом отпирается дверь у него за спиной. Внешний противосейсмический каркас и внутри титановый шлюз с пневматической доводкой... Черт! Человек схватился за голову, уткнулся горячим лбом в приборную доску. Прямо перед глазами прочитал: "Ответственный за противопожарное состояние поста Денисов А. К."

Денисов, прошептал он. Ну конечно, Толик Денисов. Если его тут нет, должен быть Мирзоян. Но Мирзояна тоже нет, а такого просто не может быть, потому что... Провал.

Он выставил руки перед собой и почти сразу обнаружил выход. Дверь была огромна, потому что именно через нее завозили по утопленным в полу рельсам собранные капсулы... Он отключил мозг и позволил ладоням самостоятельно нащупать колесо. Конечно, раз не светится огонек на магнитном замке, придется крутить вручную. Человек всей тяжестью навалился на железный обруч. Неужели он так ослаб? Колесо не поддавалось, а ведь еще вчера запор снимался одним пальцем!

Он сделал несколько приседаний, чтобы разогнать кровь. Одеревеневшие руки не желали слушаться. Наконец показалось, что колесо поддается. Он нащупал голой пяткой косяк, уперся, скрипя зубами от напряжения. Вчера? Кто сказал, что эту махину трогали вчера? Ему в голову закралось подозрение, что, возможно, счет его болезни идет не на месяцы, а на годы. Ведь была же статья о женщине, перевернувшейся в автомобиле и

пролежавшей в коме около четырех лет!

Внутри запора что-то гулко звякнуло, каучуковые направляющие заскрипели под полом, и титановая машина, обитая трехслойной звукоизоляцией, чуть отошла в сторону. Образовавшейся щели ему оказалось достаточно, чтобы понять - в институте случилось кое-что похлеще сбоя на подстанции. В институте?! Он решил не заострять внимания. Чем меньше он станет себя мучить, тем быстрее вернется память. Надо быстрее осмотреться и желательно найти хоть какую-то одежду!

От внезапного света человек был вынужден прищуриться. Плавающий мостик сейсмотамбура выглядел вполне обыденно, но следующая дверь стояла открытой, что нарушало все инструкции... Обдирая бока, он протиснулся в щель. Здесь дышалось гораздо легче, зато из-под ног взметнулось целое облако пыли. На первый взгляд помещение напоминало внутренности огромной трансформаторной будки или телефонной станции. Ряды серых высоченных шкафов с выдвижными модулями внутри, батарея рубильников, закрытые щиты с изображением молнии и пирамидами запасных плавких вставок. Грубый резиновый пол, дохлые мухи, дохлые пауки. Он никак не мог понять, откуда идет свет. С высокого потолка свисали десятки ламп, все заросшие паутиной и выглядевшие так, будто к ним никогда не прикасалась тряпка уборщицы. Заглядывая в сумрачные закоулки между шкафами, он прошлепал до поворота. И здесь встретил окно.

Точнее, не окно, а нижний краешек окна, сантиметров двадцать. Под самым потолком, метрах в трех от пола, забранный стальной двойной сеткой, за которой просматривались толстенные прутья решетки. Стекло было невероятно грязным, но как раз сейчас сквозь заросли паутины наотмашь бил тугой солнечный луч. Теперь человек знал, что очнулся днем, и не на поверхности земли, а в глубоком подвале. Поэтому здесь так холодно. Гигантское подвальное помещение изгибалось под прямым углом. За поворотом силового оборудования больше не встречалось, проход сужался метров до пяти в ширину. Коридор снизу доверху рассекала решетка с двустворчатыми воротами, и сразу за ней - толстое стекло. За преградой, метрах в пяти впереди, различались точно такое же громадное стекло и следующая решетка. Слева от сквозных, приоткрытых сейчас ворот на "нейтральной полосе" находилась стеклянная кабинка, в которой стояло серое от пыли кресло и такого же цвета - монитор компьютера. По другую сторону от резиновой дорожки человек заметил шкафчики для одежды и белую дверцу со значком душевой. Он подумал об одежде, но, шагнув в проход, тут же забыл обо всем.

2. Подземелье мертвецов

Напротив будки проходной, уткнувшись лицом в канавку для мытья обуви, лежал труп мужчины в желтом комбинезоне. Труп лежал здесь не просто давно, он почти полностью мумифицировался. Всё, что осталось от контролера, - это голые кости, обтянутые коричневым пергаментом, и комбинезон.

Человек резко оглянулся. Показалось, что сзади кто-то стоит. Пусто. Это солнце за мутным окошком спряталось за тучку, отчего по дальним углам подвала метнулись длинные тени.

Мотор на двери бездействовал. Его это уже не удивило. Здесь не функционировала ни одна система, за исключением абсолютно автономного "спального блока". Стоп! Он замер с поднятой ногой. Спальный блок? Ну да, конечно, он ведь спал... Сколько же способен человек, черт возьми, проспать, если мертвец успел разложиться, а никто так и не пришел его проведать? Человек протиснулся между застывшими стеклянными створками, но, прежде чем дотронуться до трупа, направился вправо, к своему шкафчику. Рукоятка привычно повернулась и тут же переломилась пополам. Хозяин шкафчика отшатнулся. Створка открылась с пронзительным скрипом, повиснув на одной петле. Из глубины на него смотрел голый широкоплечий парень с налысо обритым синим черепом, весь живот и ноги в противных зеленоватых потеках. Он потер кулаком заплесневевшую табличку и ощупью, как

слепой, прочитал подушечками пальцев: "Коваль. Мирзоян". Пять шкафчиков с одной стороны прохода, пять с другой. Два без табличек. Итого шестнадцать человек. Да, их было шестнадцать человек, четыре смены. Но он без сомнения шагнул именно к этому, третьему слева, шкафчику.

— Моя фамилия Коваль, - сообщил он отражению.

Осипший голос опять повис, точно запутался в свисающей отовсюду паутине. Человек снова закашлялся, в горле першило, словно перед этим он кричал на футбольном матче. Остаточное действие реагента... Внутри шкафчика висела одежда, но стоило ему протянуть руку, как стало ясно, что подобрать здесь гардероб будет крайне сложно. Светло-синие джинсы почти истлели на сгибах и развалились на части при попытке взять их с полки. Шерстяной свитер при первом же прикосновении рассыпался трухой. По сути дела, это был уже не свитер, а массовое захоронение моли. Внизу стояли две пары обуви. Рассохшиеся, почерневшие кроссовки. Он потянул одну из них, сгнившая подошва осталась на полу. Вторая пара выглядела попроще. Короткие прорезиненные сапожки от костюма химзащиты. Он вытряхнул из них остатки истлевших стелек и натянул на ноги.

За дверью душевой рука привычно потянулась к выключателю. Нулевой эффект. Неясный отсвет из коридора сюда почти не доходил, но под потолком имелась такая же оконная щель. Ему показалось, что в глубине комнаты что-то лежит.

Или кто-то. Сердце отбивало не меньше сотни ударов. Можно было закрыть дверь и уйти. Уйти и продолжать бояться. Слава богу, те, кто оборудовал душевую, не удосужились намертво замазать окно.

Коваль бочком ступил на порог. В сапогах он чувствовал себя увереннее, хотя всё время хотелось присесть и отдохнуть. Малейшие нагрузки давались с трудом. Я подхватил инфекцию, отстраненно подумал он, разглядывая второй найденный труп, у меня одышка от каждого шага. Прошло невероятно много времени, возможно, лет десять. В институте все погибли, затем снаружи ввели карантин, забили наглухо двери и забыли меня здесь. И я всё забыл, болезнь съела мой мозг.

Второй мертвец выглядел не намного лучше первого. Мужчина был полностью укутан в белый комбинезон из прочной немнущейся ткани, и на высохшем черепе болталась такая же прозрачная шапочка, которую Коваль оставил в капсуле. Мертвец сидел в позе мыслителя, сжимая в кулачке шприц, подпирая спиной следующую дверь с едва заметной надписью: "Дезинфекция". За этой дверью Коваль сделал первую удачную находку. Точно такие же, как на трупе, висающие в ряд белые комбинезоны. Он вытащил их наружу, целую грудую, и принялся перебирать, поднимая повыше к свету. Костюм с вышитой фамилией "Коваль" на нагрудном кармане пришелся ему идеально впору. От материи разило затхлостью и мышами, пластами осыпался грязно-белый порошок, но серьезных повреждений не наблюдалось. Под фамилией на кармане более мелким шрифтом значилось имя. Боясь ошибиться, он вернулся в машинный зал, на солнечную сторону.

— Меня зовут Артур Коваль, - едва ли не плачущим голосом повторил он в пустоту.

Связки сели окончательно,хватило трех слов, чтобы охрипеть. Коваль вернулся в помещение душевой, зашел в первую попавшуюся кабинку и повернул кран. Что-то хрустнуло, и смеситель вместе со штангой душа остался у него в руке. Вот так, мечту о помывке придется отложить до лучших времен.

С минуту он стоял в задумчивости, трогая носком сапога желтый комбинезон контролера. Переворачивать труп не хотелось. Артур поднялся в будку, где стоял компьютер. Мокрый бетонный пол покрывал ковер бледного мха, где-то неторопливо капала вода. От ватной гнетущей тишины начинало звенеть в ушах. Кроме того, внезапной дикой болью свело желудок. Сколько времени я не ел? И что я вообще ел, пока лежал в капсуле? Нет ответов. Он не без труда выдвинул четыре насквозь проржавевших ящичка в металлическом столе. Внутри лежали какие-то бумаги, но стоило притронуться, как они рассыпались скользкими лохмотьями. Зато он нашел спички. Первые три не зажглись, но четвертая внезапно вспыхнула, испугав его. Спички - это замечательно, осталось найти, из

чего сделать факел.

Слева находились стеклянные воротца, через которые он пришел, а справа, за пределами "нейтральной полосы", Артур еще не был. За правыми воротами висела плотная чернильная темнота, хотя Коваль подозревал, что как раз там находится выход наверх. "Запретная зона. Доступ только для персонала пятого отдела!" - прочел он задом наперед надпись на дверях.

Он нашел, из чего сделать факел. Между шкафами "телефонной станции" обнаружился старинный покосившийся стеллаж, битком набитый технической документацией. Здешние бумаги изготавливались, очевидно, из какого-то особого состава и сохранились почти идеально. Артур не стал портить глаза, изучая чертежи, хотя ему почему-то показалось, что он обязательно бы в них разобрался. Он работал в пятом отделе и, следовательно, не мог не знать, чем тут занимаются. Возможно, он был не самым худшим инженером до того, как... уснул. Уснул?! Да, он именно так подумал, именно это слово. Но если он уснул, то куда делись остальные тринадцать человек? Лежат где-то мертвые?

Поджигая один пучок бумаг от другого, он ринулся в запретную зону. На сей раз пришлось изрядно повозиться с замком. Только повиснув всем телом на рычаге электропривода и оторвав его "с мясом", он сумел отодвинуть тяжелую створку.

Уходящий в непроглядную темень широкий коридор. Склизкие стены в бурых разводах. Европанели, здесь всюду были приличные панели, механически отметил Коваль. Артур поджег новую связку газет, ступил шаг, другой. Под ногами чавкнула вонючая грязь. Он поскользнулся и еле сумел удержать равновесие. Импровизированный факел нещадно чадил в поисках кислорода. В судорожных сполохах Коваль успел заметить бескрайнюю лужу, в которой плавали неясные обломки, покосившийся пожарный щиток и решетку старинного лифта напротив. Факел рассыпался багровыми искрами, и вновь спустилась темень. Артур затаил дыхание. Издалека доносился ритмичный шорох, точно некрупный зверек скребся когтями по металлу. Минуту Коваль постоял, прислушиваясь и чувствуя, как на затылке дыбом встают волосы.

Ему вспомнился голливудский фильм о мутировавших в канализации гигантских муравьях. Крыс тут быть и не могло, жратвы никакой, а воды по колено.

— Никаких гигантских муравьев не бывает! - твердо заявил Коваль и на ощупь двинулся туда, где раньше заметил пожарный щит. Сапоги по щиколотку погрузились в ледяную воду. Внезапно что-то мягкое коснулось его ноги. Артур сжал зубы, чтобы не закричать. Крюки, на которых когда-то висел инструмент, давно сгнили, от топора ничего не осталось, но лом он нащупал.

— Так-то лучше! - угрожающе сообщил он невидимым обитателям подземелья. - Теперь мы вернемся и кое-что проверим...

Где-то наверху тучи окончательно закрыли солнце. Пока он отсутствовал, в силовой стало значительно темнее. Если не выбраться отсюда до вечера, придется коротать ночь наедине с двумя трупами... и с теми, кто скребет когтями во мраке. Артур, старательно сдерживаясь, чтобы не обернуться, спокойным шагом пересек проходную пятого отдела, прислонил свое орудие к стене и свернул еще несколько факелов. Пока Артур распахивал их по карманам, его настиг очередной желудочный спазм, значительно сильнее предыдущего. Хоть бы сухарик какой найти, подвывая от боли, мечтал он. На кухне должна быть еда, всегда была...

Кухня. Он безошибочно свернул в щель между одинаковыми железными шкафами, нащупал узкую дверцу. Кухней они любовно называли созданный из бывшей лаборатории химреактивов уютный буфетик. Мгновенная вспышка в мозгу... Он вспомнил, как сам набивал по стенам вагонку и мастерил подобие барной стойки. Буфетик соединялся смежным проходом с "нижним" кабинетом профессора Телешева... Он вспомнил, куда ведет коридор за пределами запретной зоны. Это был вовсе не коридор, а продолжение подземного пандуса для грузовиков. Дальше, за поворотом, там, куда ему очень не хотелось идти, обязаны были находиться раздвижные ворота и пост охраны. А рядом с решеткой грузового

лифта, если она также не обвалилась, должна начинаться узкая металлическая лестница наверх, в наземные помещения пятого отдела. Он выберется, но сначала...

– Меня зовут Артур Коваль, – шепотом повторил он. – Я старший научный сотрудник отдела, кандидат наук, и работаю в институте...

Провал. И черт с ним! Артур израсходовал еще три спички, пока новый факел не занялся, и толкнул дверь кухни. В нос ему ударил застоявшийся болотный смрад. От вагонки, самодельной деревянной мебели и бара осталась кучка трухи. Штукатурка со стен обвалилась, обнажив кирпичные своды конца девятнадцатого века. Потолок в двух местах треснул, из черных дыр сочилась ржавая вода. Стараясь не наступать в скопления белесых грибов, Артур поджег следующий факел и заглянул в кабинет шефа.

Профессор Телешев был здесь. Коваль ни за что бы не признал в кучке тряпья своего шефа, но никто, кроме профессора, не осмеливался сесть на его место за угловой стол. Мебель для "нижнего" кабинета подбирали из новомодного пластика, под цвет офисной оргтехники, поэтому сильно пострадали только стены и шкафы с книгами. Очевидно, за стенкой в буфете лопнул радиатор, и кипятик хлестал до тех пор, пока не опустели батареи на всех шести этажах...

Телешев сидел за столом, положив голову на руки. Сквозь истлевший рукав костюма желтела кость. Напрашивалось лишь одно объяснение. Пока он спал, институт охватил неведомый вирус, но с родимым пятым отделом это никак не могло быть связано. Возможно, во втором или в третьем что-то перехимичили? Но, в таком случае, о чем думает начальство наверху, почему никто не спустится похоронить людей? Факел горел всё хуже. Артур уже собрался уходить, но тут заметил напротив стола квадратную дверцу сейфа из нержавеющей стали. Ключ торчал в замке, но Ковалю показалось, что сейф не заперт.

Бумаги и диски на нижней полке слиплись в сплошной пористый комок. Зато на верхней полочке Артур обнаружил кое-что любопытное – завернутый в многочисленные слои полиэтилена картонный журнал и там же дискету. Он смахнул перчаткой слой плесени, опустил факел ниже. "Тем, кто выживет!"

У Артура остался последний сверток листов. Он вытащил из сейфа пакет и заспешил в силовую. Живот пока не давал о себе знать. Возможно, что он не болен, возможно, что зараза миновала его. За несколько минут, в поте лица орудуя ломом, он сумел отодвинуть дверь сейсмотамбура достаточно, чтобы туманный свет достиг самых дальних закоулков камеры. Затем, в три захода, перенес внутрь всю оставшуюся сухую макулатуру, разделил ее на несколько частей и поджег. Как он и догадывался, помимо капсулы номер один вдоль задней стенки, опутанные проводами, стояли еще две пустые титановые "усыпальницы" с опущенными крышками. Ни одна система не отвечала на запрос, экраны оставались пустыми и темными.

Читать он не разучился. Дотлевала на резиновом полу последняя кучка бумаги, но Артур ни на что уже не обращал внимания.

"Журнал наблюдений. Начат семнадцатого февраля две тысячи шестого года. Пост дежурного инженера пятого отдела.

Камера глубокого анабиоза.

Произведена загрузка капсулы номер два, сроком на восемь суток.

Тип реагента – полужидкий азотный, криопротектор четвертой серии. Испытуемый – Мирзоян Александр, возраст тридцать два года. Комбинированное охлаждение по схеме профессора Телешева. Скорость достижения расчетного давления среды – три часа семнадцать минут.

Двадцать пятое февраля две тысячи шестого года.

Процесс выхода прошел успешно. Скорость – два часа пятьдесят минут. Состояние испытуемого хорошее. Кристаллизация отдельных капилляров. Моторика в пределах нормы. Отправлен в медицинский блок.

Шестое марта две тысячи шестого года.

Произведена загрузка капсулы номер один, сроком на тридцать дней... Испытуемый –

Денисов Анатолий...

Процесс выхода прошел успешно..."

Артур сглотнул.

Третье июня. Установлена последняя капсула. Загружены сразу две, сроком на два и три месяца соответственно. Применен новый тип реагента, испытанный ранее на собаках. Артур вдруг явственно увидел себя двумя этажами выше возле самой первой, газовой капсулы, доставленной из Америки. Алик Мирзоян держит барбосу пасть, отвлекает его косточкой, пока Лида выстригает шерсть на затылке, чтобы прикрепить электроды. Телешев стучит по клавишам компьютера, Артур с Толиком таскают баллоны с газом... Сумасшедшее времечко... Коваль подышал на слипшиеся страницы. Одиннадцатое сентября того же года. Испытуемый впервые ложится в капсулу сроком на целый год. Артур вспомнил. Именно тогда было принято решение о полном переходе на отечественный реагент. Возникла опасность нарушений в работе синапсов, отвечающих за кратковременную память. И еще, были подписаны контракты на участие западных ученых в испытаниях. Схема Телешева признана самой успешной.

Дальше, когда же дойдет очередь до него? Ага! Десятого января две тысячи седьмого Коваль испытывает на себе третью капсулу высокого давления, с массажной лежанкой и новым типом мышечной стимуляции. Недолгое погружение, три недели... Нет, не то. Ага, вот оно! Седьмое октября две тысячи седьмого года. Капсула номер три. Красовецкая Елена, срок три года. Капсула номер два. Дэвид Паунти. Сроком на четыре года. Стоит пометка: оплачено британской стороной. В первую капсулу ложится Коваль. Лену Красовецкую Артур смутно помнил, фамилия Паунти ему ничего не сказала.

Так, Коваль Артур... Он замер. Не может быть! Нет, здесь какая-то ошибка. Он захлопнул журнал. Остальное дочитаем позже.

Первая капсула была загружена на двадцать лет.

3. Голубоглазая смерть

Он выбрался на карниз через окно третьего этажа. На первых двух этажах, в пятом и четвертом отделах, царил полный разгром. Мебель лежала перевернутой, компьютеры разбиты, пол устилал хрустящий ковер из остатков лабораторного оборудования. И везде заросли, залежи пыли. Окна первых этажей всегда закрашивались снизу на три четверти и оборудовались двойными решетками, посему Артуру хватало освещения, но бросить взгляд во двор он не мог. Парадный вход, где обычно сидела охрана, как и калитка во двор, оказались забиты снаружи. Причем именно грубо забиты; он подошел и потрогал торчащие внутрь сквозь мореный дуб блестящие острия гвоздей. В институте не было ни воды, ни электричества. Сначала у Ковалю создалось впечатление, что в корпусе побывала шайка взбесившихся вандалов, но, зайдя в медицинский блок, он изменил мнение. Какими бы безумцами ни родились те, кто вывернул наизнанку сейфы и вырвал из полов ценнейший старинный паркет, к медицинскому оборудованию они явно относились иначе. Здесь также порядочно пошуровали, но не сломали, а вынесли содержимое лечебницы куда-то наружу.

Постепенно он заметил еще несколько странностей. Лампы дневного света, пусть и бездействующие, оставались на местах, но не встретилось ни одной целой лампочки накаливания. Будто кто-то шел и бережно собирал их, точно грибы. Также пропал весь инструмент с пожарных щитов, кроме баллонов. Большая столовая больше всего походила на стенд для испытания боевых гранат; среди груд разбитой фарфоровой посуды Артур засек несколько самых обычных крыс, разбежавшихся при его появлении. Но нигде он не встретил ни одной кастрюли или обломка алюминиевой вилки. На еду для себя он больше не надеялся. Оставалось уповать, что за пределами института простирается не радиоактивная безжизненная пустыня, а родной любимый город.

У Артура в трех местах кровоточили ладони, перчатки комбинезона он изорвал в хлам, когда пробирался вверх по лифтовой шахте. Тяжелый люк черной лестницы одолеть так и не

сумел, это была одна из тех могучих железяк, что устанавливали в брежневские годы на случай ядерной атаки. Пришлось расширить проем в решетке шахты и карабкаться в полной темноте по шатким мокрым крюкам, вбитым в кирпичную кладку. Дважды крюки сгибались под его тяжестью, и Коваль, мокрый от ужаса, повисал над черной бездной. Наконец над головой сквозь решетку первого этажа забрезжил слабый отсвет. Почти сразу Артур увидел и лифт. Многотонная громада застряла, перекосившись, между первым и вторым этажами. Прямо в лицо Артуру целилась огромная ржавая пятка амортизатора.

Затаив дыхание, стараясь не раскачивать опасно скрипящие ступени, человек выбрался на узкий порожек. К счастью, раздвижную секцию кто-то выломал до него. Не понадобился и лом, который Коваль кое-как прикрутил за спиной куском провода. Целлофановый пакет из кабинета шефа он сунул за шиворот, прямо на голое тело. Внизу его больше ничего не интересовало, и Артур не испытывал малейшего желания посетить подвал вторично. Когда он только начинал подъем, догорел последний факел, спички кончились, и ему показалось, что в темноте под ногами, совсем рядом, что-то пробежало. Что-то приличных размеров.

Явно не крыса.

Теперь он отсасывал кровь из царапин, сплевывал и размышлял, где бы раздобыть хоть огрызок пластыря. Из санчасти исчезло всё, даже такие никогда не используемые предметы, как кислородная подушка и костыли. Артур стоял, сплевывая кровь, и прислушивался к зданию. Людей не было и здесь, испарился весь персонал, около пятисот человек. Он слышал только ровный посвист ветра в вентиляции и еще какой-то странный монотонный звук, вроде шуршания домашнего ткацкого станка.

Шит-та, шит-та, шит-та...

Был момент, когда он склонялся к мысли о срочной эвакуации. Тогда объяснялась бы забитая гвоздями дверь. Но даже при самом паническом бегстве инженеры не стали бы уродовать собственные рабочие места. Артур видел оставленную дорогостоящую электронику, микроскопы, лазерные принтеры, которые в случае пожара следовало выносить в первую очередь. Вандалы не тронули электромоторы, но поснимали с приводов резиновые ремни.

На площадке второго этажа Артур нашел еще два трупа. Таскать ржавый лом давно надоело, он оставил его где-то в столовой в надежде подыскать более компактное и удобное средство обороны. Но, натолкнувшись на мертвецов, понял, что с разоружением поторопился. Женский труп полусидел на лестнице, прислонившись спиной к перилам, и сжимал в засохшей ладони упаковку одноразовых шприцев. Перед смертью женщина носила длинное кожаное пальто, почти в целости сохранившееся, поэтому Коваль не мог видеть, что произошло с туловищем. Зато он хорошо рассмотрел, во что превратились ее ноги и голова. Череп женщины с редкими ошметками волос на затылке валялся тремя ступеньками ниже, весь покрытый следами зубов. Левая плюсна и кусок берцовой кости, обернутые в остатки лакированного сапога, также послужили кому-то источником питания. Одного взгляда на следы укусов Артуру хватило, чтобы опознать собачьи зубы.

Или ему почудилось, или роль сыграли натянутые до предела нервы. Где-то вдали, сквозь бесконечное "шит-та", прозвучали легкие шаги. Коваль резко обернулся.

Никого. Полутемный коридор, ряд прямоугольников света, падающих на противоположную стену из окрашенных окон. Анфилада душных, пустынных залов. Артур вдруг обратил внимание, что на окнах отсутствуют тяжелые бархатные портьеры, гордость директорского этажа. Действительно, в левом крыле второго этажа размещалось начальство, и погром носил тут более утонченные, причудливые формы. Грабители не тронули стойки с видеоаппаратурой, но скатали и унесли ковровые дорожки. На плоском экране огромного японского телевизора в кабинете зама по науке кто-то оставил пальцем еле заметную надпись. Более свежие слои пыли почти скрыли послание, и Артур прошел бы мимо, если бы не остановился заглянуть в вывернутый из стены сейф. Дверцу очевидно, выдернули "с мясом", а потом опять захлопнули. На дне сейфа лежало несколько банковских пачек по пятьсот и тысяче рублей. Здесь, в закрытом стальном ящике, не было сырости, крыс и

насекомых, и банкноты сохранились прекрасно. Двадцать лет, ошарашенно повторил Артур, или десять, или пять. Он вскрыл верхнюю пачку. Пальцы дрожали. В тот момент, когда он рвал бумагу, ему снова почудился посторонний звук, гораздо ближе. Словно легкий топоток двухлетнего ребенка по толстому ковру...

Он замер, затем резко оглянулся. Нет, ничего. Легкое облачко пыли. Шит-та, шит-та, шит-та...

Самая свежая купюра была датирована две тысячи двадцать шестым годом. Нет, что-то здесь не то! Коваль присмотрелся к деньгам внимательнее. Да, в "его время" пятисотрублевка выглядела несколько иначе. Добавились две горизонтальные полосы, на просвет профиль Петра чередовался с двуглавым орлом, и, кроме того, деньги стали заметно крупнее. Если купюра выпущена всего год назад, сказал себе Артур, то это означает, что институт покинут совсем недавно. Но мертвецы явно пролежали в подвале не год, а гораздо дольше! И одежда успела развалиться, и ни следа запаха. А пыль, а пауки? Да в жизни, даже за три года, неросло бы столько грязи! Он выпустил пачку из рук, деньги веером разлетелись по кабинету.

Может быть, он перележал, переспал лишнего в капсуле? Нет, это невозможно, аппаратура совсем недавно убедительно продемонстрировала, что программа прошла без малейшего сбоя. Ему даже не понадобился дежурный инженер, чтобы самостоятельно покинуть лежанку. Артур поднял глаза от сейфа к настенному телевизору и тут рассмотрел на сером экране остатки каракулей.

Неведомый писатель оставил надпись на немецком языке. Артура приятно удивило, что, оказывается, он понимает немецкий. "Где кончается философия, там начинается биология".

Занятные интеллектуальные потуги для того, кто грабит сейфы! Артур уже шагнул в холл, туда, где раньше заметил второй труп, но внезапно его пронзила самая противная за сегодняшний вечер мысль. Три мертвых тела внизу - это крайне неприятно. Здесь еще два, к тому же после смерти обглоданные собакой или волком. Скорее, собакой... Но нетронутые грабителями десятки тысяч рублей - это гораздо серьезнее десятка трупов. Если людям стали по какой-то причине безразличны деньги, это...

Напрашивающийся вывод обещал лишить его остатков рассудка. Лучше пока заняться чем-то более конкретным.

Второй безголовый труп принадлежал мужчине и находился примерно в таком же состоянии, что и женский. Человек, когда его застигла смерть, сидел, непринужденно развалясь в кресле, в холле перед кабинетом одного из замов. Он так и умер, положив ногу на ногу. У несчастного отсутствовали обе кисти. Оставляя после себя в пыли рифленые следы, Артур подошел к мертвецу и потихоньку опустился на корточки. Возле левой ноги лежало что-то блестящее. Не сводя глаз с мумии, Коваль потянул на себя пластмассовый предмет, похожий на узкую клетку для яиц или на ячеистую внутренность конфетной коробки. Из десяти ячеек семь были свободны, а в трех покоились полные ампулы с мутной жидкостью внутри. Артур перевернул упаковку, сдул приставшие к пластику пылинки. Значительная часть этикетки отсутствовала; то, что ему удалось прочитать, не добавило ясности. "Вакцина № 3/1. Препарат комбинированного... активен против штаммов... блокирует синтез... Режим дозирования: 4 раза в сутки..."

Так. Шприц-тюбик у охранника в подвале, у тетки на лестнице, а у этого кадра целая батарея ампул. Очень похоже, что все они страдали и умерли от одной и той же болячки. То ли не сумели вовремя принять лекарство, то ли вакцина № 3 перестала действовать?

Добравшись до третьего этажа, Артур был вынужден присесть на подоконник, чтобы немножко перевести дух. Он не помнил наверняка, но вряд ли на тридцать первом году жизни страдал одышкой и аритмией. Путешествие по мертвому институту его доконало. Очевидно, двадцать лет в капсуле не прошли даром. Организм наверняка нуждался в поддерживающей терапии, в укрепляющих лекарствах. Если бы он мог хоть что-то вспомнить из этой области! Внешне мускулатура выглядела прекрасно, но с каждым шагом

он всё больше слабел. Хотя Коваль и помнил, где оставил лом, на то, чтобы вскрыть парадный вход, сил ему не хватит. Нечего и думать. Придется уходить через окно. Напротив окон курилки раньше находилась крохотная площадка попарной лестницы, по ней можно было бы спуститься во двор. Как же найти нужный кабинет? По-стариковски кряхтя, Артур поднялся и зашаркал по коридору.

За четвертой дверью справа ему встретилось окно без решеток и краски, правда, невероятно грязное.

Но за потеками грязи просматривалась сварная трубчатая конструкция, а дальше - до боли знакомый облезлый колодец двора. Рамные шпингалеты буквально вросли в древесину. Артур пересек пустую курилку, подергал ставни. Придется разбить стекло. Ничего подходящего под рукой не валялось, кроме пластов штукатурки, насквозь проросшей грибом.

Снова этот шелестящий звук, еле уловимое царапанье, буквально рядом, за стенкой. Точно двое или трое маленьких детей пробежали на цыпочках по лакированному паркету. Маленькие дети или... большие собаки. Артур заозирался в поисках оружия. Дверь в коридор оставалась распахнутой. Ему почудилось или там действительно промелькнула тень? Дикое животное на третьем этаже закрытого учреждения, практически в центре Петербурга, возможно, подверженное бешенству. Нормальная собака не станет кидаться на людей, даже мертвых. Совершенно невероятно, но не более невероятно, чем открытый сейф с деньгами.

Его мечущийся взгляд упал на лопнувшую батарею отопления. Лед, взломавший когда-то чугун изнутри, давно превратился в воду, вытек и испарился. Под весом батареи дюймовая труба, уходящая в потолок, оторвалась и болталась в проржавевшей насквозь муфте. Коваль ухватился за трубу обеими руками, приготовился рвануть, но усилий не понадобилось. Железяка отвалилась неожиданно легко, и Артур сразу почувствовал себя увереннее. Не винтовка, конечно, но и на том спасибо. Теперь он мог разбить стекло, не опасаясь пораниться. Коваль поднял трубу над головой, замахнулся, но в последний момент что-то его удержало от удара. Он не позволит пустым страхам взять над собой верх! Если он сейчас, в собственном институте, где проработал не менее пяти лет, боится выйти из курилки, то что он будет делать дальше, на улицах?

Шит-та, шит-та, шит-та...

Ни звука человеческого голоса, ни гудков машин, ни малейшего намека на город с четырехмиллионным населением, только надоедливый шепот таинственного агрегата за окном. Коваль перехватил трубу покрепче, выставив впереди тяжелый зазубренный конец, и, выдохнув, шагнул в коридор.

В коридоре его поджидала лысая собака.

Артур остановился, точно лбом налетел на невидимое препятствие. Он не испытывал страха перед меньшими братьями, но подобную тварь даже представить было непросто. Пес воплощал худшие сны наркомана. Очень отдаленно, толстыми подушками лап, он напоминал добермана, но голова скорее принадлежала неблизкому родственнику колли. Но не отсутствие породы вызывало дрожь, и даже не то, что зверь разгуливал по закрытому "ящику". В конце концов, вахтеры вечно подкармливали дворняг. Артур внутренне усмехнулся, точно наблюдая себя со стороны. Его мозг, защищаясь от безумия, мерил действительность категориями нормального мира. Но ничего нормального в мире за двадцать лет, похоже, не осталось. На собаке практически не росла шерсть; морщинистую, почти черную кожу покрывал слой коросты. На Ковалья смотрели пронзительно-голубые глаза.

Пес переступил с лапы на лапу и издал короткое ворчание. В холке зверь едва достигал половины метра и Артур уже прикидывал, что легко сумеет отогнать больное животное, тем более что бешенством здесь и не пахло. Но в эту секунду пес сделал неуловимое движение и мгновенно очутился на два метра ближе. Артур даже не успел сообразить, как это получилось; наверное, он сморгнул или случайно отвлекся. Теперь со зверем их разделяло не

более семи метров усеянного мусором коридора. Было в собаке еще что-то неправильное, но в полумраке Артур никак не мог разглядеть, что именно ему не нравится.

Следующий прыжок он почти успел засечь. Артуру почудилось еле заметное движение за спиной; еще не начав оборачиваться, он отметил, как вздулись мышцы на лапах собаки. Он осознал ошибку слишком поздно, его внимание каким-то образом отвлекли.

Черт, ему внушили, что позади кто-то есть! Позади никого не оказалось - пустой коридор и три закрытые двери. Но лысый пес приблизился еще на два метра и снова застыл, как изваяние. Теперь на его облезлую морду падал свет из окна, и Коваль разглядел так раздражавшую его деталь. Под торчащими подвижными ушами животного раздувались влажные жаберные щели.

- Хорошая собачка, - одобрительно пробурчал Артур, делая мелкий шагок назад, по направлению к курилке. - Просто замечательная собачка. Теперь слушай меня, кусок шланга! - Он попытался взять угрожающий тон, но осипшие голосовые связки предательски срывались на фальцет. - Если заеду по зубам патрубок, мало не покажется!..

Он не задумывался, слышит его лысая тварь или нет. Вполне вероятно, что где-то водятся собачки с голубыми глазами, но не с жабрами! Артур вдруг совершенно отчетливо понял, что, если эта пакость на него сейчас бросится, он вряд ли сумеет отбиться даже с трубой в руках, слишком уж она шустрая. Действия собаки чем-то напоминали поведение удава. Две льдинки, не моргая, уставились в глаза человеку. Коваль почувствовал, как крупные капли пота стекают по вискам. Псина гипнотизировала его, совершенно очевидно она ждала, чтобы он на долю мгновения ослабил внимание. Артур, не прекращая буравить противника взглядом, сделал еще шагок к спасительной двери. Теперь ему оставалось запрыгнуть внутрь и запереться изнутри. А потом он разобьет окно и спустится во двор, спустится, даже если лестница давно сгнила!

Его спасла от опрометчивого поступка вторая собака. Много позже он будет заново переживать свой первый день и будет поражаться, как ему крупно повезло и каким чудом было то, что он не повернулся в тот момент спиной. Вторая собака походила на первую примерно как потомственный борец сумо похож на гимнастку. У нее тоже присутствовали четыре конечности и голубые глаза. На этом сходство заканчивалось. Свою широкую пасть пес не мог закрыть по определению: мешал тройной ряд зубов. Верхние клыки росли один над другим, заканчиваясь ниже обвислых брылей. Возможно, прабабка ходячего кошмара согрешила с мастиффом. Так же, как и первый, пес не страдал от наличия жабер и отсутствия шерсти, но вдобавок располагал кожистыми перепонками на коротких кривых лапах. Рыхлой комплекцией зверь отдаленно напоминал бассет-хаунда, если возможно представить бассета с телом полутораметровой длины. Наверное, из-за неудачного телосложения ему было так трудно преодолевать ступеньки. Собака, высунув язык, вырулила с лестничной клетки и коротким тьяканьем дала о себе знать товарищу. Или спросила, почему товарищ до сих пор не позавтракал этим сероголовым бритым придурком. Коваль понятия не имел, что означает тьяканье, но готов был дать голову на отсечение, что между псами на короткое время возникло бурное общение. Правнук колли молча повернулся к собрату и молча смотрел на него секунды две...

Морок рассеялся. Артуру хватило времени, чтобы задом пересечь порог и захлопнуть дверь.

Коваль упер один конец трубы под дверную ручку, а другой, острый, с силой загнал между разошедшимися паркетинами. Затем ноги его подогнулись, и старший научный сотрудник плюхнулся на пол, прижимая дверь спиной. Но курительную комнату никто не пытался взять штурмом. За тонким слоем пластика стояла полная тишина. Артур проверил, крепко ли держится импровизированный запор, затем, пошатываясь, добрался до окна. По пути он поднял с пола кусок штукатурки.

Грохот от разлетающихся осколков его оглушил. Артур расчистил перчаткой подоконник и вылез на карниз. Теплый и удивительно свежий воздух ворвался в легкие. Слишком свежий для Петроградской стороны, невесело констатировал он, пробуя на

крепость пожарную лестницу. Надо же, он вспомнил, где находится институт! Осталось вспомнить, где он сам живет, точнее, жил. Артур потерял уже второе средство самообороны, но о том, чтобы вернуться в комнату и забрать трубу, не могло идти и речи. Скорее он кинется вниз, чем опять повстречается с этой сухопутной акулой!

4. Город лысых псов

Двор почти не изменился. Такой же узкий мрачноватый колодец, пирамида нераспакованных ящиков на асфальте, неприветливые окна второго корпуса напротив. Артур подвигал пальцами, разгоняя кровь, и решительно начал спускаться. Насколько ему смутно припоминалось, из двора на улицу можно было выбраться двумя способами. Либо преодолеть двойные ворота в грузовой подворотне с натянутой поверх кольев колючей проволокой, либо через второй корпус. Уже на уровне второго этажа он увидел, что черный вход во второй корпус стоит распахнутый, и внутри - хоть глаз выколи. Нет, сказал он, только не это. Всё что угодно, но в здание он больше не войдет. Хотя собаки ведь могли поджидать его и на улице!

Он чуть не заплакал от безысходности. На уровне трех метров от земли лестница обрывалась, дальше предстояло прыгать. Коваль помедлил, прислушиваясь, жадно вбирая ноздрями немислимо чистый воздух. Стояло лето, тополиный летний вечер, градусов двадцать тепла. Пух залетал откуда-то сверху, кружился сказочными водоворотами над крышей, оседал невесомыми сугробами на карнизах, голубом квадрате неба черными точками мелькали птицы. Артур задрал голову и увидел то, что производило такой странный шум.

Шит-та, шит-та...

Над крышей второго корпуса, видимо в следующем проходном дворе, неторопливо махали лопастями четыре ветряные мельницы. Еще две завалились набок, потеряв лопасти. Определенно, такие новшества Артур бы запомнил, стало быть, ветряки установили уже после его "погружения". Очень возможно, подумал он, эти трехлопастные гиганты спасли его жизнь. Откуда взялась энергия для отвода реагента в капсуле, для поднятия температуры? Для запуска программы мышечной стимуляции, вентиляции легких и еще множества тонких операций, обеспечивающих выход из анабиоза? Дизель, предназначенный для дубляжа подстанции, в случае перебоев с током наверняка давным-давно выработал запас топлива. И вот Коваль спасен и висит на последней перекладине лестницы, боясь спрыгнуть на асфальт, потому что там его могут подкараулить лысые собаки. Вместо цветов и оркестра.

Ему сразу понадобится оружие. Артур осмотрелся и приметил, как ему показалось, подходящую вещь. Возле открытого канализационного колодца валялся кусок оконной решетки - три заостренных прута, прихваченные сваркой к закругляющемуся фрагменту узора. Вполне приличные прутья, почти не ржавые. Он разжал руки и полетел вниз. От хлопка его падения по двору пронеслось протяжное звонкое эхо, но никто не выскочил ни из люка, ни из дверей соседнего корпуса. Морщась от боли в пятке, Артур заковылял к своему новому оружию. Два метровых прутка отделились легко; он подумал и взял оба с собой. Очевидно, до погружения в сон он не только занимался иностранными языками, но отличался завидной бережливостью, потому что моток проволоки, на которой поднимал из подвала лом, Артур сохранил в кармане комбинезона. Кусок провода он повесил через плечо и закрепил один прут за спиной, соорудив подобие ножен.

Теперь он был готов к выходу в город. Но перед тем как направиться к воротам, он зачем-то подошел к открытому люку и заглянул внутрь. Артур не смог бы объяснить, какая муха его укусила, - ну люк и люк. Так нет ведь, поперся. Гораздо позже он научился всем своим внезапным порывам находить объяснения: очевидно, в минуты крайней опасности активизировались какие-то подспудные чувствительные центры в мозгу. Если бы не эти озарения, не дожить бы до следующего утра!

В люке, вверх ногами, застрял человек. Артур отшатнулся: по ботинкам труп ползала крыса. Первым позывом было немедленно повернуться и бежать к воротам, но он себя пересилил. Потому что это был свежий труп. Относительно свежий; возможно, мужик провисел вверх ногами в люке дня два, но никак не годы. И умер он явно не из-за отсутствия вакцины. На человеке был надет серый костюм военного покроя, вроде полевой милицейской формы, вполне привычная офицерская портупея, брюки заправлены в высокие шнурованные ботинки.

В спине убитого Коваль насчитал четыре дырки, скорее всего, от пуль. Провалиться дальше, в шахту люка, телу мешал торчащий из глубины вентиль. Лица убитого Артур рассмотреть не мог. Физиономию мертвеца закрывал противогаз, плотно схваченный ремнями на русом затылке. Тело уже начинало разлагаться, живот мертвеца вздулся, но, как ни странно не наблюдалось и следа от крысиных или собачьих зубов. Зато с портупеи свешивались сразу две кобуры. Одна пустовала, зато в прорези другой Артур совершенно четко видел рукоятку пистолета.

Такой возможности могло больше не представиться. Коваль еще раз внимательно осмотрелся, прут положил рядом, сам опустился на живот. В глубине колодца, в метре от висящей головы мертвеца, вильнула хвостом крыса. Почему же они всё-таки его не едят? Чтобы не было так страшно, Артур пытался отвлекать себя всякими глупыми вопросами. Черт, как далеко, не дотянуться! Он задрал голову над потрескавшимся асфальтом - показалось, что в спину уперся недобрый остановившийся взгляд. Мигом перекатился на спину, держа перед собой заостренный конец прута.

Никого. Слепые, серые от копоти окна безразлично окружали пространство двора. Артур успокоил дыхание и вытащил тело из люка почти до пояса. Потом свалился рядом, обливаясь потом и чувствуя, как в животе назревает новый спазм.

Затем он поднял глаза и увидел перед собой лысых псов. Сразу троих. Эти здорово отличались от предыдущих, были гораздо тщедушнее, но излишним миролюбием явно не страдали. Псы разделились и наступали на Артура сразу с трех сторон. Три пары голубых глаз на голых, пятнистых, как у гиен, мордах. Центральной, очевидно, командовал в стае, с большой натяжкой его можно было принять за бульдога, если бы не широкий и плоский, как у выдры, хвост.

Не смотреть им в глаза, главное - не смотреть! Артур расстегнул кобуру на боку мертвеца и достал тяжелый пистолет. Ощувив в ладони рифленый пластик рукоятки, он почти сразу вспомнил, как стрелял на военной кафедре института. Боже, как это было давно! На собак оружие произвело ошеломляющее действие. Артур даже не успел сообразить, как снять пистолет с предохранителя, а псы словно ветром сдуло. С ума сойти, проклятые твари понимали, что именно человек держал в руках и какую угрозу им это несло...

Коваль слегка повеселел, он даже не успел в этот раз толком испугаться. Осмотрел пистолет; на ладони лежал не привычный армейский "Макаров", а какая-то неизвестная импортная модель, возможно, выпущенная гораздо позже седьмого года. Полный магазин на четырнадцать патронов, еще один запасной в кармашке кобуры. Морщась от отвращения, Коваль расстегнул на убитом портупею. Работать приходилось вслепую, постоянно обшаривая глазами двор. Лысые гады могли вернуться с подкреплением, но без портупеи некуда сунуть оружие. Перепоясавшись, он хотел уже подняться с колен, но тут заметил в глубине колодца рюкзак. Несколько секунд Артур боролся с желанием плюнуть на всё и спешно смыться. Он нисколько не сомневался, что за ним наблюдают. Псы притаились за пирамидой ящиков, сваленных в дальнем конце двора. Спускаться в люк рядом с трупом было равносильно самоубийству, а чтобы дотянуться рукой до кожаных лямок, не хватало каких-то тридцати сантиметров. Наконец он придумал. Засунул конец железного прута в канавку люка и соорудил что-то вроде крючка. Затем, одной рукой поводя из стороны в сторону пистолетом, опустил крюк в яму.

Рюкзак весил килограммов десять, не меньше. Как и хозяина, его не тронули зубы хищников. От поклажи мертвеца исходила слабая, но устойчивая горьковатая вонь. Артур

принюхался и обнаружил, что точно так же пахли брюки убитого и портупея, которую он реквизировал. Это меньше всего походило на запах гниющей плоти, скорее создавалось впечатление, что вещи пропитаны специальным составом. Артур решил, что исследует содержимое находки попозже. Пусть даже там окажется кусок другого трупа - оставаться здесь он больше не мог. Обитатели подвалов ждали случая, чтобы напасть.

Еще не дойдя до ворот, Артур понял, как сюда попал малый в противогазе. Оба гидравлических привода отсутствовали, створки свободно покачивались на сквозняке. Видимо, парень забежал во двор по глупости, спасаясь от погони, заметался в четырех стенах и не нашел ничего лучшего, как спрятаться в люке. Тут его и застрелили. В спину. Коваль передернуло. Что происходит в Питере, черт возьми? Действительность превзошла самые кошмарные прогнозы. Жители покинули город...

Скрепя сердце Артур вынужден был признать очевидный факт: даже за двадцать лет асфальт бы не сдался под натиском зелени. Что-то произошло со временем. Или с капсулой. Узкий переулок, обсаженный редкими тополями, превратился в неухоженную лесную просеку. Асфальт вздыбился, раскрошился на куски, порой Артуру приходилось искать место, куда поставить ногу. Под лопнувшим уличным покрытием змеились корни деревьев, кое-где образовались каверны глубиной в несколько метров, отовсюду лезла трава, достигавшая метровой высоты. Тополя, осины, ели, даже клены и дубы сплетались в вышине, загораживая небо. Деревья прорвали линии электропередачи, лезли ветвями в разбитые окна. Артур заметил бетонный столб, вырванный из земли и повисший на проводах как нелепое украшение могучего тополя.

Этот парень в люке... Если несчастье, поразившее людей внутри института, случилось так давно, почему убитый разгуливал в противогазе? Неужели зараза жива до сих пор?

Коваль, сжимая в руке пистолет, пробирался вдоль стены здания, тут ему казалось спокойнее. Метров через двести, он знал, переулок свернет направо, а там рукой подать до Каменноостровского проспекта. В тенистой листве голосили птицы. Артуру показалось, что в траве промелькнуло мелкое животное, возможно, кошка, или, чем черт не шутит, заяц. Один раз он совершенно отчетливо расслышал в ветвях заунывное мяуканье, но кошка к нему не спустилась. Другой раз, он мог поручиться, из чащи прозвучало козлиное блеяние.

За поворотом он опять вдаль увидел псов, штук восемь. Судя по всему, стая охотилась, но явно не на него, или преследовала какое-то крупное животное. Издалека слышался яростный лай, затем всё стихло. Здания дореволюционной постройки, вдоль которых он брел до сих пор, кое-как держались, но открывшийся за поворотом вид заставил Коваль охнуть. Вдоль бывшего теперь Каменноостровского парковалось когда-то множество автомобилей. Теперь от них остались, в лучшем случае, истончившиеся ржавые скелеты. На проезжей части кое-где сохранялась разметка, но мостовую во всех направлениях рассекали глубокие трещины, заросшие диким кустарником. Большинство новых домов на противоположной стороне проспекта частично обрушилось, первые этажи зияли провалами разбитых витрин. У семиэтажной стеклянной призмы выпала на тротуар вся фасадная стена, обнажив торчащие пеньки перекрытий. Тысячи ласточек сновали сквозь бесчисленные щели в стенах.

У многих зданий проломились крыши, и через окна верхних этажей Коваль различал нежное вечернее небо. Впереди, метра на три над землей, вертикально вздыбился обломок бетонной лестницы с перилами. Артур постоял минуту над жерлом облицованного мрамором тоннеля.

"Метрополитен. Станция "Австрийская площадь". Половина букв с гранитной стенки осыпалась. Любопытно, при нем эту станцию еще не построили. Очевидно, совершенно новая ветка, по которой он почти наверняка никогда уже не проедет. Возле ступеней Коваль наткнулся на полустершуюся металлическую табличку: "Внимание! Зона карантина! Проход только по пропускам!"

После станции метро он прошел мимо двух роскошных магазинов. То есть они давно не могли называться роскошными, но отголоски былого величия сохранились. Продуктовый супермаркет, весь в зеркала, был буквально вывернут наизнанку, точно внутри потопталось

стадо слонов. Зато следующий магазин напомнил Ковалю пыльные купюры из сейфа института. Артур стоял перед ювелирной лавкой. От уличных стеклянных витрин ровным счетом ничего не осталось, зато в глубине помещения, на прилавках, аккуратными рядками поблескивал благородный металл. Он намеревался зайти внутрь, как вдруг обострившееся чувство опасности заставило его обернуться.

Дорогу перебегала огромная серая кошка, держащая в пасти только что убитого, еще трепыхавшегося голубя. А возможно, это была совсем и не кошка: разве у кошек торчат наружу нижние клыки, как у кабанов? Как ни странно, голубь напомнил Артуру о еде. Он чувствовал, что восприятие потихоньку притупляется или измученный мозг, защищаясь, возводит своеобразную преграду между сознанием и внешним миром. Артур зашел в ювелирный и расстегнул молнию на дурно пахнущем рюкзаке.

В обоих отделениях не встретилось ничего протухшего. Несколько кусков вяленого мяса, кулек с окаменевшим обломком сероватого сахара, огромная телефонная трубка, похожая на первые изыски "форы". Фляга с водой, порядочный кусок хлеба, пузырек с маслянистой желтоватой жидкостью внутри и самое тяжелое - железный ящичек. Первым делом Артур впился зубами в хлеб и не мог остановиться, пока не сожрал половину краюхи. Вода во фляге обладала потрясающим вкусом... Совершенно точно, что не водопроводная.

Ужиная, он не прекращал следить за обстановкой на улице. Один раз в дебрях кустарника скользнуло что-то черное, но Коваль не успел разглядеть. Ему крупно повезло проснуться не лютой зимой, а в период белых ночей. Но ночь, пусть и белую, проводить под открытым небом недопустимо. Ему необходимо найти убежище. Он заметил, что начал рассуждать, как заправский индеец. И с едой он поступил соответственно, половину хлеба и мясо оставил на потом. Артур решил, что дойдет до Невы, и если никого не встретит, то придется срочно определяться с ночлегом. Убирая остатки ужина, он замер с протянутой рукой. Издалека донесся тоскливый, леденящий кровь вой.

Да, нужно срочно найти ночлег...

Коваль вскрыл плотно притертую крышку стеклянного флакончика, и в нос тут же ударила многократно усиленная волна того самого горького запаха, что пропитал все вещи. Возможно, это лекарство или средство от насекомых, выкидывать не стоит. Железный ящичек оказался на поверку термосом. Внутри корпуса находилась колба с широким горлом, а внутри нее, переложенные тряпочками, стояли плотно закупоренные пробирки. Температура в термосе давно выровнялась с температурой снаружи, и содержимое пробирок, вне сомнения, испортилось, но, следуя странному наитию, Артур закрыл термос и снова сунул его в рюкзак.

Метров через пятьдесят, там, где раньше располагалась резиденция "Ленфильма", он наткнулся на баррикаду. Причем не самодельную, а построенную по всем правилам военного искусства. Проспект перегораживали грамотно уложенные противотанковые ежи, дальше в несколько рядов тянулись разные виды колючей проволоки, мешки с песком, над которыми прищурились бойницами долговременные огневые точки. Четыре дота были построены на славу, из подручных материалов, но щедро облиты цементом, и походили на торчащие из асфальта серые фурункулы. Сейчас цемент раскрошился, в трещинах росли полевые цветы, порывевшую колючую проволоку разметало ветром. Коваль, тщательно глядя под ноги, поднялся на бруствер из мешков, оглянулся в обе стороны. От кого держали оборону строители баррикады? Ясно лишь одно: ее воздвигли, чтобы не пропустить врага в центр города, на Троицкий мост.

Проспект расстился, словно забытая в лесу взлетная полоса... Ни взорванных танков, ни останков пехоты на подступах к ежам. Спускаясь с верхотуры, Артур заметил на песке множество следов. Некоторые принадлежали собакам, но имелись тут и следы копыт, и даже отпечатки голый ступни человека. За последним дотом он набрел на полностью разложившийся труп лошади под седлом, а дальше лежали четыре собачьих трупа. У двоих псов в лобных костях зияли аккуратные отверстия.

Коваль хотел пройти мимо, но вдруг затормозил. У этих собак с шерстью было всё в

порядке, и, насколько он разглядел, не наблюдалось никаких отклонений. Он заставил себя подойти вплотную, достал из-за спины прут и потыкал в серую шкуру ближайшего зверя.

– Сдохнуть мне, если ты не волк! - сообщил Артур оскаленной челюсти. - Где же тот, кто тебя пристрелил?

Возможно, стоя взяла человека на лошади в кольцо, он отстреливался, а потом бросил лошадку волкам и бежал пешком? Нет ответа. Артуру последнее открытие совсем не понравилось. Лесные хищники в центре Петроградской стороны; ладно бы еще где-нибудь в новостройках... Начинало смеркаться, солнце закатилось за крыши; он прибавил ходу, держа курс на мечеть. Издалека он различал полосатый шлагбаум и новый ряд песочных укреплений, прямо под минаретами. Над шлагбаумом полоскался на ветру железный щит с белыми выцветшими буквами. Артур изо всех сил напрягал зрение, пытаясь прочесть, что же там написано. Он уже не прятался в тени домов; дважды, прямо на глазах, сверху падали куски лепных украшений и фрагменты водосточных труб. Теперь он выбрал другую тактику - шел прямо по центру проспекта, далеко обходя препятствия, за которыми могли спрятаться собаки или другие хищники.

Надпись на плакате стала вполне различимой. Коваль сложил разрозненные буквы в слова, перечитал снова и снова, не доверяя собственному зрению, и тут его впервые серьезно отвлекли. 5. Чужой среди своих, или О важности огневой подготовки

Зелень возле метро "Горьковская" меньше всего походила на аккуратный садик. По правую руку от Артура переливался всеми оттенками зеленого настоящий бурелом, точно вид с картины Шишкина. Чащоба выползла на проезжую часть, раскроила остатки булыжной мостовой, вырвала из земли рельсы. Но плотную стену леса разрезала выжженная широкая, метров пяти, просека, ведущая к ступеням метрополитена. Видимо, дорожку неоднократно поливали каким-то горючим веществом, чтобы преградить путь растениям, поэтому поверхность земли покрылась толстым слоем золы. Артур обогнул лежащий на боку, проросший шиповником остов автобуса и увидел первых живых людей.

От счастья у него чуть не остановилось сердце. Несколько раз Артур разевал рот, но так и не смог выговорить ни слова. А когда к нему наконец вернулась речь, выяснилось, что люди находятся в серьезной беде. Двое парней, по виду совсем молодые ребята, держали круговую оборону как раз посередине просеки, между облезлой тумбой метрополитена и выходом на проспект. Один из них был ранен и не мог уже стоять на ногах. Привалившись спиной к ноге товарища, парнишка натягивал зубами конец бинта, обмотанный вокруг левого предплечья. В правой руке, уперев локоть в колено, парень держал спортивный арбалет. По левой, разодранной, штанине растекалось темное пятно. Буквально в трех шагах, напигованные стрелами, подышали три лысые собаки. Еще несколько тварей, прижимаясь к земле, кружили поодаль. Напарник раненого держал друга за шкуру и рывками тянул в сторону станции подземки. Одежду парней составляли грубые брезентовые куртки и такие же штаны, словно скроенные из палаточной ткани. На затылках у обоих болтались на ремнях респираторы. За спиной у стоящего на ногах крест-накрест висел охотничий дробовик с пистолетной рукояткой и длинный тесак в самодельных ножнах, в свободной руке обороняющийся сжимал еще какое-то оружие. Парочка, несомненно, пыталась пробиться к метро, но путь к ступеням преграждали еще не менее десятка собак. По сравнению со стаей в институтском дворе эти, видимо, гораздо лучше питались в детстве и выросли, как на подбор, до размеров крупной овчарки. Впрочем, с такой внешностью размеры теряли значение. У самого мелкого между лопатками просматривались два позвоночника, другого отличала полная асимметрия, словно его слепили из двух разных собак. Один кобель валялся на спине с выжженной в бок дырой, еще один крутился волчком, наматывая на лапы собственные кишки. При этом никто не лаял и не рычал, слышалось лишь шумное дыхание. Парень водил оружием из стороны в сторону, дергая за собой ослабевшего товарища; псы перемещались, не решаясь напасть, но всё время сужали кольцо. Либо у оборонявшегося кончились патроны, либо он берег последний, но Артур был уверен, что стрельбу бы он услышал издалека.

Еще минута, и обоим ребятам конец! Артур скинул с плеча лямку рюкзака, проверил в кармане запасную обойму и, не скрываясь, побежал через улицу. Перепрыгивая трещину в асфальте, он заметил на рыхлой сырой земле четкий отпечаток огромной когтистой лапы. Здесь не так давно прошла кошка, скорее всего, из тех кошек, что оглашают ревом африканские саванны. Почти не испытывая удивления, он вспомнил о находящемся поблизости зоопарке.

– Эй! - что было силы завопил Артур. - А ну стой!

Псы, атаковавшие раненого, его услышали и мгновенно обернулись. Глаза ближайшего зверя покрывала белесая пленка катаракты, но шириной грудной клетки он мог бы поспорить с лучшим ротвейлером. Для собак картина боя резко поменялась, четверо из них теперь сами оказались в окружении. В стороны разбежаться они тоже не могли. Загородив зверям выход на проспект, Артур понял, почему обуглившаяся аллея не уступала зарослям жасмина, наседающего с обеих сторон. По обочинам были вкопаны в землю и связаны между собой куски двухметровой железной ограды.

Людей появление подмоги поразило не меньше, чем собак. Артур не ошибся, парни были совсем молодыми, хоть и заросли бородами.

– Ты подземник? - хрипло выкрикнул раненый. Он глядел на Артура округлившимися глазами и, забыв о своей ране, выронил изо рта бинт. - Где твоя маска? Даляр, ты взгляни, он ходит без маски!

Тот, кого звали Даляром, чуть отодвинулся в сторону, и Артур понял, почему он не отвечает и почему не было слышно стрельбы. В зубах бородатый Даляр сжимал длинный узкий кортик, а в свободной руке - сигнальную ракетницу.

– Я не подземник! - покачал головой Коваль. - Как их прогнать?

– Стреляй! - немедленно откликнулся раненый.

– Я могу попасть в вас! Я плохо стреляю! - пожаловался Коваль.

Точно разгадав, о чем он говорит, собаки выстроились на одной линии между людьми. Теперь Коваль действительно не мог стрелять без риска зацепить ребят.

– Сзади! - выкрикнул вдруг раненый.

Артур крутанулся на пятке, и очень вовремя. Длинными плавными прыжками к нему приближались еще две огромные собаки. До первой оставалось не более трех метров, когда он перехватил пистолет обеими руками и трижды выстрелил. Отдача толкнула Артура назад с такой силой, что он споткнулся и упал на одно колено.

С деревьев вспорхнули сотни пернатых, город откликнулся пистолету громоподобным эхом. Первые два выстрела не причинили никому вреда, ствол пистолета сразу же задрался вверх. Но пес уже летел, готовясь вцепиться Ковалю в горло, и сам наткнулся на пулю. Вторая собака передумала атаковать и рывком ушла в сторону, в метровые заросли крапивы.

В ту же секунду четверка окруженных за спиной Артура сделала попытку прорвать кольцо. Они оставили в покое раненого и гуськом понеслись вдоль ограды.

– Убей их! - вопил парень.

Артур, не вставая с колена, повернулся и совсем близко от лица увидел безжалостные голубые глаза и распахнутую розовую пасть. Пуля угодила псу в глотку и отшвырнула его назад, на бегущих следом приятелей. Даляр отпустил воротник раненого, взмахнул кинжалом и одновременно разрядил ракетницу.

Один из лысых мутантов, пронзительно скуля, отлетел к ступеням метро, ракета с шипением воткнулась ему в бок и продолжала гореть, разбрызгивая оранжевые искры. Другие развернулись и бросились бежать, протискиваясь в щель под покосившейся оградой. Раненый опрокинулся на спину, но успел выпустить стрелу, затем аккуратно отложил арбалет в сторону и метнул в убегающих врагов два ножа. И стрела, и ножи достигли своих целей. Отдаленный потомок черного терьера тоненько завизжал, зашатался и рухнул. Стрела пробила ему затылок и вышла под горлом.

Ножки перебили сухожилия на задних лапах следующему беглецу, но он упорно ковылял прямо на Артура. Коваль слышал собственный крик и продолжал давить на

спусковой крючок, пока мускулистое черное месиво перед ним не прекратило шевелиться.

Люди выиграли бой. Одиннадцать собак погибло, остальные бежали. Даляр как ни в чем не бывало ходил от одного трупа к другому и при помощи кинжала извлекал ножи и арбалетные стрелы. Раненый парнишка забинтовал наконец руку и занялся прокушенной ногой. Артур устал так, словно целый день разгружал угольную баржу, он мог только сидеть и дышать ртом. Тошнотворный запах паленого мяса забивал ноздри. Даляр закончил собирать стрелы, вернул их напарнику, извлек из подсумка шприцы и трижды уколол его в ногу и руку. Только после этого он обратил внимание на Артура:

– Что у тебя с головой? Ты из Чухни?

– Нет, я местный. Я долго спал... - Коваль впервые осознал, что не сможет внятно объяснить, откуда появился. У него крепло подозрение, что эти люди понятия не имеют об анабиозе. - Я ученый, из института...

– Ученый? - Парни переглянулись. - Ты из южного каравана?

– Нет, я же говорю - я местный. А голова обработана специальным составом, чтобы не росли волосы.

– Где твоя маска? Маска, не понятно? - Даляр тронул ремень респиратора. - Ты что, ковбой?

При этих словах раненый бородач звонко расхохотался:

– Какой из него ковбой! Он стреляет, как мамаша Рубенс. Выпустил двенадцать пуль, и только три в цель. Дружище, у тебя патроны растут на грядке? Кто учил тебя стрелять?

Коваль слегка обалдел от такого напора.

– Ты не подземник, не ковбой и не пришел с караваном! - подытожил Даляр, поигрывая кинжалом. - Ты не из команды губернатора, иначе стрелял бы, прежде чем поднимать крик. И ты не из портовых, те не ходят без клинков. Без маски гуляют заразные или дураки. Лучше тебе оказаться дураком, приятель! Как тебя зовут?

– Вы могли хотя бы сказать спасибо! - запоздало обиделся Коваль. - Меня зовут Артур.

– Извини Даляра, дружище! - вступился раненый. - Он злится, потому что израсходовал на меня всю столбнячную сыворотку. Меня зовут Людовик.

– Много болтаешь! - окрысился Даляр. - Ладно, Лю прав. Спасибо тебе. Дыши! - Он достал из кармана тонкую пачку бумажек, оторвал одну и положил в двух шагах от Ковалья. - Ты что, не понял? Дыши!

Артур потянулся за крохотным розовым листочком и только тут заметил, что Людовик вполне серьезно целится ему в лицо из арбалета. Артур поднес листок ко рту, старательно подышал. Ничего не произошло, но парни облегченно вздохнули.

– Порядок! - сказал Даляр. - Ты тоже шел в подземку?

– А эти собаки... - Артур покосился на трупы. - Они могут вернуться?

– Он точно не питерский. - Людовик, опираясь на плечо товарища, поднялся на ноги. - Ты встречал хоть одного местного, кто не знает повадок булей?

Даляр задумчиво покачал головой, не спуская глаз с притихшей улицы:

– Они вернутся, когда уйдешь ты. Були не выносят огнестрельного и портовых клинков. Но если ты собираешься и дальше бродить здесь один, то лучше отдай пистолет мне. Через час появятся летуны и волки, они не боятся пороха.

– Я не хочу тут оставаться! - подскочил Артур. - Возьмите меня с собой, пожалуйста. Возьмите меня к людям.

– Все люди разные! - философски улыбнулся Людовик. - К каким людям ты хочешь попасть?

Теперь они оба выжидающе глядели на Ковалья. Артур понял, что, если он сейчас скажет что-то неправильно, как-то неверно себя поведет, парни просто бросят его здесь, наедине с волками. Он зря понадеялся на их благодарность. Точнее, на благодарность он и не рассчитывал, он сломя голову кинулся на помощь, просто потому, что его так воспитали... Кто меня воспитал, спросил он у спящей памяти? Кто мои родители? Нет, с капсулой явно что-то случилось, раз я не могу даже вспомнить, как выглядели самые близкие люди!

– Я хочу попасть к людям, - осторожно произнес Коваль, - которые следуют законам.

– Законам? - усмехнулся Людовик. - Как ты считаешь, Даля, папа Рубенс следует законам? Знаешь, дружище, если у тебя есть чем заплатить подземникам, можешь отправиться с нами к папе, и сам ему задашь вопрос.

– Мне нужно забрать рюкзак!

Артура охватило невыразимое облегчение. Опасаясь, что новые друзья передумают, он чуть ли не бегом вернулся за своей поклажей. Парни ждали его на ступеньках. Если они собираются спуститься в метро, подумал Коваль, то я пас. Пешком топать по тоннелям - ничего страшнее не придумаешь.

– Почему вы зовете Рубенса папой? - спросил Артур.

– Обычно спрашивают, почему папу зовут Рубенс! - скупой улыбнулся Даляр.

Оказалось, что у него тоже имелся багаж, просто во время сражения два длинных баула валялись в стороне. Теперь Людовик не мог нести свою поклажу, и Артур вызвался помочь. Баул был не столько тяжелым, сколько неудобным, и казалось, что набит внутри травой.

– Он папа, потому что папа! - Людовик протянул Ковалю старинный портсигар, заполненный вручную скатанными папиросами. - Там, откуда ты появился, иначе называют людей, способных иметь детей?

– Эээ... Вот я, например, вполне способен иметь детей, но никто не зовет меня папой. - Артур бросил эту вполне невинную фразу, подтягивая лямки вещмешка, и потому не сразу заметил повисшее вокруг тяжелое молчание. Он в испуге поднял глаза. Неужели всё-таки сморозил какую-то оскорбительную глупость? Оба попутчика находились в явном замешательстве.

– Откуда ты знаешь, что можешь иметь детей? - К Даляру вернулось обычное недоверие.

– Ну, видишь ли... - Артур замялся. - Так получилось, что моя девушка дважды от меня... беременела.

Ну конечно! Как он мог забыть... Наташка. В мозгу Ковалю словно что-то перевернулось, он скривился, сжав руками виски. Мгновенно всё стало на свои места. Он жил с Натальей, на папкиной даче под Сестрорецком, а родители последние два года осваивали новую квартиру на Ржевке. Он вспомнил мать и отца, вспомнил до мельчайших подробностей, как они с папашей закладывали фундамент и как Наталья отказалась жить вместе с его предками... Господи, что с ними со всеми? Где сейчас Наташа?

– Это такая шутка, приятель? - Даляр положил руку на рукоятку кинжала. Артур впервые обратил внимание на холодное оружие своего визави. И кинжал, и внушительный ятаган за спиной Даляра были настоящими произведениями искусства. Затейливая резьба покрывала сталь, на гарде переливались грозди драгоценных камней. - Ты хочешь сказать, что дважды выигрывал маму? Или в вашем городе избыток рождающих женщин?

– Это не шутка! - заторопился Артур. - Я всё объясню. Просто до того, как я уснул, мы жили вдвоем с моей девушкой...

Вечернюю тишину прорезал далекий рев. Людовик встрепенулся и не дал Артуру закончить фразу. В который раз бородатый весельчак разрядил обстановку.

– Даля, надо спешить! Приятель помог нам, а остальное подождет!

– Ты прав! - Даляр оставался мрачен, но руку с оружия убрал. - Уходим! - Он повернулся и первым направился к пандусу.

Коваль мысленно перекрестился. Чтобы остаться в живых, ему придется теперь взвешивать каждую фразу! А еще предстояло выяснить, какой же идет на самом деле год?

Вместо стеклянных дверей все входы и выходы из метро оштетинились грубой каменной кладкой. Только в одном из проемов вместо камня блестел металл. Даляр первым зашел в узкую нишу, приподнялся на цыпочки, и в руке у него оказался старинный эбонитовый телефон с ручкой и переговорным рожком. Таким аппаратом пользовался еще Ленин в фильме про революцию. Даляр осторожно размотал провод, сделал несколько вращательных движений. Артур глядел, затаив дыхание. Человечество откатилось назад как

минимум на сотню лет! Только сейчас он всерьез поверил в происходящее. Из трубки аппарата раздался треск, затем мужской голос отчетливо произнес: "Горьковская".

– Три человека на "Адмиралтейскую", - словно речь шла о вызове такси, отозвался Даляр. - Мы из Эрмитажа.

– Пароль? - скучно спросил голос.

– Минога.

Даляр передал трубку Людовику, скинул рюкзак и на ходу вытаскивая кинжал, ринулся вниз по ступенькам. Артур напрягся, хватаясь за пистолет, но ничего опасного не предвиделось. Один из тех псов, которых поразил Людовик из арбалета, каким-то чудом выжил и медленно отползал в кусты. Даляр нагнулся и легким движением перерезал собаке горло. Затем не поленился проверить остальных. Коваль снова ощутил тошноту.

– Так обязательно поступать? - тихо спросил он у Людовика, ожидающего у трубки.

– Раненый буль не умирает! - просто ответил бородач, и тут трубка разразилась длинной тирадой. - Хорошо! - ответил кому-то Людовик и вернул телефон в железный ящичек, крепившийся на косяке. - Ждать минут двадцать. Слышишь, Даля?

Налетевший порыв ветра принес запах большой воды. Артур вдруг заметил, что жутко натер ноги в резиновых сапогах. Он ощупал себя и убедился, что пакет с журналом не потерял, а только соскользнул на спину. Людовик присел, вытянул забинтованную ногу и принялся чистить арбалет. Даляр хмуро пытался папироской, быстро скользя глазами по окрестностям. Живых собак не было видно, на каркас лежащего автобуса с громким хлопанием крыльев приземлились два баклана. Где-то вдали раздавалось заунывное мяуканье, но низкий рык больше не повторялся. Артуру показалось, что в густеющей синеве над кронами деревьев кружатся несколько хищных птиц.

– Скажите, - осмелился он, - эта надпись, она давно там висит?

– Какая надпись? - не понял Даляр.

– Вон там, возле мечети. Насчет захоронения.

В который раз он вызвал своим поведением замешательство.

– Ты владеешь письмом? - почти с уважением осведомился Людовик. - Тогда прочти нам.

– Там написано... - Артур откашлялся. Наорался он за последний час, а связки всё никак не окрепнут. - Там написано: "Зона строгой изоляции. Захоронение номер шесть. Въезд по пропускам!"

– Это было всегда! - непонятно отозвался Даляр, катая в зубах вонючую папиросу.

– Отчего умерли эти люди? - решил Артур.

– С какого острова ты приплыл, приятель? - Даляр выплюнул окурочек, подхватил с гранитных ступеней вещмешок. За нержавеющей дверью метро кто-то гремел засовами. - Только не говори, что научился читать в лесу!

– Но я и правда не знаю! - взмолился Артур. - Мой папа об этом не рассказывал! - на ходу сочинил он.

Дверь с противным скрежетом поползла вбок. Изнутри ударил поток настоящего электрического света. И в этом волшебном сиянии, словно ангел, преграждающий смертным доступ в рай, стоял огромный мужик с пулеметом Дегтярева наизготовку. Людовик, придерживая кровоточащий локоть, уколол ухо Коваль усами:

– Все люди передохли от болезни СПИД, дружище! И если на твоём острове не знают, что это такое, да еще и раздают девок, клянусь мамой Рубенс, я хоть завтра отправлюсь туда!

6. Пленник Эрмитажа

В вестибюле станции, кроме волосатого громила с пулеметом, Коваль, впервые с момента пробуждения, встретил женщину. Оба сотрудника подземки одевались так, словно готовился авангардный показ мод. Но если амбал просто ограничился потертым лисьим полушубком и расклешенными штанами из портьерного бархата, то на женщине под

меховой накидкой поблескивало атласное платье, а голову венчал восточный головной убор с остатками роскошного плюмажа. Они разбирают одежду из музеев, вскользь подумал Коваль. У женщины было простое круглое лицо и почти не портящие ее тяжелые очки с бифокальными линзами. В руках она держала внушительный грессбух.

– Проездные предъявлять в открытом виде! - Громила добродушно ощерился, указывая на табличку со знакомым текстом, висящую над останками турникетов.

Людovic открыл подсумок и передал женщине несколько мелких предметов; та ссыпала их в металлический ящик с петлями, затем навесила на петли замок и сделала запись в журнале. Тут оба подземника разглядели лысую голову Артура и удивленно замерли.

– Он без маски! - пророкотал великан. - Даляр, вам надоело жить?

– Я его проверил, он чист, - парировал бородатый.

– Чем заплатишь, красавчик? - деловито осведомилась женщина, занеся над грессбухом перьевую ручку.

Коваль нерешительно открыл рюкзак и показал содержимое. Людovic присвистнул, Даляр поболтал на свету пузырек с вонючей жидкостью и покачал головой.

– Ты прикончил кого-то из людей губернатора? - очень спокойно поинтересовался громила с пулеметом. Артур обратил внимание, что у мужика не хватало трех пальцев на правой руке. - Ладно, мазь меня устроит. Пошли!

– Зато нас не устроит, - холодно сказал Даляр. - Запиши на него трудодни.

Подземники переглянулись.

– Нам всё равно, - хмыкнула женщина. - Но мы его не знаем. Я запишу трудодни на тебя.

– Годится! - кивнул Даляр и опустил пузырек к себе в карман.

После чего великан снял с плеча пулемет и вернул железную дверь на место. Женщина подняла свой переносной сейф и исчезла в боковом проходе, там, где еще читались полустершиеся буквы: "Линейный отдел милиции".

– Вперед, - сказал подземник и первым шагнул в наклонную шахту.

В эту секунду Коваль стало ясно, куда девались лампочки из института. Одна свисала на длинном шнуре, освещая круглый зал станции, другая неярко горела примерно посередине шахты, следующая угадывалась внизу, в вестибюле.

Они спустились пешком, на замершем эскалаторе кое-где не хватало ступенек. В нижнем вестибюле Артур понял, зачем подземники напяливали на себя мех. Если наверху гостило лето, то на станции не выветривался промозглый застоявшийся холод. Свет одинокой лампы не достигал жерла тоннеля, почти на уровне рельсов плескалась маслянистая вода. Сквозь бурый налет лишайников на осыпающемся кафеле угадывался веселый рекламный щит: сочная блондинка приглашала посетить турецкие курорты. Мужик с пулеметом не делал попыток спуститься в тоннель, остальные тоже чего-то ждали.

И дождались. Сначала раздался стук, потом из мрака, лязгая и скрипя, выкатилась платформа поезда, без стен и крыши, зато с двумя рядами сидений и прилично сохранившейся кабиной машиниста. За сиденьями, в сетчатом коробе, оглушительно ревел дизельный движок. Водитель дрезины, всклокоченный рыжий субъект в тулупе, лихо затормозил напротив группы новых пассажиров. Кроме него на платформе кутались в меха еще четверо. Их лиц Коваль так и не сумел разглядеть.

Путешествие в подземке он запомнил, как сплошную пляску зубов. Когда дрезина разогналась под горку, передние фары достаточно разгорелись, освещая бесконечные лужи и струящиеся по бетонным сводам ручейки. В самом глубоком месте дрезина выскочила на ярко освещенный пятачок. Коваль успел заметить десятка два рабочих, копошащихся возле насоса. Другие закидывали лопатами цемент в бетономешалку. Говорить не было никакой возможности, в узком пространстве тоннеля рев двигателя заглушал все звуки, от запаха солянки слезились глаза, но, когда дрезина вылетела к платформе "Невского проспекта", Артур решился задать вопрос:

– Зачем они цементируют стыки? Это же бесполезно. Под давлением породы кольца

расходятся, потому что проржавела арматура!

– Если подземники перестанут затыкать дыры, их зальет водой! - пожал плечами Даляр.
- Ты можешь предложить что-то поумнее?

– Следовало бы сначала укрепить кольца, - осторожно настаивал Артур. - Можно было бы изнутри вбить клинья, а затем наварить жесткую конструкцию... То есть, я хотел сказать, если, конечно, имеется сварочный аппарат...

– Сварка у нас есть, - отозвался вдруг рыжий машинист. - Но сейчас нет никого, кто умеет работать с газом. А ты что, инженер? Ты справишься с аргоном?

Все пассажиры вагона прекратили курить и разом уставились на Ковалья. Он почувствовал себя крайне неудобно, черт его потянул за язык! Дрезина неподвижно зависла посреди полутемных аркад "Невского проспекта", дизель постукивал на малых оборотах. Двое мужчин вышли, обменявшись рукопожатием с водителем, зато добавилось сразу четверо вооруженных до зубов парней, и с ними маленькая женская фигурка, с головы до ног закутанная в меха. Машинист не трогал с места, очевидно, ждал кого-то еще.

– Да, я инженер! - ответил Коваль, гадая про себя, хорошо это или плохо. - И думаю, что сумел бы запустить аргоновый аппарат. Но не в одиночку, конечно...

– Даляр, твой приятель москвич? - почтительно осведомился машинист. От волнения он даже вспотел, на чумазом лице сверкали зубы и слезящиеся белки глаз. - Дружище, я не поверю, что ты музейщик. Даляр, давай я отвезу его к полковнику, и если он не врет насчет сварки...

– Парнишка, если ты инженер, так, может, и моторы перематывать умеешь? - обернулся к Артуру другой подземник, из тех, что сели на дрезину раньше его, - кряжистый мужик, закутанный в облезлый тулуп.

Артур чуть не ответил, что для замены обмотки совершенно не требуется инженерное образование, но тут Людовик довольно сильно пихнул его в бок.

– Он едет с нами к папе Рубенсу! - пресекая дальнейшие расспросы, отрубил Даляр. - Если полковник захочет получить инженера, пусть сначала договорится о цене!

Подземники не стали возражать. Артур потихоньку пришел к двум любопытным выводам. Во-первых, он научился отличать служащих метро от пассажиров. Абсолютно все, кто работал внизу, одевались в мех, невзирая на лето. Иначе, видимо, сырость и холод, а также полное отсутствие вентиляции легко приводили человека к простудам и ревматизму. А во-вторых, Артур почувствовал, что его не особо глубокие, базовые знания могут сослужить неплохую службу, возможно, даже сделать его большой шишкой... Из полумрака на перрон вышли еще трое пассажиров, одетых точно так же, как мертвец, с которого Коваль снял портупею. Сердце екнуло у него в груди, но мужчины не обратили на соседей ни малейшего внимания, уселись впереди и разом задымили. Дрезина тронулась с места. Перед погружением в тоннель в самом конце станции на проволоочной растяжке висели сразу два мигающих фонаря. Под фонарями на мраморной стене Коваль прочел крупные буквы, отпечатанные трафаретом: "Нахождение в метро без средств индивидуальной защиты карается смертью! Военный комендант..."

Метров через триста водитель виртуозно притормозил прямо напротив очередной лампы, снял с петли на стене телефонную трубку:

– Диспетчер? Это шестой экспресс. Я на Невском, ухожу по кольцу на "Адмиралтейскую", затем вернусь обратно.

– Правый путь свободен! - прохрипела трубка. - Будешь возвращаться, пропусти одиннадцатый!

– Принято! - ответил машинист, затем скинул тулуп, нашарил под сиденьем монтировку и спрыгнул в невидимую лужу.

Оказалось, что до пояса он на нем охотничьи сапоги. Перекинув стрелку, рыжий вернулся на свое место, и платформа, громыхая, устремилась в боковой тоннель. Из всех пассажиров только люди губернатора, одетые в серые комбинезоны, обладали сносным огнестрельным арсеналом и настоящими противогазами. Четверо угрюмых мужчин,

вошедших вместе с дамой, даже здесь не разомкнули кольцо вокруг нее. Артуру показалось, что за спиной у каждого из них торчат тонкие блестящие полоски наподобие длинных шашлычных шампуров, но спрашивать Людовика он не рискнул.

На "Адмиралтейской" машинист соскочил со своего сиденья, чтобы лично попрощаться с Артуром. Людовик при этом раздувался от гордости. Даляр недовольно сопел и с нарочитой озабоченностью затягивал на спине инженера лямки вещмешка, демонстрируя, кто здесь хозяин. К счастью, станция оказалась неглубокая, наверху короткой лестницы трою поджидал коротко стриженный дед в изгрызенном молью соболем палантине. Обязанности кассира исполняла высокая тощая девица в чернобурке, с обрезом за спиной. Людовик послал ей воздушный поцелуй. Кассирша фыркнула и отвернулась с нарочитым безразличием, но, когда бородач проходил мимо, охнула и потребовала показать ей раны. Дед отодвинул тяжелые засовы и выглянул наружу, держа наизготовку потертый "Калашников". Даляр нетерпеливо постукивал ногой, Людовик с театральным удовольствием показывал девушке следы укусов. Наконец раненый получил в подарок чистый бинт, короткий поцелуй в щеку, и подземка осталась позади.

На брусчатке Дворцовой площади Коваль вновь охватило чувство полной нереальности происходящего. Он прихрамывал в арьергарде, оберегая натертую пятку, и вертел головой. Оба его провожатых решительно двигались к парадному входу в Зимний дворец, нисколько не отвлекаясь на красоту летнего вечера.

Едва покинув подземку, Даляр шумно втянул ноздрями воздух и вытащил из ножен осыпанный алмазами ятаган. Людовик натянул тетиву арбалета. По площади среди холмов мусора ветер катал целые океаны тополиного пуха. Ни единого прохожего не встретилось им навстречу, но на горбу Дворцового моста, возле костра, Коваль разглядел три малюсенькие фигурки всадников. Начало пустынного Невского перегораживала еще более внушительная баррикада, чем на Петроградской. Между покосившихся пулеметных гнезд из залежей песка торчал спаренный хобот корабельной зенитки. Вдоль Александровского сада змеился глубокий ров с размытыми краями и остатками колючей проволоки. В разбитых окнах бывшего морского училища гнездились сотни чаек, окаменевшие сосульки птичьего помета свисали с карнизов. Шестерка коней на арке Главного штаба находилась на месте, но половина скульптур с карнизов Зимнего осыпалась вниз. Или их столкнули, мрачно подумал Коваль... Зато на крыше крутились десятка два ветряков и стоял непонятно как туда взлетевший вполне целый троллейбус без колес. На подступах к царскому крыльцу начиналась гораздо более свежая линия обороны, построенная по иному принципу.

Из булыжной мостовой торчали два ряда наклонных деревянных кольев, а далее дворец окружала густая сеть колючей проволоки разной конструкции. Артур не видел, что происходит на набережной, но со стороны Мойки ограда достигала здания Эрмитажного театра и терялась в сумраке Миллионной. По углам здания и возле мостика, держа под прицелом площадь, замерли три бронетранспортера. Стены до второго этажа превратились в сплошные жестяные заплатки. Судя по выбоинам, Зимний неоднократно обстреливали. Выше защитники музея ограничились решетками, во многих окнах горел свет. Из узкой бойницы, прямо над Каретным въездом, в лицо Артуру нацелились стволы пушек. Между рядами колючки оставался проход в виде сложного лабиринта, так что путники шли сначала влево, а затем вправо, по очереди подставляя бока наблюдающим снайперам. Снайперов Коваль заметил, уже когда к Даляру вышел часовой. Как минимум трое, посверкивая прицелами винтовок, дежурили на крыше. Очевидно, если бы Артур шел во дворец один, то не добрался бы живым и до Александровской колонны. Музейщики, повторял он про себя, музейщики. Банда, захватившая Эрмитаж во главе с папой Рубенсом, который знает, что такое законы. Звучит. Впрочем, он мог бы остаться в метро; судя по всему, тамошний полковник ничем не хуже и любит инженеров.

Часовой перекинулся с Даляром парой слов, затем кивнул и исчез за маленькой дверцей. Внутри товарищи Артура сняли с него мешок, и Людовик отправился в госпиталь. Больным он не выглядел, но раны требовали более серьезной обработки. В последний

момент, перед тем как захлопнулась калитка, Артур невольно оглянулся на площадь. Со стороны Адмиралтейского проспекта, разрывая тишину дробным цокотом, рысила, запряженная цугом, четверка лошадей. Длинный закрытый экипаж на колесах размером в рост человека мягко покачивался на рессорах. Кучер сидел в закрытой будочке, а выше, из люка в крыше, по пояс торчала девушка в каске и бронежилете. Из-под уродливого головного убора выбивались длинные светлые локоны. Лица девушки Артур так и не увидел - его закрывал бронированный щиток. Стрелок медленно вращался, опершись рукой о крышку люка. При появлении дилижанса из бронетранспортера выскочили четверо парней и потянули в стороны ажурные створки тяжелых ворот. Еще двое спешно организовали проход в колючей проволоке. Не снижая темпа, кучер заложил вираж, и копыта лошадей загрохотали во внутреннем дворе. Артуру вспомнился мультфильм про маленького муравья, который во что бы то ни стало стремился засветло достичь родного муравейника.

Над равнодушным ангелом поднимался бледный серп луны. Голодный ветер свистел над безлюдным городом, где-то далеко, на пределе слышимости, раздалось несколько выстрелов и конское ржание. Затем, один за другим, раздалось десять ударов колокола. По периметру площади шел человек с факелом и разжигал огонь в железных бочках. Языки пламени с гудением лизали прохладный воздух наступающей белой ночи. Во дворе фыркали лошади, пахло сеном и жареным мясом.

– Артур! - позвал Даляр. - Тебя зовет папа Рубенс.

Часовой выкинул наружу окурочку и захлопнул калитку. У него не было огнестрельного оружия, но грудь перепоясывал патронташ, в гнездах которого вместо патронов торчали узкие метательные ножи. Не менее десятка. На роскошной плечевой перевязи висел тяжелый казацкий палаш. Но не стальной голубоватый лед клинка напугал Коваль больше всего. В глубине вестибюля, на изысканной восточной оттоманке, увешанной золочеными кистями, царапая когтями древнюю парчу, дремало создание, словно сошедшее со страниц "Тысяча и одной ночи". Впрочем, сказками тут и не пахло. Артуру хотелось ущипнуть себя за ногу.

Лысые собаки, по сравнению с полутораметровым монстром, оседлавшим бесценную кушетку, представлялись невинными ягнятами. Животное ни в коем случае нельзя было назвать безобразным, скорее наоборот, оно обладало воистину дьявольской грацией. Коваль вспомнил, что он когда-то читал о тигре-альбиносе. Безусловно, зверь принадлежал к отряду кошачьих, к густой белой шерсти хотелось прижаться щекой и запустить в нее руки. Все четыре ненормально длинные конечности, в отличие от присущих кошкам подушечек, заканчивались вполне оформленными пятипалыми кистями. Громадная голова "тигра" росла из необычайно вытянутой, складчатой, как у мастиффа, шеи, и дремал он, откинув ее на спину, на манер африканского фламинго. Зубы под усатой губой ничем особым не выделялись, зубы как зубы, как у нормального взрослого тигра. Слово почувствовав внимание, зверь приподнял веки и потянулся.

Артур встретился с ним глазами и понял, что по своей воле он из дворца не выйдет.

7. Семейка Рубенс

Поспевая за своим молчаливым провожатым, Коваль уже не сомневался: в Зимнем проживало гораздо больше народу, чем в бытность российских императоров. Дворец превратился изнутри в настоящий мегаполис, скорее, даже в гигантский табор. Почти весь первый этаж и подвалы занимали производства. Здесь располагались пекарня, слесарный и столярный цеха, конюшня, автоцех, мастерская экипажей, сапожники и даже маленький пивной завод. Впрочем, далеко не всё делалось лишь в целях собственного потребления; проходя, например, мимо стеклодувного цеха, Артур успел заметить целые штабеля остывающих бутылок, проложенных соломой, словно предназначенные к отправке.

Ценнейшие паркетные полы почти нигде не сохранились, на месте снятых гобеленов тянулись километры телефонных проводов. Сантехники, дробя античную мозаику, вбивали крепежные крюки для прокладки водопровода, по мраморным лестницам волокушами

поднимали дрова. От зеркал остались одни рамы, зато картины и скульптуры не сильно пострадали от нашествия людей. Большинство наиболее дорогих произведений искусства было когда-то давно, еще до эпохи папы Рубенса, отправлено в подвал и заперто под замок. Чего нельзя было сказать о драгоценностях. Уничтожению, разборке, распилу подверглись все без исключения предметы из золота и прочих драгметаллов. Точно так же люди растащили всё холодное оружие и пригодную для бытовых нужд посуду. Музей преобразился в колоссальное общежитие, где каждый метр пространства поклонялся богу функциональности.

Большинство залов второго этажа разделялись на секции, двери запирались, и жизнь за дверями во многом напоминала коммунальное сосуществование. Даляр показал Артуру пятак, где орудовали жилищные маклеры; наиболее ценными считались "квартиры" с исправными каминами и действующей канализацией. Туалеты и водопровод проводить начали буквально пару лет назад и дотянули еще не везде, сантехники как раз заканчивали монтаж насосной станции. Остро не хватало людей, способных производить элементарные инженерные расчеты. Старшего водопроводчика, по словам Даляра, купили на три месяца в Москве и отдали за него четырех дойных коров и два ящика патронов к пистолетам, не считая оплаты труда. Коваль хотел спросить, какой валютой рассчитались с инженером, но тут путь преградила забавная процессия.

Люди сновали во всех направлениях, поодиночке и группами; после заброшенных переулков Петроградки Артур снова, почти с наслаждением, ощущал себя городским жителем. Внезапно Даляр рванул гостя за рукав, увлекая в сторону. Шедшие впереди женщины также прижались к стене. По лестнице, раздвигая толпу, поднимались шестеро мордоротов в мотоциклетных шлемах. Первый непрерывно дул в свисток, замыкающий прикрывал спину широким плексигласовым щитом. А между ними, почти незаметные на фоне огромных охранников, взявшись за руки, почти бежали шестеро детей - четыре мальчика и две девочки. Кавалькада с топотом пронеслась по коридору, свист постепенно удалялся, а прохожие как ни в чем не бывало возвращались к своим маршрутам. Встреченным детишкам было от пяти до десяти лет, и до Артура вдруг дошло, что ни одного свободно гуляющего ребенка во дворце не встретилось, раза два он видел подростков лет четырнадцати, и то исключительно в сопровождении взрослых...

На момент пробуждения Ковалья в Зимнем проживало более четырех тысяч человек, но точную цифру Даляр назвать затруднился. Артуру хотелось о многом спросить, но, верный своей мрачноватой манере, Даляр неохотно раскрывал рот. За позолоченной дверью с табличкой "Санчасть" Ковалья встретила черноглазая женщина в зеленом халате, респираторе и резиновых перчатках. Не успел Коваль осмотреться, как с него стянули одежду, в вену воткнули иглу, довольно грубо обследовали рот, уши и отправили в душ. Вода! Господи, какое счастье, оказывается, всего лишь окатиться двумя ведрами горячей воды. Больше двух ведер ему не предоставили, и мыло в санчасти оказалось какое-то черное, вонючее, но и этого убожества хватило, чтобы вернуть коже естественный цвет.

Едва одолев приемную папы, Коваль понял, откуда взялись такие нерусские фамилии. Стены канцелярии украшал полный набор картин однофамильца. Искусство Фландрии немного потеснили, заняв пространство вдоль стен шкафами, но в целом зал остался прежним, добавочный интерьер поражал вакхическим размахом. Очевидно, папе нравились женщины известного телосложения; Коваль не стал уточнять. В приемной к ним присоединился перебинтованный заново и сменивший одежду Людовик. Переодевался он, без сомнения, в большой спешке, исполосованные шрамами руки по локоть торчали из французского парадного камзола восемнадцатого века.

Двое охранников, вооруженных "калашами", вторично заставили Артура раздеться и развязать мешок. Пистолет и железные прутья пришлось оставить на ответственное хранение. Кроме папы, в кабинете толпилась уйма народу. Артур не сразу понял, к кому подходить представляться. Возле огромной раскрашенной карты Питера суетились с мелкими два старичка в военной форме без знаков отличия. Девушка в кожанке кормила

сквозь решетку сидящих в клетке волчат. Она сидела на пятках, держа на коленях миску с мясом, и обернулась на шум. Коваль встретили распахнутые карие глаза, чуть вздернутый нос и запачканные сажей румяные щеки. Несмотря на то что локоны она спрятала под кепку, Артур моментально узнал пулеметчицу с дилижанса. Он улыбнулся и кивнул как можно приветливее, но ответной улыбки не дождался. Девушка опять отвернулась к визжащим от нетерпения молодым волкам.

За грандиозным письменным столом, заваленным бумагами, оживленно беседовали четверо. У Артура мелькнула мысль, что дубовым мастодонтом вполне могли пользоваться российские самодержцы. Следовало отдать должное "скромности" нынешних владельцев Зимнего. Коваль наметил толстого усача, но папой оказался совсем другой человек, поджарый сухопарый дядька с сигарой в зубах. Папа ухитрился разговаривать сразу по двум телефонам, но, заметив Даляра, приглашающе помахал рукой:

– Я слушаю.

Следующие двадцать минут Коваль никто не перебивал. У папы Рубенса дважды гасла сигара, и дважды он наклонялся к тлеющей жаровне с торчащими оттуда палочками благовоний. Девушка в кепке разожгла старинный примус и поставила сверху простенький трехлитровый чайник, украшенный вензелями с императорской короной. Несколько раз, поочередно и вместе, тарахтели телефоны; трубку брал либо смуглый усатый толстяк в кашемировом свитере, либо другой сосед, хмурый, чернявый, похожий на кавказца. Коваль не сразу заметил, что в кабинете появилась еще одна женщина, рослая, пышнотелая, настоящая русская красавица. Ее спокойную, уверенную красоту не портил даже шрам на щеке. Мама Рубенс не стала садиться в кожаное кресло, которое ей подвинул кто-то из мужчин, вместо этого она, бесшумно двигаясь, расставила на ломберном столике чашки немецкого фарфора, розеточки под варенье и серебряное блюдо на львиных лапах, полное орехов и сухофруктов.

Чем дольше Артур говорил, тем понятнее ему становилось, что папа Рубенс не зря занимает свой пост. Зрачки главара музейщиков кололи собеседника, как лезвия стилетов. На его худощавом скуластом лице не отражалась ни одна эмоция. Когда Артур выдохся и замолчал, в канцелярии установилась гробовая тишина; лишь волчата возились в клетке, и задумчиво посвистывал чайник. Никто не проронил ни слова, пока не подал голос папаша Рубенс:

– Еще раз назови адрес, где ты нашел убитого. - Старичок в военном френче быстро сверился с картой.

– Это не территория мэрии, папа. Район слева от Каменноостровского держат ребята мамы Кэт.

– Идиоты, - процедил кавказец. - Мама Кэт хочет войны с мэром?

– Это был человек губернатора! - Папа кивнул на открытый термос с пробирками. - И мы знаем, что это такое, не так ли, Сапер?

Сапером звали длинного худого человека, одетого в шелковый халат и убийственно похожего на артиста Басова.

– Если это вытяжка, значит, губернатор опять заигрывает с колдунами!

– Но он не дошел? Почему вытяжку не забрали? - спросил усатый.

– А может, его прикончили случайно? Дикари?

– Мама Кэт не жалуется убийц в своем районе. Дикари бы не решились...

– Я имел в виду желтых дикарей.

Коваль вертел головой, пытаясь вникнуть в смысл разговора.

– А кто у вас главнее - мэр или губернатор? - спросил он Людовика. За всё это время Людовик и Даляр не произнесли ни слова. Вежливо слушали старших.

– У губернатора больше солдат, - откликнулся папа Рубенс. - Но мэр контролирует электростанцию и водит дружбу с нефтяниками. Предоставь нам разобраться с твоей находкой. Ты сказал, что был инженером? Умеешь работать со сваркой?

– Да. Хотя я давно не пробовал...

– Электродвигатели?
– В принципе...
– Понимаешь схемы проводки?
– Думаю, что справлюсь.
– Подземникам ты сказал, что справишься наверняка.
– Справлюсь, если хоть немного почитать...
– Впрочем, насильно тебя здесь никто не держит. Можешь переночевать и отправляться куда угодно. Можешь прожить у нас неделю. Вот это... - Папа покрутил в руке пузырек с желтой мазью. - Это лучшее доказательство, что ты не врешь. Один флакон мази против булей стоит дороже месяца работы любого инженера. Ты мог использовать мазь, и були бы тебя не тронули. Ты никудышный солдат, но бросился на помощь нашим людям. Они заслуживают взыскания. Ходили покупать у ковбоев лечебные травы и не взяли достаточного количества патронов...

Даляр и Людовик понурились.

– Его могли снабдить колдуны! - возразила мама Рубенс.

Впервые Артур услышал ее низкий мелодичный голос и тут же понял, что этой женщины, возможно, следует бояться больше, чем ее мужа.

– Колдуны не станут нарушать соглашения с губернатором, - осторожно возразил Сапер.

– Я не хочу никуда уходить! - твердо заявил Артур. - И я не встречал ни одного колдуна!

– Тогда чего ты хочешь? - Папа Рубенс, не мигая, буравил его иголками зрачков. - Мы не дикари. Назови цену. Что ты хочешь за мазь, вытяжку и пистолет?

– Мне ничего не надо! - разозлился Артур. - Я не знаю, сколько я проспал. Я не знаю, какой сейчас год. Я только недавно вспомнил, кто мои родители и моя жена...

– Жена?! - хором воскликнули старички у карты.

– Жена?! - словно эхо, откликнулась мама Рубенс.

– Ну да, жена... Ну, не официальная, гражданская жена. - До Артура запоздало дошло, что он сморозил очередную глупость.

Даляр кашлянул и поднял руку, словно школьник за партой:

– Разреши, папа! Я не успел доложить. Он читает на двух языках и говорит, что женщина дважды понесла от него ребенка.

Вот теперь в канцелярии повисла не просто тишина, а общее немое изумление.

– Он утверждает, что способен быть папой?

– Да что тут такого необычного? - взорвался Артур.

– Мы проверим! - шепотом произнесла мамаша Рубенс, но ее услышали все. Мамаша покосилась на белокурую девушку в кепке. Та сидела на краешке широкого подоконника и, заметив взгляд мамы Рубенс, скривила губы. - Мы проверим. Миша, если приятель не врет, то отпускать его нельзя.

– Да я и сам не хочу уходить! - У Артура немного отлегло от сердца.

– Когда я еще был ребенком, - папа в очередной раз разжег сигару. Ни Артура, ни остальным соратникам курить он так и не предложил, - полвека назад, я слышал истории о том, что на Кавказе сохранились деревни, где почти каждый мужчина мог делать живых детей...

– Сколько лет назад? - жалобно переспросил Коваль, но Рубенс его не услышал. Или сделал вид, что не слышит.

– Вот что, Артур, - перебил главварь сам себя. - Завтра уходит большой караван в Москву, нам будет не до тебя. Остановимся пока на трех моментах. Ты становишься музейщиком. Согласен?

Артур кивнул.

– Когда караван уйдет, ты проводишь моих людей в свой институт, и мы заберем ветряные электростанции. Странно, что мама Кэт их проглядела...

– Их тяжело заметить... - вставил Коваль, но Людовик уже пихнул его ногой, призывая заткнуться.

– Второе! - невозмутимо продолжал папа. - Я повторяю. Мы не дикари. Это значит, что у нас все работают. Неделю можешь отдыхать, мазь того стоит. Затем найдешь Сапера, он распределяет трудодни и командует производством. Примешь присягу. Если захочешь уйти после присяги, тебя найдут и убьют. И последнее. Твой случай уникален. Мы не слышали ничего подобного. Если ты можешь быть отцом, ценность твоей личности резко возрастает. Никогда и никому больше об этом не говори, если не хочешь, чтобы тебя выкрали. Даляр, заберите его к себе. Охраняйте его жизнь, как он охранял вашу.

– Мы поняли, папа!

– Для остальных сочиним сказку. Пусть все думают, что ты пришел с караваном ковбоев из Риги. Никто не сможет это проверить, ковбои не нанимают охрану в городе. Всем понятно? Я спрашиваю, все поняли, что Артур пришел с ковбоями из Риги? - Михаил оглядел присутствующих немигающим стеклянным взглядом. Ковалю показалось, что по залу пронеслась, шевеля волосы на макушках, невидимая секира.

– Поняли, папа...

– Понятно...

– Отлично! - сменил тон Рубенс. - Лидия, налей нам чаю. Ближайшие дни я буду занят, нам не удастся поболтать. Так что пользуйся чаепитием, задавай вопросы. Я вижу, ты чувствуешь себя неловко в нашем обществе?

– Да нет, всё нормально. Просто я...

– Меня зовут Чарли! - подал руку толстяк. - Я старшина Торговой палаты Питера и веду в Эрмитаже коммерческий отдел. Надумаешь что-нибудь купить, сперва посоветуйся со мной.

– Чарли в курсе всех сделок от Чухни до Кавказа! - рассмеялась Лидия, наливая Артуру заварку. - Он знает цены на товар раньше, чем его привозят на торги. А это Руслан, - представила она черноволосого кавказца. - Наш министр обороны.

– Рад познакомиться! - Рукопожатие Руслана больше походило на стальной зажим. - Перед тем как выйти в город, проведешь недельку в тире. Даляр тебя проводит. Хочешь жить - научись метать ножи.

Кроме Сапера в чаепитии приняли участие и оба похожих друг на друга старичка. Впрочем, они на поверку оказались братьями. Лев возглавлял учебный процесс для детей и курсы ликбеза для оболтусов вроде Людовика, а заодно отвечал за перепись книг и библиотечный обмен с другими колониями в городе и за его пределами. Аркадий ведал строительством и в текущий момент исполнял обязанности главного инженера, но признавал, что знаний у него для этого недостаточно. Недаром Чарли Рокотов был вынужден с согласия папы выписать из Москвы толкового сантехника. Зато у Аркадия имелся потрясающий нюх на нужные для коммуны приспособления и инструменты. Как понял Артур из разговора, не так давно Аркадий доложил папе, что по заброшенным домам собрано достаточно материалов для строительства новой котельной. Подключив новую котельную, музейщики могли бы попытаться протопить корпус Генерального штаба и до зимы переселить часть людей туда. Если верить Людовику, население дворца прирастало, разными путями, человек на десять в месяц. Кто-то приходил от ковбоев, иначе говоря, обычных фермеров, кто-то откупался из других коммун или соглашался продаться навсегда, прельщенный лучшими условиями содержания. Лев не строил оптимистичных прогнозов относительно роста населения; никто толком не понимал, становится людей больше или нет. Артуру эти упоминания о мягкой "работоторговле" немного резали слух, но постепенно он привык. Выяснилось, что торговцы, такие как Чарли, участвуют от имени своих коммун в постоянных "ярмарках вакансий", и для специалиста совершенно незазорно стоять сотню верховых лошадей или двадцать подвод с картофелем.

Оставался еще один член Совета, мама Рона, строгая черноглазая женщина средних лет в зеленом халате, что брала у Ковалю кровь. Она появилась на несколько минут, во

всеуслышание поздравила Артура с успешным прохождением экспресс-теста и удалилась, сославшись на тяжелых пациентов. Ковалю объяснили, что медики уровня мамы Роны представляли собой колоссальную редкость; и даже когда ее покупали на время чужаки, папа посылал вместе с ней четверых телохранителей. Неделя работы мамы Роны в чужом госпитале и обучение тамошнего персонала стоили покупателям пяти ящиков дефицитнейших патронов, или тонны овечьей шерсти, или сотни пар первоклассных кирзовых сапог. Дороже медиков, сказал Чарли, стоят только мамы. Но главную головную боль для мамы Роны во дворце представляли не обычные больные, пострадавшие от укусов хищников или подхватившие лихорадку.

Главной заботой был детский сад. Теперь Артуру стало ясно, почему жители Зимнего прижимались к стенкам, освобождая путь телохранителям, ведущим детей в санчасть на прививку. Детский сад прятали в самой надежно охраняемой части здания. Очень давно, еще при прежнем папе, специально заколотили окна в висячие сады, чтобы создать малышам возможность без опаски гулять на свежем воздухе. Под детским садом понимались и ясли, и школа, где преподавал Лев, - все возрастные категории от грудного возраста до двенадцати лет, когда детям разрешалось опять жить с родителями и вместе со старшими впервые покидать дворец. Никто из членов Совета не мог припомнить, кем и когда был установлен такой порядок, но все сошлись во мнении, что изоляция обеспечивает для маленьких жителей наибольшую безопасность. Там, где детей не охраняли, процент гибели был намного выше.

И последней, кого представили Артуру, была та самая нахохлившаяся пулеметчица в кепке. Арина, третья дочь Лидии и приемная дочь папаши Рубенса. Девушка так и не оттаяла, напротив, отозвав мать в угол, несколько минут с ней о чем-то шепотом пререкалась и вернулась красная и еще более злая. Тем не менее кабинет она не покинула, осталась до конца трапезы. Артур сначала думал, что Арина просто пользуется служебным положением отчима и не имеет к Совету никакого отношения, и был крайне удивлен, узнав правду. Скорее из вежливости к столу пригласили Даляра и Людовика, которые вели себя тише предметов обстановки.

Арина в свои двадцать четыре года возглавляла Стражу караванов. Было бы естественным предположить, что она подчиняется "министру обороны" Руслану, но ситуация оказалась намного тоньше. Девушка обладала какими-то чрезвычайно редкими способностями, позволявшими ей заранее чувствовать опасность. Она сопровождала дальние экспедиции с двенадцати лет и своим присутствием спасла не одну сотню жизней, не говоря уже о товарах. Одной коммерческой ловкости Чарли для ведения дел было недостаточно, а статус начальника стражи ставил Арину наравне с членами Совета.

Папа ясно дал понять, что не хочет распространяться на эту тему, и Артур сдержал любопытство. Судя, по тому, что папа Рубенс, несмотря на явные заслуги, не освободил незадачливых сборщиков трав от наказания, никакой демократией в Зимнем не пахло. Людовику и Даляру предстояло по пять лишних дней отработать на заготовке дров.

В течение ужина Коваль имел неоднократную возможность убедиться в организаторских талантах и непреклонной воле Михаила. Раз десять в дверь стучали, приходили люди с различными донесениями и просьбами. Папа молниеносно решал вопросы, звонил кому-то, иногда посылал курьера. Но чаще не сходя с места переадресовывал проблемы подчиненным, подчеркивая, что приемные часы Совета длятся круглые сутки. Возражений он не слушал, просто стоял и смотрел на собеседника или молчал в трубку. Первым, допив чай, ушел Руслан, сославшись на проверку караулов. Затем откланялись Чарли с Сапером и отправились готовить караван. Коваль хотел покинуть канцелярию вместе с парнями, но хозяин кабинета остановил его движением руки. Наконец в зале осталось семейство Рубенс и "министр образования".

Как выяснилось, семья не ограничивалась мамой, папой и дочкой. Лидия, помимо Арины, родила еще троих дочерей и двоих сыновей. Из всех детей лишь младшая дочь оказалась мамой и принесла, начиная с семнадцати лет, Рубенсам уже троих внуков. Первый

муж Лидии, отец Арины, погиб, когда дочери исполнился год. Михаил Рубенс трижды выигрывал Лидию в честном состязании, заслужив право на постоянную семью с ней. При этом он со спокойным лицом сообщил Артуру о том, что Лидия уже в браке родила двоих детей от других мужчин, и эти дети по договору были отправлены к отцам: сын - в Москву, а дочь - в Хельсинки. За каждого из этих "незаконных" детей мама получила порядочный выкуп, что моментально сделало ее состоятельной женщиной. Финны заплатили стадом в двести голов скота, а богатые московские подземники рассчитались пятью сотнями доз антибиотика. Не так давно на одном из фармацевтических предприятий бывшей столицы удалось восстановить производство пенициллина. Но такие выкупы действительно могли себе позволить только богатые коммуны.

Мама Рубенс тоже совершенно не тяготилась изменами, настолько редким даром стало материнство. Артур сначала понял так, что Михаил трижды дрался за Лидию в буквальном смысле слова, но опять не угадал. Среди дикарей так и происходит, подтвердил Лев, потому они и не могут десятилетиями создать устойчивых коммун. Самый сильный там получает маму, и прекрасно, если он не может стать отцом. Потому что его неминуемо прибудут из-за угла, и общество лишится будущих детей, которых и так чрезвычайно мало. В цивилизованном обществе всё иначе. Женщина, способная рожать, а таких около десяти процентов, не вольна жить где и с кем захочет. Она не может быть одна, но может взять в мужья сразу троих, ее право, лишь бы они были папами. Во всех питерских коммунах таких женщин брали на полное содержание и требовали от них только одного - рожать как можно больше и, по возможности, от разных мужчин. Реальных производителей мужского пола появлялось на свет еще меньше, чем потенциальных рожениц. Лев сказал, что виной всему последние вакцины, использовавшиеся во время разгара пандемии.

Михаил не дрался за Лидию на ножах, просто редкие заезжие конкуренты, даже предлагавшие невесте целые состояния, не выдерживали беспристрастного отбора. Кто-то баловался наркотиками, кто-то имел явные признаки мутаций, кто-то был неизлечимо болен. В этом месте рассказа Артура подкараулило очередное потрясение. Отбором занималась не невеста, а отдельный независимый орган - Совет врачей. Медики, вроде мамы Роны, съезжались для консилиумов со всего города и принимали решения. Естественно, той качественной диагностики, какой она была до массовых смертей, не существовало, но в среде врачей находились люди, подобные Арине, умевшие предугадывать отклонения в развитии плода. Совет врачей не мог допустить, чтобы мама потеряла два-три года жизни на вынашивание больного ребенка. Посему лишь спустя двенадцать лет отыскивались двое здоровых, которым Лидия родила детей.

Теперь-то Ковалю стало ясно, почему все так переполошились, узнав о его "редких" способностях. Здорового папу могли, конечно, выкрасть, но проще было его купить на время, так что Рубенс несколько стучал краски. В то же время мамаш берегли как зеницу ока. На сегодняшний день в Эрмитаже на тысячу двести женщин приходилось сорок восемь здоровых рожениц, а большой караван, уходящий утром в Москву, вез на продажу четырех будущих молоденьких мамаш. Девушки стоили больше, чем все остальные товары, вместе взятые.

Артур какое-то время сидел, совершенно оглушенный от полученной информации. Он даже не сразу придумал, о чем еще можно спросить.

— А этот зверь, внизу?..

— Подарок с Урала, - улыбнулся Михаил. - У нас их несколько. Понятно, что тебя так напугало. И тигр, и були, и многие другие новые виды, которые появляются постоянно, еще не самое страшное. Були, например, возникли именно здесь, на берегах Балтики. Мой отец рассказывал, что во времена его молодости их еще не было. Поэтому нам и нужен толковый сантехник, чтобы обезопасить водозабор...

— Я читал в старых газетах, - добавил Лева, почесывая редкую бородку, - что в Балтике растворяется огромное количество вредной химии, сброшенной туда во время прежних войн. Кроме того, в год Большой смерти испортились очистные сооружения, а спустя десять лет

умерли леса на юге, там, где стоит брошенная ядерная станция. Птицы, собаки и другие звери пили эту воду и пьют до сих пор. Тебе повезло, что не встретил летунов или болотных котлов. Впрочем, они редко заходят в город или днем сидят в подвалах... Тигр очень тихий, по сравнению с тем, что можно встретить, скажем, на правом берегу...

— И по сравнению с людьми, Лева! - уточнил Рубенс. - Понимаешь, Артур, Лева среди нас, музейщиков, самый образованный человек. Не так давно он выдвинул одну теорию, и я склонен считать, что он прав.

— Он перетаскал сюда всю Публичную библиотеку. Даже в коммуне соборников нет столько книг. И он прав, иначе этот бред не объяснить! - Лидия ласково погладила мужа по плечу и подлила ему кипятку в чашку. - Лева, расскажи!

Лев покраснел от смущения, но было видно, что ему очень льстят похвалы начальства.

— Идея абсолютно не нова. Но, приняв ее на веру, мы почти сразу получаем объяснения многим странностям, которые происходят последние годы, а для вас, Артур, они, очевидно, покажутся чудесами...

— Вот что! - Папа Рубенс поднялся. На высокой спинке его резного кресла красовался двуглавый орел со скипетром и висел облезлый горностаевый палантин. - Лева, забирай Артура с собой, там поболтаете, а я вынужден вас покинуть. Или после долгого сна тебе не терпится поспать, дружище?

— Так сколько же я проспал? - Шутка Рубенса вернула Ковалю на грешную землю. О самом главном он так и не выяснил!

Мама Рубенс мягко потрепала его по плечу, Лев сделал вид, что ищет что-то в своей кружке, Арина отвернулась к волчатам.

— Идет две тысячи сто двадцать седьмой год от Рождества Христова, приятель. - Михаил обогнул ломберный столик, испытующе глядя Артуру в глаза. - Соборники, хранящие время, не ошибаются. Ты проспал в холоде сто двадцать лет!

8. Новая русская нечисть

Несмотря на преклонный возраст, Лева проскакивал сумрачные повороты Зимнего с резвостью теннисного мячика. Даляр заступал в ночной караул, а раны Людовика не очень понравились маме Роне, и она забрала юношу в госпиталь. Остаться одному после последнего известия Артуру совсем не улыбалось, лучше провести ночь в обществе книжника. Коваль внезапно осознал, что означает срок в сто двадцать лет. Даже если бы не случилось массовых смертей, за век растворились в земле все, кого он знал. Он не найдет даже детей и внуков своих друзей... Он не найдет даже могилы матери и могилы жены.

— На мой взгляд, слово "нечисть" не годится! С мифологией указанные явления не имеют ничего общего...

— Простите? - Артур помотал головой. Оказывается, Лева давно что-то говорил, а он прослушал самое интересное.

— Я повторяю. Нечисть существовала в сказках. Ни один сказочный персонаж не встречается в реальной жизни. Осторожно, ступеньки!

"Министр образования" уверенно спускался по спиральной лесенке. Коваль уже позабыл, насколько Эрмитаж огромен. Кроме того, Лев вел его закоулками, недоступными простым экскурсантам двадцать первого века. Здесь не так пахло горелым деревом, дымом и уборной, как в жилых помещениях. Идея состоит в следующем! - Чувствовалось, что библиотекаря безумно тянет с кем-нибудь поделиться. Лидеры коммуны, по горло занятые бытовыми проблемами, слишком редко уделяли время отвлеченным теориям. Это безнадежно, вскользь подумал Артур, люди деградируют, и процесс не остановить, пока не восстановится нормальный прирост населения... - Идея состоит в том, что с падением численности людей возникают... как бы это сказать... Держите свечу, здесь темно! Я надеюсь, вы читали книги? Ах, о чем я спрашиваю? Все люди до года Большой смерти читали... Большой смертью мы называем две тысячи двадцать шестой год.

И что я заметил? Максимум так называемых чудес пришелся на незапамятные библейские времена. Если мы коснемся национальной сказочной традиции. Русские ведуны, волхвы прекрасно себя чувствовали, пока во всей Древней Руси проживало не более десятка миллионов человек. А змеи горынычи, кикиморы, лешие и прочая нечисть? Я ничего не утверждаю, но то, что происходит последние десять лет... Вы меня понимаете? Поставьте свечку сюда, Сейчас я разожгу камин...

— А что происходит?

Артур осмотрелся. Лева действительно перетаскал в Эрмитаж значительную часть Публички. В центре уставленной книжными шкафами залы на потертом персидском ковре покоился огромный глобус в человеческий рост. На глобусе, свесив лапы, дремала здоровенная летучая мышь.

— Может быть, ничего не происходит. - Лева присел на корточки перед мраморным зевом камина, достал из-за уха плачущего Купидона лучинку. - Может быть, всё это было и раньше, но умело хорошо прятаться. Но, вероятнее всего, мы стоим на пороге совершенно новой эры, эры возрождения альтернативного разума. И альтернативных форм неразумной жизни. Такое впечатление, что вернулся прежний вакуум, агрессия человечества на планете прервалась, и вакуум стремится заполниться... Понимаете? Судя по Питеру, людей на планете осталось немного. В городе постоянно живет не более сорока тысяч человек. Шесть больших коммун и десятка три мелких банд. Одиночки погибают. Насколько нам известно, то же самое в других крупных городах. Здоровые мамы рождаются слишком редко, молодежь не учится грамоте, их заставляют с двенадцати лет работать. Отсюда и суеверия... Взгляните, это летун! - Лев пощелкал пальцами перед носом летучей мыши.

Зверек расправил крылья, приподнял узкую морду и вдруг одним прыжком переместился на подставленный книжником локоть. Коваль невольно сделал шаг назад. В позе охотничьего сокола ночной хищник достигал размеров взрослого гуся. Но помимо двух когтистых лап, обнявших руку библиотекаря, мышь имела еще одну точку опоры. Метровой длины голый крысиный хвост продолжал обвиваться вокруг круглого набалдашника, которым заканчивалась ось глобуса. Последние десять сантиметров хвоста были плотно зашиты в кожаный мешочек.

— Это летун, и если с ним себя правильно вести, то в доме не страшны никакие грызуны. Даже були их побаиваются. Но в некоторых коммунах уже расцветает мракобесие, люди всерьез приписывают летунам волшебные способности. Что я могу сделать один? Еще двадцать лет, и вырастут сегодняшние дети. Мы сами готовим почву для нечисти, понимаете? Я тридцать раз ходил с караванами на юг, на запад и на восток. На пути караванов встречаются немыслимые создания. Но мы не дикари, пока не дикари. Мы понимаем, что эти создания - не оборотни, не вампиры. Возможно, последствия аварий после года Большой смерти. Но поймут ли это наши дети? Не я один храню знания, но передавать их малышам всё труднее. Еще пара поколений, и суеверия захлестнут мир!

— Я тоже сперва испугался булей. В них есть что-то... Что-то сверхъестественное.

— Ни в малейшей степени. Они способны к примитивному гипнозу, регенерируют ткани, дышат под водой и дьявольски изворотливы. Но вам простительно... Бог мой, до сих пор не могу поверить, что говорю с человеком, родившимся до Большой смерти. Слушайте, неужели вы понимаете латинское письмо?

— Английский и немного немецкий.

— Потрясающе! Если вы не выберете инженерную должность, я буду на коленях просить папу оставить вас моим преемником. Английский, подумать только! - Лева нежным движением вернул вампира на верхушку глобуса. - Но мы отвлеклись. До последнего времени я был уверен, что все природные чудеса можно объяснить вредной химией. До последнего времени. Пока не понял, что возник вакуум разума.

— И кто же его хочет заполнить? - В колеблющемся свете камина Артуру почудилось, что тени на лепном потолке движутся как-то не так. Он громко откашлялся, отгоняя наваждение. - Колдуны? Вы сами сказали, что чудес не бывает...

– Колдуны - всего лишь люди, родившиеся под Красной луной. Не вздумайте болтать об этом во дворце, но... - Лев заговорщицки поманил Ковалю к себе. - Например, Арина. Если бы она родилась не здесь, а в лесных колониях или в Озерках, то стала бы самым настоящим колдуном. Она возит с собой в караване мальчишку; ему всего тринадцать, но парень уже слышит зло. Мы отдали за него соборникам четыре тонны масла и сорок свиней. Соборники поклоняются Христу, но Христос их не выручил... Хе-хе! Дураки, они продешевили. Колдуны из Озерков опоздали, мы первыми явились за парнем. Колдуны рождаются, когда стоит полная луна, а свет заката наполняет ее кровью. Они рыщут повсюду, отыскивая детей, родившихся под Красной луной. Но два года назад на один из сборных караванов губернатора под заброшенным городом Тверь - ты слышал о таком? - напала банда. Там заправляли колдуны, которые научились переделывать обычных детей. Понимаете, к чему это ведет? Мы стараемся сохранить цивилизацию, а они еще хуже соборников, они тянут человечество не к Богу, который покинул нас, они тянут нас в леса. Смотрите!

Лев подхватил со стола тяжелый серебряный подсвечник, поманил Ковалю за собой. На стене, за стеллажами, висели две огромные карты - города и страны.

Артур пригляделся. Год издания две тысячи двадцатый. За шесть лет до Большой смерти. Карта города была разлинована разноцветными мелками, из карты России, в европейской части страны, торчало несколько флажков.

– Здесь наша территория, от Дворцового моста до Лавры, оттуда вниз, до набережной Робеспьера, а на юге, как видите, до синего собора. А здесь - маршруты караванов...

– Погодите! Я встретил Даляра на Петроградской.

– Мама Кэт гарантирует нам безопасность. Мы лечим ее людей. Вы же видели, у нас сохранилась прекрасная лаборатория и лучший больничный комплекс в городе. За это они снабжают нас бумагой, тканями и выделяют солдат для охраны сборных караванов. Мама Кэт контролирует дорогу на Чухню, до старой крепости.

– Там, наверно, в стенах следы обстрелов.

– Войны в городе давно закончились. Если мелкая шайка совершит убийство, против нее объединятся все. Их уничтожат, как бешеных волков.

– Как булей?

– Не путайте. Булей нельзя уничтожить. Разве можно уничтожить вид, который потеснил крыс?

– Зачем же тогда пушки, колючая проволока и караулы? Кто на вас нападает?

В танцующем пламени свечей печальное Левино лицо походило на сморщенную мордочку лесного гнома. Он помолчал, разглядывая что-то на потолке, затем тяжело вздохнул:

– Об этом я вам и говорю. Суеверия, которые могут оказаться не совсем суевериями. Два месяца назад не вернулись наши голуби из Гатчины. Там жила сильная коммуна ковбоев. Причинить вред ковбоям считается страшным преступлением, понимаете? Они откармливают скот, пекут хлеб.

Лев перевел дух. Извлек из кармана кусок вяленого мяса, не глядя швырнул летуну. Вампир, секунду назад казавшийся воплощением сна, рванул вперёд и молниеносно щелкнул челюстями.

– И что случилось с ковбоями? - Коваль облизнул губы. Он вспомнил, что придется в одиночку возвращаться назад по неосвященным потайным переходам Зимнего и разыскивать холостяцкое жильё Даляра.

– Случилось нечто непонятное. Коров и свиней охватило бешенство, даже домашнюю птицу пришлось уничтожить. Много людей пострадало... Это надо видеть, сложно описать. Вам покажется невероятным, но существуют силы, способные управлять растениями. Ковбоев никто не трогает, они умеют постоять за себя. Даже мелкие банды выделяют им людей на трудодни. Идут слухи, что возле города видели Качальщиков. Тех, кто раскачивает землю, - библиотекарь понизил голос. - Месяц назад собиралась Дума, пришли даже

колдуны из Озерков и Рыбацкого. Раньше они игнорировали Думу, но после того как Качальщики стерли город Вологду...

— Как это "стерли"?!

— Там не было жителей. Но караваны, идущие к Северному морю, останавливались там на отдых. Пять недель назад город Вологда исчез, растворился в лесу. Качальщики умеют делать такие штуки, но считалось, что они не появляются ближе Уральского хребта. Многие вообще полагали, что их не существует.

— Как они могли растворить в лесу целый город, пусть и заброшенный? - Подлаживаясь под тон старика, Артур тоже понизил голос.

Где-то вдаль раскатисто ударил колокол, ему ответил другой, повыше тоном, и опять всё стихло. Вампир на глобусе поскреб когтями по лакированному дереву, и Артур вспомнил очень похожий звук, что он слышал в подвале института. Летуны с ядовитыми колючками на хвостах, одним ударом парализующие взрослого волка. Летуны, предпочитающие для дневного сна сырые подвалы старого города...

— Качальщики - не совсем люди. - Лев смотрел без тени иронии. - Если не сказать хуже. Очень непросто описать то, чего сам никогда не видел. Эти... существа умеют находить слабые точки мироздания и раскачивают Землю... Они могут настроить природу враждебно к человеку. По сути дела, они считают, что Бог недоделал свою работу в год Большой смерти. Но кроме них есть и другие. Шептуны, дети Чингисхана, это дикие банды на лошадях. Они жуют дурман и становятся неуправляемыми. Это дети тех, кто до катастрофы жил в деревнях, в крови у них зависть, в их легендах поет ненависть. Некоторые банды скатились до уровня первобытных племен, от русского языка у них остался один мат, а шептуны из-за дурмана рано теряют голос и даже матерятся шепотом.

Когда нам приходится идти с ними на контакт, мы специально гоним для них дурную водку, потому что только водку они уважают. Если они попадают в дома, то любят испражняться прямо в комнатах, где едят, но при этом им нравится жить в тепле и иметь горячую воду. Но они хотят всё сразу и бесплатно. Иногда прорываются в город, воруют женщин. Вы видели охрану на мосту? Пока работает подземка, с севера мы защищены, но Нарвская коммуна дважды подвергалась разграблению. Но я не это хотел показать. Видите черные флажки с датами? Это места, где исчезли караваны.

— На них напали?

— Вероятно. Еще двадцать лет назад мы торговали с Екатеринбург, Нижним и Пермью, а прежний мэр отправлял товары даже в Новосибирск и Красноярск. Сначала пришлось забыть о сибирских маршрутах, хотя там есть многое, чего нам не хватает. Потом, как видите, перестали ходить и на Урал.

— А железные дороги не сохранились? Караваны идут пешком?

— Железные дороги? А, вы о паровиках! В Москве пытаются наладить сообщение. А еще я встречал паровиков из Новосибирска. Они приезжали в Нарвскую коммуны, специально насчет покупки паровозов. На территории нарвских есть целый музей древних машин, но нет угля. Угля полно на Урале и в Кемерово...

— И что? - Коваль понял, что знает ответ.

— И ничего. Они ушли назад с караваном бывшего мэра Черняка, и больше не вернулись. Караван тоже исчез. Хотите печенья?

— Нет, благодарю... - Артур ощущал настоятельную потребность вырваться на свежий воздух.

Казалось, что книжные шкафы кружатся вокруг, затопляя воздух миазмами плесени и смерти. Миллионы мертвых слов, которые никто не читает, кроме несчастного старика. Они - как миллионы погибших людей, прах которых порождает теперь чудовищ...

— А тот караван, что идет завтра? Он тоже сборный? Если на дорогах так опасно...

— На Московской трассе шептуны и чингисы нам не страшны. Арина слышит их за десять километров, понимаете? А серьезную угрозу представляют только они. Торговлю нельзя останавливать...

– Я помню. Либо мы строим цивилизацию, либо уходим в лес.
– Именно. Караван не сборный, но охраны достаточно. Мы наняли ковбоев и людей мамы Кэт.

– А дикари могут от кого-нибудь узнать заранее о караване? О товарах?
– Дело не в товарах, но они нападут наверняка, если узнают, что мы везем женщин.
– А сколько стоит нанять солдата со стороны?
– Недешево. Спросите лучше у Чарли, это его стихия. Но Рубенс вынужден нанимать чужих, мы же не можем оголить караульную службу. А еще Руслан обязан выставять людей в городские патрули...

У Ковалю родилась отчаянная идея:

– Папа сказал, что мне придется целую неделю толкаться без дела, пока я не приму присягу. Может, мне заменить одного из наемников и поехать с караваном? Я чувствую себя обязанным. Вдруг я смогу быть чем-нибудь полезен в дороге?

– На самом-то деле вас обидело, что Рубенс запретил вам покидать музей? – Лева улыбнулся, снова напомнив Артуру детские книжки про хитрых гномов. – Здоровый папа слишком ценен для коммуны. Вы можете получить максимум благ, вообще не закрывая трудовней.

– Я так не смогу. В любом случае я буду работать. Наверное, из меня плохой солдат, но что-то я умею... – Артур хотел показать Лева ту часть рабочего журнала Телешева, из-за которой он так стремился попасть в караван. Но что-то его остановило.

– Не сомневаюсь. Уже знание английского дает преимущество. Нам не придется нанимать у соборников толмача на переговорах с финнами и шведами.

– Значит, меня не отпустят с караваном? – Библиотекарь удивленно покачал головой:

– Артур, вы меня неверно поняли. Никто не может вами командовать до присяги. Я уверен, что папа сочтет ваше предложение благородным. Скажу по секрету: вы уже за один вечер заслужили у Михаила репутацию. А он не из тех, кто легко доверяется чужим.

– Это я заметил... А что будет со мной после присяги? Я буду обязан ходить на цыпочках? Он пользуется здесь царской властью?

– Конечно. – Лева был чрезвычайно серьезен. – Абсолютной властью. До следующих выборов.

– Слава богу! Я уж думал, он у вас пожизненно.

– Гм! Вот у мамы Кэт власть пожизненная, но это их внутреннее дело. Выборы проходят раз в год, тайным всеобщим голосованием.

– Всеобщим?

– А как же? Не я один читаю старые газеты, Артур. Нам известно, как выбирали своих лидеров до года Большой смерти. Перед толпами дураков разыгрывали целые представления, молодым было на всё наплевать, а старики голосовали за тех, кто обещал им кусок хлеба и новые вставные зубы. Потом бумажки с подписями кидали в отхожее место, и у власти оставались те же воры. Пока нас мало, Артур, мы можем позволить себе тайное всеобщее голосование. За месяц до выборов кандидаты пишут свое имя в вестибюле. Потом они могут два раза выступить перед людьми. Папу выбирают все члены коммуны с двенадцати лет. Голоса подсчитывают прилюдно, на большом Совете. Впрочем, закон действует не так давно. Лет тридцать назад даже у нас голосовали криком, за год могли смениться четверо старейшин. Тогда коммуна чуть не погибла...

– Подождите, Лева! – Артур понял, что ему не давало покоя. – Выходит, что музейщики живут и работают как одна артель? У вас нет частной собственности? В таком случае напряженность неизбежна!

– Одному не выжить. Можете попытаться.

– А что произойдет, если папа?..

– Вы хотите сказать, если папа попытается узурпировать власть? Присядем!

Лев опустил в бархатное кресло, погладил ладонями золоченых грифонов на ручках. Коваль осторожно разместился напротив. Мебель императорского двора жалобно скрипнула.

Вампир на глобусе приподнял одно сморщенное веко и снова погрузился в свои охотничьи мечты. Дрова в камине горели ярко и ровно, распространяя несравненный аромат деревенского уюта. На фоне этого домашнего тепла Артур почувствовал вдруг, каким промозглым холодом тянет по ногам.

Книжник придал осанке торжественность:

– Во время ужина вы спросили о законах. Перед вами человек, которому доверено их сохранять и укреплять. После меня этим займется мой преемник.

Папа Рубенс не зря пропустил ваш вопрос мимо ушей, это моя обязанность просветить новичка. Принципиальных законов в коммуне музейщиков немного, и написаны они давно, когда я еще был ребенком. Всё очень просто. Воровство, насилие, предательство, убийство караются виселицей. Драка, пьянство, трусость в бою, отказ от работы, оскорбление любого жителя музея, неподчинение приказам Совета влечет за собой год работ в подземке или высылку. Большинство провинившихся предпочитают подземку.

– У вас настолько хорошо живется?

– Вы напрасно иронизируете. Между коммунарами поддерживается постоянная связь. В лучшем случае, у преступника есть слабый шанс примкнуть к заводским бандам. Даже соборники в Лавре, хоть и кричат о гуманизме, не возьмут к себе вора.

– Значит, оступившийся человек обречен?

– Артур, Эрмитаж никого не держит силой. Если человек ничего не должен коммуне, он волен забрать свою долю в любом виде и поселиться где угодно. Он может даже нанять стражу для переезда, скажем, в Хельсинки или Стокгольм. А потом вернуться назад и вторично принять присягу. Но вас, насколько мне помнится, интересовал вопрос силового захвата власти. Так вот, коммуна Эрмитажа существует уже семьдесят лет, она имеет самую устойчивую традицию, заведенную еще мамой Ксенией, мир ее праху. Поэтому мы живы, а других давно нет. Выбранный папа клянется на могиле Ксении служить своему народу. Он может ошибаться, как любой человек. Совет заседает без папы каждую неделю и каждую неделю спрашивает у меня, хранителя законов, не сделал ли папа что-то сознательно против интересов музейщиков. - Лев выразительно помолчал.

– И если такое произойдет, вы отправите Михаила в отставку? - с легким сарказмом осведомился Коваль.

– Михаил у власти уже шестой год, и пока люди выбирают его, - невозмутимо ответил библиотекарь. - Но такие решения на моей памяти Совет принимал дважды. Это тяжелые решения, потому что они грозят бунтом... Артур, я вам ясно прочел, что гласит закон. За предательство полагается смерть. Никакого суда. К отцу, предавшему народ, немедленно пошлют палача.

9. Караван

Московский караван выглядел более чем внушительно. Вымершая ночью, Дворцовая площадь походила с раннего утра на раздольную деревенскую ярмарку. Грохот колес, звон железа, хохот, лай собак, разноголосое пение сливались в оглушительный озабоченный хор. В распоряжении музейщиков было несколько вполне работоспособных тягачей и достаточный запас солярки, пополняемый коммуной нефтяников, но осилить развалившийся тракт могли лишь повозки на конской тяге и тяжелые тракторы.

Впереди обычно ехал тот самый запряженный шестеркой броневи́к, встретившийся Артуру вечером, причем лошадей тоже укрывали защитными попонами. Вооружение броневи́ка составляли два пулемета, снятые с танков, и скорострельная пушка с патрульного пограничного катера. За броневи́ком шел "Кировец" с поднятым ковшом - на случай дорожных завалов. Позади кабины тракториста мастеровые оборудовали вращающееся "рабочее место" стрелка. Следом построились восемнадцать обитых металлом "вагонов" на базах многоосных прицепов. Только колеса на осях крепились весьма специфические, - широкие, утыканые самодельными шипами, способные преодолеть любые ямы. Каждую

платформу также волокла четверка тяжеловозов. Для заболевших лошадей и фуража выделялся отдельный "вагон". Далее катился спальный дилижанс для пассажиров и домик для отдыха свободной смены охраны. Замыкающим шел еще один трактор, он тащил на лебедке настоящий, почти не гнилой "Урал" с прицепом. В крытом кузове грузовика умещалась легкая зенитная установка, а в прицепе, на платформе, - пушка с противолодочного крейсера. Пушку для каравана любезно смонтировали портовые в обмен на всё тот же остродефицитный пенициллин. Дополнительно на крыше каждого грузового фургона размещался пулеметчик, и десятка два конных охранников с ружьями скакали по сторонам.

Коваль разглядывал маленькую армию в безмолвном удивлении. Он с трудом представлял себе, каким безрассудством надо обладать, чтобы схлестнуться с подобной мощностью - либо на вооружении у дикарей, в валдайских лесах, имелся танковый корпус. Словно отвечая его тревогам, мимо прошли четверо солдат, пригибаясь под тяжестью армейских минометов. Еще двое катили тележку с гранатами. Возле каравана сустились не менее сотни человек. Грузчики, построившись змейкой, передавали в чрево фургонов мешки с тканями, вязанки сапог, закатывали бочки с соленой рыбой и ягодой, вязанки волчьих шкур и свиных кож. На носилках бережно поднимали переложенные соломой ящики со спиртным. По волокушам канатами втягивали грубые стальные болванки. Верещала в клетках племенная птица, рвались с поводков собаки, ржали лошади. Наконец-то Артур встретил обыкновенных собак. Их привели ковбои - меднолицые заросшие дядьки на конях. Они же предоставили Эрмидажу недостающих лошадей. В счет оплаты Чарли Рокотов брал с собой троих пассажиров из фермерской команды.

Всего пассажиров, не считая мамаш, набралось семнадцать человек, из них четыре женщины. Мама Рона отправляла в Москву одну из своих подручных учиться новым приемам в стоматологии. Под присмотром Руслана из дворца показалась шестерка дюжих "гвардейцев", сопровождавших сундук с дорожной казной. Золото вернулось в свои права, и Артур лишний раз поразился дальновидности давно почившей мамы Ксении, мир ее праху, занявшей под колонию именно Эрмидаж. Как оказалось, мэр печатал на Монетном дворе некоторое количество золотых денег, но весовые обломки из запасников дворца обеспечивали музейщиков "твердой валютой" на десятилетия вперед.

Своей должности шеф безопасности соответствовал идеально. Несмотря на сутолоку и постоянный приток народа, Руслан обеспечивал на площади идеальный порядок. По периметру, никого не пропуская, стояли цепью солдаты с собаками и ручными волками на длинных поводках. Еще дальше, встречая гостей, носился покореженный военный джип с автоматчиками. Стрелки на обитых железом тачанках держали под прицелом Мойку и Адмиралтейский проспект. Руслан сам подошел поздороваться. Артур испытывал перед ним некоторую неловкость, потому что от его услуг в качестве охранника отказались. Папа, однако, нашел хитрый выход и придумал для дополнительного пассажира особое поручение. Еще с раннего утра люди Рубенса сгоняли к мамаше Кэт и заявили права на ветряные мельницы, обнаруженные Ковалем. Полный комплект отбить не удалось, но и две штуки стали знатной добычей, что дополнительно подняло рейтинг Артура. Заглянувший после ночного караула Даляр пожал Артуру руку и подарил прекрасный охотничий нож.

- Жаль, что Лю огорчится! - скупое усмехнулся солдат. - Он ведь поверил, что ты с рыбацких островов, где не прошла Большая смерть.

Коваль получил еще одно доказательство того, что папа Рубенс ничего не забывает. И сержант Даляр, и Людовик были сняты с караулов и вместо других солдат приписаны к каравану. Наказание теперь ждало их по возвращении. Папа Рубенс вручил Артуру рекомендательное письмо для главы московской коммуны паровиков. Но еще сильнее, чем железная дорога, Михаила вдохновил проект радиосвязи между столицами. Коваль ничего не обещал, но высказался в том духе, что если ему отыщут два прилично сохранившихся телеграфных аппарата, то он попробует что-нибудь наладить. О проводной связи пока никто и не мечтал; большинство столбов по дорогам давно попадали, потянув за собой кабель. С

подачи Ковалья главному инженеру поручили совершить набег на Музей связи, о котором почти забыли. Артур был немного ошарашен скоростью, с которой папа принимал решения. С одной стороны, это не могло не радовать. Без такой буйной энергии удержать в кулаке дивизию разномастных граждан было бы непросто. В случае успеха проекта Артуру светила великолепная карьера - должность начальника всей питерской дальней связи. В случае успеха...

Он особо не обольщался. В тот момент ему казалось странным, что за столько лет не нашлось никого, способного организовать элементарный телеграф. Артур никак не мог привыкнуть к мысли, что люди просто не помнили, как пользоваться техникой двадцатого столетия. Старых книг никто не читал, а технические навыки передавались практически без записей, живым примером наставников. Нефтяники хранили в танкерах море сырья, но ни одна живая душа не представляла, как запустить производство солёнки. Коваль решил пока помалкивать о своих школьных знаниях, чтобы папа не передумал и не посадил его на цепь.

Между фургонами подвесили телефонные провода, охрана построилась для последнего напутственного слова, и караван начал разворот в походный порядок. Номинально старшим назначался Чарли, но на весь путь до бывшей столицы бразды правления переходили к Арине. Коваль видел, с каким почтительным вниманием слушают хрупкую девушку головорезы мамы Кэт и суровые деревенские парни, увешанные дробовиками. Всего под ее командой собралось сто двадцать бойцов и тридцать человек obsługi. Изнутри штабной дилижанс оказался половинкой купейного вагона от николаевского экспресса, и Чарли Рокотов забрал Ковалья в свое двойное купе. За перегородкой размещалась личная охрана, отборный "спецназ" Руслана и дорожная казна. В следующее купе, отделанное мехами, никто не допускался. Артур краем глаза заметил там ванну и маленькую кухню с керосиновой плиткой. Будущих мам заранее окружали комфортом.

Следующий час Артур почти безвылазно провел переходя от одной смотровой щели к другой. Караван миновал арку Генштаба, свернул на Невский, затем на Садовую и, чуть замешкавшись у баррикады в начале Московского проспекта, вышел на стартовую прямую. Не прошло и суток, а Коваль рассматривал родной город под совершенно иным углом. Не как несчастный голый беглец, а в статусе значимой персоны. Центральные районы сильнее всего пострадали от уличных боев. Артур мог только догадываться, какие вооруженные драмы разворачивались тут век назад.

У Елисеевского гастронома не хватало половины фасада, обуглившиеся аркады Гостиного двора торчали, как ребра уснувшего морского исполина. По шпильку бывшей Думы, вне сомнения, палили из пушек. Не менее страшным разрушениям подверглись и другие дома на Перинной, крыша торговых рядов рухнула, словно примятая великанской пяткой. Из выбитых окон Пассажа на всех этажах росла трава. Могучие жеребцы Клодта оставались на местах, зато особняк Белосельских-Белозерских выгорел дотла. Но за дорожным покрытием в центре присматривали, кто-то регулярно выжигал наступающие армии кустарников, по центру проезжей части в несколько рядов были уложены бревна. Возле спуска в метро копошились десятки человеческих фигур, пара лошадей тащила по Садовой дребезжащий трамвай с понуро торчащей стрелой подъемного крана.

Пропуская караван, подземники махали вслед, кто-то перекрестил трактор, две пожилые женщины в черном держали иконы.

На Московском проспекте в районе парка Победы произошла первая остановка. На стенке штабного купе висели три доисторических телефонных аппарата, по одному из них Чарли коротко поговорил и раздраженно выругался. Оказывается, банда под героическим названием "Восьмая дивизия" требовала плату за проезд. "Дивизионщики" размещались в сталинских домах, примыкавших к парку, и в здании новой Российской библиотеки. На арене бывшего стадиона они разводили скотину и содержали неплохой ипподром.

Коваль вслед за Чарли поднялся в башню над вагоном. Пассажирам категорически возбранялось покидать караван вне запланированных привалов, и Артур никак не мог увидеть, что происходит впереди. Чарли снова перекинулся парой фраз с Ариной;

выяснилось, что "Восьмая дивизия" права, музейщики оставались должны по какому-то старому спору двадцать трудодней или соответствующий эквивалент в золоте. Когда вопрос был урегулирован, "Кировец" взревел, на передней карете ударили в колокол, и гигантские колеса снова загремели по деревянной мостовой.

Артур прилип к смотровой щели. Ему хотелось зажмуриться или протереть глаза. На обочинах проспекта стояли четыре танка. Гусеницы боевых машин давно прогрызли сорняки, но поворотные механизмы башен выглядели вполне исправно. Верхом на сияющих свежей краской стволах восседали молодые люди в коротких армейских дубленках на голое тело и провожали караван задумчивыми взглядами.

— Чарли! - спросил Коваль. - Эти ребята, они приносят какую-то пользу? Нам обязательно им платить?

— Как тебе сказать... - Рокотов скорчил забавную рожу, показывая, что понял иронию. - Считается, что банда охраняет южный въезд. Иногда они проводят скачки или кулачные бои и приглашают всех желающих. Здесь не так-то много развлечений.

— Они берут со всех плату за проход?

— Со всех плату взять невозможно, только с тех, кто нуждается в хорошей дороге. Любой всадник объедет их заставу по соседним дворам.

— Выходит, они не защищают город, а только собирают мзду с караванов?

— Ты прав, но не торопись с выводами! - Чарли бросил на Артура быстрый взгляд. - Питер невозможно обнести стеной. Уже много лет коммуны и банды выставляют мобильные патрули. Они надежнее любых застав. С тех пор, как шептуны вырезали банду речников. Знаешь, где когда-то был Речной вокзал?

Артур кивнул.

— В патрулях есть особые люди, их присылают колдуны, - продолжал Рокотов. - А иногда обходимся без их помощи. У губернатора есть двое мальчишек, и у портовых тоже; их носят на носилках и охраняют надежнее, чем золото. Зато наши колдунчики помогают вылавливать шпионов, проникших в город.

— И что с ними делают? Убивают?

— Ну зачем же? - искренне опечалился главный коммерсант. - Раньше убивали сразу, потом пытались отправлять на пожизненные работы. Но дикари не любят труд. Так что теперь, если поймают живьем, - Чарли сделал паузу, - их продают другим диким племенам. Им всегда нужны рабы, а платят они хорошо.

— Как так можно? - опешил Артур. - А если человек пришел с миром? Так и меня могли продать кочевникам?

— Тебя бы не продали. Тебя видела Арина, и, кроме того, ты понравился Лапочке.

— Лапочке?

— Ну да, тигру. Это не просто сибирский кот. Он, пожалуй, поумнее некоторых людей! - Чарли заразительно захохотал и сразу стал похож на шкодливого мальчишку. - Пошли вниз, надо успеть позавтракать. Слышишь колокол?

— А куда мы опаздываем? - Коваль потеснился, уступая место пришедшему на смену новому стрелку. Прежний парнишка отсалютовал и передал сменщику подводную маску.

— Встречаются ловкачи, - объяснил Рокотов, - способные со ста шагов попасть отравленной стрелой в глаз. Угощайся, у нас с собой целая бочка прекрасной рыбы из Ладоги!

Артур отдал должное: жареная рыбка, действительно, была восхитительна.

— Мы не опаздываем. - Чарли промокнул усы вышитой льняной скатеркой. - Но скоро на нас нападут.

— Как это?

У Артура рыба застряла в горле. Он приставил глаз к дырочке в стене. Караван, набрав умопомрачительную скорость, километров пятнадцать в час, неторопливо рассекал совхозные просторы. За стенками дилижанса метров на двадцать тянулась полоса выжженной земли, а дальше сплошной стеной поднимались настоящие северные джунгли.

– Очень просто! - Рокотов с наслаждением рыгнул и похлопал себя по внушительному животу, - "Восьмая дивизия" ухаживает за дорогой до развилки, а дальше мы предоставлены самим себе. Ты доел? Хорошо, тогда можешь взглянуть. С другой стороны!

Коваль прильнул к смотровой щели в коридоре и мысленно поблагодарил попутчика за проявленную заботу о его аппетите. По правую сторону зарастающего шоссе в два ряда стояли виселицы. "Восьмая дивизия" наглядно демонстрировала заезжим "туристам" свое гостеприимство. Некоторые мертвецы были вполне свежими, от других остались одни кости. Под виселицами шныряли какие-то мелкие животные, но из дилижанса рассмотреть их было невозможно. Под высокими, небрежно сколоченными вышками горели костры. Часовые прятались в закрытых "скворечниках". Коваль успел заметить, как с одной из вышек взлетели два белоснежных голубя. За неимением лучшего человечество возвращалось к проверенным почтовым технологиям.

Мы обязаны возродить нормальную связь, подумал Артур. Он и сам не заметил, как употребил местоимение "мы". Музейщики постепенно становились его новой семьей...

За частоколом виселиц тянулся последний форпост цивилизации: грандиозная линия дзотов даже спустя столько лет не потеряла своего устрашающего величия. По обе стороны от шоссе, несмотря на буйную молодую поросль, угадывались остатки широкой контрольно-следовой полосы, некогда оставленной защитниками Петербурга. На том месте, где водителей встречал указатель поворота на Пушкин, сохранился пробитый множеством осколков железный щит. Под щитом, покуривая, сидели у костра несколько бородатых мужиков в тулупчиках "Восьмой дивизии". Внезапно конная охрана каравана сбила строй. Лошади под кобоями хрипели и вставали на дыбы. Ближайший наездник вынужден был спешиться и, осыпая коня градом ударов, буквально волок его за собой.

– Видишь? - равнодушным голосом спросил Рокотов. - Там, за пушкой...

Артур всмотрелся. Чуть в стороне от костра, прикрытая маскировочной сетью, несла дежурство артиллерийская батарея. Если губернатор контролировал арсенал несуществующего нынче МВД, то "восьмая" почти сплошь состояла из потомков военнослужащих. Вполне естественно, что в их распоряжении оказались значительные "осколки" военной техники, а выстрелить из пушки по прямой мог бы и дебил. За сетью взгляд Артура нащупал какое-то шевеление.

– Они что, тоже ручные? - только и мог выговорить он.

– Они хуже диких!.. - прокомментировал "министр торговли".

Связанные цепями в упряжки, на привязи бесновались шесть болотных котов. Артур уже не удивлялся, что лошади испытывали такой панический ужас. На своих домашних предков серые чудовища походили не больше, чем альбинос Лапочка. Каждый размером со взрослую рысь, только в два раза шире, с вытянутыми вперед кабаньими клыками и торчащими, как у тойтерьеров, щетинистыми ушами - настоящие исчадия ада. В стане хищников валялся обглоданный лосиный скелет. Могучие рога, как протянутые кисти рук, вызвали к низким облакам.

Сразу за развилкой хорошая дорога закончилась. Шипованные колеса запрыгали в глубоких колеях. Двое дядек в полковничьих папах вручную крутили тяжелый ворот, задвигая на трассу бревно шлагбаума. На расстрелянном щите Артур не без усилий прочитал выцветшую от дождей надпись: "Водитель, стой! Въезд только для санитарного транспорта. За нарушение режима открываем огонь без предупреждения!"

С ума сойти, поехал будущий начальник связи, какой кошмар должен был происходить вокруг города, если оборону держали воинские части! А судя по разбитому в хлам центру, удержать оборону они не смогли...

В купе негромко постучали.

– Пошли! - сказал Чарли. - Тебя ждут.

В центре вагона было оборудовано нечто вроде кают-компаний с овальным столом посередине. Сейчас тут собрались все пассажиры, кроме мам, и свободная от вахт охрана. Четверых юных "невольниц", похоже, не видел никто; их провели в вагон через второй

тамбур и заперли в купе.

Люди буквально стояли друг у друга на головах. Коваль невольно поежился, попав под обстрел десятков любопытных взглядов. На фоне лохматой толпы он, с едва появившимся пушком на темечке, чувствовал себя голым. Но отвертеться от пресс-конференции не удалось. Еще во дворце Чарли предупредил, что слухи разносятся быстро, и полгорода в курсе о человеке, родившемся до года Большой смерти. Легенда о парне из Риги провалилась.

– Спрашивайте! - обреченно предложил Коваль и уселся на предоставленный ему стул венецианской работы.

Последующие два часа он четырежды прикладывался к бутылке с драгоценным пшеничным пивом, чтобы промочить горло. Он никогда так долго не говорил. Артур переживал, что людей будут волновать какие-то глобальные проблемы, связанные с катастрофой, ведь об этом периоде он ничего не знал. Но большинство вопросов были заиклены на самых земных, обыденных темах.

Большой ажиотаж вызывали семейные отношения; многие попросту не верили, что женщины и мужчины могли свободно сходиться и расходиться, строить новые союзы и разрушать старые. Несколько раз откровенная беспардонность ставила Артура в тупик, он беспомощно оглядывался на Рокотова, ища его поддержки, но торговец только пожимал плечами. Ему, как и прочим, совсем не казалось бесстыдным копаться в чужом белье. Шоком для присутствующих стали сведения о старом российском Уголовном кодексе и о свободном перемещении детей по городу.

– Как это может быть, - возмущался взъерошенный старичок в потрескавшихся очках и огромной, до колен, нейлоновой рубаше, - чтобы вор украл дважды и после этого был опять отпущен на свободу?

Кают-компания согласно загудела.

– О каком перевоспитании ты говоришь, дружище? - брызгал слюной очкарик. - Если вор уже получил год подземных работ или год рубил лес, этого вполне достаточно, чтобы воспитать любого. Следующим наказанием может быть только виселица.

Коваль не знал, что ответить. С сегодняшней точки зрения, старик был абсолютно прав...

– Как опасна была ваша жизнь! - тоненьким голоском протянула одна из женщин. - Нам читали древние газеты, но мы и поверить бы не могли, что под колесами телег тогда гибло больше людей, чем жителей в нашей общине...

У Артура комок подкатил к горлу. Он всё еще не мог привыкнуть к тому, насколько неузнаваемо изменился мир. С этими недоверчивыми, заскорузлыми людьми предстояло провести неделю; вот во что превратились привычные восемь часов в ночном поезде. Расстояния снова измерялись средневековыми мерками, и если люди срочно не наладят связь и не запустят паровики, то дальше станет еще хуже. Шоссе окончательно зарастут лесом, в котором станут хозяйничать кошмарные герои сказок. А там, по логике вещей, недолго до человеческих жертвоприношений! Артур и представить себе не мог, насколько скоро сбудутся его мрачные прогнозы...

Склянка на головном броневики отбила полдень.

– Привал! - объявил Чарли, вытаскивая слегка одуревшего от жары и духоты Артура из плотного кольца любопытных. Пассажиры всё никак не желали его отпускать, и пришлось пообещать, что завтра экскурс в прошлое будет продолжен.

На самом деле, невзирая на усталость, Артур был даже рад. Благодаря попутчикам он почти полностью восстановил в памяти детали последних дней. А главное, он вспомнил, как так могло случиться, что он согласился на двадцатилетнее погружение. Это замечательно, что он проснулся сейчас и здесь; в ушедшем мире ему снова бы не захотелось жить... Точно караван обошел стороной. Коваль спросил, почему не поехали по новой трассе, которую прокладывали еще при нем, а выбрали старую двухколейную дорогу. Рокотов сумрачно потеребил усы и пообещал кое-что показать.

Фургоны организованно разворачивались в широкое кольцо посреди просторного участка земли, вытоптанного следами тысяч колес и конских копыт. В центре круга оказались обе пассажирские повозки и целый табун запасных лошадей, которых Коваль раньше не заметил. Очевидно, ковбои пригнали их позже. Броневики и "Урал" с гаубицей неторопливо барражировали снаружи, а третий, дальний, круг образовала редкая цепочка конных стражников.

Артур соскочил с подножки. От лесного чистейшего воздуха кружилась голова. Он огляделся и, к собственному удивлению, убедился, что место ему знакомо. Караван остановился на подступах к нефтебазе. Из бурьяна торчали почерневшие от времени останки автозаправки, на опушке в зарослях малины угадывались фундаменты административных зданий, а над кронами леса, словно забытые космические корабли, пузырились стационарные танкеры.

— С другой стороны! - подсказал Рокотов. Артур сначала не понял, куда указывал толстый палец коммивояжера. Вбегающий по пологому склону лес выглядел вполне обычно. Но всё же, всё же...

— Черт! - выдохнул Коваль. - Но так не бывает! 10. Зеленая атака и дети Красной луны

— Поэтому уже девять лет никто не ходит по верхней дороге. - Чарли свернул самокрутку и поднес к глазам бинокль. - На Валдае такие вещи происходили слишком часто. Там никто не хочет селиться, хотя для скота места отличные. Здесь тоже жили ковбои... - Он передал Артуру бинокль. Коваль настроил оптику и замер. Сначала ничего не происходило. Лес как лес. Затем он опустил взгляд чуть ниже и убедился, что зрение его не обмануло. Ветра не было, но трава шевелилась... Совсем недавно на месте чащобы расстилось вспаханное поле. На краю опушки, там, где дикая зелень вгрызалась в оставшиеся от стоянки авиационные плиты, еще клонились от ветра недозревшие ржаные колосья и прослеживались отчетливые следы вспаханных борозд. Но дальше, метрах в десяти от пятна бетонки, раздвигая культурные побеги, непроходимым колтуном поднимались колючие заросли. Лес шел в атаку на поле. Именно такое, шекспировское, сравнение пришло Артуру в голову. И наступление тянулось не годами, что было бы нормальным, оно происходило прямо на глазах.

Словно от ветерка, чуть шевельнулись кусты боярышника, в другом месте тень от осины стала капельку длиннее. На другом конце стоянки ярко-зеленое покрывало травы чуть пригнулось, по нему прокатилась слабая волна, будто пробежали сотни полевок, и снова всё замерло. Но травка стала заметно гуще и оказалась ближе к дороге. Совсем капельку, возможно, на пять сантиметров. Если не смотреть внимательно, можно и не заметить! Было в этой тихой атаке что-то непередаваемо жуткое; Артур не представлял себе, как он теперь босиком сможет пройти по лугу. Если растения обрели такую скорость роста, то что им помешает изменить и способы питания?

Полная тишина и едва заметное движение слева. Артур мигом повел окулярами. Осыпалась земля на борозде, полегло еще с десятков колосков, на их месте, откуда ни возьмись, расправлял жесткий ствол люпин. Теперь - то же самое справа. Только что там торчал продолговатый камень, а теперь его заслонила россыпь невянок. Цветы покачивались, будто их сию секунду воткнули в землю... Нет, полнейшее наваждение! Коваль мог бы поклясться, что группа молоденьких ясеней секунду назад занимала другое положение. Но ни один представитель флоры на Земле не способен в таком темпе пускать новые побеги. Исключение составлял бамбук, которого в Ленинградской области в помине не водилось, да и бамбук вел себя повежливее!

Притихший научный сотрудник вернул бинокль молча наблюдавшему за ним Рокотову.

— Они... оно сожрало поля фермеров?

— Угу. Растворило. И привело в бешенство скотину. Но дело не в посевах. За горкой - отсюда не видно - стоял большой поселок и завод. Поселок мертвый, там никто после Большой смерти не жил. Завод очень грязный, там всё завалено старой резиной, целые поля старой резины. Даже земля ею пропахла. Наверное, они делали из старых колес новые, не

знаю. Или просто жгли колеса. Там была труба, и вся земля в округе черная. Теперь нет ни завода, ни деревни, ничего. Но зараза поползла дальше и захватила чистые ранчо...

– И что? Ничего нельзя сделать?

– Уже делают. - Рокотов сплюнул. - Нефтяники выжгут заразу. Вторично оно не вырастет, но ковбои уже не вернутся. Они никогда не возвращаются туда, где... где собственные свиньи пожрали их детей. А ты бы вернулся? Вот именно! - Чарли похлопал Ковалю по плечу и тяжело спрыгнул в засохшую грязь. Два рослых бодигарда уже поджидали его внизу, еще двое остались в вагоне.

Артур поплелся следом, вспоминая вчерашнюю речь библиотекаря.

– Лева Книжник - самый умный человек в Совете, - тяжело сопя, покивал Чарли. - Пожалуй, даже умнее меня. Ха-ха! Но я не могу говорить его умными словами. Я умею торговаться и знаю, как не разорить коммуны. Но как остановить тех, кто раскачивает...

– Неужели с ними нельзя договориться?

– Они не желают ни с кем договариваться. Когда им что-то надо, они приходят и берут. Иногда платят. Они не враждуют с городскими, они враждуют с городами, и никто не может их остановить... А вот и нефтяники. Наконец-то!

В просвет между фургонами с треском и грохотом вкатился удивительный экипаж, мечта воинствующего футуриста. Широкая платформа на гусеничном ходу венчалась решетчатой башней, на вершине которой в будке от подъемного крана сидел человек в водолазном шлеме и держался за ручки огнемета. То, что это именно огнемет, а не водяная пушка, Артур догадался сразу: хобот орудия и передний бампер машины почернели от копоти. Гусеницы были не "родные", а узкие, снятые с портативных немецких экскаваторов. Под башней, поверх платформы, стоял снятый с колес американский кабриолет вызывающего оранжевого цвета. В нем сидели еще двое, без шлемов, но в компании с огромным бурым медведем.

"Господи, - быстро произнес Артур, замуривая глаза, - Господи, не дай мне сойти с ума! Если у них собаки плавают, как акулы, то почему бы медведям не летать?"

Но медведь никуда не полетел. Лошади, спокойно жевавшие сено, забеспокоились, но мохнатый гигант вел себя удивительно мирно. На шее у зверя крепился широкий ошейник с цепью, намотанной вокруг заднего сиденья кабриолета. Позади шестиместного ландо на платформе тягача помещались баллоны с горючим для огнемета и высокая проволочная клетка. В клетке на деревянном чурбане сидел чумазый мальчишка лет десяти и играл с двумя крошечными медвежатами. Дизель последний раз взревел, заслонка на трубе поднялась, выпустив в небо струю жирного дыма, и все стихло.

Пассажиры дилижанса боязливо обступили нефтяников. С водительского места поднялся худой мужчина с обветренным смуглым лицом, в брезентовой пожарной робе. На плече у водителя, перебирая морщинистыми лапами, восседал какой-то крылатый хищник, похожий на сокола. Нефтяник окинул толпу мимолетным взглядом и безошибочно выделил Арину.

Они помахали друг другу, затем мужчина легко спрыгнул на землю. Сокол захлопал крыльями, но удержался на плече. Начальница стражи пожала приезжему руку, затем о чем-то спросила мальчика в клетке. Медведь вел себя так, будто его ничего не касалось. Чарли, увлекая за собой Ковалю, протиснулся сквозь толпу, и Артур разглядел топтыгина вблизи. Медведица-мать, несомненно, побывала не в одном сражении; под шерстью змеились десятки грубых шрамов, отсутствовали половина уха и треть нижней губы, на левой лапе когда-то неправильно срослась кость. Артур попытался представить зверя, который мог бы сломать медведице лапу, но ничего страшнее капкана не придумал.

– Привет, Рокотов! - звучно пробасила женщина с пассажирского сиденья лимузина. - Ты не научишь Андрюшу, как растолстеть? Он жрет за троих, но не может набрать и капли жира!

Андрюша захохотал так, что сокол чуть не свалился с плеча.

– Мама Луга! - Чарли церемонно поклонился, приложив ладонь к сердцу. - Это

чудесная тайна моего рода, как сохранять жир в теле, и я унесу ее в могилу.

– Маме Луге нравятся заморыши вроде тебя! - Андрей обнялся с торговцем, быстрым взглядом скользнул по белому комбинезону Ковалья. - Как здоровье мамы Рубенс?

– Спасибо, нефтяник. Она сильна, как твои медведи.

– Доволен ли папа Рубенс мазутом?

– Мазут прекрасно горит. Ты получил наш металл?

– Да. Железо крепкое. Я рад тебе, торговец.

– Я рад тебе, нефтяник.

Арина Рубенс терпеливо ждала, когда церемония приветствий закончится, никак не подавая виду, что караваном командует именно она.

– Что ты скажешь нам, дочь Красной луны? - непринужденно повернулась к девушке мама Луга.

Артур вздрогнул, но остальные восприняли обращение как нечто само собой разумеющееся.

– Я слышу их за рекой, - нахмурилась девушка, поправляя каску. - А что скажешь ты, сын Медведя?

Началось, механически отметил Коваль, взрослые люди непроизвольно играют в индейцев. Мы тихо сползаем к тотемам, ритуальным кострам и пляскам смерти...

Сын Медведя, держа на руках пушистого медвежонка, вылез из клетки и передал сына мамаше; та немедленно начала его вылизывать. Второй медвежонок, оставшись один, жалобно повизгивал. Мальчик уселся на гусенице, болтая босыми ногами в дырявых штанах.

– Они за рекой, - подтвердил мальчик, наклонив голову к плечу, словно прислушиваясь. - Сотня конных в болоте, еще сотня в лесу, и с ними...

– Я слышу железо, - немного погодя добавила Арина.

– Пушки? - напрягся Чарли.

– Нет, не пушки. - Девушка сняла каску, наморщила лоб.

Артура сзади подергали за рукав. Он оглянулся и увидел расплывшуюся до ушей физиономию Людовика. На ноге незадачливый воин еще носил повязку, но это не освободило его от первой смены караула.

– Будет драка! - возбужденно поведал Людовик. Он хотел еще что-то сказать, но тут сын Медведя встрепенулся:

– Дети Чингиса привели крылатых змей!

По толпе пронесся ропот. Чарли открыл и закрыл рот, Людовик икнул и перекрестился.

– Откуда, приятель, ты знаешь про крылатых змей? - грозно спросила мама Луга. - Не пугай людей сказками!

Она шевельнулась на своем сиденье, укрытая вязаной попоной, и тут Артур увидел, что мама Луга кормит грудью ребенка.

– Ты хочешь переждать день? - Главный нефтяник повернулся к Арине. С Рокотовым военные вопросы не обсуждали. - Утром, если захочешь, мы пошлем за ковбоями. Проводят вас до Вечного пожарища. Семьдесят клинков они выставят. Заплатишь всадникам золотом, а коммуне - пару коней.

– Мы не будем ждать! - поджала губы Арина, рискнула глазами по толпе, нашла Людовика. - Солдат, ступай в мою машину, скажи, чтобы сыграли подъем. Мы выступаем!

Людовик без единого слова сорвался с места. Над стоянкой поплыл колокольный звон.

– Ты права, дочь Красной луны! - одобрительно кивнул Андрюша и погладил сокола. - Чем раньше вы переправитесь, тем меньше времени останется у дикарей на подготовку. Мы наведем понтон.

– Мы знаем, что нас ждет засада, и полезем напролом? - Коваль никак не мог воспринять такую нелепую логику.

Спешащий к вагону Чарли остановился так резко, что Артур стукнулся о живот главного торговца.

– Приятель, Арина знает, что делать. Если мы промедлим, дикари поймут, что мы

боимся. А если мы боимся, у них может возникнуть мысль переплыть реку и напасть на нас тут. А если это случится, о дружбе с нефтяниками мы можем забыть!

Чарли повернулся, но Коваль схватил здоровяка за локоть:

– Подожди! Кто-то сообщил дикарям, что мы идем? Не слишком ли вовремя засуетились эти лесные братья? Возможно, я плохо стреляю, но мозги у меня в порядке. Нефтяники предлагали вам нанять фермеров, но сами умыли руки. Дикари ждут нас на том берегу, но не суются на этот. Что ты на это скажешь?

Чарли попытался вырвать руку, но Коваль держал его крепко.

– Знаешь, приятель, - нехотя огрызнулся торговец, - я ведь не верил, что ты проспал сотню лет в ледяной ванне. Я склонялся к мысли, что ты приплыл с норвежских островов. Но теперь я тебе верю. Только идиот из прошлого может так рассуждать. Клянусь прахом мамы Ксении, тебя убьют раньше, чем ты примешь присягу, если не научишься жить среди людей!

– Я спросил тебя: почему дикари не трогают нефтяников? Мама Луга продает им горючее, ведь так?! А нас считает хорошим тоном предупредить?

Артур посторонился, пропуская бегущих минометчиков. С крыш фургонов опускали на борта дополнительные листы железа, лошадей укутывали толстыми попонами, поверх крепили кольчужные сетки.

– А если и так?! - перекивая команды сержантов, вспылел Рокотов. - Это их дело, а не наше. Горючее нужно всем. Мама Луга не спрашивает меня, с кем я иду торговать. Она выполняет свои обязательства. На территории ее коммуны мы можем прожить хоть месяц, и ни один чингис или шептун нас не тронет. А если ее люди захотят пожить на площади перед дворцом, мы тоже умрем, но никого к ним не подпустим. На древнем языке это называется ди-пло-ма-ти-я! Ты понял, приятель? Ну, чем ты еще недоволен? Надумал остаться? Валяй! Присягу ты не принял, вольный человек. Ступай к маме Луге, она со своим караваном отправит тебя в город...

– Я-то тебя понял, уважаемый член Совета! - Вслед за телохранителями Артур поднялся в штабной вагон. - Только твоя дипломатия называется немножко иначе. Это куриная слепота.

Караван на рысях вылетел к воде. Старый мост через Тосну провалился посередине. Сотней метров ниже команда нефтяников на тросах тянула к пирсу секцию армейского понтона. Коваль позаимствовал у Рокотова бинокль, навел на противоположный берег.

Зубчатая стена деревьев, завалившаяся на бок опора передач, засыпанная сучьями нитка шоссе. Где-то вдалеке, на пределе видимости, поднимались к темнеющему небу ниточки дыма. Волнистая линия холмов подернулась туманной дымкой, четкие линии размазывались, растекались, точно неокрепшие краски на промокшем холсте. Низкие угрюмые тучи на горизонте соединялись в сплошной свинцовый фронт и, крадучись, цепляясь мохнатыми щупальцами за кроны деревьев, ползли к реке. словно силы зла собрались там, подумал Артур, и тут же себя одернул. Не хватает еще, чтобы он начал верить в чертей и драконов! Нет и не может быть твари страшнее человека...

– Если умеешь, помолись! - серьезно посоветовал Чарли, натягивая поверх свитера мелкаячеистую кольчугу. - Здесь кончается цивилизация. Дальше до города Клин нет ни одной коммуны. Нам никто не поможет. А если ты полагаешь, что мы кого-нибудь боимся...

Он принял от помощника два снаряженных арбалета, просунул в оконную щель дуло охотничьей двустволки. На столике появились самодельные патроны, набитые мелкими гвоздями.

Нефтяники притянули понтон к железному пирсу; две каурые лошадки, повинувшись кнуту, ходили по кругу, наматывая на бобину стальной трос. Выше по берегу Артур заметил трактор с огнеметом и медведицей. Андрюша и сын Медведя сидели на капоте и передавали из рук в руки бутылку. Мама Луга кормила ребенка.

Колокол звякнул трижды. Ведущий "Кировец" выпустил облако дыма, опустил ковш и, лязгая, выполз на просевший пирс. Погонщики щелкнули бичами, и переправа началась.

11. Драконы чингисов

Все обитатели пассажирского вагона, за исключением Рокотова с охраной и Ковалья, улеглись на пол. Всадники растянулись эскадроном и первыми вступили на доски понтонов. Арина безостановочно отдавала по телефону короткие распоряжения, сержанты отчитывались о готовности к бою.

Раскачиваясь на колдобинах, груженная колонна вползала в лес. Никто больше не трепался, доносился лишь скрип несмазанных подшипников и хруст сухих веток под колесами. Коваль сидел напротив Чарли, сжимая в руке ствол, и спрашивал себя, боится он или нет. Страха, пожалуй, не было, но нервы натянулись до предела. Далеко впереди заржала лошадь, чуть громче обычного заревел трактор. Опять всё стихло. И в ту же секунду, словно по команде, воздух разорвал душераздирающий вой. Чингисы кинулись на абордаж.

По стенам вагона что-то дробно заколотило, в спертom и без того воздухе распространился жуткий смрад. Потянуло горелым. Чарли схватил в каждую руку по арбалету и ринулся в тамбур. В своем железном одеянии и мотоциклетном шлеме с надписью "вервольф" он походил на разъяренного носорога. Двое охранников с автоматами так и остались сидеть на сундуке, а двое других кинулись догонять патрона. Артур в три прыжка поднялся по лесенке в "башню". Не успел он добраться до верхней ступеньки, как в пулеметную щель влетела стрела с горящей тряпкой на конце. Вот она, ваша дипломатия, матерился Артур, затапывая пламя. По счастью, никого из четверых бойцов, лежащих у амбразур, не задело. Ближайший пулеметчик повернул красное от напряжения лицо, и Коваль узнал Даляра. Люди Арины не получили пока приказа стрелять, караван продолжал движение. Артур прильнул к свободной щели и увидел дикарей.

То, что он увидел, ему совсем не понравилось. Может, они и не читали газет, но орудовали совсем не как глупые индейцы в вестернах. Никто из чингисов не скакал вдоль поезда, подставляясь под пули. Несколько десятков всадников совершали непрерывный круг по лесу. Появляясь по одному, они выпускали горящие стрелы и сразу исчезали в чаще. Их мишенью были не крытые железом фургоны, а ноги лошадей. Несмотря на длинные, волочащиеся по земле попоны, дикари своего добились, ровный ход экипажей застопорился. Возницы не могли спуститься с козел, чтобы помочь взбесившимся от боли животным. Для перестроения в боевой порядок у фургонов не хватало места, деревья примыкали к дороге почти вплотную.

И тут на прицепе "Урала" заклокотала пушка. Ковалю показалось, что он моментально оглох. В лесу в течение нескольких секунд образовалась довольно широкая просека, в которой взлетали вверх щепки, целые кусты и окровавленные ошметки тел. Затем после непродолжительного молчания канонир перенес огонь на левый фланг. Еще пять-шесть секунд непрерывного грохота. Потери врага было трудно оценить, некоторое время из леса никто не показывался. Зато, повинувшись приказу Арины, из нижних люков фургонов посыпались стрелки и выдвинулись на обе обочины, где и залегли с арбалетами и винтовками. Сверху Коваль их прекрасно видел. Погонщики получили возможность заменить раненых животных. Ни один из пулеметчиков в "башне" так и не выстрелил. Не успел к Артуру вернуться слух, как из броневика разом шарахнули гранатометы. Четыре гранаты со свистом ушли в зенит, чтобы разорваться совсем недалеко, метрах в ста от трассы. Земля содрогнулась, и опять всё стихло, но спешившихся ковбоев уже не было видно. Они обеспечили прикрытие и углубились в лес.

Ай да девчонка! Если минометчики сумели взять правильный угол, то почти наверняка их огонь достиг цели. Коваль сильно сомневался, что Арина разбирается в военном деле, но "лунный" дар позволял ей чувствовать скопление неприятеля. Звякнул колокол, и караван тронулся с места.

Минуту спустя лес начал редеть, потянулось мшистое болото, утыканное сгоревшими трупами деревьев. Из "башни" было видно, что впереди болото исчезало, сменяясь довольно сухим плоским участком, где фургоны могли бы встать кольцом. Караван набрал

порядочную скорость, километров двадцать пять в час, лошади пошли рысью, сбиваясь в галоп, свистели кнуты, гортанно кричали возницы. Артур уже начал надеяться, что бой завершился, но оказалось, что всё только началось.

Головной "Кировец" уткнулся в завал. Ни малейшего сомнения в том, что стволы, в два обхвата толщиной, приволокли сюда загодя! Следовало бы показать эту баррикаду "великому дипломату" Чарли, но Рокотов наверху не появлялся. Впрочем, со своим животом он бы застрял на лесенке!

Не успела по эстафете пройти команда "Стой!", как прозвучала следующая: "Лошадям - лежать!" На глазах изумленного Артура происходили чудеса дрессуры. Закутанные в тлеющий войлок лошадки послушно подгибали колени, превращаясь в покрытые сетью холмики. Мгновением позже зазвонил телефон, и Даяр взял трубку. Еще миг спустя Коваль глянул в щель и замер.

По болоту мчались драконы. Конечно, им было далеко до легендарных змеев горынычей, но при соответствующем уходе, лет за "цать", крылатые змеи вполне могли бы дать почву новому фольклору. Коваль как замороженный следил за приближением чешуйчатых гадов и вспоминал документальный фильм про аллигаторов. Если аллигатору повезет, то он достигнет максимальной величины к пятидесяти годам...

Не может быть, чтобы эти уродцы собирались жить так долго! Напротив, все дело в бешеной смене поколений; очевидно, мутация ускорила развитие до такой степени, что за пару десятков лет могли появиться совершенно новые адаптивные способности... Крылатые еще неважнецки летали; им требовалась возвышенность или долгий разгон. Они лупили по воздуху трехметровыми кожистыми крыльями и щелкали неприятными треугольными челюстями. Задача детей Чингиса была видна, как на ладони: запугать врага, чтобы музейщики не смели и носа высунуть из укрытий. Первая часть плана дикарям вполне удалась, защитников каравана практически парализовало от ужаса. Младшие командиры надрывали глотки, почти непрерывно звенел колокол, трещали телефоны, но приказы выполнялись плохо. Если дикари начнут выбивать музейщиков из каждой повозки поочередно, нам каюк, решил Артур...

Завершить мысль ему не пришлось, потому что из мха, в двух десятках метров, поднялся юноша с кустиком на голове и выстрелил в штабной вагон из заплечной ракетной установки. В долю секунды, пока дикарь жал на курок, его горло насквозь пробила арбалетная стрела. Поэтому палец юного "ракетчика" дернулся, и снаряд угодил в стоящий спереди фургон с сеном.

У Артура появилось ощущение, словно ему врезали по обоим ушам раскаленными утюгами. Задняя половина фургона перестала существовать, а передняя горела, как нефтяной фонтан. В этом фонтане бились и заживо сгорали три раненых коня. Огромное окованное колесо взлетело в воздух и, падая, убило еще одну лошадь. Даяр кричал на подчиненных, открыл огонь одиночными, но остальные стрелки вжали головы в плечи, провожая глазами пикирующих змеев. Броситься вниз и забиться под полку парням мешала угроза петли.

Из болота поднялся еще один камикадзе со "стингером", но его уложили до выстрела, как вскочившую мишень в тире. Из соседнего вагона пытались стрелять по летающим ящерицам, которые, не причиняя особого вреда, кружились над обочиной. Две штуки подбили, еще одну срезал кто-то впереди, и тут разом затарахтели тяжелые пулеметы броневика и автоматчик в тракторе.

Мох зашатался, как поверхность студня, и десятки почти голых, перемазанных глиной людей с воем и гиканьем припустили в атаку. Почти сразу же объявился еще один "ракетчик", на сей раз слева. Он метил в грузовик с пушкой, и его снаряд достиг цели. Прицеп подпрыгнул и завалился набок, колеса беспомощно вращались в воздухе. Из упавшего прицепа, словно живой факел, вылетел канонир и, размахивая конечностями, угодил в самую гущу дикарей. Артур понимал, что со своим пистолетом он не внесет серьезных изменений в ход сражения, оставалось только крутить шеей и наблюдать. Автоматчики кое-как мобилизовались и срезали первую волну нападавших, но дикари не

залегли, а продолжали неистовый бег. Затем защитники каравана получили новую команду, и в ход пошли арбалеты. Раз огнестрельное оружие не остановило врага, Арина решила экономить патроны. Из леса с саблями наголо вырвалась конница Эрмитажа и обрушилась бандитам во фланг. Бой сразу стал протекать намного тише, пока не случились два события, качнувшие чашу весов в пользу чингисов.

Сквозь кусты ломилась толпа вражеских всадников, не добытых в первой атаке. Две конные когорты схлестнулись с оглушительным лязганьем. Даляр перевел пулемет на стрельбу очередями и за полминуты опустошил магазин. После этого у него остался маленький импортный автомат. Примерно то же самое произошло и с другими стрелками.

Конница врага несла тяжелые потери, но авангард добрался до фургонов. Возниц закалывали прямо в будочках, десятки вопящих дикарей влезли на крыши, взламывали забитые окна и двери. Отдельный отряд чумазных тащил на себе бревна, которые просовывали между спицами колес, другие набрасывали на ступицы ржавые цепи.

Вдоль дороги послышалось нарастающее тарыхтение. Шедший впереди колонны трактор развернулся и, прыгая по кочкам, возвращался по обочине назад. Дикари облепили кабину, как муравьи сахарную голову, колотили дубинками по кожуху мотора, но тракторист упорно мчал вплотную к фургонам, сметая зазевавшихся. Стрелок за его спиной садил по нападавшим короткими очередями, ему вторили тяжелые пулеметы броневика. Но тракторист, укрывшийся за толстой обшивкой, смотрел только вперед, и не мог видеть того, что происходило сзади. А сзади из болота показалось черное дуло; чингисы подтянули артиллерию! Предупредить смельчаков не было никакой возможности, подбитый двигатель "Кировца" ревел на пределе, из-под капота валил дым; под колеса трактора угодило не менее десятка зазевавшихся дикарей...

Пушка выстрелила.

Первый снаряд угодил в заднюю ось дилижанса охраны. Многотонная конструкция поднялась на дыбы, роняя куски брони. Всадники в волчьих шкурах, визжа, как сотня чертей, прыгнули в стороны. Многие не успели отскочить и погибли вместе с защитниками дилижанса. Почему молчит наша пушка, думал Артур, что случилось? Пулемет Арины - Коваль уже узнавал его по звуку - тарыхтел непрерывно; дикари не смели приблизиться к передним повозкам, там их срезало, словно нож проходил сквозь масло.

Один из соседей Даляра откинулся назад, вместо глаза зияла черная дыра. В салоне визжали женщины, кто-то надсадно кашлял и матерился. Сквозь пол поднимался запах горящего мазута. Дикари снизу подожгли фургон! Десятки рук раскачивали забитые окна, срывали листы обшивки. Визг мамаш в укрепленном купе срывался в ультразвук.

— Пушка! - крикнул Артур в ухо почерневшему от копоти Даляру. - Надо зарядить пушку!

Тот, не отвечая, тер слезящиеся глаза и лихорадочно перезаряжал дробовик. В его автомате патроны тоже кончились. Коваль махнул рукой и решил спуститься вниз. Следовало что-то немедленно придумать: из лесочка к горячей колонне неслась очередная партия свежей конницы. Из-за обилия засохшей глины на лицах физиономии дикарей напоминали оскаленные красные черепа.

За всадниками, хрипя от натуги, тяжеловозы волокли по трясине еще одно орудие, на сей раз гораздо более серьезного калибра. Целый взвод чингисов, утопая по колено в грязи, помогал лошадям, но дело продвигалось медленно. Зато вторично жажнула та пушечка, что разнесла фургон стражи. Снаряд попал в трактор. Когда рассеялось облако от взрыва, на площадке "Кировца" не оказалось ни кабины, ни люльки стрелка. Мотор, как ни странно, продолжал работать, и двухметровые колеса кружились на месте, волоча за собой куски человеческих тел. Чингисов, похоже, не волновала убыль в своих рядах; вместе с трактористом разнесло на части человек восемь дикарей.

Коваль решил не дожидаться, когда пушка выстрелит в третий раз, прыгнул в проход, и, как оказалось, очень вовремя. Недоразвитые дракончики, которых он чуть не пожалел, планировали сверху на крыши вагонов. Кто-то управлял действиями гадов и людей, потому

что дикари разом отхлынули от вагонов. Чарли в тамбуре издал радостный боевой клич, и двое лесных жителей, не успевших пригнуться от его стрел, повалились замертво.

Двухдюймовые когти заскребли по металлу, и почти сразу раздался душераздирающий вой. Кричали автоматчики в "башне", кричал Даляр, сбивая с волос пламя. Треугольная чешуйчатая морда ящера просунулась в амбразуру и выпустила ревушую струю синего пламени. Вторая рептилия добралась до заколоченного досками окна и тоже дыхла огнем. Внутренняя обшивка кают-компаний вспыхнула, как порох.

Люди орали и бросались в тамбур, закрывая лица, в узком проходе образовался затор из тел. Артур схватил чей-то противогаз, перекатился на боковую полку. Сверху из башенки вывалился Даляр. Бровей у него не было, половина бороды превратилась в пепел, куртка на спине дымилась. Второй автоматчик истошно орал и катался, суча ногами. В соседних вагонах дела обстояли не лучше, организованная оборона разваливалась. Нападение с неба совершенно деморализовало музейщиков. Отовсюду слышались вопли обожженных людей, кашель и стоны. Драканы почти одновременно атаковали все отверстия и щели в обшивке; часть защитников побросала оружие и лежа молилась...

– Зенитка! - крикнул Артур. - Даляр, как добраться до зенитки?!

– Ляг на пол и молчи! - На щеке сержанта расплывался ожог. - Если я покину фургон без приказа, меня казнят! Твое дело - доехать живым, не высовывайся!..

Никто не доедет живым, подумал Коваль, если и дальше следовать приказам. Из "башни" опускался тошнотворный запах паленого мяса. Дракон, очевидно, взлетел набраться сил. Его товарищи атаковали передние повозки, оттуда доносились нечеловеческие вопли вперемешку с беспорядочной пальбой. От забитого досками хвоста вагона надвигалась сплошная стена огня. Пожар охватил стенку купе, где ехали мамы, и подбирался к казне. Изнутри в дверь со всей силы колотили, но в общем вое девушек никто не слышал. Стражники подняли в полу крышку люка и хотели пропихнуть туда кованый сундук, но пассажиры прыгали в дыру, спасая собственные жизни.

Артур сорвал с подушки наволочку, намочил водой. Затем обмотал мокрой наволочкой голову и, пригнувшись, ринулся в огонь. Дверь в купе мамаш удерживал запор с висячим замком. Коваль ощупал дужки и приказал визжащим внутри девушкам отойти влево. Вроде бы его услышали. Артуру пришлось выпустить три пули, прежде чем скоба развалилась пополам. Затем он навалился на косяк, чувствуя, как расплавленная пластмасса капает на руки.

Одна девица, наглотавшаяся дыма, лежала без движения, Коваль неловко закинул ее на плечо. Трое остальных, непрерывно визжа, вжимались в стену. Отодвигая дверь, Артур успел увидеть коричневые когти. Змея висела снаружи, отдирая доски с забитого окна. Артур выстрелил трижды, во все стороны полетели щепки, но когти разжались.

Мамочки, не дожидаясь приглашения, пряча под платками волосы, выскочили в коридор. По внутренней обшивке сидений плясали верткие алые язычки. Навстречу мамашам уже спешил амбал, охранявший казну; ему и передал Артур потерявшую сознание девушку. В последний момент мамочка очнулась и, словно не желая расставаться со своим спасителем, вцепилась Артуру в лямку комбинезона. Совсем близко от своего лица Коваль увидел пухлые губы и огромные, залитые слезами, серые глаза. Ему почудилось...

На мгновение время для него остановилось. Девчонка была как две капли воды похожа на...

Но тут змея забарабанила в соседнее окно, и время опять потекло в бешеном темпе. Артур вылил себе на темечко остаток воды из фляги и поспешил к Чарли.

Пулеметы броневика еще огрызались, им вторили автоматчики из того трактора, что шел в арьергарде. Коваль, перехватывая руками за выступающие части, как обезьяна, под потолком рванулся к передней площадке. Несколько обезумевших пассажиров разметали телохранителей Рокотова и выскочили наружу, прямо под стрелы залегших в болоте дикарей.

Обе двери стояли нараспашку. Чарли и его парни организовали своеобразный

конвейер. Двое стреляли в обе стороны из арбалетов и ружей, третий, по центру, заряжал. Затем они менялись. Все трое были ранены, в кольчуге коммивояжера застряли две стрелы, плечо пропиталось кровью, но он словно не замечал этого. Стрелял Чарли метко и поворачивался удивительно шустро для своей комплекции. У подножки вагона выросла целая гора трупов; уцелевшие дикари расползались в стороны. Те пассажиры, что в поисках чистого воздуха покинули фургон, также лежали убитыми.

– Мы сгорим! - Артур пытался перекрыть бушующее за спиной пламя. - Надо вывести людей!

– Не время! - Чарли спустил тетиву, кинул арбалет заряжающему и тут же пригнулся. Прямо над его шлемом ударилась о железный лист вражеская стрела. - Они только этого и ждут, чтобы захватить пленных! Груз они тоже не тронут. Гляди, сейчас ребята мамы Кэт зададут им жару!

Коваль сначала не понял, о чем тот говорит, но выглянул в проем и застал совершенно фантастическую картину. Драконы описывали над колонной восьмерки, поднимаясь вверх и пикируя, как заправские штурмовики. Двое ящеров рвали на части застрявшую в постромках лошадь, еще несколько лошадей горели заживо, не в силах выбраться из-под кольчуг. Вдоль линии фургонов на обочине образовался сплошной завал из мертвых дикарей. Уцелевшие отошли в болото и вяло перестреливались с защитниками каравана. Среди горелых стволов мелькала фигурка с двумя ракетными установками на плечах. У врага закончились ракеты, но длинноствольную гаубицу уже начали разворачивать к дороге. С расстояния примерно в сто пятьдесят метров бойцы Арины могли только наблюдать за приготовлениями чингисов. Снайперов в отряде не было. Внезапно доморощенные артиллеристы в третий раз выстрелили из маленькой пушки. Снаряд прошел с перелетом, но, словно дождавшись этого сигнала, из лесочка, в тыл дикарям, ударил "засадный полк". Это были те самые бойцы мамы Кэт, которых Арина отправила в лес после первого залпа минометов. Не ожидавшие подвоха дикари развернули коней, но расчет большой гаубицы уже был напрочь уничтожен. Затеялась рукопашная, "глиняные морды" отвлеклись от обстрела фургонов...

В отряде мамы Кэт народу было немного, человек двадцать, но дрались они как черти, используя тактику древних. Первая пятерка пальнула картечью из обрезов и тут же залегла. Вслед за ней отстрелялся второй эшелон.

Дикари валились, как костяшки домино, пятась, отступали к дороге, но оказаться под огнем драконов им тоже не улыбалось. Ружья у них присутствовали, но большей частью чингисы посылали стрелы или сражались холодным оружием. Коренник, тащивший гаубицу, провалился в яму, его добились ножами. Ствол орудия задрался вверх и начал медленно оседать в сторону.

– Пора! - скомандовал своим Чарли. - Комар, выводите мамочек через низ. Сначала мамы! Всех вперед, в фургон с железом, там есть место. Вратарь, смени Лося на золоте! Вратарь, ты оглох?!

Артур обернулся к притихшему Вратарю и почувствовал, как встают дыбом волосы на затылке.

12. О пользе ПВО

Не успел громадный Комар броситься мимо Артура в пылающее нутро вагона, как его напарника постигло несчастье.

– Берегись! - завопил Коваль, но было уже поздно.

Напротив левой распахнутой двери повисла черная тень. Двухметровая крылатая тварь уцепилась когтистой лапой за косяк и сунула в тамбур уродливую голову с непропорционально большими, выпуклыми, как у коровы, буркалами. Телохранитель отшатнулся, хватаясь за нож, и его движение спасло жизнь остальным. Змей уже разевал пасть, и Коваль видел, как из-под вздернутой верхней губы выдвигаются две дополнительные ороговевшие ноздри, точно миниатюрные ракетные сопла.

Но тут Вратарь взмахнул ножом, змей переключил внимание, вторая "куриная" лапа ударила человека в плечо и оторвала от пола. Нож застрял у змея в брюхе, охранник завизжал, Чарли бросил арбалет и потянулся за револьвером на поясе. Змей, опираясь на хвост и вторую лапу, лупил снаружи вагона крыльями и таскал обмякшего охранника по тамбуру, как куль с тряпьем. Из плеча его фонтанами била кровь, глаза закатились. Наконец ящер отшвырнул израненного солдата прямо на грудь Рокотову, тот не удержался на ногах, и они вместе повалились на пол.

Дракон зашипел, встряхивая лапой. Вся рука солдата, до плеча, осталась у него в когтях. Коваль обеими руками обхватил пистолет, уперся спиной в раскалившуюся стенку и выстрелил шесть раз, прямо в разинутую пасть.

— Делаеть успехи, дружище! - простонал Чарли. - Ах скотина! Эта скотина убила Вратаря...

Вратарю уже никто не смог бы помочь; еще до того как парень истек кровью, у него была сломана шея. Мертвого дракона отбросило наружу вместе с рукой Вратаря и куском переборки. Еще не долетев до земли, зеленое туловище гада вспыхнуло; очевидно, Коваль перебил в теле крылатого трубопровод с горючей смесью. Артур спрыгнул вниз, и почти сразу возле уха просвистела стрела. Он распластался и пополз под защиту колеса. Колеса действительно горели, но с другой стороны. Сквозь нижний люк Комар с Лосем принимали кашляющих, отплеывающихся людей. Пассажиры гуськом пробирались по направлению к фургону с металлом. Артуру предстояла прогулка в другую сторону.

— Приятель, вернись! Тебя порвут на части! - Внушительная пятерня Рокотова схватила его за шиворот.

— Я бы рад! - отозвался из канавы Коваль. - Отправь тогда людей к зенитке! Змеев надо отогнать!

— Не могу! - простонал толстяк. - Они боятся! Если ты погибнешь, папа утопит меня в Неве!

Артур чуть не рассмеялся. Историческая фраза! Даже теперь Рокотова пугал гнев Рубенса. Мгновение спустя Артура чуть не раздавила туша торговца. Они переглянулись и, не сговариваясь, поползли назад под чадающей повозкой охраны. Дилижанс, где должна была отдыхать свободная смена, выгорел почти дотла, но несущая база от седельного тягача и шасси остались целыми. Натянув маску, ежесекундно ожидая выстрела или хлопанья адских крыльев, Коваль достиг задних колес и прямо перед собой увидел изрешеченную пулями морду "Урала". Трактор стоял в стороне, скатившись на обочину, с задраным вверх ковшом. Мотор работал, и оба человека в кабине были живы, но остались без патронов. Стоило водителю приоткрыть дверцу, как из болота прилетала стрела и отскакивала от обшивки.

Тракторист проводил ползущего в канаве "министра торговли" застывшим взглядом и снова убрал лицо подальше от щелки. Миновав трактор, Коваль понял, почему тот не едет. Дикари намотали на заднее колесо нечто вроде рыбацкой сети с длинными крючками. Стрелок в задней люльке прикончил как минимум шестерых; чумазы дядьки в лаптях и грязных шкурах устроились в болотной траве, в затылок друг другу.

Они жуют дурман, вспомнил Артур. Они жуют дурман и перестают бояться смерти. Им приказали остановить трактор, и они пошли, прекрасно видя, что наматывать сеть придется прямо перед дулом пулемета! Лежа в глубокой колее, Артур почти ничего не видел и молил об одном: чтобы с неба не спикировала еще одна летающая паяльная лампа. Один дракон, громохкая железом, разгуливал по крыше, прямо над головой. Другой рвал на части трупы, лежащие на обочине. Рокотов шумно пыхтел за спиной. Молодец, с неожиданной теплотой подумал Коваль. Вот я лезу на рожон от безысходности, а он вообще не обязан подвергать себя риску. Мог бы переждать, но не сидится ему!

Прицеп с пушкой лежал на боку, но орудие выглядело совсем неплохо. Вражеский снаряд разбил в щепу заднюю часть платформы вместе с поворотным механизмом. Башню теперь придется крутить вручную, но сначала надо перевернуть прицеп! В кабине "Урала" кто-то громко стонал. Артур поднял голову, и кровь застыла у него в жилах. Казалось, уже

ничему он сегодня не мог испугаться, но вид крылатого змея, выгрызающего человека сквозь пулеметную амбразуру, заставил бы любого неделю не спать.

Гад висел, опираясь широким крокодильим хвостом о капот, а единственной целой лапой вцепившись в зеркальце заднего вида. Голову и чешуйчатую шею он просунул в кабину.

– Я прикончу эту суку! - Чарли щелкнул револьвером.

– Нет! - прошептал Артур. - Не трать патроны, он и так подойдет. У него перебиты крылья и хлещет кровь. Скорее, нам надо расчехлить зенитку!

Тем не менее остаток пути под открытым небом до бампера он проделал на боку, с замирающим сердцем ожидая струи огня. Но ящер так и не прервал трапезы. Чарли прикрывал Артура, пока тот взбирался на высокий борт, затем и сам, оглядевшись, направился следом. Но опасаться им было некого. Внутри под тлеющим шерстяным пологом, утыканным стрелами, словно шкура дикобраза, остывали четыре мертвых дикаря.

Впервые Артур рассмотрел их вблизи. Несмотря на пугающую боевую раскраску, последователи Чингисхана являли довольно жалкое зрелище. Как и расстрелянные на дороге сородичи, эти четверо также не отличались молодостью и богатырским сложением. Ничего удивительного, что они выкупают своих пленных, подумал Артур, пробираясь по трупам к зенитке, ведь у них почти нет молодежи. Нелепый способ поддержания рода - выкрасть четверых девчонок ценой сотни убитых! Нет, здесь что-то неправильно...

Боевой расчет орудия защищался до последнего. Врагов, напавших на машину, было намного больше, но остальные ушли, не найдя для себя в кузове ничего интересного. Из кабины стонов уже не доносилось, но дракон всё еще был там, хрустел челюстями.

– Помоги мне их оттащить! - попросил Коваль, разрезая ножом полог на борту.

Он посмотрел на свои руки и удивился, что они практически не дрожат. А еще он сорвал ноготь, порезался, вся левая кисть была в крови и ожогах, но боли не ощущалось. Вдвоем с Чарли они вытащили зенитчиков из кресел.

– Ты умеешь из этого стрелять? - благоговейным шепотом произнес толстяк.

– Придется научиться! - Коваль снял подаренный Людовиком свитер и подстелил его на металлическое сиденье. Не хотелось усаживаться в кровавую лужу. Теперь он остался в своем привычном, но давно не белоснежном комбинезоне.

– Арина! - сказал Рокотов.

– Что "Арина"?

Коваль покрутил ручки; зенитка была древняя, как баллисты Архимеда, но механизм находился в рабочем состоянии. Интересно, сколько у него в лентах патронов?

– Пулемет молчит... - Здоровяк всхлипнул. Тут только Артур заметил, насколько стало тихо.

Оба пулемета с бронебика Арины молчали.

– Откинь тряпку и ложись! - Коваль и сам не заметил, как начал отдавать приказания.

Чарли сдернул полог, откатился в сторону. В глаза ударил солнечный свет.словно по закону подлости, грозовые тучи раздвинулись, подставляя место баталии для обзора равнодушной синеве. Коваль опустил щиток целеуказателя, нащупал педаль, левая ладонь легла на рычаг горизонтального разворота. Четыре ствола послушно сместились вправо. Максимальный угол возвышения не превышал шестидесяти градусов, дальше в механике что-то заклинило. Коваль смутно догадывался, что без компьютера верную точку упреждения ему не поймать, оставалось бить прямой наводкой.

Над караваном кружили драконы; за несколько последних минут их стало еще больше. Музейщиков сковал страх, фургоны выглядели брошенными, ни одна живая душа не высывалась наружу. Драконы разгуливали по крышам, пробуя на зуб башенки стрелков. Почти из всех амбразур валил жирный дым.

Чадили колеса, трупы животных, и вонючее облако гари плотным одеялом расстилалось над болотом.

– Отец-Спаситель! - пробормотал Чарли, мелко крестясь. - Это всё колдуны!

Проклятые колдуны! Мы погибли...

– Вы не встречались с крылатыми раньше? - Рокотов повернул белое, как промокашка, лицо.

Из прокушенной губы капала кровь.

– Никогда! Мы слышали о змеях, что плюются огнем, но не верили... Эту высотную пушку мы таскаем с собой против летунов, но им хватало легкой взбучки!

– Я бы тоже не поверил. Тут что-то не так... - Артур освоился с вертикалью, бросил взгляд на болото. - Чарли, у меня к тебе две большие просьбы. Ты слушаешь меня? Во-первых, подбери автомат и прикрывай мою задницу!

– Уже! - Торговец быстро приходил в себя; привычный румянец возвращался к нему на щеки. В обеих руках он держал по АКМ, снятых с убитых зенитчиков.

– И второе! - добавил Коваль, устранив пальцы на гашетке. - Обещай мне, если останешься жив, разобраться с нефтяниками!

Секунду спустя он сильно пожалел, что не снял с головы убитого стрелка пробковый шлем с наушниками. Грузовик задергался, как погибающий в агонии мамонт, трупы дикарей подпрыгивали на платформе, словно марионетки. Чарли что-то орал, раздувая щеки, еле успевая уворачиваться от летящих под ноги болванок. Коваль пытался удержать в центре визора хотя бы одну крылатую цель, но установка скакала в руках, подбрасывая его на сиденье; четыре ствола с сумасшедшей скоростью поочередно откатывались назад, выплевывая гильзы и требуя новый патрон.

Он разжал онемевшую ладонь и услышал наконец, о чем тщетно кричал Рокотов.

– Они уходят! Смотри! Эти суки испугались!

Штук пять Коваль превратил в решето; остальные змеи, не делая попытки напасть, разом взмыли вверх и, точно повинувшись неслышной команде, замахали крыльями в сторону леса.

– Ими кто-то управляет, ты понял?! - Артур всё не мог прийти в себя от возбуждения. - Они расчищали дорогу пехоте! Чингисы вернутся!

Далеко на болоте "засадный полк" из ковбоев и бойцов мамы Кэт под ударами вражеской конницы нестройно откатывался к лесу. К счастью, пехота имела в болоте преимущество, лошади застревали в чавкающей грязи, но у охраны каравана, отрезанной от арсенала, кончились патроны. Коваль оказался прав. Едва крылатые выстроились в косяк, дикари пришли в движение и снова бросились к фургонам. Мало того, впереди, там, где мох кончался и зеленел лужок, показалось еще десятка четыре всадников. Артур проверил боезапас.

– Чарли, я удержу их! Беги к Арине, к своим людям, собирай всех. Мы должны немедленно перейти в атаку, сблизиться с ними! Иначе они снова загонят нас в повозки и натравят змеев!

Рокотов прислонил к борту один из автоматов, секунду помялся, затем махнул рукой и спрыгнул вниз. Коваль проводил взглядом его неловкую тучную фигуру и вернулся к обязанностям стрелка. В перекрестье прицела Артур не видел ничего смешного, но на губах его играла улыбка.

Невидимый факир, управлявший змеями, не рассчитывал, что у противника имеются средства ПВО. Коваль уже немного освоился с системой наведения и бил короткими очередями. Зенитка выплевывала в секунду не меньше полусотни снарядов. Две цепочки трассирующих огней догнали плотно летящую крылатую стаю и в одно мгновение превратили ее в фарш. Артур прошелся слева направо, затем сверху вниз. Возможно, кто-то выжил, но старшего научного сотрудника это мало интересовало. Бегущие по полю дикари тоже заметили бесславный конец своей авиации и, дико улюлюкая, сменили направление.

Господи, хоть кто-нибудь их может отвлечь? Неужели все бойцы Эрмитажа погибли? Максимум три минуты, обреченно прикинул Артур, и уроды будут здесь. Вот и напросился в Москву, сам виноват...

Он до максимума опустил стволы и с радостью убедился, что свеженький конный

отряд на поляне накрыть успевает. Пехоту уже поздно, а вот конников - легко. Кстати, там были не только конные, Артуру на мгновение показалось, что вдали, за линией всадников, стоял открытый экипаж, и в нем сидел кто-то в белом... Наверное, показалось, да и какая разница, если через десять секунд от кавалерии чингисов остался мелко нарезанный гуляш.

Осинки, березы, липы переламывались пополам, как спички. На том месте, где гарцевали всадники, теперь горела земля. Вот и всё, зенитка замолчала. Очень возможно, что где-нибудь лежали запасные ленты, но на перезарядку у Артура не было времени. Он спустился в кузов, подобрал автомат, посмотрел на него, как на детскую игрушку. После корабельной артиллерии старый добрый "Калашников" выглядел несерьезно. Сколько же лет старичку?

Возможно, секунд сорок у него еще оставалось. Коваль осторожно высунулся и не поверил своим глазам. Чингисы исчезли, все до единого. Среди подгнивших пеньков, с трудом доставая увязающие копыта, бродили покинутые лошади. Скрипнула дверца трактора, оттуда осторожно выглянул солдат. Увидел мертвого ящера на капоте "Урала" и вжал голову в плечи.

Дверца штабного вагона распахнулась, на обочину, озираясь, спустились три внушительные фигуры. Коваль узнал Комара и Лося. Караван медленно возвращался к жизни, хлопали крышки люков, послышался первый смех и плач, удары топоров. По мокрым кочкам, еще не веря своему счастью, обалдело озираясь, возвращались из леса остатки бойцов мамы Кэт.

— Наше дело правое! - Артур выпустил из рук автомат и без сил привалился к кабине. - Мы победили! Я вам покажу "дипломатию"!

13. Дорожная демократия

— Эй, ты что, оглох?

— А?... - Визгливый голос доносился до Ковалья, словно через толстый слой ваты.

— Тебя зовет госпожа Рубенс. Пошевеливайся, приятель. Если ты не можешь идти, я тебя отнесу. - Солдат заметно смягчился, углядев, в каком состоянии находится человек, за которым его посылали.

Коваль на самом деле чувствовал себя не лучшим образом, его буквально качало от усталости. Если бы сейчас снова пришлось стрелять, он не сумел бы поднять пистолет. Ковыляя за своим провожатым в командирскую повозку, он трижды упал. Вокруг "поезда" шла вялая восстановительная работа, но люди двигались заторможенно. Солдаты не решались удаляться от обочины, при каждом громком звуке многие боязливо приседали. В стороне, среди трупов дикарей, Артур заметил раненого дракона. Упавшей лошадью придавило крыло, тварь могла только громко шипеть и бить по воздуху хвостом. Солдаты, увидев змея, попрятались за повозкой; не нашлось смельчака, который бы вышел и пристрелил его.

Плохо дело, вяло подумал Коваль, они совершенно деморализованы. Это я должен забиться в щель, а не они, профессионалы, черт возьми!

Беглого взгляда хватило, чтобы понять - Арина Рубенс тяжело ранена. Лицо девушки покрывала смертельная бледность, поперек щеки тянулся стянутый суровой ниткой шрам. Ковалю бросился в глаза ворох пропитанных кровью тряпок в изножье койки. Рослый мужчина в кольчуге навалился на девушку, удерживая ее, пока лекарь извлекал стрелы. Коваль видел только смуглую тонкую кисть с обкусанными ногтями, вцепившуюся в предплечье "санитара". В качестве антисептика лекарь использовал спирт. А еще раненой вкололи какой-то наркотик, потому что, когда наконец Арина заговорила, зрочки ее плавали и туманились, а все движения потеряли резкость.

— Мне доложили... что ты спас молодых мамаш и караван...

— Это неправда, - попробовал отбиться Коваль. - Я всего лишь на время заменил убитого стрелка.

– Не лги мне, приятель! - Арина сглотнула, в уголке ее рта проступила капля крови.

Двое бойцов из ее личной охраны придерживали начальницу в сидячем положении. Артур уже знал, что случилось. В последнем усилии, убедившись, что подчиненные окостенели в страхе, а пулемет выведен из строя, Арина перехватила поводья у кучера своего броневика и, свернув с дороги, протаранила вражескую пушку.

Расчет орудия бежал, двоих дикарей Арина пристрелила из револьвера, но дилижанс застрял в грязи. Его мог бы вытащить трактор, но трактор тоже был подбит. В дилижансе на тот момент кроме девушки находились шестеро бойцов, все отчаянные рубаки, и мальчишка, будущий колдун Эрмитажа. Никто из них, несмотря на страх перед ящерами, не прекратил стрельбу, но, когда они вылезли, чтобы извлечь броневик из грязи, затаившиеся дикари напали. Завязалось самое настоящее побоище, Арину ранили четырежды. Одного ящера старшина телохранителей Серго зарубил рыцарским мечом. Несомненно, погибли бы все, но как раз в этот момент Коваль дал первый зенитный залп, и враги разбежались.

– Серго, звони общий сбор... - Каждое слово Арине давалось с трудом, но щуплая начальница продолжала удерживать власть.

Врач непрерывно промокал ей лоб и подносил к ноздрям коробочку с белым порошком. В дверях броневика один за другим появлялись младшие командиры. Тот, кого звали Серго, горбатый крепыш с рукой на перевязи и забинтованным ухом, бросился отбивать склянки. Явился Чарли в сопровождении Комара.

– Госпожа, мы потеряли двадцать семь человек и половину лошадей. Целиком выгорело четыре повозки. Кормушка для скота, вахтовый запас спирта и кухня. Также не удалось спасти сушеную ягоду, птицу, часть кожи. Опрокинулся фургон со стеклом, развалился пополам. Автомобиль с пушкой также испорчен, не сможет ехать своим ходом. Один трактор разбит. Запас топлива не пострадал, казна в сохранности. Погибли четверо пассажиров, госпожа. Один нарвский, один соборник, двое наших. Ковбои молчат, но солдаты мамы Кэт хотят повернуть назад. Их сержант говорит, госпожа, что они возвратят двойную плату, но не пойдут дальше. Они говорят: даже если впрячь всех коней чингисов, нам не сдвинуть караван...

– Мамы? - перебила девушка.

– Все целы, госпожа, но одной очень плохо. Мы потушили пожар и вернули их в купе. Та светленькая, Надя, дочь Авроры Ван Гог, она надышалась дыма и не приходит в себя...

Вернулся Серго, выполнявший, видимо, и обязанности начальника штаба:

– Люди боятся строиться на открытом месте, госпожа!

– Скажи им... - Арина закашлялась, выгнулась на койке. Врач и телохранители бросились поднимать свалившееся одеяло. На секунду перед Артуром мелькнули бурые от крови бинты. Всю верхнюю половину тела девушки, живот и грудь закрывала сплошная повязка. Он невольно вздрогнул, представив себе, какую боль дочке Рубенса приходилось испытывать. - Скажи им, я слышу... Чингисы ушли. Впереди чисто. На два дня пути чисто. Крылатых тоже нет, кроме двух... Двух раненых. Добейте их...

– Нет! - вклинился Артур. - Пожалуйста, госпожа! Оставь этих змеев в живых...

Сержанты переглянулись. Кроме Даляра, остальных четверых Артур не знал. Чарли пытался подавать Ковалю знаки. Арина с трудом сфокусировала на нем огромные зрачки:

– Зачем тебе жизнь демонов, приятель? Хочешь продать их в Москве?

– Госпожа, дай мне четверых солдат, - заторопился Коваль. Он ощущал ускользающее внимание девушки. - Я хочу показать всем людям, что им нечего бояться. Тогда тебе легче будет восстановить порядок. Я привяжу змеев, чтобы они бежали за повозкой, и, когда мы войдем в Москву, мальчишки будут смеяться и кидать в них камни...

– Он ненормальный, госпожа! - обратился к Арине один из командиров, рослый бугай, похожий на прибалта. - Никто не посмеет коснуться демона, плюющего огнем! Это посланцы ада, вызванные колдунами! Все знают, но никто не смеет говорить об этом громко: есть плохие места, и их всё больше. Там быстрее растет трава, и рождаются птенцы о двух головах. Там светится вода в ручьях, и рыбы умеют выползать на берег. В такие места

уходят колдуны, чтобы пролить на плохую землю свое семя. И от семени их плохая земля рождает демонов - крылатых змеев и других чудовищ. Не слушай чужого, госпожа. Мы должны облить нечисть мазутом!..

Аудитория зашумела.

– Госпожа, надо вернуться к нефтяникам, купить хлеба!..

– Пусть ковбои приведут свежих лошадей!

– Собрать новый караван, вместе с губернатором!

– Вернуть угоревшую девчонку маме Роне!..

Арина, словно не замечая общей паники, задумчиво смотрела на Ковалья. Он оглянулся, ища поддержки, и внезапно обрел ее в лице вихрастого подростка с котенком на руках. Парень встретил растерянный взгляд Артура и неожиданно открыто улыбнулся. Арина с усилием подняла руку, мужчины разом примолкли.

– Тебе надо взять второе имя, приятель...

– У меня есть фамилия, госпожа. Коваль.

– Это непонятно... Что такое "коваль"?

– На украинском языке это "кузнец".

– Хорошо... - Она сделала попытку улыбнуться. - Ты работал, как настоящий кузнец...

Дайте ему сказать. Этот человек проявил храбрость и достоин, чтобы его выслушали. Демоны плюются огнем. Как ты сделаешь, чтобы люди их не боялись?

Арина быстро переглянулась с Чарли и Серго. Артуру показалось, что относительно его персоны уже принято какое-то решение.

– Госпожа... - Коваль сосредоточился. - До того как уснуть долгим сном, я изучал строение животных и человека. На земле не рождается существ, способных создавать в организме горючую смесь. Не потому, что это невозможно теоретически, но любой внутренний орган отвечает тем или иным функциям питания, сохранения рода и так далее. Выработка жидкости или газа, которые способны вступить в скоростную реакцию с кислородом, не дает ничего, кроме... - Коваль почувствовал, что его не понимают. Он выражал мысли слишком заумно...

– Страх! - вдруг добавил из своего угла подросток. Мужчины уставились на мальчика с нескрываемой робостью, но тот лишь снова улыбнулся, уже привычный к своему привилегированному положению. - Ты смеялся, но плакал. Потому что умный и глупый. Огонь живой и мертвый. Он для страха и смеха, верно?

Арина улыбалась, смежив веки. Шрам на ее щеке с каждой минутой всё сильнее набухал.

– Ты прав... сын Красной луны! - поклонился Артур. К нему вдруг вернулось самообладание, словно мальчишка посылал по воздуху невидимые флюиды. - Пока все прятались, я разрезал ножом одного из мертвых демонов! - Он дождался, пока уляжется эффект от сказанных слов, и обратился опять исключительно к начальнице стражи: - Так вот, госпожа. Это никакой не демон, а всего лишь ящерица с измененным ДНК... Э-э-э, как же вам объяснить? Ее вывели искусственно. Я постарался изучить орган, вырабатывающий пламя. Такого органа нет.

– Как нет? - подскочил Рокотов, другие тоже заворчали. - Караван до сих пор горит!

– Такого органа нет! - повышая голос, повторил Артур. - Есть лишь устройство для хранения под давлением какого-то количества газа, воспламеняющегося при контакте с воздухом. Когда газ внутри кончается, змей превращается в большую кусачую ящерицу. Достаточно опасную, если сунуть ей руку в пасть, но неповоротливую на земле и неуклюжую при боковом ветре в воздухе. Я наблюдал, как они летели. Крылья тоже до конца не продуманы...

– Ты хочешь сказать?.. - Арина жестом подозвала лекаря, тот промокнул ей лоб и пересохшие губы тряпкой.

– Я хочу сказать, госпожа, что змеев сделали люди - инженеры-генетики. Но при этом у них отсутствовало воображение. Они сделали змеев именно такими, какими сами

представляли демонов по древним книгам, накачали их горючей смесью, чтобы напугать нас. Когда горючий газ кончился, их позвали назад, чтобы "зарядить" снова. Но змеев даже не смогли научить отличать своих от чужих, они бросаются на всё живое. Я сразу не обратил внимания, но теперь вспомнил, где я их видел. Жил такой художник - Иероним Босх, он рисовал...

Рев протестующих голосов заглушил его речь. Больше всех распалялись двое - татуированный дядька, с бородой, заплетенной в косички, весь в грубой свиной коже, и длинный, в матросском бушлате, с набором метательных клинков за спиной. Перекрикивая друг друга, они наперебой требовали от Арины вернуться в стан нефтяников за подмогой, а лучше - вообще отступить до Питера. На рукавах у обоих были вышиты две золотые полосы - знаки сержантской власти.

— Если мы повернем назад, - медленно выговаривая слова, Рубенс подозвала к себе мальчика с котенком, - то после нас не решится пройти ни один караван.

— Но такого никогда не было, госпожа!

— Чтобы у дикарей появились пушки и змеи!

— Они продались колдунам! Они заколдованы...

— Серго, скольких мы убили? - перебила паникеров Арина.

— Семьдесят четыре трупа, госпожа! - отрапортовал "начальник штаба". - Не считая тех, кого догнали в лесу. Не считая тех, кого убил Артур Кузнец. Слишком мелкие куски.

— Ты называешь их "заколдованными", Василий? - спросила начальница, обращаясь к татуированному громиле. - Серго, скажи им.

— Мы нашли раненого Качальщика.

Горбун извлек из-под лавки инкрустированную кавалерийскую саблю, потрогал ногтем острие и, как бы невзначай, оставил оружие на коленях.

— Что?!

Фраза Серго произвела оглушительный эффект. Даже угрюмый Даляр подпрыгнул на месте.

— Артур Кузнец стрелял по нему из зенитки. Мои люди собирали оружие и нашли двух целых коней и коляску. В коляске был Качальщик. Мы насчитали шестерых Желтых из его охраны. Все мертвые. Качальщик ранен.

— Ты уверен, что это Качальщик? - нервно спросил Рокотов.

— В коляске был тигр. И еще... кто-то. Там ничего не разобрать. Качальщик успел выстроить круг. Он защитил себя, но вокруг него сплошная каша. Кабан нашел его, кинул нож и промахнулся с пяти шагов. Ты можешь представить, Даляр, чтобы Кабан промахнулся? Это Качальщик, больше некому. Он ранен осколками, но не подпускает...

Сержанты ахнули. Живого Качальщика никто из них не встречал. У Коваля голова шла кругом.

— Но мы никогда не теряли столько своих людей! - на грани истерики продолжал Василий. - Ты же знаешь, госпожа, я ходил с тобой восемь раз. Я дрался с шептунами у Быстрой реки, с Желтыми дикарями из Клина, с их болотными котами. Я не испугался колдунов из Ярославля, хотя они напустили на наших людей язву...

— Но сегодня ты испугался, Василий!

Мгновенно возникла тишина. Слова Арины прозвучали не как намеренное оскорбление, скорее как... приговор.

— Сегодня ты испугался! - с усилием повторила она, сплетаясь пальцами с мальчишкой-колдуном. Тот прикрыл глаза, опускаясь на колени у деревянного ложа. Между детьми луны настраивалась невидимая, неощутимая связь. Котенок зашипел и метнулся под лавку. - Ты укрылся за броней, как трусливая старуха, вместо того чтобы поднять свой взвод в бой! А ты, Матрос, где был ты, когда Артур Кузнец, человек, не принявший присяги, один воевал с демонами? Где были твои смельчаки, кто обязан был сменить убитых возле высотной пушки? Ты лежал задом вверх под кроватью и молился?

Лицо Матроса приобрело багровый оттенок. Снаружи доносился визг пил, частые

удары топоров: рабочие восстанавливали обгоревшие колеса, скрепляли оборванные телефонные провода. Внутри броневи́ка раздавалось лишь сиплое дыхание раненой, и прыгала в клетке под потолком однокрылая синичка.

Коваль не успел заметить, настолько быстро всё произошло. Серго, не вставая с железной лавки, выбросил вперед саблю. Клинок воткнулся Василию в грудь, пришив его к стене, как огромную бабочку. Один их охранников Арины перехватил руку Матроса с ножом, другой неуловимым движением перерезал сержанту горло. Артур оцепенел. Чарли, Серго, Даляр и оба оставшихся в живых командира выглядели спокойными, будто ничего и не случилось. Все были ранены по несколько раз, но правдоподобно изображали равнодушные к собственным порезам. Лекарь, худенький мужичок в резиновом фартуке, снял щипцами со спиртовки железную миску со шприцами.

– Христофор назвал мне еще шесть имен... - У Арины изо рта снова пошла кровь, но она не выпускала из потной руки исцарапанную грязную ладошку мальчика. - Серго, ты казнишь их перед строем. Дашь Кузнецу людей, пусть он сделает с крылатыми всё, что хочет. Он прав. И если не найдется мужчины, кто посмеет убить Качальщика, это сделает Кузнец. Он пройдет в круг...

– Будет сделано, госпожа!

– Теперь ты! - Раненая повернула мутные запавшие глаза к Артуру. - Я скоро умру... Я верю Христофору... Он умеет слышать людей лучше, чем я... Что бы ты сделал на моем месте? Говори!

У Артура вторично возникло чувство, будто за него заранее всё решили. Как бы выступить, чтобы самому не оказаться с дыркой в животе?..

– Ты поступила верно, госпожа. Эти люди своей трусостью подвергли опасности всех. Я считаю... - Он оглянулся на Чарли, но торговец был невероятно серьезен. - Я считаю, что караван должен идти дальше. Но не только днем. Дикари знают, где караваны останавливаются на ночевки. Мне кажется, имеет смысл сбить их планы и идти ночью. Идти безостановочно. Трех надежных людей послать назад, пусть купят у нефтяников лошадей. За двойную или тройную цену. Потом они нас догонят. Трактор поставите сзади, пусть тянет сразу три фургона, самые легкие. Зенитку поставить вперед. Впереди колонны, в двух километрах, я бы послал легкую повозку с бочкой горючего и несколько конных. Чтобы шли по сторонам дороги, максимально широко, и поджигали лес. Мы создадим, таким образом, сплошную полосу огня. Получится просека, нам легче будет возвращаться... - Артур перевел дух. - Я разберусь со змеями, но позволь сохранить жизнь Тому, кто раскачивает землю...

– Ты не понимаешь! - встрял Серго. - Если мы не сожжем его, он убьет всех нас. Он снова напустит на нас крылатых. Качальщика нельзя зарубить или убить пулей, его оживит земля. Только огонь...

– Это правда? - обратился Артур к Христофору. Ему показалось, что парнишка едва заметно улыбается. - Никто не видел Качальщика, но хорошо известно, как с ним поступить.

– И правда, и неправда! - отозвался малыш, баюкая безвольную ладонь Арины. - Он виноват, но прав. Он злой, но добрый. Он мертв, но жив.

Да, к стилю этого парня еще нужно привыкнуть, подумал Артур, а вслух продолжал:

– Если он тот, кого все так боятся, то нам вдвойне важно захватить такого пленного. Девушка действительно может умереть от отравления. Если то, что я слышал о Качальщиках от Левы, правда, то мы заставим его вылечить мамочку! Что касается остальных дикарей... Я не знаю, что вы обычно делаете с трупами?

– Бросаем волкам! - отозвался Даляр.

– Если госпожа позволит, я бы поступил иначе, как парни из "Восьмой дивизии". Не лучше ли потратить лишний час и прибить их к деревьям, вдоль дороги? Пусть те, кто придет сюда ночью, а они придут, устроятся твоего гнева...

– Нефтяники не продадут нам коней, - тихо возразил Чарли, - а пошлют к ковбоям. Мы потеряем сутки.

– Продадут, если мы сделаем так, как я предлагаю. Когда они наведут переправу, я сам

перееду на ту сторону реки с пушкой и поставлю их перед выбором. Или лошади, или я подожгу нефть. Они предатели.

– Ты с ума сошел, приятель! - разинул рот незнакомый сержант.

– Помолчи, Кастет! - приказала Арина. - Ты слышал, Кузнец, что люди боятся идти. Их не собрать даже в строй походного Совета. Такое случается, не удивляйся. Нечасто двадцать человек сгорают заживо.

Очередной ребус, в отчаянии подумал Коваль. Они из меня оракула собрались сделать, что ли? Какого черта я при всех резал эту змею? Вспомнил, как лягух в институте препарировал, и не удержался от соблазна. Он бы не удивился, обнаружив в теле дракона детали искусственного механизма. Действительно, и дилетанту в физике стало бы очевидно, что при массе в двести кило подъемной силы крыльев явно не доставало для длительного полета. Драконов словно собрали из кусков, на живую нитку...

– Я не считал себя жестоким человеком, госпожа. Напротив, из меня неважный боец, но если ты спрашиваешь... - Артур вздохнул. - Сотню лет назад так никто не поступал, но сейчас я бы не стал собирать всех бойцов вместе, а попытался бы поднять дисциплину повзводно. Чарли мог бы сообщить, что выдает жалованье, чтобы взводы заходили в штабной вагон по очереди. А там мы бы спросили каждого, хочет он бежать, как крыса, или остается верен присяге. Полагаю, достаточно повесить троих-четверых, и дисциплина восстановится. Но когда соберется... Как вы это назвали? Строй походного Совета, имеет смысл расстрелять перед строем или зарезать, - он глянул на лежащего в луже крови Матроса, - тех, кто раньше пытался перечесть командирам...

– Да, я снова ошиблась в тебе, Артур Кузнец! - Арина подставила лекарю вену.

Коваль внутренне сжался, ожидая нападения, но никто не шевельнулся. Христофор что-то говорил, склоняясь к самому уху девушки. Даяр задумчиво покусывал ус, Чарли менял окровавленную тряпку на плече. Серго ножиком счищал грязь с сапога, его сабля так и торчала из груди убитого сержанта. Вытащить ее никто и не подумал.

– Мое решение! - Новая порция наркотика придала светловолосой атаманше сил. - Мы идем в Москву. Пока я жива, но не могу ходить, я назначаю нового начальника охраны вместо себя. Если я умру, Серго соберет Совет. Тогда вы кинете жребий. Маршал, я верно излагаю закон?

Лекарь почтительно поклонился:

– Твоя власть, госпожа.

– Чарли Рокотов, ты представляешь в караване правую руку папы Рубенса. Спроси у этого человека, Артура Кузнеца, хочет ли он принять присягу.

Особого выбора Ковалю не предоставили. Он понял, что отказаться означало нажать себе множество врагов, невзирая на боевые заслуги. И кто его за язык тянул? Ехал бы себе спокойно дальше эконом-классом, под боком у главного торговца, кушал бы рыбку, глядишь, и до столицы бы добрался. А теперь сунут в руки меч пуда на полтора, или арбалет, и пойдет он маршировать под командованием Даяра. Маршировать - это ерунда, на военной кафедре учили, а вот как правильно махать этим самым мечом? Вот ведь вляпался!

Его поставили на колени перед построившимся каре и надрезали левую руку. Три старых члена коммуны трижды повторили вопрос, и Артур трижды ответил положительно о своем желании по гроб жизни служить папе и музею. Коваль повторял слова, словно украденные из клятвы юных пионеров, и смешивал свою кровь с кровью Чарли, Даяра и Людовика. Людовика принесли на носилках, он поминутно впадал в беспамятство от новых ран, но сам вызвался быть поручителем.

Весьма неприятной частью церемонии стал болезненный татуаж левого уха. По завершении процедуры произошло то, чего старший научный сотрудник и обладатель белого военного билета никак не мог ожидать. Он легко бы вступил в коммуны и без поручителей. Но только благодаря доверию троих чужаков мог надеяться на ответственный пост. Принесли Арину, закутанную в одеяло, с лицом, будто присыпанным мелом. Христофор остался в броневику. Позже Артура посвятили в страшную подробность: в случае возможного

пленения охранники были обязаны убивать детей Красной луны, но не оставлять их врагам.

– Этот человек пришел к нам недавно, но трижды показал свою преданность Эрмитажу и храбрость в бою. Он спас двоих наших солдат от своры булей, он спас от гибели наших мамаш, он не испугался крылатых змеев. Я не могу вести караван. Мое решение: старшина Абашидзе займет место начальника стражи до моей смерти. Артур Кузнец вместо Серго становится старшиной моей личной охраны. Слово Совета?

Вперед выступил Серго:

– Музейщики! Есть тут человек, кто скажет слово против Артура Кузнецца?!

Солдаты и торговцы молчали. Коваль был уверен, что кто-нибудь да возмутится, но по важным физиономиям Серго и Рокотова понял - всё давно решено.

– Слушайте все, - из последних сил напрягая связки, вещала девушка. - Там, за болотом, на холме лежит раненый Качальщик! - По нестройной линии солдат прошел боязливый шорох. Пассажиры, стоящие отдельной группой, загомонили, женщины заплакали. Арина выждала, пока установится тишина. - Точнее, мы думаем, что он из этой породы. Я слышу его иначе, и Христофор слышит в нем кровь нелюдя. Вокруг него четверо наших с ружьями, но пули не берут демона... Артур Кузнец сказал, что сам пройдет в колдовской круг и возьмет Качальщика в плен. Мы возем четверых мамаш, и одна из них умирает. Артур Кузнец сказал, что уговорит Качальщика очистить девочке кровь. После этого он вернется и займет место старшины охраны.

Строй замер, полторы сотни пар глаз нацелились на человека, стоящего на коленях в центре. Даже женщины перестали голосить. Насколько Артуру помнилось, он обещал несколько другое. Коваль поднялся, отряхнул с колен налипшую траву. Отступать было поздно. Арина и ее юный помощник рассудили хитро: близкий контакт с "демоном" должен был немедленно поднять авторитет новоиспеченного начальника.

Артур вздохнул и хотел уже направиться к полянке, где истекал кровью таинственный колдун, но Серго схватил его за рукав:

– Ты не можешь просто уйти, старшина. Тебе подчиняются десять человек, это лучшие бойцы папы. Дай команду, что им делать. Назначь мне двоих новых сержантов. Четверо из тех, на кого показал Христофор, бежали в лес, но двое трусов тут. Прикажи своей охране их казнить. Можешь оставить при себе людей Арины или набери других. Строй не разойдется, пока ты не позволишь...

Да, подумал Коваль, вот оно, бремя власти. В прежней жизни старший научный сотрудник и кандидат наук командовал четверкой очкариков и отчасти уборщицей. Теперь неизвестно за какие заслуги ему достался десяток головорезов и четыре девицы на выданье. Совершенно нехоти Артура посетило недавнее виденье. Пухлые кривящиеся губы, огромные серые глаза, слезы на полудетских щеках. И запах. От девчонки пахло сладковатым теплом, как от ребенка...

– Слушай мою команду! - Будущий старшина прочистил горло. Его маленькое войско построилось отдельно, рядом с носилками Арины. - Вы двое - остаетесь наводить порядок в броневику и ухаживать за госпожой. Смазать оружие, проверить ходовую часть. Затем вы двое - поймите двух свежих лошадей, впрягите вместо убитых. Найдите чем покормить. Остальные до моего возвращения поступают в распоряжение старшины Абашидзе. Серго, я доверяю вам назначить новых командиров взводов...

Начальник стражи одобрительно кивнул. Коваль набрал воздуха в легкие:

– Разойдись!

Из люка броневика Артуру улыбался Христофор.

14. Тот, кто раскачивает землю

Последние метры до обломков кареты Артур преодолел на подгибающихся ногах. То, что он увидел, никаким объяснениям не поддавалось. Он переступил через оторванную ногу лошади, через останки белого тигра. Артур старался не глядеть, куда ставит ногу;

выделенные Рокотовым ботинки хлюпали при каждом шаге. Поляна, где поджидал исхода битвы кортеж Качальщика, превратилась в форшмак из конского и человеческого мяса. Но посреди этого кошмара в окружении четверых испуганных солдат возвышалось почти целое кожаное сиденье и кусок задней рессоры. Остальные части кареты выглядели так, будто ее перемололи в мясорубке. Среди щепок и тлеющей горы гусиного пуха, выставив кадык, лежал труп Желтого дикаря. Точнее, верхняя половина трупа. Под потеками охряной краски на щеке убитого проступала самая обычная кожа. Это иллюзии, прикрыв глаза, повторял себе Коваль. Сплошные иллюзии, атрибуты воинской чести, никакого волшебства нет!

– Ты пришел, Проснувшийся демон...

Человек в карете улыбнулся Артуру одними губами. Он должен был очень страдать. Ниже левого колена, прорвав кожу, выступал обломок кости, белая свободная хламида превратилась в грязную бахромку. Один острый осколок торчал у человека из плеча, другой распорол лоб.

Но Качальщик улыбался. Его длинные седые волосы были заплетены в безукоризненные тонкие косички. Возраст колдуна Артур бы затруднился определить, он вообще не мог сконцентрироваться на его внешности. Черты лица человека в белом будто ускользали, расплывались, стоило на секунду задержать взгляд. Четверо бугаев с ружьями нестройно читали молитвы, не решались подбираться ближе пяти метров; один держал перед собой в вытянутой руке распятие.

– Я не демон, - сказал Коваль.

Внезапно он увидел круг радиусом метра полтора, о котором говорил Серго. Внутри круга не упал ни один снаряд; даже несмотря на ранения, человек на сиденье кареты выглядел, словно спустился в ад с небес.

– Но ты проснулся. - Голос Качальщика звучал, как шепот осенних листьев. - И не боишься магии земли. Помоги мне. Ведь ты пришел, чтобы мне помочь?

– Не подходи к нему, дружище! - истерически выкрикнул за спиной боец с распятием. - Он выпьет твою память, он найдет на тебя язву!

Остальные держали побелевшие пальцы на спусковых крючках. Стук топоров у дороги затих. Коваль обернулся. Десятки застывших лиц, видимых отсюда, с холма, как размытые пятнышки, следили за ним. Где-то там был улыбающийся Христофор.

– Ты прошел в круг, а меня боишься, Проснувшийся демон? - вновь улыбнулся обладатель африканских косичек. - У меня нет оружия, а вас - пятеро. Если ты мне не поможешь, я умру. - Качальщик левой рукой приподнял обрывки одеяния, и Коваль увидел еще одну страшную рану на правом боку, заткнутую пучками травы. - Ты хочешь, чтобы я умер, старшина?

– Я не дам тебе умереть, - решил Артур, - если ты дашь клятву, что поможешь мне!

– Точнее, не тебе, а мамочке, так? - Смех Качальщика прозвучал печально и тихо, но Коваль почувствовал, как колени снова становятся ватными. - Конечно, я спасу ее. Ведь я не меньше твоего желаю ей долгой жизни.

– Мое дело - довести ее живой до Москвы! - не согласился Артур, потихоньку приближаясь к кругу. - Дальше меня не касается. Теперь я понял! Это ты затеял побоище. Посмотри, мерзавец, сколько людей погибло по твоей прихоти!

– "Прихоти"? - вполне искренне удивился человек в белом. - Этому сброду были нужны ваши никчемные товары, а девок бы они насиловали и держали впроголодь. В лучшем случае, родилось бы двое-трое детей, и те погибли бы от гнуса и лихорадки.

– Это ты насрал драконов?!

– Ну конечно! - нисколько не смутившись, отозвался Качальщик. - Меня интересуют только мамы. Вашему бестолковому Рубенсу не раз и не два предлагали вдвое больше золота, чем вы получите в Москве, и, заметь, без людских потерь. Я охотно поболтаю с тобой попозже, а теперь помоги мне встать. Иначе мне наступит конец и твоя девица умрет!

Коваль шагнул в круг, наклонился и сделал попытку взять Качальщика на руки. Он "нелюдя" пахло на редкость приятно, сухим сеном и цветочным чаем, совсем не так, как от

немытых солдат. Сзади щелкнул затвор, охранники испустили одновременный сдавленный стон. Но ничего ужасного не произошло. Качальщик оказался легким и горячим.

– Не надо меня нести, - почти приказал он. - Просто помоги мне достать ногами землю и отгоняй этих насекомых...

Раненый небрежно махнул головой в сторону солдат и с видимым наслаждением погрузил ступни в сырую траву. Артур примостился рядом, придерживая Качальщика за плечи.

– Солдат, позови сюда лекаря и носилки. Скажи маршалу, что здесь открытый перелом и рваная рана в подвздошной области... Впрочем, ты не запомнишь. Пусть захватит всё, что есть.

– Будет сделано! - Бойцу не терпелось смыться места происшествия.

– погоди! Передай Рокотову, чтобы маму, ту, что не дышит, тоже срочно сюда! Срочно!

– Ты делаешь успехи, Проснувшийся!

Качальщик разогрелся, как маленькая доменная печь. Несмотря на крохотный рост и потерю крови, он с удивительной силой цеплялся за Артура обеими руками. От каравана уже бежали подручные Чарли с девушкой на носилках. Артур на минутку отвлекся, а когда вновь повернулся к Качальщику, не поверил своим глазам.

Трава вокруг босых ног волшебника скукожилась и осыпалась пеплом. Кривой осколок снаряда, торчавший из плеча, исчез; рваная дыра на лбу также затянулась новой розовой кожей. Качальщик уже не держался за Артура, он скатился с сиденья, упал на бок и прижимал обе ладони к земле. Там, где легли его ладони, влажная почва трескалась, превращаясь в поверхность иссушенной зноем степи. Острые лопатки трепыхались под хламидой, как зачаточные крылья. От всего маленького тела колдуна шел настолько нестерпимый жар, что солдаты с ружьями попятились, отворачивая лица.

– Клянусь святой Ксенией, мир ее праху! - прошептал доктор, выпуская из рук металлический чемодан со своими инструментами.

Коваль кинул взгляд на Надю Ван Гог. Этот идиотизм с новыми фамилиями, позаимствованными с полотен мастеров, начал его доставать. Девушка выглядела хуже некуда. Бледный оттенок ее кожи сменился на синюшность, волосы прилипли к потному лбу. Комар и Лось мягко опустили носилки в десятке шагов, не решаясь подойти ближе. В их глазах плескался первобытный ужас. Если сейчас кто-нибудь из этих идиотов выстрелит, маме наступит капец, подумал Коваль. Выход только один. Он с хозяйским видом достал из кобуры свой пистолет и приставил к затылку распластавшегося на земле Качальщика.

– Вы все! Уберите ружья и отправляйтесь работать. Сержант скажет, что вам делать. Доктор, ближе ко мне! Лось, Комар, нечего пялиться, разойдитесь на двадцать шагов и прикрывайте нас. А ты!

Коваль схватил колдуна за шкуру и чуть не завопил от боли; на ладони моментально вспухли волдыри. Но он превозмог себя и, взяв под мышки, рывком поднял Качальщика на ноги. Тот болтался, как сломанная марионетка, а на том месте, где он только что лежал, почва спеклась коричневой коркой, точно под действием напалма. Одежда на раненом "арестанте" полностью выгорела, но раненым он уже не был, скорее пребывал в подобии шаманского транса. Обнажилась худая мускулистая спина. Чудовищный порез справа, под солнечным сплетением, практически зарубцевался, малая берцовая кость непостижимым образом вернулась на место, раздувшаяся лиловая икра опала на глазах.

– Если ты немедленно не займешься женщиной, я тебя пристрелю! - пообещал Артур. - Я вытащу твою поганую задницу из круга, иначе бы ее давно нашили дробью. Действуй, или я стреляю!

Предоставленный сам себе, Качальщик опять мягко сложился, точно из него вынули все кости. Коваль уже хотел пнуть его в бок или приказать облить водой, как вдруг чародей очнулся:

– Принесите ее мне. Сюда, под руки. И не угрожай мне смертью, демон.

Потом они сидели с лекарем в сторонке и ждали, вдыхая воздух через рот. Вокруг всё настолько пропиталось запахом горелой плоти, что Артуру казалось невозможным хоть когда-нибудь отмыться. Он вспомнил бойцов, заживо сгоревших в башне вагона, и новая волна ненависти к голому придурку поднялась в груди. Качальщик, точно услышав чужие мысли, отвернул на секунду лицо от лежащей перед ним мамы и взглянул Артуру в глаза. Впервые он сознательно не прятал свою внешность, а словно вызывал противника на дуэль. Маршал сгорбился, прикрываясь руками, но старшине охраны не пристало бояться лесных знахарей!

Коваль отважно встретил взгляд прозрачных, как слеза, студенистых зрачков и почувствовал, будто его мозг включили в розетку. Пистолет в руке вдруг стал невероятно тяжелым, сердце застучало быстрее, затем замедлилось, вызвав по всему телу волну холодного пота.

— Она будет жить, демон. Еще раз говорю: не пытайся угрожать мне смертью, даже мысленно. Ты не рад, что она будет жить?

— Я рад, что коммуна не потеряет деньги.

— Если тебе нравится врать мне, я не могу это запретить... - Шелестящая музыка неторопливой речи колдуна струилась, как змея между мшистых камней... - Но не ври себе, Проснувшийся. Я слышу, о чем ты думаешь. Ты думаешь о том, что девчонка похожа на твою бывшую женщину, которую ты убил...

— Заткнись, подонок! - прошипел Коваль. Подняться не было сил.

— Ты думаешь, что хитрее всех остальных. Думаешь, что разгадал ее план, этой дочурки Рубенса. - Длинные бледные пальцы Качальщика плавали в сантиметре от тела неподвижно лежащей мамы, но зрачки его дрожали в унисон со зрачками Ковалья. - Ты полагаешь, что достаточно войти в магический круг, и тебе, простофиле, не умеющему держать в руках оружие, доверят охрану? Папа Рубенс большой зазнайка и самодур, но он не идиот. Знаешь, с кем он поговорил первым делом, после того как докторица принесла ему твои анализы? С моим братом. Он послал голубя моему брату. В письме было сказано, что в Эрмитаж пришел чистый, совсем чистый человек из прошлого, о котором предупреждали Те, кто раскачивает. Ты не просто производитель. Есть надежда, что твои дети, поголовно, станут папами и мамами...

— Стало быть, я - живая легенда? - Артур вдруг заметил, что лекарь давно и крепко спит, а охранники отошли слишком далеко и ничего не слышат.

— Не перебивай! - слегка рассердился Качальщик. - Этому индюку Рубенсу мы предложили за тебя столько, что папа любой другой коммуны согласился бы не рассуждая. Но он уперся. Вместо того чтобы отдать человека, который пришел к нему случайно, папаша придумывает сотни способов, как тебя возвысить. Разве я не прав, демон? Наверняка музейщики предлагали тебе самые теплые местечки? И тут некстати подвернулся караван в Москву. Насколько мне известно, тебя готовы были посадить под арест, лишь бы ты не сбежал в другую банду. По мне, так все они одинаковы, вымирающее бездарное племя... Но в последний момент Рубенс испугался на тебя давить. Он испугался, что ты сбежишь или, того хуже, сбежишь в Москве. Он придумал для тебя все мыслимые сладкие должности...

Коваль чувствовал себя абсолютно раздавленным.

— Не переживай так сильно, ты действительно проявил храбрость в бою. В вашем караване есть трое, которые слышат меня, и я слышу их, особенно мальчишку. Это он подсказал дочери Рубенса возвысить тебя до старшины. Это большая честь по их понятиям, можешь гордиться. Девчонка обрадовалась, что таким образом может угодить отцу. Потому что, как они считают, теперь Кузнец никуда не убежит. Не обманывай себя, Проснувшийся. Ты потеряешь власть при первой же ошибке. Чтобы казнить неугодных, надо быть членом их дурацкого Совета...

— А ты-то что хочешь? Зачем ты напустил змеев?

— А мы хотим с тобой одного и того же, демон.

Качальщик показал верхний ряд зубов, общее выражение его лица по-прежнему

ускользало от собеседника. Зато Коваль увидел другое.

Уже не маленький пятачок, а здоровенный круг обугленной земли, метров шесть в диаметре, окружал чародея и Надю Ван Гог. Всё, что валялось в траве, в пределах круга - мертвые дикари, лошади, сбруя, - словно расплавилось, как сало на сковородке. Книжник Лева рассказывал Ковалю о таких выжженных пятнах, их называли "плевыми Сатаны". Артур обернулся к дороге. Солдаты закончили разборку завала, возницы впрягали лошадей, трактор волок по обочине прицеп с пушкой. Человек тридцать, не отрываясь, следили за манипуляциями Качальщика.

- Мы хотим одного, - повторил волшебник. - Только я не вру себе. А ты врешь. Я хочу получить женщин, и ты хочешь получить женщину, именно эту. Ты просто об этом не задумывался, но я слышу тебя. Она напоминает тебе... Ладно, не буду! - Он мягким движением погладил волосы девушке. - Твоя натура не воспринимает, как это может быть, чтобы женщин продавали на племя. Как это может быть, что женщина не принадлежит тебе безраздельно. А у питерских музейщиков, поверь мне, еще весьма мягкие взгляды в данном вопросе. Женщин не хватает, в большинстве банд их вообще ни о чем не спрашивают. Я слышу тебя, демон. Ты растерян, ты в панике. Ты не можешь поверить, что отношения вернулись к своим естественным началам. Если мы не поможем друг другу, ты обречен. О каких железных дорогах идет речь? Где вы возьмете чугун? Ты видел, что стало с рельсами? В лучшем случае, ты получишь у них двойную порцию свеклы и станешь хряком-производителем.

- Скажи мне честно... - Артур замялся. - Вы люди или нет?

- Такие же, как ты, и совсем другие. Но не путай Тех, кто раскачивает Землю, с презренными бандами колдунов, пожирателями поганок. Мой дед родился на Вечном пожарище, слышал о таких?

- Ты предлагаешь мне предательство, Качальщик?

- Я предлагаю тебе идти с теми, кто тебя ждал. Ты не найдешь в Москве тех, кого надеешься оживить.

- Откуда ты знаешь, зачем я иду в Москву?! - У Артура по спине поползли мурашки.

Надя Ван Гог открыла глаза. Секунду девушка лежала, ничего не соображая, затем согнулась пополам в припадке рвоты. Словно разбуженный ее кашлем, очнулся лекарь, попытался вскочить на ноги и тут же отпрянул назад. Подошвы его ботинок дымились. Качальщик и мамочка словно находились в эпицентре взрыва, куда никто не мог проникнуть.

- Мой дед родился на Вечном пожарище в те времена, - Качальщик легко разогнулся, повязал вокруг бедер остатки хламиды, - когда земля на пожарище еще светила по ночам. Он был из первых, кто научился раскачивать, из первых, кто составлял Книгу. Он сказал, что Проснувшийся демон будет один. Мой дед, мир праху его, никогда не ошибался. Ты один, Артур Кузнец. Мама будет жить. А теперь можешь связать мне руки. Насекомые побоятся ко мне подойти. И помни - ты обещал мне жизнь.

15. Рабочий журнал

...Меньше всего я хочу предстать старым пердуном, который обо всём догадался заранее. Никто не представлял, чем всё закончится, даже деятели в Кремле, что делили прибыль от нашей смерти. Но, как всегда, интересы государства оказались у нас в стране выше интересов личности. Разве в России когда-нибудь было иначе? Если кто-то доберется до моих записок, это еще не будет означать, что болезнь отступила. Но когда она действительно отступит, тогда на обломках нашей мудрой власти появится совсем новое общество. Я надеюсь, ничего общего с тем, что сегодня, и сам смеюсь над своими надеждами. Всё повторяется...

Слишком пафосно вышло, не правда ли? Но вполне простительно для человека, который знает, сколько ему осталось. Очень вас прошу - внимательно прочитайте эти строки.

Так и хочется выкрикнуть: будьте бдительны! Но это не мои слова, да и призыв бесполезный. Мы никогда не научимся бдительности, наш народ слишком доверчив. Те, кто наверху, они еще лет двести бы заставляли нас ходить строем, окажись среди них хотя бы парочка толковых экономистов. Но они срезали всё мясо, а мы по вечерам, на кухнях, грызли бесконечные мослы под названием "русская духовность". Очень удобное питание, тратишь уйму усилий, дабы не помереть с голоду, но отвлекает от мыслей о мясе...

Возможно, одно из самых больших заблуждений - это нелепая вера в тех, кого мы "выбрали" нами руководить. Не дайте себя обмануть тем, кто говорит, что лучше вас знает, что вам нужно. Мы дали себя обмануть в очередной раз. Наш великий народ в очередной раз сам себя засунул в петлю, а потом удивился, почему государство не хочет ему компенсировать потери. Мы так любим всё получать на халяву. Только на сей раз всё гораздо хуже. Дело не ограничилось Россией.

Последние месяцы я много прочел о ВИЧ и сделал несколько любопытных выводов. Собственно, я начал читать, только когда дело коснулось меня лично.

Вот вам первый вывод. Маленький человек считает, что он вправе думать только о себе, потому что обо всех нас позаботятся те, кто наверху. Это не так. Без комментариев.

Второе. Если у вас под окнами раз в месяц зарежут человека, вы начнете паниковать. Если убийства будут происходить раз в неделю, вы начнете пользоваться другим выходом, и приобретете пистолет. А если трупы начнут находить ежедневно, вы станете спокойно перешагивать через них, спеша с утра на работу. Мы привыкли к ВИЧ-инфекции, и она перестала быть модным словечком дня. Немножко выросли продажи презервативов. Немножко чаще наркоманы стали покупать новые шприцы. Это всё. СПИД растворился в рекламных роликах, как мода на атипичную пневмонию, зеленую лихорадку и птичье бешенство. Проблемы технотронного террора, аэрозольные наркотики и прочие щекочущие темы поставили СПИД в один ряд с раком и инфарктом. Конечно, от болезней сердца умирает гораздо больше людей, но когда в медицине описан инфаркт, а когда появилась эта новая напасть!

Итак, мы привыкли.

Третье и последнее. Я устал драться за науку. Они говорят, эти великие государственные мужи: что вы суеитесь? По всему миру происходит миграция ученых, это нормальный процесс!

Я не возражаю. Пусть уезжают, раз это нормально. Мы живем, вроде бы, в свободной стране. Тогда, говорю я, дайте нам те десять миллионов, которые вы собираетесь отдать за рубеж! Мы сделаем вакцину лучше и дешевле! Ведь те люди, которым вы платите за границу, опираются на труд моих же учеников!

Спорить с ними бесполезно. Они нанимают инофирмы для ремонта Кремля. Турки строят нам дома, итальянцы копают метро, а украинцы мостят дороги. Немцы снабжают нас материалом для зубных коронок, а финны продают нам бумагу. Это называется вход в рынок, это называется интеграция. Я спрашиваю, почему мы финансировали сто миллионов доз, завезенных из-за океана, а не построили на эти деньги новейший центр по борьбе с вирусом? Те люди, что доят страну десятилетиями, опять распорядились иначе. Им, как всегда, было наплевать, что несчастная дойная корова уже еле стоит на ногах. Им нужна международная суeta, "круглые столы" и вечный "откат" в их безразмерные карманы. На эти деньги мы могли бы испытать десятки вариантов вакцины.

Возможно, я неправ, и в стране уже не осталось умов, способных одолеть проблему. Сейчас, когда подо мной трясется пол, а по улицам грохочут танки, поздно рассуждать. Но еще пять лет назад можно было спасти положение, и я об этом кричал на всех углах. Не я один, нас были сотни, и не только в России. Но кто услышит сотню старых дураков, когда страну ждет великое будущее? Ее всегда ждет великое будущее, потому что у нее великое прошлое. Жаль, что настоящее подкачало. Сегодня гремят фанфары, потому что дядя Сэм снимает торговые ограничения, великая страна входит в еврозону, получает кучу привилегий, которые никто из нас не заметит! А от России всего лишь требуется не

упрямиться и подписать несколько долговременных пакетов!

Мы покупаем у них ферментированную курятину и униженно просим приобрести у нас немножко стали. Мы радуемся, что их "Шаттл" застрял на орбите Марса, поскольку это даст нам парочку мелких заказов на производство устаревших носителей. От Карелии до Камчатки мы развлекаем подростков и старух их телешоу, но держим на голодном пайке десятки молодых режиссеров. Они уже воротят нос от нашей нефти, но Министерство здравоохранения - с помпой! Как всенародный праздник! - объявляет о том, что мы должны купить сто миллионов доз. Для начала. А затем еще четыреста миллионов - для проведения полного курса. Потому что в России нет, видите ли, достаточных мощностей для такого производства. Потому что если не купить сегодня, то завтра будет поздно. Гениальная уловка коммивояжеров, в лучших традициях героев О Генри!

Нас никто не собирался травить. Поверила не только Россия, поверил весь мир. Ведь испытания прошли успешно, это подтвердили ведущие медики.

Весь мир увидел больных, вернувшихся к жизни. За три года были получены две Нобелевские в разделе медицины, и все в связи с победой над СПИДом. А какая атака началась на моих коллег, которые рискнули заявить, что имеются собственные разработки, ничем не хуже. Только дайте нам немного денег на оборудование, на клинические исследования, говорили они. Нам достаточно одной десятой, нет, одной двадцатой от тех сумм, что пойдут за океан и на всеобщую вакцинацию...

Их практически заклевали. Что показывали пять лет назад по телевизору, между рекламой музыкального унитаза и предложениями индивидуальных телешоу? Показывали, как счастливая голая парочка выбрасывает в окно презерватив и кидается в постель под недремлющим оком веселой медсестры с инъектором в руке! СПИД побежден, четыре укола, и вечный иммунитет гарантирован. Пять лет им казались вечностью.

Если после пожаров, которые неминуемо начнутся, выстоит библиотека, то попрошу обратить внимание на мои статьи в "Аргументах", "Красном кресте" и "Ведомостях". Мои статьи легко обнаружить по той реакции, которую они вызвали: "Господин Профессор отказывает в жизни восьми миллионам инфицированных детей!", "Почем гуманизм для избранных, доктор Телешев?"

И так далее, огромный снежный ком, целая лавина. А я всего лишь утверждал, как и многие мои коллеги, что пять лет - совершенно недостаточный срок для того, чтобы осмелиться на поголовную вакцинацию. Лечите больных в последней стадии, но не трогайте детей! Кто нас услышал? Нас заглушил хор несчастных матерей, и они были правы.

Тысячи подростков умирали ежедневно, в две тысячи двадцатом году уже никто не мог назвать точного числа инфицированных. В африканских странах вообще прекратили подсчеты... Мало того, мне указали сверху, оттуда, где распределяют наши с вами деньги. Они сказали, что это вообще не моя профильная проблема, и посоветовали дальше замораживать своих лягушек. Иначе, тонко намекнули они, можно ведь повернуть дело и так, что на опыты с анабиозом не хватит средств в бюджете. И я вышел из игры. Те, кому надо, знали, что мы давно ушли от лягушек и получили неплохие результаты на добровольцах. Теперь я уже не боюсь взглянуть, потому что для меня всё закончено, я могу с гордостью сказать - результаты потрясающие! При этом никому не интересно, что кандидаты наук поочередно моют полы в отделе, потому что за подобную зарплату у нас больше месяца не задерживается ни одна техника.

Прошло четыре года, и наркоманы вернулись к многократным уколам. Грандиозный успех вакцины, ничего не скажешь! От гепатита, правда, она не защищала, как и от венерических инфекций. А еще спустя три месяца начался этот кошмар. Оказалось, что вирус никуда не исчез, а перешел на четыре года в латентную форму и приобрел устрашающие свойства. Теперь новые штаммы не разрушались во вредных для них средах организма, а устойчиво диффундировали в слюнные железы. ВИЧ стал воздушно-капельной инфекцией, и мы никогда не узнаем, какую роль сыграла в этом пресловутая вакцина. Но я уверен, что она спровоцировала коллапс, она подтолкнула вирус к изменениям. Когда

опасность заметили и оценили, начался такой хаос, который вам не представить. Инкубационный период сократился до трех месяцев. Прежний вирус был гораздо лояльнее. Думаю, вас окажется слишком мало, чтобы вообразить, как сотни тысяч людей штурмуют больницы в поисках спасения. И такие же толпы пытаются вырваться из города; у кого имеется загородная недвижимость, те надеялись отсидеться. Только отсидеться не получается. В отличие от старого доброго ВИЧ новая зараза чрезвычайно устойчива. Она сохраняется в воздухе и воде неопределенное время. Наверняка существует способ обеззараживания, но некому этим заняться.

Нельзя сказать, что американцы подкачали. Они в ускоренном темпе начали производство новых вариантов вакцины, и на сей раз раздавали ее безвозмездно. Один вариант, другой и третий. Но стоило им блокировать один штамм, как появлялся следующий. Также бесплатно они поставляли миру респираторы и противогазы. Аналогичные акции начались и в других странах. К слову сказать, у нас эти абсолютно бесплатные подарки внезапно обрели стоимость. Небольшую, но всё-таки... Люди, которые знают, что нам нужно, ухитрились сделать так, что гуманитарную помощь продают на каждом углу. Они извлекают деньги даже из нашей смерти. Впрочем, на смерти делать деньги порой легче всего...

Слишком поздно. Я валюсь с ног. Нужно колоться шесть раз в сутки, строго по часам, приходится вставать ночью. Вакцина ненадолго блокирует вирус, но все мы медленно умираем. Кто забыл сделать хотя бы один укол - умирает быстро. Вчера я был наверху, жуткое зрелище. Ваши дети, если они родятся, никогда не узнают, как прекрасен был этот город белыми ночами. Они увидят лишь то, что от него осталось. Красный Крест не успевает собирать трупы. Без противогаза на улицах появляться нельзя, могут забить камнями. Примут за бешеного, из тех, кто хочет утащить за собой в могилу побольше народу. При мне люди дрались у больницы, стенка на стенку, милиция не вмешивается. Последние месяцы милиция занята исключительно защитой себя. Люди превращаются в зверей. Некоторым кажется что, если попеременно принимать старую и новую вакцину, можно остановить заразу, но старых ампул почти не достать. Аптеки разграблены. На моих глазах убили женщину-фармацевта, которая отказалась пустить грабителей в склад. Я хотел отоварить карточки на хлеб и четыре часа простоял в очереди. Так и не дождался. Еду раздают армейские полевые кухни. После того как ввели комендантский час, на улицах стало спокойнее, но подростки подкарауливают стариков, получивших свою порцию консервов. Всё время стреляют. Пьяные офицеры гоняют с девками на джипах, а солдаты стреляли по женщинам. Армию пустили в город, и теперь никто не знает, как городу от нее защититься. Целая толпа женщин отправилась к продовольственным складам. Впереди шли священники с иконами. Прошел слух, что на Бадаевских складах прячут муку. Когда я пришел отоварить свои мучные талоны, трупы кидали в грузовики. Вповалку, как засохшие новогодние елки. Именно тогда, стоя среди розовых от крови сугробов, я понял: это конец.

В город вошла Восьмая бронетанковая дивизия, страшное дело. Им приказано поддерживать порядок. Кто осуществляет власть, не совсем понятно. Губернатора никто давно не видел. Из продовольственных магазинов вынесли всё, даже соль, метро не работает. Таксисты не останавливаются, мне с трудом удалось поймать машину. Деньги водителя не интересовали, только еда. Деньги - это такие бумажки, на которые можно было поменять любой товар. Хорошо, что у меня с собой была сушеная рыба, Денисов привез. Денисов снабжает меня водой. Он и Мирзоян нашли источник, там собирается не так много народу по ночам и стоит военный патруль, так что драк почти не случается. В одни руки разрешено наливать двадцать литров, не больше, но и то замечательно. В городе могут появиться серьезные инфекции, в некоторых районах не действует канализация. Денисов говорил с танкистами. Они утверждают, что есть места, где люди ходят без масок и почти нет заразных. Какие-то деревни под Псковом, куда не доехала вакцина. Вполне вероятно, что заразились не все, но проверить это невозможно. Остается уповать на наше бездорожье; глухие деревни выживут, но в кого превратятся их обитатели? Выезд из города закрыт,

поезда стоят. Денисов пытался проехать на велосипеде, но везде солдаты с собаками и стреляют в воздух.

Молодежь насильно забирают на уборку трупов. Им выдают скафандры и двойной армейский паек. Бригады вскрывают квартиры, а затем ставят на дверях кресты, если жильцов не осталось. Денисов говорит, что не мог есть свой паек после кладбища... Это не кладбище, а братская могила. Это конец. Осталось два телевизионных канала, но нам не показывают, что происходит в мире. Ходят слухи, что Останкино под контролем силовиков. Показывают одни старые фильмы и эстраду. Вечный праздник. Они опять решают за нас, что мы хотим смотреть и слушать. Полгода тому назад главный эпидемиолог Москвы предлагала проверить детские учреждения и вывезти всех здоровых детей в лагерь. Вместо этого столичный мэр устроил парад воздушных шаров. Очень красивое зрелище.

Удивительно, но электричества нам пока хватает. Благодаря нашему закрытому статусу институт запитан отдельный защищенный кабелем. Весь квартал вокруг стоит без света, а мы греемся у рефлекторов. Я стараюсь не покидать подвал, всё время находится какая-то работа. Мирзоян слышал разговоры военных. Атомную электростанцию решено заглушить, но нас как военный объект это никак не коснется. Энергия будет поступать...

Теперь о главном. Слева по коридору титановая дверь. Это называется "камера анабиоза", но вам название ничего не скажет. В первой капсуле спит человек, наш сотрудник. Артур Коваль. Для того чтобы его оживить, достаточно нажать кнопку или опустить рычаг на пульте. Пройдет три часа, и он проснется. После пробуждения, если всё пройдет нормально, надо достать из-под пульта бикс. Там витамины в порошках и инструкция. Человек будет нуждаться в этих порошках. Я хочу сказать... Если Артур выживет, значит, институт работал не зря. Хотя вам этого не понять.

Я виноват перед тобой, Артур. Очень виноват.

Ты ведь помнишь, как мы все были против - и научный совет, и кафедра. Все были против этого безумного плана - загрузиться на двадцать лет. Я пытался тебе помочь, хотя никогда не стал бы так поступать из-за женщины. Ты сделал для нее всё, что мог, ты бегал вечерами на вторую работу, ты брал переводы. Еще раз повторюсь - ты ни в чем не виноват, парень. Я не отец тебе, но теперь мне простительно высказаться, потому что всё позади, и я помню тебя и твою девочку студентами. В молодости хочется брать от жизни всё, я сам был таким. Однако если ты проснешься среди людей, вспомни мои слова. Семья - это гавань, а не океан, хотя в океане, вне сомнения, много интереснее...

На совете возникло множество трудностей. Никто не хотел верить, что человек добровольно согласился уйти в капсулу на двадцать лет. Ты об этом не знаешь, но Ракитский назначал две психиатрические экспертизы под видом штатного обследования. Они пытались найти причину твоего поступка и не находили. До чего мы дошли, раз не верим в то, что кто-то может пожертвовать собой ради других! В этом вся беда. Те, кто решает за нас, не верят в героизм. Они боятся, что мы вдруг можем поверить. Этого они не допустят. Верить, с их точки зрения, можно только в интерес. В "откаты"...

Поэтому, Артур, я и прошу у тебя прощения. Я обманул и тебя, и Толика, и Сашу, и всех остальных ребят. Никто бы никогда не дал разрешения на такой эксперимент. Двадцать лет. Мне пришлось пойти на большие хитрости. Для всех, кроме пятого отдела,

Первая капсула считается аварийной. Мы ежедневно, все эти годы, отслеживали, как у тебя дела. Мы не прикасаемся к твоему столу и шкафчику с одеждой. Но я виноват перед тобой дважды. А может быть, ты еще скажешь мне спасибо, если проснешься. Потому что неделю назад я перепрограммировал капсулу. После того как умерла Лена Красовецкая. После того как стало ясно, что она заразилась и наградила нас всех. Кроме меня, знает Толик Денисов. Теперь он совсем не тот Толик, с которым ты учился на одном курсе. Возможно, ты не узнал бы в лысом толстяке, отце двоих детей, своего закадычного друга. Прошло девятнадцать лет. Денисов давно ушел от нас преподавать, но в этом месяце он вернулся. Ему просто некуда стало идти. Толик похоронил всех домашних, похоронил всех друзей на кафедре в Университете. Он пришел ко мне с собачкой на руках. После нас останутся собаки

и кошки...

Денисов очень помог. Честно говоря, была у меня мыслишка и самому замерзнуть лет на двадцать. Чего скрывать, надежда-то всегда остается. А вдруг спустя двадцать лет наши друзья за океаном нащупают ту самую спасительную вакцину? Нет, конечно, нет. Некому искать лекарство, за океаном тоже всё кончено. И сердце не выдержит погружения. Денисов запустил ветряки. Толик провел колоссальную работу, хотя ноги его держали всё хуже. Последний день Толик колосился восемь раз за сутки... Я перепрограммировал капсулу на двести лет сохранения. Когда упадет напряжение в городской сети, включатся наши дизеля. Затем питание камеры будет осуществляться от ветряков. Если и они сдохнут, заряда батарей хватит на расконсервацию... Артур, все данные говорят о том, что организм сохранится и сто, и двести лет в капсуле.

Конечно, лучше бы ты "залег в берлогу" на десять лет позже, потому что в Штатах появились новые криопротекторы, дающие гарантию стопроцентной однородности при охлаждении. Четвертая серия, что заменила твою кровь, безнадежно устарела. Но ткани растрескаться не должны, и давление капсула держит превосходно. Относительно мозга ничего определенного сказать не могу, огромный срок. Прежние трудности с памятью наверняка будут иметь место. В любом случае, при повышении температуры на полградуса схема циркуляции реагента сама начнет вырабатывать энергию. Эту гениальную разработку, новый тип аккумулятора, Денисов принес из военного института, где преподавал. Вроде бы мы предусмотрели все. Но не только это.

Артур, я послал Мирзояна в Москву. Через друзей в комендатуре он выбил себе пропуск. Тех, кто не является носителем, военные берут к себе в самолет. Нам понадобились все связи, чтобы отправить Алика. Две недели назад я говорил по спецсвязи с Ракитским, сотовые операторы давно отключились. У них, в НИИ холода, лежали на тот момент в капсулах пятеро. Две супружеские пары, по семь лет каждая, и еще один мужик, ты его должен помнить аспирантом - Антонов. Он испытывает новую, "сухую", капсулу. Сухую капсулу предложили швейцарцы, уже после тебя. Якобы есть любопытные данные для онкологов. Теперь уже неважно. Важно другое.

Пришлось сказать Ракитскому о тебе, он выслушал почти спокойно. Мне кажется, я убедил его не будить этих пятерых. Кроме того, я просил его найти Патрика, созвониться с Берном. Мирзоян получил от нас с Денисовым все инструкции по сборке батарей и комплектующие. Беда в том, что связь пропала окончательно. Я не знаю, успел ли Алик перепрограммировать капсулы.

Наверное, я не имел права так поступать с тобой. Возможно, ты проснешься последним человеком, не затронутым вирусом. Но если спустя двести лет чудо произойдет, на всякий случай не забывай о пятерых в столице. И еще. Если ты встретишь женщину, которая будет ждать тебя дома и не будет ждать, когда ты отвезешь ее на курорт, вспомни мои слова.

Дамы и господа! Тем, кто найдет эти записки. Если человек в первой капсуле погиб, запишите координаты в Москве, Берне, Ганновере и Париже. Там находятся аналогичные лаборатории, но самая передовая база - в американском Институте крионики...

16. Как трудно стать чекистом

Ниже твердым почерком Телешева были указаны адреса и нарисованы подробные схемы проезда. Дальше текст повторялся на английском и немецком языках. С обратной стороны журнала страниц сорок занимали распечатки с результатами опытов, которые Коваль прочел раньше. Сухие цифры и графики, для непосвященного бы показавшиеся полной абракадаброй. Коваль вырвал листок с адресами. Он и сам не знал, почему не показал журнал папе Рубенсу. Что-то его остановило.

Пять человек. Две супружеские пары, что вполне естественно, и какой-то Антонов, которого он должен знать. Наверное, такой же неудачник. Или, напротив, счастливчик. Улегся и проспал всю гражданскую войну... Шанс, что они живы, ничтожен. Тем не менее

он обязан без помощи всяких там пап и мам добраться до НИИ. Чтобы у Рубенса не возникло ненароком мыслишки, будто все пятеро станут его пожизненными вассалами. Если они не погибли раньше, сказал себе Артур, я сам их вытащу. Московский институт я помню. "А что ты будешь делать, если они разморозились?" - спросил его ехидный голосок. - Оседлаешь коня и поскачешь в Швейцарию или в Германию? В самолет тебя никто не посадит, это точно. Или вырежешь из бревна весла и поплывешь через океан? Там не пять, в Америке все пятнадцать капсул..."

Он сидел, кутаясь в тулупчик, и воспаленными от дыма глазами следил за проплывающей цепочкой костров. Караван шел не останавливаясь и не сбиваясь с ритма. За последним фургоном, привязанные за шеи цепями, шипели и плевались в пыли два крылатых змея. Рептилии ни черта не видели в темноте, спотыкались, но неумолимые цепи волокли их за караваном. Изредка кто-нибудь из крылатых пытался плюнуть огнем, но на бегу это плохо получалось. Сидящий на платформе грузовика охранник по приказу Ковалья хлестал змея бичом, приучая к хорошим манерам. Не дожидаясь удара, твари принимались верещать, припадали на лапы, как побитые собаки. Солдаты хохотали. Именно этого Коваль и добивался - чтобы люди перестали бояться. За спиной костры разгорались, превращаясь потихоньку в неровную алую просеку. Даляр покуривал рядом, баюкая на плече автомат. Когда мы пойдем назад, подумал Коваль, ни одна сволочь не подберется к нам незаметно. Я превращу эти заросли в степь. Я буду их жечь до тех пор, пока на километр от дороги не останется ни единой травинки.

И мы дойдем до Москвы. Если дружки Качальщика попробуют нас остановить, я прикажу казнить его и повешу вверх ногами на стреле крана. А в Москве я найду Институт холода.

Это эгоизм, но человеку очень плохо, когда он один.

Коваль не мог отделаться от мысли о капсулах в столичном институте. А еще он вспоминал эту девчушку, Надю Ван Гог. Интересно, какая на самом деле у нее должна была быть фамилия? Она и вправду похожа на Наталью. Она такая, какой Наташка была в ее возрасте, лет в семнадцать. И взгляд, и жесты удивительно, до боли, напоминают обо всем. Пользуясь нынешним статусом, Артур имел право навестить мамочек, - двойная золоченая повязка открывала ему беспрепятственный доступ в купе. С ней, черт возьми, стоило поговорить, чтобы стряхнуть наваждение! Почти наверняка она окажется недалекой, заиклившей на своей исключительности дурехой. Скорее всего, не умеет читать и писать и никогда не высовывала носа за пределы центра города.

Какой интерес может вызывать девица, не способная внятно связать пару фраз? Достаточно этой самой пары фраз, чтобы посмеяться над собой и над ехидными пророчествами колдуна! Так Артур твердил себе и с раздражением убеждался, что наваждение не проходит...

Общим решением девушек перевели в дилижанс к Арине и выделили одну из четырех клетей. Здесь им было не так удобно, но гораздо спокойнее под неусыпным вниманием четверых подчиненных Ковалья.

Несколько раз за вечер он порывался туда отправиться осведомиться о ее здоровье. И всякий раз придумывал повод, чтобы не идти. Потому что в пятом фургоне, в железном сварном баке, куда в Москве засыплют порох, трясся седой человек в ватнике на голое тело. Арина сказала, что Качальщика ни в коем случае нельзя подпускать к земле и даже везти его в деревянной клетке. Вокруг него должен быть металл, чтобы колдун не набрался от природных материалов новой страшной силы. Когда Коваль вел связанного врага мимо фургонов, люди расступались в стороны и отворачивали лица. Качальщик улыбался и не делал малейшей попытки сбежать.

Теперь Коваль был вынужден сам носить злодею воду, потому что от еды старик отказался. И снова он лишь молча улыбался своему тюремщику из мрака железной темницы. Только один раз, когда Коваль предложил ему выйти и размять ноги среди тюков с товарами, Качальщик тихо спросил:

– Ты не забыл мои слова, демон? Мы оба хотим одного и того же. Мы оба хотим, чтобы девчонка родила тебе детишек. Ты ведь думаешь о ней, я слышу...

Когда Коваль с грохотом захлопнул тяжелую крышку люка, пальцы его дрожали. Двое солдат, стоявших возле походного "карцера" с ружьями наизготовку, отшатнулись, увидев его лицо. Коваль в последнее время чувствовал, что рядовые бойцы и в нем самом подозревают какое-то мистическое начало. Он трижды проверил вооружение броневика, познакомился с подчиненными. Затем обстоятельно выяснил у Серго свой круг обязанностей. Второй раз в жизни сел на лошадь и, нервничая под взглядами ковбоев, объехал караван. Слава богу, удержался в седле. Затем он проверял караулы и полевую кухню. Как он уже догадался, старшина личной охраны совмещал должности начальника штаба, фискального органа и исполнителя наказаний. Последнее было малоприятно, но крайне почетно. Он становился глазами и ушами Арины. Артур дал себе слово, что не станет ни на кого "стучать", его ведь могли нарочно спровоцировать, чтобы проверить лояльность. Положение главы тайной полиции во все века было крайне двусмысленным. Либо ты подозреваешь всех, либо поплатишься за доверчивость. Самым неприятным оказался момент, когда Абашидзе познакомил его со "штатными осведомителями". Круг замыкается, тоскливо размышлял Артур, выслушивая данные о череде мелких правонарушений. Легкие наркотики, поножовщина, азартные игры... Этого лишить дневного жалованья, того отправить в наряд по кухне, а задремавшего на посту вообще полагалось гнать из коммуны. Или повесить. Вот тебе и возврат к честной артели! Впрочем, кто он такой, чтобы воспитывать людей?

Старшине выдали обмундирование: пару кожаных сапог и шерстяные носки. Ему полагался теперь лишний кусок вяленого мяса и сколько-то овощей, но Коваль отдавал льготное питание в общий котел. Гораздо более приятными подарками стали автомат и метательные клинки, оставшиеся от Матроса. По возвращении старшина должен был получить четыре доли золотом от жалованья рядового бойца.

Словом, Коваль провел день и ночь в бесконечных хлопотах, не позволяя себе думать о девушке в купе. И чем чаще он приказывал себе о ней не вспоминать, тем отчетливее убеждался, что попал под действие известного синдрома "белой обезьяны" Ходжи Насреддина. Он чувствовал, что стоит дать слабину, и Качальщик возьмет над ним верх. Неизвестно как, но подчинит себе. Проезжая мимо порохового погреба, Коваль невольно втягивал голову в плечи. Пленный враг улыбался ему оттуда сквозь тройную стену из дерева и металла. Руки Артура саднили от ожогов, и мази Маршала помогали мало. Он догадывался, что старый лис с косичками мог бы вылечить его гораздо быстрее, но обращаться к демону ни капельки не хотелось.

Возможно, Качальщик врал насчет Москвы. Даже наверняка врал, чтобы запутать и запугать, чтобы Артур почувствовал себя совсем одиноко. Какие-то телепатические способности у мерзавца явно имелись. Артур никому не рассказывал об их последнем коротком разговоре. Еще когда он вел связанного демона к фургону, а люди расступались в стороны и отворачивали лица, тот внезапно осклабился и тихонько сказал:

– Три цены...

– Что "три цены"? - не понял Коваль. Он был взвинчен до предела; похоже, солдаты и ему начинали приписывать магические способности. Только этого не хватало, испугался Артур, подобные страхи закончились в свое время кострами инквизиции...

– Ты думаешь о том, как выкупить девчонку, демон! - практически не разжимая губ, нашепывал Качальщик. - Тебе и за двадцать лет не скопить столько золота. Мои братья дадут за каждую из них три цены. Слышишь, три цены! А сероглазая будет твоя, я тебе обещаю. Она будет твоя... Ты только отдашь нам первых троих детей, больше мне ничего не нужно.

– Заткнись! - Коваль еле сдерживался, чтобы не ударить полуголого старика. - Торговаться будешь не со мной!

– Только с тобой, Проснувшийся, только с тобой. Вам не пройти дальше Вечного

пожарища, спроси об этом сына Красной луны. Мальчишка знает... - От смеха Качальщика в животе у Артура началось брожение. - Мне нечего обсуждать с насекомыми. Они вымрут, как вымерли остальные. Пусть несут дальше свою вонючую рыбу и меняют ее на зерно. Если ты пойдешь со мной, караван останется цел, я обещаю...

У Артура тряслись поджилки, когда он захлопнул за колдуном тяжелую крышку "карцера". Возможно, убудок врал насчет московской лаборатории, на которую надеялся Телешев.

Но Надя Ван Гог была чертовски похожа на Наталью.

И старшину Кузнеця чертовски тянуло ее увидеть.

И всё это происходило жутко не вовремя.

17. Жизнь после смерти

С первыми лучами солнца над башней броневика Коваль четырежды ударил колокол. Новоиспеченный старшина едва ухитрился заснуть под самое утро на постоянно скачущей жесткой койке. До этого он часа полтора лежал на спине, уставясь в темноту, и решал для себя банальнейшую дилемму. Или колдун берет "на понт", или каравану действительно грозит серьезная опасность. Перебрав все варианты, ночью Коваль пошел советоваться с Христофором. Арина спала, укутанная, как бабочка перед появлением на свет, и Маршал к ней никого не подпускал.

Христофор не удивился, он словно ждал заранее, когда его разбудят. В обычной своей иносказательной манере мальчик подтвердил, что за пожарищем большая опасность. А может, и не опасность. Качальщика следовало убить, но нельзя этого делать. Иначе будет плохо, но хорошо. Последняя мысль потрясала своей глубиной. Трактуй, как душе угодно!

А потом прискакал Серго, весь черный от копоти, потрепал обескураженного старшину по плечу и сказал, что нет ничего необычного. Мамочек постоянно пытаются перекупить в пути, и Качальщики в том числе. Только они никогда не действуют сами, это первый случай. Ни одна питерская коммуна, если ее руководство в здравом уме, не отдаст своих женщин в лес, даже за большие деньги. Кто из москвичей с ними будет после этого торговать?

Коваль так и не понял, как ему поступить. Лично его никто не обвинял в сочувствии к лесному колдуну; в конце концов, тот спас от смерти самое ценное - не рожавшую маму. Но музейщики, похоже, не верили, что поимка Качальщика сойдет с рук. Чарли - тот вообще с Артуром почти не разговаривал, вроде как сторонился.

Колокол вторично отбил четыре удара. Коваль высунулся из люка, протирая глаза, и увидел Вечное пожарище. Открывшаяся картина настолько не походила ни на один земной пейзаж, что старшине расхотелось завтракать. Нечто, вызывающее сердцебиение и одновременно завораживающее, отголосок кибернетических фантазий и череда биологических ошибок... Никакого пожара тут не было и в помине. Угрюмая равнина пепельного цвета поросла папоротником, но не целиком, а неровными участками, словно ровесники мамонтов отваливались с поверхности почвы. Проплешины покрывал колючий серебристый мох, издавна похожий на ковер из кривых гвоздей. Изредка встречались бугры из тесно сплетенных между собой уродливых стеблей, покрытых бледным желтоватым налетом. Артур настроил бинокль. Возможно, посреди стелющегося пятнистого покрывала, которое он вначале принял за папоротник, росли совсем новые виды деревьев. Но, присмотревшись, он узнал в скрюченных, лишенных коры стволах... березы. Во всяком случае, ни на что другое эти грибообразные создания не походили. Он долго, пока на сетчатке не начали плясать мушки, вглядывался в горизонт. Над чуждым, лишенным хлорофилла ландшафтом не вспорхнула ни одна птица. Кое-где серую равнину пронизывали узкие лощинки, похожие на звериные тропки, но ни один листик не шевелился. Тот, кто протоптал ходы, не стремился к знакомству...

На память пришли рассказы библиотекаря. Мертвые леса на юге Питера, дожди, после которых с елей опадали иголки, отработавшая в закрытых технологических циклах вода,

просочившаяся в почву и реки... Коваль попытался представить местность с высоты птичьего полета.

Вечное пожарище напоминало гигантский язык, протянувшийся через Новгород, через Ильмень-озеро и дальше на восток, туда, где должен был находиться городок Барановичи. Длину "языка" оценить было невозможно, а в ширину он превышал сорок километров. Караван подошел к границе "мертвой зоны" в темноте, и Серго впервые нарушил план, предложенный Артуром. Через пожарища ночью не ходили. Никто не мог припомнить, чтобы днем здесь случалась какая-либо неприятность, никогда не нападали звери или дикари. Но бывалые путешественники передавали из уст в уста веселенькую легенду. Даляр поведал эту историю без намека на улыбку; Ковалю не хотелось верить, но в этом мире редко шутили.

На другом Вечном пожарище, что пересекало мурманскую трассу, несколько лет назад потерялся конный отряд, человек в тридцать. Дикарей в тех краях практически нет, слишком холодно зимой, и движение слабое. Люди очень торопились; по слухам, они везли в Питер что-то скоропортящееся и решили не устраивать ночлега на границе "живой" травы. Через четыре дня их вышел искать другой отряд. Нашли нетронутые грузовики. Рыба, естественно, испортилась, лед растаял, но половина протухшего груза оказалась раскиданной на дороге, словно его растаскивали вручную. Затем поймали двух лошадей под седлом, точнее, животные сами вышли к людям. Потом нашли еще одну лошадь. Она стояла в стороне, метрах в десяти от дороги, понурившись, будто спала. Отыскались смельчаки, решившиеся подобраться поближе. Когда к лошади подошли вплотную, оказалось, что она не дышит и словно одеревенела. И внутри, под кожей, она была пустая, как барабан. Не падала она только потому, что ноги ее сантиметром на десять ушли в синий мох. Синий мох не просто поглотил ее ноги, он забрался лошади в уши, облепил снизу живот и даже торчал из ноздрей.

— Синий мох? - переспросил Артур и облизнул пересохшие губы.

— Синий, - спокойно подтвердил Даляр. - Там синий мох и желтые сосны. На соснах видели летунов, но не таких, как в Питере. Крупнее.

— Так это летуны? - Артур припомнил флегматичного вампира на глобусе.

— Нет. Летуны пьют кровь, но не могут высосать коня изнутри. И упыри не съели бы сорок человек, - подчеркнул сержант. - Но через пожарища ночами больше не ходят. Днем безопасно, главное - не покидать дорогу.

Лошади шагали через мертвую равнину больше семи часов. Здесь примолкли даже собаки ковбоев, над потными конями не кружили слепни, затих стрекот кузнечиков. Даже солнце светило тусклее обычного, словно задыхаясь в колышущемся жарком мареве. Волчий вой, преследовавший караван всю предыдущую ночь, остался далеко позади.

Вероятно, Сосновоборская АЭС, размышлял Коваль, вращаясь вместе с биноклем. Нет, далековато. А может, совсем другая станция, о которой он ничего не знает, также брошенная служащими. Сколько лет прошло, с тех пор как радиоактивная туча пронеслась над этим местом, и какую дозу тут можно подхватить сегодня? По идее, всё давно должно улечься, но почему не видно даже насекомых? Случилась протечка в хранилище отработанной воды, или рвануло, как в Чернобыле? Неизвестно, никто уже не вспомнит.

— Старшина! - С броневиком поравнялся один из всадников "зажигательного" отряда. - Здесь ничего не горит, слишком сыро. И кони не сойдут с дороги...

Артур вглядывался в порождения мирного атома и убеждал себя, что ошибается. Возможно, с радиацией тут всё в порядке, но каких масштабов тогда достигало химическое заражение? Да и какой химией без авиации можно превратить такой кусок земли в пепелище? Наверное, сюда долетали семена и споры нормальных растений и пытались укорениться в почве. То, что прижилось, хотелось обойти стороной и ни в коем случае к нему не прикасаться. Торчащие из рыхлой земли скрюченные корни, усаженные блестящими образованиями вроде гриба чаги. Только чага не колышется от ветра, будто студень... А вот здесь наверняка стояла деревня; сохранились фундаменты домов, покрытые тем же сероватым, крапчатым налетом, как и ветки прорастающих сквозь камни кустов. Между

фундаментами, там, где когда-то хозяйки копались в огородах, тянулись к небу полуметровой высоты поганки. Или не поганки, а, скорее, моховики с волосатыми шляпками. Только в каком учебнике описаны моховики, у которых ножки, как у банановых пальм? Коваль отвел глаза и стал смотреть на дорогу. Покрытие здесь сохранилось даже лучше, видимо, трава погибла когда-то прямо под асфальтом. Кони стражников без приказа рысили теперь впереди броневика; животные не желали делать и шагу в сторону. Солнце вставало, разгоняя на своем пути густую пелену тумана, но в звенящем безмолвии слышался лишь рокот "Кировца" и дребезжание десятков колес. Ни один жучок, пчела или стрекоза не проснулись в отравленных папоротниках.

Однажды Артуру почудилось какое-то движение в группе искореженных березок на пригорке, метрах в пятидесяти от шоссе. Он резко повернулся и успел уловить, как что-то черное спряталось под пологом стелющейся пятнистой листвы. В кого могло превратиться животное, обитающее здесь? Старшина вспомнил слова Качальщика: "Мой дед родился, когда земля на пожарище еще светилась..." Возможно, дьявол с косичками имел в виду совсем другое пожарище. Никто ведь не считал, сколько таких же чумных языков лизнули Россию, сколько вредных производств рухнуло, источая вокруг себя смерть. Колонна миновала длинный, державшийся на честном слове мост. Из мелкой ленивой речки торчали обломки какой-то конструкции, возможно, затонувшей пристани. А на горизонте, к великому облегчению Ковалья, непроходимыми дебрями поднимался самый обыкновенный лес. И на опушке горели костры.

18. Застава шептунов

Передний дозорный поднял руку с желтым платком; насторожившиеся пулеметчики облегченно вздохнули. Навстречу шел другой караван. Там, где Вечное пожарище заканчивалось, на вытоптанном поле среди самой обыкновенной травы музейщиков поджидали пятнадцать фургонов. Это шли навстречу ребята из Петрозаводска. Рокотов обнялся с их главным коммивояжером, сторговал в аренду десяток свежих тяжеловозов. Толпа людей собралась вокруг привязанных драконов.

Новости разносились быстро и столь же быстро обрастали сказочными подробностями. Не прошло и десяти минут, как солдаты и торговцы стали подходить к броневикам Арины, как на экскурсию, чтобы посмотреть на Артура Кузнецова. Но после того как обнаружилось, что в пороховом танке содержится живой Качальщик, старший встречного каравана немедленно протрубил подъем. Несмотря на то что у многих нашлись старые знакомые и все были рады встрече посреди безлюдного тракта, у Артура возникло противное ощущение. Присутствие Качальщика словно сделало людей Эрмитажа изгоями, возле них теперь боялись надолго оставаться. Коваль в который раз спрашивал себя: как поступить, если стражники взбунтуются и потребуют казни демона? Кроме Христофора, похоже, один Серго понимал важность живого пленника; рядовые солдаты, да и члены торговой миссии, помощники Рокотова, носили всевозможные амулеты, обереги и искали способ, как уклониться от вахты при "карцере".

У северян имелся свой "оракул", девчонка лет семнадцати, она полагала, что на два дня пути всё чисто. Христофор на это лишь покачал головой и остался при своем мнении. Арина в дебаты не влезала, весь день у нее был сильный жар.

Когда последние повозки северян растаяли в дрожащем воздухе пожарища, Коваль попытался прислушаться к собственной интуиции. Ничего хорошего интуиция не говорила. То, что представлялось мирной пасторалью для парней с Онеги, вполне могло выйти боком для музейщиков. Когда светило начало клониться к закату, колонна преодолела еще одну речку, и сразу за мостом дозорный выкинул красный флаг. Команда "поджигателей" уже успела сделать свою работу, поэтому в клубах расползающегося дыма Артур не сразу заметил препятствие. Что-то там стояло, впереди на горке. Что-то блестящее.

– Шептуны, – сказал Христофор и положил в рот вареную картофелину.

– Много их?

Мальчик поднял котенка и потерся носом о пушистую мордочку. Иногда Коваль спрашивал себя, на кой черт они катают с собой этого прохвоста.

Серго трижды прозвонил в колокол, давая сигнал к обороне. На сей раз вокруг дороги расстилалась ровная поляна, и возницы начали немедленное перестроение в боевой порядок. Но закончить не успели. Пока команда Артура задраивала щели и занимала места в оружейных башнях, совсем близко раздался такой забытый и такой сладкий для ушей Артура шум - неторопливое тарыхтение четырехтактного мотоциклетного движка. На пару секунд Коваль словно растворился в этом рокоте. Это звучало...

Это звучало, словно отголосок колыбельной, и в то же время словно по горлу провести холодным лезвием. Этот низкий рокот возвращал его в упоительные мгновения детства и поднимал со дна души то, о чем он мечтал никогда не вспоминать. Это было то, что убило Наташку...

Артур загнал в двустволку патроны и выпрыгнул наружу. Между всадниками охраны, нарочито не замечая нацеленных стволов, в седле роскошного "Харлея" развалились двое шептунов. Для своих более чем преклонных лет мотоцикл выглядел совсем неплохо. Очевидно, дикари недавно распотрошили забытый склад автоконцерна. Кроме того, у них в шайке имелся одаренный механик, виртуоз своего дела. Коваль сразу отметил "неродные", неестественно огромные амортизаторы, крепящиеся на приваренных профилях, и широченные шипованные колеса. На передней вилке вместо фары крепился пулемет со спиленным стволом.

Шептун заглушил мотор. Стало совсем тихо. Оба байкера выглядели под стать транспортному средству; скорее всего, экипировку они выбрали там же, где мотоцикл. И оба, судя по расширенным зрачкам, как следует накачались "дурью". Водитель, скуластый, похожий на башкира, сложил руки в обрезанных перчатках на руле. Сложной огранки камни переливались на его татуированных фалангах. Пассажир, смуглый, бородатый, лицо в мелких точках окарины, откинулся на спинку сиденья. Заходящее солнце отражалось в десятках заклепок на его куртке, под коленями раздувались объемистые кожаные сумки с вышитыми орлами...

– Я слушаю, - ровно сказал Серго.

Башкир облизнул губы. Артур кинул быстрый взгляд на дорогу. В сотне метров тарыхтел еще один "харлей".

– Торжок, - сиплым голосом сифилитика, никаким не шепотом произнес бородатый. - Дорожная застава.

– Это хорошо, - согласился Абашидзе. - Хорошо, если в Торжке появилась новая коммуна. Я верно тебя понял, шептун?

Башкир осклабился, обнажив черные огрызки зубов. Похоже, ему доставляло удовольствие видеть десяток направленных на него ружей. Его сосед пошевелил ногой в клепаном "казаке", медленно выпустил изо рта стужок коричневой слюны и медленно сплюнул.

– Ты врубился, городской. Забашляй, и получишь полста бычков до Трери. Прокатишься, муха не насрет.

– Звучит соблазнительно, - мягко кивнул Серго. - С охраной спокойнее. Но мы только что встретили колонну из Петрозаводска. Впереди нет ни желтых, ни чингисов. Или для нас особые правила?

– Не кроши сухарь, городской! - Шептун запалил папиросу. - У тебя четыре мамки. Толкнешь одну нам и вали.

– Ты же вроде говорил о налоге? - удивился Серго. - За женщин уже уплачено. Ты прекрасно знаешь, шептун, так дела не делаются. Застолбите место, откройте коммуны или хотя бы общины. Вступите в пакт вольных поселений. После этого торгуйте. Мы не можем продавать женщин в никуда.

– Три цены. - Бородатый опять сплюнул. От его папиросы воняло совсем не табаком. -

Налог - херня. Насыплешь хавки для кобыл.

К Абашидзе бесшумно подошел сержант, пошептал что-то на ухо, затем переместился к Артуру:

– Они обходят нас по лесу, двумя колоннами, старшина. Два огнемета, человек сорок лучников, десятка два с огнестрельным.

Серго по-прежнему вел себя крайне миролюбиво, словно и не получал предупреждения.

– Ты не хочешь торговать честно, шептун? Люди - не кобылы. Я вижу, что говорю с дикарем. Мы не продаем своих людей дикарям.

Башкир не перестал улыбаться, но теперь его улыбка выглядела так, будто в рот сунули распорку.

– Кого ты назвал дикарем, подвальная крыса? - Руки бородатого медленно потянулись к седельным карманам. Но он тут же спохватился и толкнул напарника в бок.

Двигатель "харлея" взревел, из-под заднего колеса полетели камни.

Серго отвернулся, что-то скомандовал подчиненным.

Мгновение спустя бородач перекинул ногу, развернулся задом наперед. Из выхлопных труб ударили жирные струи дыма.

Лошадь ближайшего всадника в испуге поднялась на дыбы. В дилижансе колокол сыграл тревогу.

Мотоцикл проехал уже метров пять, набирая скорость. Второй "харлей", на пригорке, тоже завел мотор. Музейщики, не обращая внимания на байкеров, разбежались по фургонам. Хлопнули бичи, повозки пришли в движение, готовясь замкнуть круг.

– Старшина!

Артур обернулся. Сержант махал ему, собираясь задвинуть бронированный люк.

Абашидзе вприпрыжку бежал к пушке, на ходу выкрикивая команды. Возницы выпрягали лошадей.

Хохочущий байкер на заднем сиденье "харлея" поднимал обе руки с обрезам.

Коваль вскинул двустволку, удивляясь, как медленно всё происходит, и спустил курки. Он никогда в жизни не стрелял из охотничьего оружия и не додумался даже упереть приклад в плечо.

Ружье ударило его в грудь с такой силой, что старшина запнулся и при всём честном народе шлепнулся в грязь. Цель удалилась уже метров на двадцать, но дробь шептунов догнала. Бородатый дикарь принял в грудь содержимое обоих патронов, однако и башкиру хватило гвоздей. "Харлей" вылетел с дороги, словно крыльями, взмахнув кожаной бахромой на изогнутом руле. Смуглолицый тоже успел выстрелить, но запоздал самую малость. Пуля просвистела в сантиметре над головой начальника стражи.

– Я попал! - засмеялся Коваль. - Мать твою, я попал!

Все лица повернулись к нему. Серго почесал в затылке и показал Артуру большой палец. Мотоцикл, как огромный блестящий жук, крутился на боку. Вылетая из седла, дикарь выкрутил газ до предела. И сразу же, точно выстрелы Ковалья послужили сигналом, по стенам фургонов заколотили пули. Артур еле успел вкатиться под спасительную защиту брони. Ружье осталось на улице. Внутри пулеметчики лязгали лентами, вопил котенок, верещали в своей комнатке мамочки, поэтому старшина не сразу расслышал слабый голосок Арины:

– Береги мам, Кузнец...

– Постараюсь! - бодро откликнулся он. - Эй, левый борт! Стрелять только одиночными! Ваш сектор от края дороги до столба. Задняя башня от поваленного столба до малинника. И только по моей команде! Не выдавать себя!

– Понял, старшина!

Справа, за пригорком, из бурьяна торчали остатки стен какого-то длинного одноэтажного строения, и первые шептуны появились именно оттуда. Ковалю хватило секунды, чтобы ощутить разницу с предыдущим противником. Эти парни вообще не

стремились атаковать. Они не высывались из укрытия.

– Они ждут... - пробормотала девушка. - И это плохо...

– Плохо! - согласился жующий Христофор. - Понятно и непонятно.

– Что тебе понятно, мать твою?! - в сердцах выругался Артур. - Ты можешь хоть на минуту прекратить жрать и сказать что-нибудь вразумительное?

Мальчишка засмеялся. Вместо него ответила Рубенс:

– Они окружили нас... чтобы задержать... Они ждут... Я слышу.

В тишине зазвенел телефон. Коваль схватил трубку.

– Старшина? Это я, Серго. Посмотри вперед, на дорогу.

Артур пересек коридор. У соседней смотровой щели тяжело дышали бойцы. Каждый из этих "элитных" охранников стоил в бою как минимум пятерки дикарей. А может, и целого десятка. Они метали ножи с обеих рук в кувырке и попадали с десяти шагов в цель. Каждый из них с кинжалом мог выйти против своры булей, что являлось высшим экзаменом. О такой "спецподготовке" Коваль мог лишь мечтать. Но сейчас оба дрожали, как побитые дворняги, учуявшие волчью стаю. Артур прищурился, ломая голову, что могло так напугать его отважных подчиненных.

По центру дороги, не скрываясь, неторопливым шагом приближались три фигуры в белом. Слева шел мужчина, он держал на согнутом локте берестяное лукошко и угощал своих спутниц. Обе женщины были немолоды, с длинными седыми гривами, схваченными повязками, как конские хвосты. Поравнявшись с рокочущим мотоциклом, который так и вспахивал задним колесом воздух, крайняя женщина сделала брезгливый жест рукой, словно отгоняя от себя надоевшего комара. В мгновение ока вокруг погибших байкеров возникла ревушая стена огня. Соседи Коваля отпрянули от щелей, сам он не мог оторвать взгляда. Еще секунда. Женщины подставили ладони, мужчина насыпал им ягод из лукошка. Пламя улеглось, словно ничего и не было, а на обочине образовалась неровная блестящая клякса, точно поверхность застывающей лавы.

– Плевок Сатаны! - выдохнул пулеметчик. - Храни нас святая Ксения!

И словно в ответ на его мольбу в железном ящике захохотал пленный Качальщик.

19. Пчелиный эскорт

Переговоры шли недолго, минуты две. Дабы ни у кого не осталось сомнений, одна из женщин легким взмахом руки убила четверку коней, жевавших сено. При этом она их даже не могла увидеть, все животные находились внутри сплошного кольца повозок. Затем Качальщица вызвала начальника стражи. Абашидзе шел к ней через пустой круг, образованный повозками, и, казалось, стал меньше ростом. Он даже не сделал попытки выстрелить или достать саблю. Стоял понурившись и слушал.

Зато, пока Серго слушал, из кустов попытались выстрелить в него. Наверное, кто-то из шептунов надумал отомстить за смерть друзей-мотоциклистов.

Раздалась автоматная очередь, но Артур мог поклясться, что мужик с лукошком опередил ее на микроскопическую долю секунды, словно предвидел. Не оборачиваясь, продолжая закидывать в рот спелые ягоды малины, колдун пошевелил пальцами. Вокруг Серго и троицы в белом на краткий миг повисла прозрачная, почти неощутимая завеса и вновь пропала. И в тот же момент сквозь траву, сквозь кусты и обломки коровника пронеслась тугая волна, оставляя после себя гладкий след. Точно гигантская змея проползла, сминая все на своем пути. Никто так и не увидел, что стало со стрелком. Зато минутой позже все увидели войско шептунов, улетающее со всех ног к лесу.

Переговоры закончились. Абашидзе повернулся к командирскому броневику. Сквозь бойницы на него смотрели сотни напряженных глаз.

– Кузнец! - еле слышно произнесла Арина. Она вообще ничего не могла видеть, лежала в постели, задрав к низкому потолку заострившиеся скулы. - Кузнец, они хотят тебя.

– Меня?!

– Тебя и наших мам. Они говорят, что предлагали тебе побег вместе с Надей Ван Гог, еду и свой дом в их деревне. Это правда?

– Правда, госпожа...

– Они говорят, что ты отказался. Почему ты мне не сказал?

– Не знаю... - Коваль смутился. - Я боялся, что все начнут подозревать меня... Ну, что я рано или поздно сбегу.

– Не лги мне! - Арина хрипло рассмеялась и тут же закашлялась. - Если бы ты согласился, мы потеряли бы одну маму, а нынче потеряем всех. Самое смешное, что они заплатят. Святая Ксения, мир праху ее! Никогда такого не было, чтобы я не довела караван до Москвы...

В люк постучали. На пороге стоял Серго. На него нельзя было смотреть без жалости.

– Они требуют освободить демона, госпожа.

– Ты начальник стражи, - отмахнулась Арина.

Лекарь суеился возле нее, собираясь менять повязки. Мамочки высыпали из своей каютки в узкий коридор и стояли плотной стайкой, прижавшись друг к другу. Артур поймал взгляд Нади Ван Гог. Наконец-то он смог ее увидеть, и никто не посмеет сказать, что Кузнец подстроил это свидание нарочно. Девушки выглядели даже менее испуганными, чем солдаты. Конечно, подумал Артур, они же привыкли, что их носят на руках. При любом раскладе с мамашами будут обращаться не как с обычными пленными. Им до старости обеспечено содержание, даже у дикарей. Надя, закусив губу, тоже глядела на старшину. На ней было надето простое платье из грубой ткани, но Артур знал, что за каждой мамой числится несколько сундуков с приданым, а в Москве каждую ждет почти полкило золота в виде украшений.

– Они требуют выдать Кузнеца и всех мамаш. Иначе мы не пройдем.

– Твое решение, Серго?

– Я сказал им, что, если нас не пропустят, мы убьем Качальщика. На это они ответили... - Старшина тяжело вздохнул. - Они ответили, что я не могу угрожать смертью, поскольку сам не умираю.

Коваль хмыкнул. Абашидзе покосился на него и продолжал:

– Они сказали: никто не знает, что такое смерть. Может быть, сказали они, быть мертвым гораздо лучше, чем живым. Смешно угрожать добром, сказали они. Мы можем убить Качальщика, дочь Красной луны, пока он замурован в железе, но это нас не спасет. Тогда они возьмут свое силой и не заплатят. Я не могу решать один, дочь луны. Позовем Чарли. Пусть это будет решение Совета.

– У нас есть время на Совет? - Арина подставила левую руку для укола. Маршал перетянул ее плечо веревкой, растер посиневший, истерзанный локоть самогоном.

– Да, госпожа. У нас есть время, пока Те, кто раскачивает, не доели ягоды. Так они сказали.

В броневику ввалился увешанный оружием Рокотов:

– Плохо дело... Над нами пчелы.

– Пчелы? - непонимающе наморщил лоб Серго. - Какие еще пчелы?

– Дикие, мать вашу! Да поглядите сами!

Старшины бросились к двери. Едва взглянув вверх, Артуру захотелось спрятаться, и почему-то мучительно зачесалась шея. Метрах в пяти от земли, прямо над фургонами наливалось и крепло гудящее черное облако. Зрелище было одновременно жутким и завораживающим. Артур почувствовал себя кроликом, попавшим в поле зрения питона. Наверное, примерно то же самое ощутили и остальные бойцы, кто успел заметить новую опасность.

Серго вполголоса выругался по-грузински, Чарли стянул с темечка кольчужный капюшон и вытирал вспотевший лоб. Кто-то молился за плечом Артура, быстро и почти беззвучно. Туча становилась всё гуще и насыщеннее, сотни и тысячи насекомых вливались в нее ежеминутно, добавляя свои тонкие голоса в общее яростное рычание.

– Их миллионы! - прошептал Рокотов. - Как такое возможно, сейчас не сезон...

– Здесь им вообще неоткуда взяться! - отозвался Серго. - Вокруг сплошной сырой лес. Демоны привели их за собой. Будь у нас тысяча ружей, это не поможет...

Ревущая туча плавно изменила очертания, превратившись в огромное пульсирующее кольцо и достигая уже десятка метров в диаметре. Затем кольцо медленно наклонилось, будто поворачиваясь на невидимой оси, и так же медленно начало сдвигаться к задравшим головы командирам. Артур представил себе, как вся эта масса, оснащенная миллионами ядовитых жал, ринется на них. Это конец, у музейщиков не оставалось выбора.

– Скажи им! - Коваль потряс Абашидзе за плечо. - Скорее, скажи им, что мы согласны! Я выпущу Качальщика и уйду с ними!

– Я не могу! - завопил Серго. - Папа утопит меня за трусость.

– Тогда ты погубишь всех! - Коваль обернулся. В просвете между бортами сдвинутых фургонов было видно, как три пожилых человека безмятежно лакомились ягодой, словно их ничего не касалось. - Ты погубишь караван. Христофор, эй, обжора! Посоветуй что-нибудь!

Мальчик вылез на подножку, сложил ладошку домиком, вглядываясь в дьявольский пчелиный хоровод. Затем закинул в рот кусок сушеной груши и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Кто уходит, тот возвращается. Всем плохо, и всем хорошо.

На этом закончился малый полевой Совет. Освобожденный Качальщик, как ни странно, больше не злорадствовал. Он несколько раз сморгнул, привыкая к солнечному свету, затем блаженно улыбнулся, коснувшись босыми ступнями земли. С минуту покачался на пятках и ушел, не оглядываясь, к своим товарищам. Пчелы гудели, лошади фыркали и жались друг к дружке. Несколько человек уже были укушены, но никто не жаловался. По одежде Артура ползали сразу три пчелы, а на крыши фургонов они опускались тысячами, подвижными гирляндами свисали с веревок и проводов. Несколько ковбойских собак перегрызли поводки и, поджав хвосты, приседая, устремились к лесу, другие прятались под колесами машин.

Колдуны позволили мамочкам взять с собой приданое и не возражали против оружия Артура. Из-за поворота выкатился небольшой крытый экипаж, запряженный четверкой серых превосходных рысаков. Стараясь не смотреть вверх, втягивая головы в плечи, торговцы покидали в багажное отделение тюки и сундуки. Кроме личных вещей, Коваль на правах старшего распорядился перенести в новое походное жилье ванну и пару самодельных "буржук" с запасом угля. Рокотов на всё махнул рукой, а Качальщики были заняты неспешной беседой, точно семья воскресным вечером на травке дачного участка. Серго молчал, поглаживая саблю. Пчелиное гудение перекрывало прочие звуки, людям приходилось кричать, чтобы услышать друг друга.

Когда всё было закончено, один из возниц вручил Ковалю кнут и показал, как управляться с лошадьми. Старшину понизили до кучера, невесело пошутил Даяр. Он глядел на боевого товарища, как на мертвеца. Качальщики доели ягоды и поджидали на обочине. Было заметно, что у многих так и чешутся руки открыть по ним огонь, но против мириадов маленьких убийц никто бы не устоял.

– Я был неправ, - сказал Артур Арине Рубенс на прощание. - Лучше бы мы пожертвовали одной мамой тогда...

– Нет! - отмахнулась девушка. Наркотик уже сделал свое дело, и глаза ее снова налились огнем. - Не твоя вина. Нас ждали. Посмотри, демоны поступили благородно. Это их плата.

Артур выглянул в окно и обомлел. Вдали, между каркасом поваленной водокачки и одиноко торчащей кирпичной трубой, на склоне холма копошилось что-то желтое. Коваль сначала не понял, что это может быть. Просто мозг отказывался поверить глазам.

– Один к тридцати, вполне справедливо! - нервно хохотнул Рокотов, и тут же затих под стальным взглядом Арины.

На пологом склоне лежали и сидели, связанные веревками, десятки людей, больше похожие на диких зверей, чем на представителей гомо сапиенс. Спутанные гривы волос,

немытые тела в разводах краски, не одежда, а обрывки тряпок. Что-то с толпой было не так: то ли дикари нанюхались дурмана, то ли все поголовно были пьяны.

– Но... это же люди! - выдавил Артур.

– Это Желтые дикари, - без улыбки отчеканила дочь Рубенса. - Сто двадцать штук. Мы продадим их в Твери шептунам или погоним до Москвы. За тебя не дали ничего, кроме вот этого. - Она указала на небольшой ящик, укрытый тканью. - Открой, Кузнец, только осторожно. Береги пальцы, щенки опасны.

– Пусть они дикари, но они люди! - упорствовал Коваль. - Разве Эрмитаж занимается работоторговлей?

– Ты знаешь умные слова, как наш Лева! - Арина поморщилась: лекарь принялся срезать с ее плеча присохшие бинты. - Есть разные Желтые дикари. Эти - хуже волков, но могут работать. Качальщики подобрали их на Желтых болотах. Ты слышал про Желтые болота? Нет? Чарли, скажи ему!

– Это далеко отсюда, - толстяк махнул рукой на восток. - Там раньше, до Большой смерти, делали химию для полей. Люди умерли, а химия осталась и течет с речной водой. В тех местах рождаются уроды. С ними невозможно разговаривать, но можно заставить работать. Шептуны продадут их угольщикам, на шахты. Им там будет даже лучше. Будут кормить и дадут теплую постель.

– Это немыслимо!

Артур покачал головой, но спорить было не с кем. Хваленая демократия Эрмитажа трещала по швам. Качальщик снова оказался прав. Люди вернулись к истокам, "право сильного" больше не прикрывалось либеральными лозунгами. Артур откинул тряпку с ящика. Это оказался не ящик, а крепкая железная клетка. В ней, обнявшись, лежали два маленьких, длинношеих, белых, как пух, тигренка. Вот они, подарочки с Урала, вспомнил Артур. Вот он, дружеский привет папаше Рубенсу.

– Я не хотел говорить! - Он задержался в дверях, последний раз оглядев "командный состав". Возможно, и сейчас не следовало развязывать язык, но Артур совсем не был убежден, что встретится с музейщиками еще раз. Возможно также, что его слова приведут к смуте и брожению в коммуне. Однако сотня беззащитных связанных идиотов подействовала на него сильнее, чем сотня чингисов, которых он сам предложил повесить на деревьях. Те были врагами и погибли в бою, но узаконивать рабство - это уж слишком! - Арина, для тебя не станет новостью, что папа Рубенс предупредил Качальщиков обо мне?

– Что?! - Все трое выпучили глаза.

– То самое, - устало подтвердил Коваль. - У твоего отчима на голубятне есть птицы, которые летают к братишке нашего бывшего арестанта. Не знаю насчет мамаш, но про меня Качальщики знали заранее. Выходит, папаша обменял меня на двух тигрят?

Он махнул рукой и, не дожидаясь реакции, зашагал к ожидавшему экипажу. Пчелы гудели, свиваясь в колышущуюся "восьмерку". Качальщица угощала мамочек ягодой. На козлах кареты сидел бывший "арестант". Заметив Артура, он приветливо похлопал по скамейке подле себя и тут же, как заправский возница, шелкнул кнутом.

Стоило лошадям тронуться, пчелиный рой тоже пришел в движение, сопровождая карету на солидном расстоянии, как почетный эскорт. Артур последний раз оглянулся на караван. В открытом люке броневика торчала тоненькая фигурка Христофора. Одной рукой мальчик держал яблоко, другой махал вслед Ковалю.

Кто уходит, тот возвращается, сказал маленький философ.

Но философии больше не было, осталась одна биология. 20. Надя Ван Гог

Артур потерял счет дням. На восьмые или девятые сутки карета вкатилась на центральную площадь провинциального городка, и Качальщики позволили провести первую ночь в постелях. До этого лошади шли непрерывно, хотя и крайне медленно. Пчел давно отпустили, вместо них экипаж сопровождала стая волков. Звери явно шли не по своей воле, иногда начинали грызться между собой, но не отставали. Бежать при таком раскладе не было

никакой возможности, да Артур и не решился бы на побег в этих глухих местах. Качальщики продвигались проселочными дорогами, почти всё время на восток.

Иногда встречались участки, где колея напрочь заросла травой. Тогда Ковалю вручали длинный нож, оба колдуна также слезали на землю и помогали расчищать дорогу. Иногда карета буквально продиралась сквозь заросли, чтобы через минуту опять очутиться на тропе. Артур не представлял себе, какой надо обладать памятью, чтобы запомнить сотни развилок и поворотов. Типа с косичками, бывшего арестанта, звали Исмаил, его товарища, управлявшего волками, - Прохор. Женщины оказались сестрами, фантазия их родителей не пошла дальше Анны Первой и Анны Второй. Как понял Коваль, существовали еще Анны Третья и Четвертая. Дальше знакомства разговор не пошел. Анны кормили и купали девушек, грели воду, порой помогали мужчинам толкать застрявшую повозку, по ночам поочередно несли вахту. Хотя в вахтах особой надобности не возникало: Артур давно понял, что на Качальщиков не осмелится напасть ни одна живая тварь.

Они миновали десятки бывших поселений, иногда на горизонте возникали дымки, по ночам на склонах холмов мелькали огоньки костров. Несколько раз на пути встретились "плевки Сатаны", сгоревшие черные проплешины. Либо в этих местах кто-то из Качальщиков восстанавливал силы, либо оборонялся против врагов. Исмаил оставил прежнюю болтливость, замкнулся, а Прохор, похоже, общался исключительно с животными. Он мог часами идти впереди кареты под проливным дождем, баюкая на руках волчонка.

Наконец маленький караван добрался до приличного асфальта. Измученных волков отпустили в лес.

— Город Шарья, - коротко пояснил Исмаил. - Будете спать в гостинице. Никуда не выходить, воду не пить, ночью окна не открывать. Здесь полно... - Он подумал и не закончил фразу.

За сотню лет гостиница сохранилась совсем неплохо. Первые два этажа были разграблены и почти полностью выгорели, но выше в запертых номерах Артур нашел даже застеленные постели, а в душевых - и кусочки задубевшего мыла подле мутных зеркал. Сначала он разместил девушек. Прохор добыл где-то гвозди и молча кивнул на оконные проемы. Сквозь потеки многолетней грязи стекла почти не пропускали света, но Ковалю пришлось наглухо забить окна, разломав для этого несколько столов. Он попытался было выяснить, кого следует опасаться, но Прохор, по обыкновению, не ответил.

Сам Качальщик бродил без оружия и безбоязненно поворачивался к Артуру спиной. Когда "люди в белом" собрались вчетвером посреди площади и разожгли костер, Коваль вновь поймал себя на том, что не может ясно запомнить их лиц. Все приятели Исмаила тщательно маскировали свою внешность. Коваль следил за ними с балкона. Чего добивались эти люди или нелюди? Ради какой забавы они преодолели путь почти в тысячу километров и собирались идти еще дальше? Неужели только ради глупого предсказания? Ну, прозрел в свое время облучившийся старичок, так что теперь, из живого человека хотят сделать идола?

В дверь номера тихонько поскреблись. От многолетней сырости дерево тысячу раз разбухало, косяки перекосились, от петель остались одни воспоминания. Поэтому Артур просто прислонил дверь к проему и придвинул одну из кроватей. Для приличия. Снаружи в темном коридоре, отвергая приличия, стояла Надя Ван Гог.

— Заходи! - Хозяин пропустил гостью, широким жестом указал на брошенную на полу шубу. - На кровать лучше не садись.

— Я знаю, - кивнула девушка. - Там живут жуки. Мы тоже спим на полу.

Он отвернулся и стал смотреть в окно, как Исмаил подбрасывает сучья в огонь. Спиной он чувствовал ее взгляд. За девять дней лесных переходов Артур ни разу не заговорил с ней. Когда его просили помочь девушкам, он подходил и помогал, таскал воду, ломал ветки, делил мясо. Только он был виноват в том, что четыре мамы не добрались до Москвы. Он подвел музейщиков, подвел Чарли. Когда карета застревала, мамочки выходили и ждали.

Артур, увязая по колено, вытаскивал облепленное грязью колесо и старался не оглядываться. Потому что на него смотрела Надя. А стоило ей отвернуться, как он сам

впивался в нее глазами. Эта молчаливая игра продолжалась ежедневно, а вечерами он боролся с желанием подойти и сесть рядом с ней у костра.

Он подвел караван, и это было замечательно. Слишком стремительно, слишком непредсказуемо всё поменялось; возможно, его ожидала кирка в угольной шахте или цепь на шее в пещере оракула... Но Надя Ван Гог не попала в столицу, и это было также замечательно.

На площади рассыпались искрами уже четыре костра, и Прохор затевал пятый. В доме напротив отеля в пустых проемах первого этажа колыхались обрывки занавесок. Словно голодный великан ползком подкрадывался к людям, быстро шевеля языком в беззубой пасти.

– Как твое имя, Кузнец?

– Артур. - С ней надо было что-то делать. Или немедленно прогнать, отгородившись грубостью, или приласкать. Девушка подошла и встала рядом, опершись коленкой о низкий подоконник. Этот, якобы произвольный, жест был ему так хорошо знаком. Вечная игра, подумал Артур, даже здесь ничего не меняется. Наверное, это здорово, но, чтобы прикоснуться к ней, мне понадобится выпивка. Надя была слишком похожа на ту, другую, которую он сам послал когда-то навстречу гибели... А если я ее прогоню, то потом не прощу себе! Девушка оперлась кулачками о раму и чуточку прогнулась, бессознательно повинаясь мужскому взгляду. Женственная фигурка, копна густых волос, в которые мучительно хотелось запустить руки. Она прогнулась еще капельку, и под платьем обозначились две крепкие налитые половинки.

– Это правда, что ты проспал сто двадцать лет?

– Правда. - Он заставил себя смотреть ей в глаза. - А это правда, что у тебя уже есть ребенок?

Она кивнула. В огромных серых глазах отражались пляшущие точки костров.

– Девочку увезли скобари.

– Ты скучаешь по ней? - Артур понимал, что делает ей больно, но не мог остановиться.

– Скучаю?... Да, но так заведено. Девочку увезли по договору. - Надя дотронулась до его руки. - Я не смогла поблагодарить тебя, Артур Кузнец. Подруги сказали, что ты вынес меня из огня.

– Не за что, - Коваль пожал плечами.

Мамочка совсем недавно купалась, от ее волос пахло свежестью и горьковатым травяным настоем. Он уже знал, что самодельные шампуни отпугивают насекомых. Рокотов тоже мазал голову, но от торговца в результате нестерпимо несло чесноком.

– Почему ты сторонись меня, Артур Кузнец? Разве я не нравлюсь тебе?

– Сколько тебе лет?

– В прошлом месяце исполнилось девятнадцать.

– Ты мне очень нравишься. - Он никак не мог понять, кто за кем ухаживает. Девчонке стукнуло девятнадцать, а она уже распрощалась с собственной дочерью. - Ты пришла, чтобы переспать со мной? Тебе так велел Качальщик?

– Исмаил сказал, что ты можешь быть папой. - Она не обиделась, но и не улыбнулась. - Если бы меня продали в Москву, мне достался бы мужчина только в той коммуне. Раз всё сложилось иначе, я выбираю тебя. Или тебе больше нравится Марина?

Коваль даже не помнил, кого из мам как зовут. Остальные были для него на одно лицо.

– Я не хотел бы просто переспать с тобой...

– А чего ты хочешь?

– Если нас разлучат, мне будет больно. Поверь мне, девочка, я знаю эту боль. Не хочу пережить это снова...

– А если не разлучат?

– Ты не боишься Качальщиков?

Он дотронулся до ее щеки, провел большим пальцем по бровям, по верхней приподнятой губе. Девушка чуть заметно подалась навстречу ласке, прикрыв ресницами глаза.

– Мне не сделают дурного, - просто сказала она. - Но они не хотят, чтобы люди жили в городах. Их все боятся, но колдуны страшнее. Я была еще маленькой, когда папа Рубенс вел войну с озерными колдунами. Все коммуны воевали с ними. Я помню, как мы стояли у окна и смотрели на площадь. Пойманных колдунов вешали, а потом сжигали.

– Зачем такая жестокость? - Артура передернуло. Он снова почувствовал, как они далеки. Эта юная женщина, спокойно рассуждающая о виселице, вполне могла бы быть потомком Наташи, правнучкой. Если бы он сам не убил собственных будущих детей...

– Потом с колдунами помирились. Они обещали, что не будут больше насылать болезни и насильно кормить своих рабов грибами...

Надя придвинулась еще ближе, теперь ее губы шевелились в сантиметре от его губ. Коваль взял ее левой рукой за затылок и сразу почувствовал, как спадает напряжение. Волосы на ее затылке были мокрыми после купания, и горячая спина под платьем тоже не до конца просохла.

– Тот, кто раскачивает Землю, сказал, что мы можем жить вместе, Артур Кузнец. - Она шептала Артуру в ухо, медленно двигая всем телом, отвечая поглаживаниям его рук. - Мы можем жить, сколько захотим, а потом можем уйти, когда я рожу троих детей...

– Зачем им наши дети? - Коваль поцеловал ее в шею, правая его ладонь соскользнула вниз. Мамочка Надя пришла к нему в одном платье на голое тело и пушистых шерстяных носках с помпончиками. - Я не желаю провести остаток дней в лесу...

– Они догонят тебя, котенок! - Надя потянула какую-то тесемку, и платье распахнулось у нее на спине. Затем она привстала на цыпочки, давая возможность запустить руку в жаркую ложбинку меж ягодиц, а сама уверенно просунула коленку ему между ног. - В городе скучно... Гораздо лучше жить в сельской общине. Я родилась в семье ковбоев. Когда мне исполнилось восемь, чингисы сожгли посевы, и отец переселился к музейщикам. Он и сейчас пасет стадо на этом... как его... на Марсовом поле. М-м-м! Еще раз дотронься до меня там... Ты построишь дом, и соседи не будут орать за стенкой, как в этом жутком Эрмитаже... Ах, сильнее, еще...

– Так ты не питерская?

Артур стянул с нее платье, затем нагнулся и снял с ее ног носочки. Прошла тысяча лет с тех пор, как он хотел женщину с такой неистовой силой. Надя держалась за его плечо, послушно приподнимая одну и вторую коленку. Оставшись нагишом, она положила руки на затылок и медленно повернулась спиной. Коваль пожалел, что в мире больше нет фотоаппаратов. Вышел бы отличный снимок - изящная фигурка, утопающая по щиколотку в мехах. Чуточку полные ноги, но тяжеловатый низ лишь добавляет изящества тонкой бархатной спине. Последние закатные лучи разрезают мглу, играют на трепещущих ямочках ягодиц, на блестящих мускулистых бедрах, на приподнятых, напрягшихся икрах... Она точно извивалась под его голодным взглядом; под матовой кожей от покрытой пушком шеи до пяток пробегали мягкие, упругие волны.

– Сколько у тебя было мужчин? - Какая-то часть его "я" всё еще сопротивлялась столь нахальному натиску. Оставалась вероятность, что девушку просто загипнотизировали, чтобы добиться естественной реакции самца...

– Только один... - Надя снова не обиделась, скорее удивилась. Она, не отрываясь от шубы, расставила ноги чуть шире, затем медленно оглянулась и облизнула два пальца. Так же неторопливо провела рукой у себя между ягодиц. На спине остался влажный след, Коваль не мог от него оторвать взгляд. - Ты совсем не знаешь законов, котенок. Мама может ложиться только с папой. Потрогай меня, как раньше...

– Ты любила его?

Артур скинул куртку. Теперь он каждым волоском на груди чувствовал тепло ее лопаток. Он развязал ленточки в ее волосах и зарылся губами во влажную, пахнущую травой макушку.

– Я хочу любить тебя, котенок... - Она качнулась, а затем бережно, но крепко, обеими руками, взяла его между ног. - Разве ты не хочешь лечь со мной? Я же видела, как ты

смотрел. Ты ведь смотрел на меня, правда?

Правда, подумал Коваль, и это была его последняя связная мысль. Какого черта, сказал он себе, стряхивая с ног штаны! Если люди распилили всё золото Эрмитажа, на которое не смели дышать сотни лет, чтобы купить коров, а коровы эти жрут траву там, где горел вечный огонь, значит, и ему не зазорно стать производителем в новом человеческом стаде.

Для своих лет Надя Ван Гог была слишком опытна, но Артуру стало наплевать на ее прошлое. Главное, что она слушалась его рук и ни разу не ошиблась, выполняя его безмолвные команды. Артур клал ей ладонь на скользкую от пота поясницу, и девушка прогибалась, оставляя зад во власти его второй руки, а плечами и грудью вдавливаясь в колючий мех. Затем он брал ее за горло, и она моментально переворачивалась, упираясь в пол лишь затылком и ступнями.

Закатив глаза, выходила в фантастически высокий мостик, но не сжимала колени, а, наоборот, раскрывалась еще шире, точно не желая отпускать его мокрые, жадные пальцы. Затем Надя оседлала его и начала дрожать всем телом и в последний миг упала Артуру на грудь, кусая его запястье. Но он тогда сдержался и заставил ее приподняться, и она послушно поднялась на корточки, занавесив запрокинутое лицо волосами. И только застонала, когда он дал ей облизнуть оба своих средних пальца и, преодолевая слабое сопротивление, завел их оба "с черного хода". Потом она расслабилась и начала слабо шевелить бедрами, пропуская его всё глубже, и Артур ощущал пальцами толчки собственной плоти в глубине ее жаркого, источающего мускус тела.

И снова она падала на него лицом и до крови кусала плечо, удерживая kloкочущий крик. И, едва отдышавшись, брала обе его ладони и клала себе одну на грудь, а другую - в пах, точно приглашая своего господина повелевать. И, повинаясь, моментально разворачивалась спиной, распахивая перед ним самую желанную для мужчины картину. И нетерпеливо вздрагивала на слабеющих коленках, ловя раздвинутыми до предела половинками его раскаленное, бушующее желание. А затем билась в судорогах, сплетая с ним пальцы, ухитрилась довести его почти до края, чтобы в последнюю секунду перевернуться и упасть ему на грудь, обвивая шею и подставляя поцелуям мокрое от пота горло. Артур попытался вырваться, но не сумел, его уже захлестнуло потоком и тащило сквозь искрящуюся воронку туда, где взрывались тысячи бенгальских огней...

— Я хочу, чтобы родился мальчик... - Надя прижималась к нему животом, грея дыханием ключицу. Капельки пота стекали в ложбинку ее позвоночника; Артур собирал их пальцем и облизывал. У нее был очень вкусный пот... - Качальщик сказал: если я рожу мальчика, его воспитают Хранителем равновесия...

— Это еще что за чертовщина? - Ковалю было лень разозлиться, даже присущее ученому неистовое любопытство хотело спать.

— Я не знаю, котенок! - честно призналась Надя. - Наверное, это кто-то важный в их общине.

— Неужели они не могли найти мамочку поближе? Стоило затевать бучу, переть полмесяца по лесам ради нас с тобой, чтобы воспитать из ребенка шамана?..

Надя подняла голову. Коваль не видел выражения ее лица под шапкой волос. Из потолочных трещин свисали лохмотья паутины, блики костров плясали на остатках кафеля в душевой. Где-то вдаль за мертвым городом нарастал тоскливый волчий вой. Косая ухмылка полумесяца поднялась над перилами балкона.

— Качальщик сказал... - Надя помялась, лизнула Артуру сосок. - Он сказал, что Хранители рано умирают, потому что плохая наследность.

— Наследственность?

— Да, это самое слово... Они никак не могут сделать, потому что их слишком мало, с хорошей на-след-...ственностью, ага. Они не выдерживают ветра... Исмаил сказал, что если я рожу от тебя двоих чистых мальчиков и они это... удержат ветер, то третьего ребенка я смогу оставить себе.

— Да что они не могут сделать-то?! Какой ветер? - Коваль подумал, что напрасно

сердится. Качальщик вряд ли что-то скрывал, у девчонки просто не хватало словарного запаса.

– Ветер... - Она смешно наморщила лоб. - Ветер, чтобы сломать равновесие. Чтобы не осталось городов.

21. Хранители равновесия

На второй день от скуки Артур принялся выбивать двери в свободных номерах. На третьем этаже он обнаружил несколько мертвецов и бар, набитый пыльными бутылками со спиртным. На четвертом старшине повезло. Парочка влюбленных, видимо, знавших, что смерть уже близко, устроила в комнате грандиозную попойку. Помимо обнявшихся под остатками одеяла скелетов, Коваль нашел в шкафу любимое оружие Терминатора: два короткоствольных "ремингтона" в густой смазке и несколько коробок патронов. Также присутствовали бейсбольная бита, два ржавых револьвера и АКС без патронов. Либо человек, скончавшийся в лучшей гостинице провинциального городка, был криминальным авторитетом, либо в какой-то момент оружие стало доступным каждому. Незвестный эпикуреец прихватил с собой на тот свет сразу трех подружек.

Еще два женских трупа лежали валетом в почерневшей ванной. Перед дверью в ванную громоздилось несколько ящиков с бутылками из-под шампанского, а на полочке среди засохшего мыла, шампуней и птичьего помета валялось пыльное зеркальце, трубочка и вскрытая пачка желтого порошка. Ласточки пробрались в номер через разбитую форточку и устроили несколько гнезд под люстрой.

Артур забрал годные стволы и вернулся к себе. Висящая над городом тишина угнетала. Качальщики третий день жгли костер и ночевали под открытым небом рядом с пасущимися скакунами. Выходить на улицу не хотелось, всё это он видел еще в Питере. Руслы покинутых улиц, словно пересохшие вены, на перекрестках тромбы из автомобильных кузовов. И потрескавшаяся площадь, заросшая, красная от ржавчины, точно остановившееся сердце. Девушки тоже не вылезали из номера, они разместились все вместе и коротали вечера песнями, не желая слушать заунывные стоны ветра в прогнившей вентиляции.

Утром четвертого дня за ним пришли. У костра появились два новых персонажа. Один - такой же, как Исмаил, бледный, с косичками и плавающим, неразличимым лицом - оставался в седле. Коваль плохо разбирался в скаковых породах, но жеребец под всадником показался ему огромным, гораздо выше и крупнее всех виденных когда-либо коней. Предраассветный туман скрадывал детали, и, лишь подойдя вплотную, Коваль убедился, что это не сон. Мужчина среднего роста мог пройти под брюхом коня, почти не нагибаясь. Шкура титанического животного отливала агатовым блеском, мускулистая грудь была шириной с капот "Запорожца". Неподалеку пощипывал травку второй такой же монстр, а его хозяин жарил над огнем грибной шашлык. Над площадью поднимался тревожный, щекочущий ноздри запах. Коваль уже привык, что люди в белом ничего не делают просто так, и не стали бы зря поддерживать шесть костров. В каждый они кидали щепотки разных снадобий, и к смолистому аромату примешивался дурман колдовских добавок.

– Это и есть Проснувшийся, пощадивший моего брата? - Любитель подосиновиков поднял косматую голову. - Угощайся, демон.

Впервые Коваль встретил молодого Качальщика и сразу понял, что мужчина чем-то отличается от остальных. Не только сорокалетним возрастом. Он принадлежал к иной породе, к какой-то из восточных национальностей, возможно, кварталон от таджика. Артур примостился напротив, отдал должное грибам. В конце концов, новые хозяева не сделали ему ничего плохого, и следовало отвечать вежливостью.

– Зачем тебе столько железа? - спросил парень. Его черные глаза под густыми нахмуренными бровями смеялись. - Винтовка, пистолеты... На кого ты собрался охотиться? Оставь всё это здесь. Мы с тобой немного прокатимся, - и коротко свистнул, подзывая коня.

Исполинский конь подбежал; от каждого его шага вздрагивала земля. На спине

жеребца крепилось двойное седло, и свисали две пары стремян. Прохор посадил Артура и отправился дальше, опорожняя над кострами свои мешочки. Исмаил запрыгнул позади второго наездника, обе Анны остались сидеть на тротуаре, взявшись за руки, в позах индийских йогов. Коваль поднял глаза. С балкона гостиницы ему махала Надя. Артур внезапно понял, что, если их надумали разлучить, он перетрет любые цепи и найдет ее, пусть даже придется идти пешком через всю страну...

В следующую секунду Качальщик дал шенкеля. Артур судорожно вцепился в луку седла, чтобы не полететь с высоты двух с половиной метров на щебенку, оставшуюся от бывшей мостовой. Отстав на два корпуса, за ними пылил второй всадник.

Черный жеребец оказался иноходцем. Покачиваясь в плавном механическом ритме, он проносился вдоль покосившихся, ушедших в землю домиков предместья. Подкованные могучие копыта, каждое размером со сковороду, высекали искры из бордюров, когда всадник срезал путь через дворы. Раскинувшись в шпагате на широкой спине, Артур чувствовал себя трехлетним мальчишкой, которого отец привел в парк покататься. Качальщик вдруг перебрросил босую ногу в белых мешковатых штанах и повернулся к пленнику лицом.

– Натрись! - "Таджик" протянул Артуру баночку со знакомым желтоватым горьким содержимым. - Здесь водятся плохие кровососы. Обычно они летают ночью, но, если такой комарик укусит тебя днем, будешь долго болеть. - Он молча смотрел, как Артур втирает мазь в лицо и шею. - Оставь у себя; когда будем у воды, натрешься еще раз.

– Ты не похож на других, - сказал Коваль. - Зачем я тебе нужен? Некому оплодотворить женщин?

– Зови меня Бердер. Ты тоже не похож на других. Исмаил убил много городских, но ты не взял его жизнь. Почему?

– Он спас угоревшую маму.

– Ты мог убить его позже. Почему не убил?

Коваль растерялся. Что он мог ответить на такой вопрос? Что надеялся сделать из живого Качальщика выгодного заложника?

– Ты надеялся на ответное благородство? - угадал Бердер. - Сто лет назад все воины так поступали?

– Понятия не имею! - признался Артур. - Я не воин и никогда им не был.

– Я вижу, что ты не воин. Ты обвесился железом, но не умеешь с ним обращаться. Я просил тебя выкинуть весь металл, но ты оставил нож. Выброси! Ты книжник?

– Да... Пожалуй, я книжник. - Артур с сожалением проводил глазами улетевший в кусты десантный нож Матроса. - Ты не ответил. Зачем я вам нужен?

– Таких, как я, называют Хранителями равновесия, - улыбнулся Качальщик и что-то сделал со своим лицом, точнее, прекратил его прятать под зыбкой пленкой тумана. Он был похож на американского итальянца Сильвестра Сталлоне в молодости, губы так же кривились книзу, когда Бердер выдавливал улыбку. - Там, куда мы едем, нельзя носить железо. Железо мешает ветру. - Он еще раз пошевелил краешками губ и повернулся к Артуру спиной.

Кони пронеслись мимо облезлой, покосившейся звонницы, и город Шарья как-то разом оборвался. Кончились унылые безжизненные кварталы, провалившиеся тротуары и поросшие крапивой крылечки. У Артурахватило дух при виде открывшейся перспективы. Встающее над лесом светило окрасило туман во множество оттенков розового. Стальная поверхность реки, будто проснувшись от ласкового прикосновения солнечных лучей, подернулась рябью, вздохнула; в глубине качнулись бесчисленные пряди водорослей, серебряными искрами пронеслись стаи рыб. На высоком берегу поднимали свои золотые головки легионы одичавших подсолнухов. И под всплывающим, точно пуховая перина, речным туманом гуляли черные кони. А ниже, на обкатанной ветрами гальке, на отмели, сидели в кружок восемь мужчин в белом.

– Бердер, осталось шесть минут!

Исмаил соскочил на землю, обнялся с каждым на пляже. Все они были мужчины в

возрасте, только один, крайний слева, - почти подросток. Артура завели в круг, кто-то потеснился, уступая ему место на циновке. Как и прежде, он не чувствовал себя пленником, скорее почетным гостем. Исмаил ни разу не сказал ему "спасибо" за то, что остался жив, но остальные, несомненно, были наслышаны о приключениях каравана. Качальщики передавали из рук в руки берестяную флягу, предложили и Ковалю. Пожалуй, это была первая шутка лесных колдунов.

От кислешего клюквенного морса у Артура чуть не возникло косоглазие. Он осмотрелся. Окружающие помалкивали, словно кого-то ждали. Через шесть минут должно было произойти нечто, ради чего Коваль сюда и привели. Одно из опасных таинств, к которым он себя готовил все эти дни, и всё равно оказался не готов...

Подросток положил в середину круга обломок доски, затем принес и поставил на нее высокую птичью клетку. Только вместо попугая внутри, изнемогая от тесноты, дрожал бобер. Бедное животное скребло когтями, прихватывало зубами железные прутья, но не имело возможности даже повернуться. Складывалось такое ощущение, что бобер вырос в клетке, постепенно заполняя ее собой.

- Ты долго учился, книжник Артур! - Бердер вытащил из-за пазухи скальпель в кожаном футляре. - Но все твои знания здесь ничего не стоят. Ты хочешь понять, но не поймешь, пока сам не увидишь. Ты хочешь увидеть? - Солнечный луч плясал на отполированном острие. Бобер жалобно повизгивал в клетке.

Коваль сглотнул. На противоположном берегу реки из зарослей высокой травы высунулись две треугольные морды. Затем еще две, и еще. Целое семейство драконов со сложенными за спиной крыльями направлялось на водопой. Подслеповато щурясь на солнце, рептилии погружались в жидкую грязь, довольно отфыркивались, хлопая по воде хвостами. Два змея устроили шумную возню, не поделив дохлую рыбину. Качальщики не обратили на драконов ни малейшего внимания. Ни у кого из них не было часов, но Артур не сомневался, что время они чувствуют идеально. Девять человек ждали, замерев, точно каменные изваяния. Драконы напились и уползли. Кони щипали траву.

Нечто назревало. У Артура закололо в висках. Он сдержал себя, чтобы не оглянуться; казалось, огромная тень подкралась и дышит в затылок.

- Пора! - Старец по левую руку от Бердера тряхнул косичками.

- Пора! - подтвердил Исмаил. - Во благо равновесия!

- Во благо равновесия! - словно эхо, отозвался Бердер и кольнул бобра скальпелем.

Животное забилося и заплакало, прямо как маленький ребенок. Коваль хотел отвернуться, но сидел, точно замороженный.

- Во славу Книги! - В руке другого Качальщика также мелькнуло острие.

Грызун уже не плакал, а визжал, кровь заливала его мех и стекала наружу, на камни. Клетка чуть не упала на бок, но кто-то подхватил ее и вернул на место.

- Во славу Книги! Во благо равновесия! - Удары сыпались на беззащитного зверька со всех сторон, но ни один укол не был смертельным.

- Смотри! - Исмаил схватил Артура за локоть. - Смотри, демон, как расплавится мерзкая кучка камней!..

Артур не сразу понял, куда надо смотреть, а когда поднял глаза, забыл и про бобра, и про крокодилов на берегу Ветлуги.

Город Шарья расплавлялся. При каждом ударе скальпеля с окраинными домами происходили удивительные изменения. Маковка церкви дрогнула, накренилась и обрушилась в клубы пыли. Несколько лодочных гаражей надулись, словно их распирало изнутри, и разом взорвались. Голыши на пляже тряслись, подпрыгивали, как шкварки на сковороде; глинистый откос покрылся кавернами, корни сосен шевелились, будто гигантские разъяренные анаконды. Кирпичный забор, огибавший дюжину двухэтажных коттеджей, на которых до сих пор висели тарелки спутникового телевидения, закачался и осел. Коттеджи век назад погибших миллионеров складывались, как карточные домики.

От богатых резиденций фронт невидимой волны переместился дальше. Бесшумно,

точно смятая промокашка, рухнул пятиэтажный фасад банка, фабричная труба пошла трещинами и взорвалась на миллион кусков. Наступила очередь девятиэтажек. Эти не распадались на части, а уходили под землю с низким вибрирующим гулом, словно вместо фундаментов под ними разверзлась пустота.

Коваль и не догадывался, как мало нужно, чтобы стереть с лица земли целый город. Всего лишь легкие толчки. Впрочем, в этих краях никогда не наблюдалось сейсмической активности... Какая, к черту, активность, оборвал он себя, почти оглохнув от воплей бобра. Истерзанное существо в клетке больше ничем не походило на трудолюбивого строителя запруд, теперь это был сплошной комок визжащего мяса.

Но не это оказалось самым страшным. Лес наступал на город, а впереди него катилась полоса жары. Вода у берега вскипала; там, где река плескалась о камни, поднимался пар. Голыши под доской, на которой сидел Артур, раскалились, как в сауне. Сама доска начала снизу обугливаться. На крайней улочке, где еще минуту назад вздымались тучи строительной пыли, стремительно прорастала трава. Взламывая ошметки железобетонных конструкций, словно великаны, потягивающиеся после долгого сна, разворачивались ветви деревьев. Коваль мог бы поклясться, что подобные исполины никогда бы не выросли естественным путем на российском Севере. Как, впрочем, и крылатые аллигаторы. Как и лошади размером с американского бизона.

Еще до того как бобер умер, всё было кончено. Огромный пласт почвы сдвинулся и сполз в реку. Тысячи тонн воды хлынули в новое русло, смывая остатки пристани и мощенного декоративной плиткой променада. Последние часовые цивилизации бетонные фонарные столбы над прокисшей дорогой, вдруг один за другим ушли в землю, словно их засосали зыбучие пески. А потом не стало и самой дороги, по которой черный конь привез Артура на пляж. Камни остывали.

Но общество на берегу не расходилось. Мальчишка унес клетку, бросил на камни мокрую мешковину, фляжка с морсом пошла по второму кругу. Те, кто раскачал Землю, выглядели не лучшим образом. Исмаил будто постарел лет на пять, у Бердера капала кровь из прокушенной губы, а под глазами залегли черные тени. Его сосед, старик с косичками, поднял трясущуюся руку:

– Да пребудет мир в равновесии, братья!..

Через щиколотку Ковалья скакнула лягушка, затем еще одна. Он отдернул ногу: по камням спешил целый выводок змей. За змеями последовали тучи насекомых; выше по склону, в сторону нового лесного массива, с хрустом ломилось зверье покрупнее. Несколько лосей переплыли реку и отряхиваясь вышли на берег метрах в десяти от людей. Растопырив лапки, с ветки на ветку перелетали многочисленные беличьи семейства. Ковалю показалось, что выше по течению вдоль кромки воды пронеслась огромная кошка с торчащими кисточками на ушах. Бердер подозревал коня.

– В городе... там остались женщины! - Артур вспомнил про Надю. К собственному удивлению он обнаружил, что образ Натальи уже не мешает ему, как раньше. И еще он обнаружил, что безумно соскучился по маленькой лохматой шалунье.

– Города больше нет! - Бердер скривил губы. - Садись на коня, книжник. Баккарди их вывел, не тревожься!

– Ты всё понял, Артур Кузнец? - За спиной, опершись на плечо самого юного участника колдовства, стоял Исмаил.

– Я понял... Вы уничтожаете всё, что создано человеком. Сначала вы расплавляли деревни, затем принялись за брошенные города. Я одно не возьму в толк. Какого черта ваши братишки напали на ковбоев под Тосно? Вы знаете, сколько людей остались без крова?! Чем вам не угодили мирные фермеры?

– Ты меня разочаровываешь, Проснувшийся! - Оба коня шагали бок о бок по заросшей молодым ельником опушке. - Лично мне на них наплевать. Но нарушается равновесие. Никто не желал зла фермерам. Возле Тосно оставался вредный завод, и узел уже звенел, притягивая ветер. Если бы мы не поторопились, Земля бы качнулась на тысячи километров.

В Шарью мы вернули равновесие тоже вовремя, теперь Слабые метки ушли...

— Равновесие, это когда домашние свиньи бросаются на детей, я правильно понял? - Что-то в Ковале непоправимо сгорело за эти дни. Он никогда в прежние времена не приходил с такой скоростью в ярость. Или всё еще находился под впечатлением от колдовства и не мог себя контролировать. А возможно, виной его бешенства был сладкий дым от костров...

Над всадниками тремя эшелонами летели птицы. Пернатые, подчиняясь воле людей, тоже переселялись на новые квартиры. Огненной стрелкой промелькнула впереди лисичка. Оглянувшись на людей, приподняв черную лапку, зверек на секунду замер; в зубах у лисицы, растопырив конечности, висел ее новорожденный щенок.

— Равновесие было нарушено не вчера и не в год Большой смерти. Люди нарушили порядок в те века, когда построили первый вонючий город и заявили, что законы Земли их больше не волнуют. Они придумали для себя отдельные законы, и первый, самый удобный, гласил... Знаешь, как звучит главный принцип человечества, Проснувшийся книжник? Я тебе скажу! - Исмаил нагнулся к Артуру, от него остро пахло чесноком. - Он звучит так: всё, что растет, бегает, плавает и летает на этой планете, это для нашего удовольствия и наших желудков.

— В год Большой смерти, - добавил Бердер, - равновесие чуть было не восстановилось.

— Но не восстановилось! - весело подхватил Коваль. - Потому что люди выжили. Какая жалость, правда? Зато теперь шайка свихнувшихся садистов режет бобров, чтобы довести Божью кару до конца. А другая шайка заживо сжигает мирных торговцев. Это путь к равновесию, колдун?

— Совсем не обязательно бобры. Для раскачивания подойдет любое живое существо, иногда - растение. Самое сложное - это отыскать и удерживать Слабые метки, узлы натяжения. Метки рождаются там, где осталась грязь прежнего мира. Если за ними не следить, не кормить их грязью, то может родиться такая Слабая метка, с которой уже не справится никто. Тогда в мир придет иное равновесие, в котором людям не будет места... - Хранитель помолчал, вглядываясь в жаркую темноту леса. - Иногда мы справляемся вдвоем, иногда собирается девять братьев. Череповец расплавляли двумя общинами, день и ночь. Мне исполнилось восемь лет, но отцы взяли с собой всех, кто уже мог слышать метки. Три человека погибли, мир их праху, но ветер мы удержали... Раскачивать Землю несложно, этому мы учим обычных городских детей, а Хранителей мало. Истинными Хранителями становятся только потомки тех, кто родился на Вечных пожарищах. - Разозлить Бердера не представлялось возможным, перед Артуром сидел фанатик, истово преданный своим диким ритуалам. - Наши деды начали писать Книгу, не вашу дурацкую Библию, а настоящую Книгу нового мира. Мы закончим работу, потому что так сказано, и равновесие вернется в мир. И ты поможешь нам, Проснувшийся, так сказано в Книге!

— Вы всерьез считаете, что я помогу вам изгонять фермеров? - У Артура в голове всё смешалось. - Даже если бы я умел воевать, я не стану убийцей мирных граждан. Вы меня с кем-то спутали, ребята, я самый обычный человек.

Его отважная речь не произвела на Качальщиков должного впечатления. Исмаил насыпал в ладонь Бердера горстку сухофруктов, его молчаливый спутник набивал трубку. Кони пересекли бетонную дорогу, ведущую теперь в никуда. Вместо кольцевой развязки с указателями улиц возник непроходимый частокол елей.

— Ты обычный человек, но в тебе есть забытая справедливость. Твоя справедливость отвечает трем главным узлам равновесия, но она же приписывает нам злобу и коварство. Ты дашь свое семя мамам и вырастишь Тех, кто раскачивает. Ты будешь жить в общине Хранителей и будешь учиться, пока не станешь нашим клинком. Ты получишь женщину, которую выбрал. Так сказано в Книге. А затем, когда ты поймешь нашу правоту, ты покинешь общину и сделаешь то, ради чего проснулся...

Жеребец под Артуром всхрапнул, почуяв кобылу. Впереди, на залитой солнцем полянке, из каменных плит развалившегося фундамента поднимались заросли малинника.

Там же стояла знакомая карета, и Анна Первая подвешивала кобылицам на морды торбы с зерном. Мамочки собирали ягоды, повизгивая от радости, как выпускницы детского сада. С Надей ничего не случилось. Коваль прикрыл глаза, чувствуя теплую волну, прокатившуюся по сердцу. Как мало человеку надо, подумал он, иногда достаточно слышать смех женщины, с которой провел всего пару часов в постели... Черт, неужели эти маньяки запрут его на несколько лет в чашобе? Да и пусть запрут, лишь бы с ней!

– Так ради чего я, по-твоему, проснулся?

Коваль спрыгнул с коня; Надя уже бежала навстречу.

– Ты найдешь Слабые метки там, куда нам закрыт вход. В вонючем городе, где равновесие нарушено сильнее всего, где собрано всё зло российской земли. Ты разрушишь Москву, Проснувшийся демон.

22. Враги и союзники

Артур потерял счет дням. Первые два месяца он делал зарубки ножом на столбах у входа в новое жилище, но потом запутался. Много раз ему приходилось покидать дом, отправляясь вместе с Качальщиками в дальние экспедиции, а вернувшись, он не мог восстановить календарь. Собственно, ему предоставили не один дом, а целых три, но большую часть из редких спокойных ночей Коваль проводил с Надей. После тридцатой зарубки он еще строил планы на побег, а после сорок второй понял, что никуда не уйдет, пока не подержит в руках будущего ребенка.

Надя Ван Гог была беременна, и еще две женщины понесли от него. Обоих Артур увидел в лесной общине впервые, их привезли из каких-то дальних уральских поселений. Единственным человеком, который испытывал стыд и неловкость при подобных обменах, был сам Артур. Если Надя и ревновала, то никак этого не показывала. В конце концов будущий отец успокоил себя тем, что после вторых родов его супруге должны были подыскать нового муженька на пару ночей. Это было дикостью, но здесь это было нормально. Женщины-Качальщицы точно так же, как городские, страдали бесплодием.

Сознание Артура притупилось, он словно плавал постоянно внутри огромного звуконепроницаемого пузыря. Неделя проходила за неделей, но скучать было некогда; напротив, он с трудом урывал минуты для отдыха. Ему ни разу не напоминали о далеких стратегических планах, и постепенно Артур примирился с пленом, с тяжелым трудом и изматывающей муштрой. Он учился, прижав ухо к земле, узнавать походку лесных зверей. Он учился по запаху определять вредные промышленные зоны. Первый раз он просидел неделю на болотной кочке, пока не угадал, в каком месте Бердер зарыл ртутный термометр.

Три месяца он стонал и плакал, пока ноги не привыкли ходить босиком. А потом снова плакал, потому что пришлось босиком ходить по снегу. Дважды он едва не замерз, когда Бердер оставлял его спать в сугробе. Пока он не привык регулировать температуру тела, он передвигался вприпрыжку, поминутно растирая пальцы. Его кусали восемь раз, прежде чем он нашел общий язык со всеми собаками деревни. А после Бердер возил его вместе с другими учениками, подростками, в другие деревни, чтобы и там бросить наедине с собаками.

Когда он почувствовал себя комфортно и мог засыпать, привалившись к любому незнакомому псу, и уже считал себя лучшим кинологом всех времен и народов, Бердер перешел к волкам. Сначала, правда, к волчатам. А затем отдал Артуру на воспитание едва вылупившегося крылатого змея. По вечерам метали ножи; Бердер полагал, что при свете дня и дурак успеет попасть в две подкинутые глиняные площадки. Сам он сбивал, не давая долететь до земли, целых шесть штук. Ночами разыскивали заброшенные деревни и колодцы с чистой водой. Находить деревни, где не водилось вредных производств, было тяжелее всего, они почти не "пахли". Но только наострившись отделять невинные скопища домишек от источников злостной химии, можно было перейти к поиску Слабых меток...

Артур говорил себе, что никто не заставит его пойти на убийство невинных, но

ничего плохого нет в том, чтобы получше изучить общество самых загадочных, окутанных легендами жителей Урала. Никто не требовал от него присягать на верность, как папа Рубенс, и никто не проводил с ним политинформаций. Все были слишком заняты.

Артур понятия не имел, сколько сотен километров они отмахали от Шарьи по дорогам и без дорог, прежде чем достигли общины. Сначала около часа лошади рысили среди огородов и возделанных полей, затем показались первые дымки и крепкие, сбитые из цельных бревен дома. Деревня располагалась в лесу, под таким густым пологом листвы, что даже в сильные дожди капли до земли почти не долетали. Пленник так и не узнал, сколько людей проживало здесь постоянно, мамочки и детишки появлялись и исчезали. Одним краем деревня выходила на реку, по ней сплавлялись на лодках и плотах, но воду никто не пил, потому что сразу за границей вековых елей начиналось Вечное пожарище, откуда и текла река. За пожарищем ленивыми зелеными горбами тянулся Уральский хребет.

Здесь не росли пятнистые папоротники, местная пустыня уже начала зарастать первыми здоровыми побегами, но со стороны мертвой зоны на несколько километров тянулся высокий рукотворный вал и ров с черной водой. Это был единственный забор в деревне и за ее пределами. В сезон сбора урожая Качальщики приводили издалека пленных дикарей; те помогали собирать картошку, косить на зиму сено и подсыпали вал. Затем вдоль рва проходили Хранители и рассеивали над водой черный порошок. Вряд ли это служило целям обеззараживания, зато Коваль собственными глазами видел, что лесные зверьки и отставшие от стада коровы резко поворачивали в сторону, едва учуяв преграду. Очевидно, граница сдерживала ту, другую живность, что могла явиться со стороны пустыни...

Он навиделся разных дикарей - и шептунов, и чингисов, и Желтых, и много других племен, рассеянных по забытым совхозным усадьбам и уцелевшим поселкам. Многие сохранили речь и выглядели вполне разумными, но встречались и такие, кого понуждали к работе лишь порцией дурмана. Некоторые пытались бежать. Застав пару таких попыток, Артур навсегда отказался от подобной идеи. За беглецами не отправляли стражу, да и не было среди Качальщиков вооруженных бойцов. Повинуясь приказу, над лесом взлетали крылатые змеи. Или, уткнув морды в землю, неторопливой трусцой исчезала в зарослях волчья стая.

Старшего Хранителя законов звали Прохор Второй, он жил в длинной избе на пригорке вместе с четырьмя учениками и ученицами. Там же располагалась своего рода лаборатория, где Хранители выводили новые виды. Коваль в лабораторию не приглашали; подобные умения были доступны лишь потомкам первых мутантов. Зато Прохор Второй беспрепятственно пускал его в библиотеку, хотя книги здесь оказались весьма специфические. Атласы по зоологии и анатомии, всевозможные учебники по химии и ботанике, справочники по рефлексотерапии, иглоукалыванию и прочим восточным хитростям. Помимо драконов, к первому снегу Анна Четвертая, любимая ученица Хранителя, вывела чрезвычайно полезную в хозяйстве породу двухметровых бескостных окуней. Окунь задумчиво плавали в пруду и жрали всё, что им кидали.

Прохор признавал, что крылатые змеи удались не вполне, но продолжал их штамповать, скрещивая клетки жаб, пойманных на границе пожарища. В хозяйстве от драконов не было никакого толку, но в качестве средства устрашения дикарей они подходили идеально. Единственный серьезный минус - на всю зиму рептилии засыпали.

Анна Третья, дочь Первой, увлеченно занималась ночными птицами. Несколько раз, задрав голову, Коваль наблюдал, как пятнадцатилетняя девчонка, усевшись верхом на ветке, кормит сырым мясом филина, размерами не уступающего взрослому грифу. Коваль не мог отделаться от мысли, что он где-то уже всё это видел. Словно наряду с волшебными способностями Качальщики впитали в кровь разрозненные обрывки сказочного фольклора. Девочки, кормящие филина, огнедышащие змеи, гигантские кони с двумя сердечными мышцами и кошачьими глазами, способные сутки напролет скакать по лесам...

Он уже знал, что существуют как минимум четыре большие общины Качальщиков, и самая крупная - на севере, в месте бывшей дислокации атомоходов. Артур смутно

вспоминал, что там же, в беломорских шхерах, военные консервировали отработанное топливо с подводных лодок. С северянами поддерживалась постоянная связь без всяких голубей; именно туда и повез пленника Бердер в первую "командировку". Первые два дня пути их сопровождали трое мужчин, затем попутчики свернули.

Им предстояло растворить какой-то городок, где обнаружился намек на звенящий узел. Слабые метки постоянно смещались, и служба Хранителя меток днем и ночью просиживала над картами. Когда три "плавающих" узла собирались треугольником, Качальщики ловили благоприятный момент и срывались в лес. В дом Хранителя меток Коваля не приглашали, но и не отказывали в посещениях.

Судя по старым картам страны, к зиме сто двадцать седьмого года колдуны очистили от следов цивилизации колоссальные области. К востоку от Урала на тысячу километров не оставалось ни одной деревни. Кое-как держались крупные города, и в этом заключалась самая интересная для Артура тайна. Качальщики избегали крупных технических объектов. Исмаил не врал. Поселки, где жители восстановили промышленность, они не трогали. На европейской части страны экспансия "новых зеленых" шла медленнее, а к поясу московских пригородов ни один колдун не приближался.

Коваль научился спать в седле и не боялся уже управлять черным иноходцем. Жеребец мчался за своим собратом, не останавливаясь, с разгона переплывал реки и взбирался по кручам, а позади, отставая, чтобы полакомиться всем, что движется, мчалось звено крылатых. Когда бестолковые ящеры чересчур увлекались преследованием добычи, Бердер слезал с коня и нещадно стегал их кнутом. Коваль всякий раз вздрагивал, когда чешуйчатые твари щелкали зубами возле сапог Качальщика. Он не решился бы повторить такой опыт, для плотоядных рептилий Артур еще долго оставался чужим.

В северную общину Коваль ездил трижды и всякий раз проводил там по три недели. Местные Качальщики резко отличались от уральских, и здесь он впервые встретил настоящих уродов. Очень многие рождались и вырастали лысыми, даже в пятом поколении. Многие страдали врожденной слепотой. Как ни странно, слепой была и Хранительница Книги.

Высокая худая женщина в длинном шерстяном пончо быстро провела ладонью по лицу Артура. За ее спиной на укрытых мехами лавках собралось всё взрослое население деревни. Коваль чувствовал дьявольскую усталость после недельной гонки, но отдохнуть ему не позволили. Оглядываясь потом в прошлое, он так и не смог вспомнить ни одного праздного дня.

Он представлял себе священное писание Качальщиков в виде громоздкого тома, но книг оказалось несколько. Старые книги размножали и рассылали по общинам, а свежую заполняли прямо сейчас. По сути, история народа писалась ежедневно. Все большие и малые новости, происходящие в мире Качальщиков, находили немедленное отражение в Книге. Второй раз после пробуждения Коваля усаживали перед аудиторией, и снова он говорил больше четырех часов. Но, в отличие от лекции в пассажирском вагоне, здесь его никто не перебивал и не задавал идиотских вопросов. Иногда вежливо просили повторить, когда трое писцов не успевали. Наконец страницы, посвященные Проснувшемуся демону, были завершены, просушены и подшиты в новую тетрадь.

Больше от пленника не требовали раскрывать рот. Три недели Артур постигал новые предметы. В пять утра он окунался в бочку с ледяной водой и разогревал ее своим телом, затем до завтрака растирал в ступке травы, учился накидывать лассо и объезжать оленей. Кормили невкусно, но до отвала. После завтрака он надевал толстые перчатки и штаны. Его тренировали обороняться против собак. На исходе второй недели он потерял килограммов пять веса, но, не допуская укусов, ломал лапы четверым, а то и пятерым зверям. После обеда ему предоставляли час на сон с одним условием: спать приходилось на тонкой ветке или лежа в колодце с полой трубкой во рту. К концу первой "командировки" Артур засыпал по команде стоя или в любом другом положении. И просыпался тоже по команде. После "отдыха" он вместе с местными подростками учился читать следы или выходил на рыбалку.

Рыбу следовало ловить голыми руками. Добыча начинающего охотника и рыболова становилась его ужином, поэтому Коваль почти каждый вечер ложился спать на голодный желудок. В лучшем случае ему удавалось перехватить ягод или запечь парочку грибов. Охотиться он так и не научился ни на Севере, ни "дома", на Урале.

После ужина начиналось самое трудное - рукопашный бой. Представления местных "инструкторов" о самообороне значительно отличались от методик начала двадцатого века. По крайней мере, от европейских методик. Артур не обладал и малой толикой тех навыков, которые достались мутантам по наследству. Зализывая раны, он с горьким смехом вспоминал, как обманчиво легко повязал раненого Исмаила. Артура ставили в центр круга диаметром метра два и кидались в него камушками. Сначала два, затем четыре человека обстреливали его, норовя попасть в голову. Когда он научился уклоняться, в ход пошли пращи, а круг под ногами уменьшили до размеров канализационного люка. На восьмой день Бердер несильно выстрелил в Ковалья из лука. Стрела застряла под лопаткой, и было очень больно. На одиннадцатый день ему завязали глаза и велели ловить камни. Пару штук он поймал, но едва не лишился зубов.

Когда наступала темнота, переходили к последней процедуре - игре в пятнашки. Бердер сказал, что настоящий воин не должен допустить контактной борьбы. Воин, обнявшийся с противником, подставляет под удар спину. В тесной землянке при свете масляных ламп за Артуром гонялись четверо с короткими дубинками в руках. Периодически "водящий" менялся, и Артур, в свою очередь, преследовал полуголого лысого пацана, норовя достать его палкой. Обороняющемуся было разрешено всё, нападавшие могли только салить.

К финалу третьей недели Коваль мог уже продержаться почти четверть часа, не задетый дубинкой. Бердер сказал, что для начала неплохо. Большой похвалы от него Коваль за два года не услышал.

Иногда тренировки сменялись не менее захватывающими химическими опытами. Следовало запомнить запахи нескольких сотен травок, собранных от Поморья до Кубани, и безошибочно подбирать пропорции лечебных мазей. В следующий приезд на Север ему доверили подготовку ядов и наркотических препаратов. Всё, что годилось для лечения, точно так же могло и убивать. Особую осторожность надо было соблюдать с растениями, собранными в зонах пожарищ. Одна капля выжимки из какого-то неведомого гриба могла остановить кровь и заживить любой порез, но две капли этого же вещества убивали человека за полсекунды. За подобные препараты городские очень хорошо платили, и Артур вспомнил найденного им во дворе института убитого курьера. Тот тоже нес в термосе выжимку...

Едва завидев дымки родной деревни, Артур ощутил в груди нарастающую радость. Он начал привыкать к своим новым соседям и не мог пока сказать, хорошо это или плохо. Человек может выжить везде, говорил он себе, обнимая ночью Надю Ван Гог. Вопрос в том, как человек видит свое предназначение. Эти суровые люди, несмотря на свои безумные теории равновесия, создали достаточно крепкое и справедливое общество. Общины удерживались артельным трудом, практически не развивая частную собственность, и в основе крепости отношений лежала великая цель. Сознание исключительности прививалось с детства, хотя при этом же обратной стороной медали вырастал червячок ущербности. Качальщики вырастали, зная о всеобщей ненависти и страхе, зная, что путь в города им отрезан. Ссориться с сородичами было бесполезно, так и так вернешься в деревню...

Возможно, здесь ему тяжелее, чем в родном городе, но зато безумно интересно. Его не поставили, как пленного дикаря, чистить выгребные ямы или ухаживать за свиньями. К обязательным повинностям относилась работа на полях и охота, но в поисках пропитания участвовала вся деревня, не исключая старейшин. А могло ведь всё оказаться иначе, и жил бы Артур не в отдельном, пусть и однокомнатном, домике, а в сыром бараке под охраной голодного крокодила. Пусть Исмаил с Бердером лелеют насчет него самые бредовые планы, главное - продержаться, а там посмотрим. Главное - пережить зиму, не забыть алфавит, не опускаться до животного...

Коваль вваливался ночью и целовал спящую жену. Во сколько бы он ни появился, за

полночь или под утро, Надя поднималась и с закрытыми глазами шла доставать из печи горячие кастрюльки, закутанные в полотенца. Даже когда жена была нездорова, Артура ждала натопленная баня и свежая постель. Коваль жалел ее, пытался отговаривать, но перешибить воспитание Надиной матери так и не сумел.

Еще одна житейская мудрость. Возможно, у них с Натальей и возникало столько проблем от незанятости. Слишком много свободного времени оставалось для самокопания и взаимных упреков. Чем меньше мы рассуждаем о любви, тем крепче наши семьи, посмеивался новый многоженец. Люди вернулись к естественным отношениям, и пропала нужда в психоаналитиках, потому что, когда все заняты, нет места неврозам. Вот и она, пусть не счастлива, но вполне довольна. И носит моего ребенка, как странно... А счастлив ли я? Шут его знает. Говорить с ней особо не о чем, курорты и модные показы не появятся в ближайшую тысячу лет...

После первой поездки Коваль участвовал в семнадцати больших и сорока малых охотах, и как-то зимой, пробираясь за компанию с псами сквозь сугробы, он впервые почувствовал медвежью лежку. Это было, как внезапно понять чужой язык или научиться плавать. С того дня он начал выходить в лес один. Он перестал бояться, теперь он слышал. Он знал, как правильно прикрыть глаза и погрузить себя в состояние отрешенности, когда в ушах начинают стучать сердечки всех теплокровных в округе. Прохор Второй учил его подчинять себе любое животное. Это оказалось намного сложнее, чем уклоняться от камней. Когда по команде Артура с дерева спустилась белочка, чтобы минутку посидеть на его плече, он чуть не завопил от радости. И тут же потерял тонкую нить волевого усилия, что удерживала грызуна в повиновении. Белка укусила его и стрелой умчалась по стволу, но Коваль был счастлив. Прохор Второй улыбался в бороду.

Пока Артуру подчинился ящер, прошло еще три месяца. И прошло еще полгода, прежде чем на зов человека из бурелома вышел медведь и улегся у его ног. Кроме Прохора Второго, наибольшие проблемы Ковалю доставляла Первая Анна. Он чувствовал себя полным идиотом, сидя по четыре часа с зажатым в кулаке стебельком травы. Лучше бы я проснулся в век качественного колдовства, в век заклинаний и вредных гоблинов, жаловался супруге несостоявшийся старшина. Надя не спорила, она прекрасно пользовалась языком, но не для поддержания бесед. А травинка в кулаке оставалась сухой и холодной, потому что о колдовстве и заклинаниях Анна ничего не знала и научить не могла. Оживлять сено следовало усилием мысли.

Коваль думал об этой проклятой травинке по утрам, когда перехватывал ладонью летящие стрелы. Он вспоминал о ней по ночам, когда со связанными кистями рук убегал от вооруженных кнутах всадников. Он проклинал ее, когда учился метать пращу и добывать в сыром лесу огонь. Он тысячи раз втыкал соломинку в снег, зная, что добывается невозможного. Рядом с ним у Анны Третьей, Хранительницы в шестом поколении, посреди сугроба расцветал розовый куст. Эти детки, они были другими, в их жилах текла измененная кровь пожарищ... Он оживил травинку в тот день, когда Надя Ван Гог родила сына. Коваль был ужасно доволен, что двух других беременных от него женщин давно увезли из деревни. Качальщики жили по своим правилам и обменивались живой силой, еще находящейся в утробе матерей.

Возле хибарки Ковалья собралась вся деревня. Он трогал полустершиеся зарубки на столбе, глядел в холодное апрельское небо и слушал крики своего ребенка. Он уже не знал, кем себя чувствует, - пленником, подмастерьем или пресловутым Клинком, обещанным Книгой. За девять месяцев Артур не прикоснулся к огнестрельному оружию, ни разу не услышал оскорбления и не поймал на себе косой взгляд. Питер он вспоминал всё реже, и не разрушенный Питер, где разгуливали лысые псы, а тот, прежний, где под пролетами вздыбленных мостов плавали катера, а на граните набережных целовались парочки...

На влажной весенней земле раскидали солому и поставили длинные столы. Здесь были все: и Хранительница времени, старуха Ильма, и Хранитель полей, одноглазый Борис с сыновьями, и знатоки Слабых меток, Матвей и Алина. Пришли с детьми и внуками, точно

так же, как приходили и в другие дома, когда там рождались дети. Они не делали разницы между семьей Ковалю и своими родичами...

Хозяйка рода, мама Клавдия, приняла роды и вынесла младенца показать толпе. Ее появление встретил общий рев и грохот глиняных кружек. А запутавшийся в чувствах папаша переживал на задворках избы последние пароксизмы боли. Слезы лились из его глаз, Артур смеялся и плакал, держась за живот. Его учителя явно перестарались, последние дни от мучений жены он неоднократно валился на снег, сжимая зубы, чтобы не закричать.

Черт подери! Он не женился до погружения, а эта девочка, с которой его не связывало ничего, кроме удивительного совпадения и нечастых битв в постели, девочка, которую он не видел месяцами, стала теперь его семьей. Настоящей семьей, которую надо кормить и о которой надо заботиться...

И в этот момент Ковалю попался на глаза пучок соломы. Он присел на корточки и проделал в мерзлой земле ямку. Воткнул туда засохшую травинку и обнял ее ладонями, уже не сомневаясь, что на сей раз всё получится. Когда Артур, спустя четверть часа, разжал руки, глаза заливал пот, сердце колотилось, но посреди обледенелого двора тянулся к солнцу зеленый росток.

– Неплохо! - сказал из-за плеча Бердер и увел ослабевшего ботаника за праздничный стол.

– Когда вы заберете ребенка? - между поздравлениями осмелился спросить Артур.

Бердер переглянулся с мамой Клавдией. Повитуха смеялась, подливая мужчинам хмельной квас.

– Сегодня ты сделал мертвое живым. Когда ты научишься делать живое мертвым, ты будешь готов уйти.

– А если я никогда не научусь? Ведь пчелы меня так и не слушаются. И невидимкой быть не получается. И дерево без пилы не могу повалить...

– Значит, мы ошибались! - пожал плечами Бердер. - И зря ловили для папаши Рубенса тигрят.

Оба улыбались, и оба понимали, что говорят не о том. Оба понимали, что говорят не о ребенке и не об ожившем пучке сена. Итальянские губы Хранителя силы кривились, за зиму Бердер еще больше поседел, и Артур вдруг представил себе, каким станет воспитатель бойцов лет через двадцать. Возможно, всё останется как есть, и вы сохраните свою смехотворную лесную демократию, думал он, прихлебывая черный квас, но всё ведь может пойти иначе. Вдруг ты решишь, что на правах лучшего воина тебе незачем подчиняться старейшинам и стоит потребовать самый жирный кусок мяса за риск? А вот сидит Борис, Хозяин дерева, лучший плотник, столяр, мастер. Что, если ему надоест получать общий паек наравне со скотоводами, и он потребует платы за каждый табурет? А потом начнет учить пацанов за деньги... Сколько еще продержится ваш первобытный строй? А что случится, если попробовать забрать ваших деток в большой город, которого вы так боитесь? Вдруг никто не погибнет, как вы им внушаете, а напротив, детишкам там понравится? Не бог весть что, ни театров, ни музеев, но какие возможности для начинающих капиталистов...

– Через месяц мы снова едем в Мурманск. - Бердер поднял за шкуру крутящегося под столом волчонка. - Вместе с тобой еще три ученика. Хранительница ждет тебя, чтобы продолжить Книгу. Потом мы поговорим о Москве. - Он повелительным жестом велел Артуру замолчать. - Если у ребенка нет отца, старейшины решают, кем он вырастет.

– А если отец уходит и возвращается? - Артур понизил голос, но Хранитель силы легко угадывал слова по губам.

– Пока отец жив, никто не имеет права на его женщину и его детей.

– Ты негодяй! Это называется бить "ниже пояса"! - покачал головой Коваль. - Ты говорил, что Надя должна родить еще от двоих мужчин?

– Не обязательно! - глядя Ковалю в глаза, Бердер сунул волчонку ладонь в пасть. - Мы сами пишем Книгу, Клинок. А когда мы ее потом читаем, рождаются законы. Ты поговоришь с Хранительницей и сам решишь, как тебе поступить.

Вот сволочи, подумал Коваль, принимая очередное поздравление, вот мерзавцы! Они поймали его в капкан. Теперь, когда он не побоялся бы один пройти полстраны, когда лес стал для него родным и ни одно живое существо не задержало бы его на пути в столицу, чертовы колдуны добились главного.

Теперь ему есть что терять.

23. Как писать книги

— Расскажи мне о ней. - Мама Рита курила кальян. Незрячие глаза ей заменяли сверхъестественная ориентация и слух. По звуку перьев на бумаге она моментально угадывала, кто из писцов допустил ошибку. - Ты слишком часто вспоминаешь о ней, Проснувшийся, из-за этого не можешь обрести равновесие. Расскажи, и я не буду давать тебе советов.

И неожиданно для себя Артур начал говорить. Он молчал целый год, ни с кем не делился своей застарелой болью. Ему казалось, что раз не нашлось друзей, способных понять, даже в институте, то уж всяко незачем мусолить прошлые беды со вшивыми дикарями.

— Она... Мы познакомились на моей защите. Ах, что я говорю? Как же вам объяснить... Впрочем, неважно. Я был книжником, ученым, я работал в таком месте, где придумывали, как лечить людей холодом и как сделать, чтобы человек мог заснуть на много лет и проснуться без потерь для здоровья. Понимаете? А Наташа была студенткой, она писала диплом... Черт, опять не то!

— Не волнуйся, Клинок! - мягко перебила мама Рита. - Говори, как умеешь, не ищи слова для меня.

— Ну вот. Мы начали встречаться, а потом стали жить вместе. Всё началось из-за моей матери, то есть нет, нельзя так говорить. Я один виноват. У Наташи мы жить не могли, потому что там тесно, и ее отец тогда сам недавно женился. Ее мать умерла, словом, ситуация была непростая. Мы могли бы снимать квартиру, но я пожадничал. Всё, что случилось, вышло из-за моей жадности. Мои предки были, в общем-то, не против, чтобы Наталья переехала к нам, в трехкомнатную. Места бы всем хватило. Сначала мы так и сделали, месяц всё было хорошо, но потом...

— Наташа не поладила с твоей матерью?

— Да, то есть нет. Всё сложнее, а вообще-то такая глупость. Понимаете, моей матери стало казаться, что отец...

— Что он заигрывает с твоей женщиной? - Как хорошо, что мама Рита была слепой. Коваль бы не выдержал сейчас чужого сочувствия.

— В общем, да. Такого никогда раньше не случалось, я хочу сказать, что даже представить себе не мог. Но родители со мной эту тему не поднимали, я уходил утром и возвращался поздно вечером... Вы только не подумайте, никаких сцен не было, но однажды вечером...

Однажды вечером я пришел, а Наталья сидела во дворе, на качелях, и она была пьяна. Впервые я видел ее пьяной. Она сказала, что наверх больше не поднимется и чтобы я забрал ее вещи. Она сказала, что сейчас же уедет домой, а если я хочу строить отношения и дальше, то должен выбирать между ней и мамочкой. Она прямо-таки выплонула мне в лицо - "с мамочкой"! Мне так и не удалось заставить ее вернуться. Когда я пришел домой, мать наглоталась сердечных капель и заперлась, не стала со мной говорить. А отец пил водку и понес такую чушь, что я уже не знал, к кому из них первому вызывать "скорую"... то есть лекарей. Я отвез Наташу на такси к ее мачехе, отец ее был в командировке. Короче, общая истерика...

Никто мне так и не признался, в чем дело, сколько я ни бился. Вы поймите, я очень любил эту девушку и тогда бы, наверное, простил ей всё. У меня не было случая ее ревновать, просто мы... Мы тогда почти нигде не бывали вместе, я работал, Наташа ухаживала за умирающей матерью, я никогда бы не стал следить за ней...

– Ты узнал, что она заигрывала с твоим отцом у тебя за спиной, так?

– Тогда я ничего не узнал. - Артур, как ни странно, начал постепенно успокаиваться. - Наташа даже перезванивалась с моей мамой. Они словно сговорились, упирали на то, будто слегка повздорили. Ну, две хозяйки на одной кухне, и всё такое...

Вы понимаете? Я не стал докапываться, да и некогда было во всё влезать. Теперь я думаю, что, если бы тогда настоял на своем, всё пошло бы иначе. Папа пару раз пытался со мной поговорить, он видел, что я дуюсь на маму, и чувствовал свою вину. Как-то он даже выпил для храбрости и целый вечер крутился возле меня. Наверное, у меня были проблемы на работе в тот день, я уже не помню, но помню, что вернулся и нагрубил матери. Она спросила что-то вроде: "Когда ты остепенишься?", а я крикнул в ответ...

Короче, я выразился в том духе, что пытался остепениться, но из-за бабской стервозности, скорее всего, останусь холостяком. Маме стало нехорошо, и отец чуть было не рассказал мне всё, но так и не отважился. Теперь я не понимаю, как я мог не замечать его мучений. В сущности, он не сделал ничего страшного...

– Почему вы не построили отдельный дом, Артур? - В жаркой тишине натопленной избы слышалось лишь потрескивание поленьев и скрип пера. Артур уже привык, что все слова Проснувшегося демона становились частью Книги, частью общей истории Качальщиков. Ученица разожгла для мамы Риты кальян.

– Тогда жилье было слишком дорого... - Он замялся. - Даже дом в лесу стоил больших денег.

– Кто с тебя брал золото за постройку дома в лесу?! - Мама Рита была искренне поражена.

– Государство, или владелец земли. Кроме того, стройматериалы были, мягко говоря, мне не по карману...

– Государство? - Хранительница оживилась. - Кучка старейшин, заявлявших, что реки и леса принадлежат им, так ведь?

– Ну... не совсем так, но в принципе верно. Одним словом, при той моей зарплате это было невозможно - купить квартиру или дом. Но у папы была дача в садоводстве. Э-э-э... это такой домик за городом, в котором живут только летом, там нет отопления... Глупо звучит, да? И я подумал: пока жарко, почему бы нам не пожить с Наташей на даче? Огурцами мы не занимаемся, электричка рядом, до города полчаса. Ну, лето перебьемся, а там придумаем что-нибудь. Ведь получилось нелепо, всего месяц прошел семейной жизни, и разбежались. У меня водилась монета, я подрабатывал на переводах, мог бы снять хату. Но я пожадничал, повел себя, как последний скопидом. Я так хотел скопить на новый мотоцикл... Мотоцикл - это такая машина...

– Я знаю, что такое мотоцикл. - Мама Рита выдохнула дым.

– Наташа согласилась пожить лето на даче. Мне показалось, она даже обрадовалась. И она сама нашла "харлей". Мой старый мотоцикл, даже не мой, а отца. Это была жутко древняя модель, но исправный, на ходу. Я гонял на нем, пока учился в школе, когда приезжал на каникулы, и все пацаны мне жутко завидовали. В тот вечер мы отпраздновали... повторное начало семейной жизни, выпили немного, короче, валяли дурака. Наташка попросила ее покатать, а потом заявила, что и сама умеет ездить. Оказывается, ее бывший парень занимался в мотоклубе. Милая история, да? Если бы я не был под мухой, я ни за что бы не согласился. Да кроме того, мне бы и в голову не пришло, что "харлей" заведется, аккумулятора вообще не было...

Но он завелся с разбега, представляете? Да, эта проклятая железяка завелась, и мы часа два гоняли по дорожкам садоводства, распуская коз и велосипедистов. Наташа меня просила дать ей самой прокатиться, но я боялся. Хотя там было пусто, и ни одной машины. Мы даже подрались тогда, в шутку, конечно... - Коваль спрятал лицо в ладонях. - А потом мы решили поехать в круглосуточный магазин, купить чего-нибудь сладкого к чаю, и еще шампанского. Я пошел в магазин, а ее оставил в седле, и мотор работал. И, как назло, представьте себе, в одиннадцать вечера в лабазе собралась очередь. Там орала музыка, и не

было слышно, что происходит на улице. Когда я вышел с шампанским и с вафельным тортом, она уже уехала.

— Она была смелой женщиной...

— Да, пожалуй. Хотя я не назвал бы это смелостью. Потом, после похорон, когда мать мне всё рассказала, я понял. Это называлось "попробовать в жизни всё". Я ее совсем не знал, Наташу, не знал, чем она занимается без меня. Я был настолько влюблен, что не замечал очевидных вещей.

— Она упала с мотоцикла?

— Она столкнулась с грузовиком, с мусоровозом. Там, на скамеечке, сидели ребята, пили пиво, они мне потом рассказывали. Сначала она ждала меня, затем проехала пару раз по кругу, но не знала, как включить фару. Выключатель давно сломался, там следовало соединить проводки. Так она и уехала, без света. Главная аллея освещалась фонарями, но Наташка, наверное, решила проехать по кругу, как это делали мы вместе. Или просто разогналась и не успела развернуться в конце дороги, успела только свернуть. Мусоровоз сдавал задом, огни были в порядке, но шоферу бы и в голову не пришло, что кто-то влезет ему под задние колеса. Он и увидел ее уже после того как мотоцикл загорелся... - Артур налил мятного чая из огромного медного самовара.

— Ты не всё рассказал.

— Почти все. Просто мама решила, что, возможно, мне будет не так больно, если я узнаю... За тот месяц, что мы прожили вместе, она дважды заставляла отца на кухне с Наташкой и один раз видела их вместе в мороженице. То есть ничего такого, понимаете? Они кушали на кухне и хохотали, вот и всё. Но мама прожила с папой много лет и заметила, что он стал тщательнее бриться и перестал носить дома тренировочный костюм. Второй раз она застала их, когда папка с Наташей пили вино и сидели почти в обнимку. А потом мать встретила их в мороженице.

— Что такое "мороженица"?

— Гм... Это такое место, куда люди приходили покушать.

— Общинная кухня?

— Нет, не совсем. Там подавали только сладкое замерзшее молоко, смешанное с ягодами и орехами.

— Это хорошая мысль. Кушать замерзшее молоко было непристойно?

— Конечно, нет. Да это и не было дорогое кафе, а так, буфет в магазине. Отец сидел с сумками, с хлебом, да он и не пытался прятаться. Наоборот, заметил маму и помахал ей. Но это... Как бы вам объяснить? Папа не сделал ничего плохого, дело было не в нем, вы понимаете?

— Думаю, да... - Хранительница задумалась. - Твоя женщина позорила твои чувства. Ты любишь ее и теперь, Клинок?

— Теперь мне легче. В те дни... В те дни мне не хотелось жить. Я никого не любил до нее. Были, конечно, увлечения, но так, несерьезно... Все девушки мне казались скучными, они норовили устроиться перед телеком с вязанием в руках. Наталья была совсем иная, с ней я никогда не скучал. В общем, когда ее не стало, я потерялся. Я ухватился за эту идею - уснуть на двадцать лет. Мы не нашли бы ни одного добровольца на такой срок, понимаете? То есть вышло так, что я смалодушничал, я спрятался от своей вины в капсуле. Вместо того чтобы заниматься наукой - а ребята во мне нуждались, - я спокойно уснул...

— Ты доволен семьей?

— Да, мама Рита. Я встретил добрую женщину и уже год живу с ней в согласии. Она родила мне сына. И поверьте, порой я даже благодарен Исмаилу. Если бы не он, я бы так и жил прошлым...

— Я обещала тебе не давать советов. - Сухие губы Хранительницы тронула улыбка. - Но скажу то, что думаю. Ты считаешь, что несправедливо избежал гибели в год Большой смерти. Но Хранители памяти вписали твое имя в Книгу почти семьдесят лет назад. Хранители памяти умеют видеть грядущее, но селятся отдельно. Тебе незачем с ними

встречаться, - перебила она вопрос Артура. - Этим людям тяжело в сегодняшнем дне, они слышат другие времена. Ты поступил верно и проявил смелость. Твой старейшина Институт - я правильно его называю? - мог усыпить вместо тебя вора или убийцу, но ты решился испытать новое волшебство на себе. Ты благородно поступил, и оставим это.

Послушай теперь меня. Еще два года ты будешь учиться, пока твоя женщина выносит второго ребенка. Ты будешь оберегать ее от тяжелой работы и учиться. Тебе никогда не стать таким, как наши воины, но Бердер сделает всё, чтобы ты мог выжить один. В городе и в лесах. Молчи, не перебивай меня, я слышу твои мысли. Ты думаешь, почему мы не выбрали кого-то другого? Ты думаешь, мы, как ваши городские соборники, молимся на Книгу и боимся ступить шаг? Нет. Лишь два года назад Хранителям памяти открылось, что наша борьба не будет успешной, пока существует Москва. Другие города не так важны. Москва притягивает метки... Они приходят с Востока и кружат, кружат, как трупоеды, они слышат грязь. Если Хранители пропустят к Москве одну из Слабых, по-настоящему Слабых меток, что способны взрывать Землю...

Мы можем воспитать ребенка, даже двадцать или сто детей, и воспитать из них настоящие клинки, в сто раз лучше тебя. Но у нас нет столько времени ждать, пока дети вырастут. А те, кто сейчас в твоём возрасте, боятся и не пойдут в город. Туда могут пойти только горожане, но кто из них захочет служить Качальщикам? Кто из них поверит Книге?..

- А почему вы считаете, что я должен поверить? - робко осведомился Коваль. - Вы понимаете, что идете против естественного исторического пути? Промышленность неизбежно будет развиваться, и неизбежно появится государство, сколько бы вы ни старались...

- "Государство"! - фыркнула старуха. - Это слово шипит, как десяток вонючих летунов. То, что ты рассказывал здесь старейшинам про ваше государство, звучало страшно, как стон шатуна, и воняло, как гнилая вода, текущая с пожарищ. Что для тебя сделало государство? Ты не имел дома, где растить детей, ты ночами боялся отпускать свою женщину на улицу. Твой друг не хотел быть воином, но его увезли насильно, так ведь? Его увезли, и дали оружие, и заставили стрелять в мирных селян в горах. Потому что старейшинам в Москве так захотелось. Его убили, и никто не помог старикам. И тогда твой отец продал мотор, и мать продала золото, чтобы купить тебе... как это? Освобождение, так? Скажи мне: они поступили мудро?

- Я у них был единственный сын.

- Я спрашиваю: они поступили мудро или глупо?

- Это тяжелый вопрос... Наверное, в то время они поступили правильно. Они спасли меня от Чечни.

- Значит, когда простые горожане, не книжники, выкупают своих сыновей, это хорошо. А старейшины, которые правили в Московской крепости, посылали вас умирать. Эти люди в горах... Почему нельзя было поставить граничную стражу, выкопать ров вокруг их деревень и отозвать воинов? Ты говорил, что горцам принадлежало не так много земли.

- Всё так запуталось... - Коваль нахмурился, - правительство считало, что нельзя нарушать целостность государства...

- Опять ты произносишь это слово, Клинок. Какой бы вопрос я ни задала тебе о временах до Большой смерти, выходит, что люди хотели одного, а государство всегда делало наоборот. А когда я спрашиваю тебя, чьи решения были мудрыми, ты вздыхаешь и боишься собственных ответов. Я спросила тебя, почему твоя сестра хотела жить в Петербурге и не могла наняться на работу. Что ты ответил? Ваше государство не давало ей... как это? Про-пис-ку! Потому что она приехала из азиатского города...

- Из Душанбе.

- Да. Я забываю это имя... А там твою сестру и ее мужа чуть не убили и отняли у них дом. Что сделало твое государство? Кто послал воинов, чтобы заступиться за людей? А что ты говорил о своей матери, помнишь? Она нанималась много лет, но за работу получала не золото, а бумагу. Я знаю, вы все тогда получали бумагу. Но твоя мать отдавала свои

бумаги... как это?

– В банк.

– Банк! Звучит как выстрел. И что сделало государство, когда старейшины этого самого банка ничего не отдали твоей матери? Не ты ли мне рассказывал в свой прошлый приезд, что эти же старейшины опять собирают золотые бумаги и живут в богатых домах на морских островах? Почему их не повесили за ноги и не надрезали им вены, чтобы ночью их поганые глаза выедали совы? - Хранительница закашлялась. Одна из девочек поднялась и принесла маме чай. - Я не буду спорить с тобой, Клинок. Ты будешь учиться. Год, если надо, два или три. Пока не найдешь равновесие в душе. Ты верно чувствуешь справедливость, но тебя приучили быть послушным, когда ты сумеешь жить по справедливости, а не по запретам, ты будешь готов стать Клинком.

– Но ведь я и здесь слушаюсь! - уперся Артур. - Иначе будет полная анархия. Ведь Качальщики тоже стремятся к организации, госпожа!..

Хранительница поднялась, давая понять, что аудиенция завершена.

– Ты ошибаешься в главном, Клинок. Ты слушался Бердера и других старейшин, потому что всё это время боялся. Мы сделаем всё, чтобы ты перестал бояться. Ты станешь свободен и поймешь, что никто тебя не держит. Ты мог бы уйти из общины в любой момент. Я хочу, чтобы тебя держал не страх, а справедливость.

– Госпожа! Только один вопрос, госпожа... - Артуру показалось, что второго такого момента не будет. - Моя жена, Надя... Это Исмаил так сделал, что я влюбился в нее?

Хранительница от души рассмеялась, закутываясь в шубу:

– Хотя мои глаза и не видят, я семь раз становилась матерью и познала пятерых мужчин. Но только одного я не могу забыть, Клинок. Он был норвежцем и не говорил по-нашему. Кожа его пахла солью, а ладони были шершавые, как кора столетней сосны. Он исколот меня бородой, так что утром пришлось намазаться маслом. Он оставил мне синяки по всему телу, так сказала моя сестра. Пальцы его были крепкие, как волчьи капканы. Он приплывал ко мне дважды, пока не стало ясно, что я понесла. Папа Клемент отдал ему на корабль четверых оленей. Прошло тридцать лет, Артур Кузнец, глаза мои так и не открылись. Но, если ты меня спросишь, я выберу не солнечный свет, а вкус соли на языке. Если ты сам не отдашь душу злу, никто не выберет за тебя, Артур.

24. Начало большой политики

Буланый рысак переступил тонкими ногами и потянулся доверчивой мордой к человеку за шлагбаумом. Кобыла отвернулась и, натянув поводок, пощипывала молодую травку в расщелинах дороги.

– Путевая скотинка! - Человек в зеленой фуражке потрепал коня по холке. - Сколько хочешь за него, мужчина?

Бородатый дикарь в седле вежливо улыбнулся и отрицательно покачал головой:

– Лошади не продаются, стражник. Я могу бесплатно угостить тебя и твоих друзей чистой водой, вяленным мясом и фруктами, но я ничего не продаю. Я уже сказал, что не торговец.

– Тогда кто ты такой?

Человек за шлагбаумом быстро переглянулся с обоими подчиненными. Один солдат прятался в узкой бойнице цементного бункера, другой сидел, развалившись на коляске мотоцикла, и держался за приклад автомата. Стражнику не нравилось спокойствие дикаря. Конечно, всадник был дикарем, кожа его лица обветрилась до красноты, а ступни босых ног в стремях казались вырезанными из мореного дуба. К бокам коня были приторочены набитые кожаные баулы, но ни ружья, ни арбалета у гостя не имелось. По крайней мере, на виду. И это казалось очень странным.

– Откуда ты едешь? Ты отстал от каравана?

– Нет, я один. - Бородатый почесал коня за ухом, и у стражника вдруг екнуло сердце. За

обшлагом рукава незнакомца блеснула сталь. - Я еду из... скажем так, из окрестностей Екатеринбурга.

- Что?! Ты смеешься над нами, мужчина? Где твое оружие? Ты один едешь верхом от Урала? Ты колдун?

- Не совсем один, и не колдун... - Дикарь опять улыбнулся, но улыбка его не была теплой. - Мои товарищи отстали немного. Они не хотят идти в Москву, а у меня там есть дела. Я ответил тебе, стражник? Пожалуйста, открой и пропусти меня...

- Я не стражник! - озлился обладатель военной формы. - Ты что, не видишь погон? Я капитан безопасности. Ну-ка, дыхни! - Он протянул уже знакомую дикарю розовую бумажку.

Тот послушно дыхнул. Цвет не изменился.

- Разве болезнь еще ходит? - удивился бородатый. - Мне говорили, что последнего заразного забили камнями лет десять назад... А ты действительно капитан! - вгляделся босоногий наездник. - Послушай, капитан. Я мог объехать вашу заставу полем, но не хотел терять время. По пути я проехал десятки селений, где живут люди, и, как видишь, цел. Я стою здесь и разговариваю с тобой, хотя солнце садится, а мне хотелось бы до темноты достичь Москвы. Как ты думаешь, служивый, почему я добрался досюда сквозь заставы?

Капитан кинул косой взгляд на напарника и подумал, не позвонить ли в гарнизон. Солдат на мотоцикле, одетый в железнодорожный китель и пятнистые штаны, навел оружие на конного. Капитан вдруг понял, что ему еще в этой истории не нравится. Собаки не лаяли. Все три волкодава должны были уже рваться с поводков, но ни один даже не появился из-под навеса.

- Мне плевать, как ты ехал раньше, - сплюнул старший пограничник, - но здесь положено платить. Заплати, я тебе дам жетон, по нему тебя пустят переночевать в нашем гарнизоне. Или у тебя нечем заплатить? Тогда мы вызовем патруль и сдадим тебя майору. Он проверит, кто ты такой и откуда взялся!

Капитан взял коня под уздцы. Теперь, если будет доказано, что он поймал колдуна, а скорее всего, так оно и есть, одна из лошадок ему гарантирована...

- У меня есть чем заплатить, - не меняя тона, ответил дикарь. - Но тебе я ничего не дам, потому что платить не за что. Если сумеешь, подойди и возьми сам. - С этими словами бородатый расстегнул висевший у седла подсумок, засунул туда руку и показал целую пригоршню драгоценных камней. Затем матерчатая крышка подсумка опустилась, а дикарь вернул руку на седло.

Капитан беспомощно оглянулся на сержанта. Он не решался просто так выхватить револьвер и пристрелить наглеца. Солдат в амбразуре присвистнул; он немножко разбирался в камнях. Если это не подделки, то на майских торгах за то количество, что небрежно таскал в сумке вшивый дикарь, можно было бы купить целое стадо! Последние годы камни снова пошли в цену...

- И возьму!

Капитан кивнул сержанту. Тот, уже не скрываясь, поднял автомат. Дикарь скрестил руки на груди и отвернулся, словно речь шла не о нем. Капитан пролез под шлагбаумом и запустил руку в глубину подсумка. Дальнейшее произошло настолько быстро, что боец в дзоте, которому судьба отпустила еще пятьдесят лет, всякий раз начинал задыхаться и махать руками, не в силах внятно описать события. У капитана кровь отхлынула от лица, он потерял фуражку и вытаращился на свою ладонь, на которой теперь не хватало трех пальцев. После этого он завопил тонким голосом, брызгая слюной, а сержант открыл стрельбу. Точнее, он передернул затвор и выпустил очередь в землю. После этого выронил оружие и схватился за левый глаз, из которого торчал метательный нож. Третий стражник располагал только арбалетами, причем последней модификации, сразу на три стрелы без перезарядки. Три стрелы он и выпустил, а затем еще три. Когда он снова поглядел в щелку, дикарь всё так же незыблемо сидел на коне, а капитан валялся в пыли, прижимая к груди изуродованную кисть. Босоногий колдун поднял голову и, глядя арбалетчику в глаза через темную прорезь

бойницы, выпустил из ладони шесть сломанных стрел.

– Выйди и подними бревно! - приказал колдун.

Солдат, чувствуя, что его неудержимо тянет по-большому, семенящими шагами покинул укрытие. На стенке висел телефон, и он мог бы позвонить, и должен был позвонить, но не решился ослушаться жуткого гостя. А еще он мог бы спустить собак, достаточно было выдернуть крюк из железного кольца. Арбалетчик спустился на три ступеньки из цементной башенки, увидел псов и понял, что отныне он сделает всё, о чем бы ни попросил пришелец. Клыкастые звери, каждый крупнее взрослого волка, повизгивали, как щенята, и, натягивая цепи, ловили кусочки мяса, которые швырял им колдун. Зажмурившись, стрелок крутанул ворот с противовесом. В руках у колдуна, как и прежде, не наблюдалось никакого оружия.

– Мои пальцы! - верещал капитан. - Эта сволочь откусила мне пальцы!

Шлагбаум поднялся, и дикарь тронул коня. Кобыла неохотно припустила следом. Арбалетчик не смел поднять взгляд, по спине его струился пот, он чувствовал, что еще немного, и он обделается, не сходя с места, на дороге. Прямо напротив его лица очутилась голая мускулистая лодыжка, вся в шрамах и ссадинах.

– Ты тоже хочешь плату? - Дикарь приоткрыл подсумок.

Боец задрожал всем телом, но любопытство пересилило. Он взглянул и, пошатнувшись, плюхнулся задом в апрельскую грязь. Из сияния драгоценностей торчала плоская треугольная голова с двойным рядом загнутых внутрь зубов в открытой пасти. В зубах монстр перекачивал безымянный палец капитана с надетым широким железным кольцом. Кольцо, видимо, и мешало обитателю сумки проглотить добычу.

– Я не убью тебя, - сказал голос сверху, - если ты мне пообещаешь, что не пошлешь по следу других. Если за мной будет погоня, я вернусь и отдам тебя крылатому. Он еще маленький, ему требуется много мяса, чтобы вырасти. Ты веришь, что я вернусь? - Солдат закивал, истерически всхлипывая.

– Теперь послушай, - бесстрастно продолжал колдун. - Слюна Мига не позволяет крови сворачиваться. Твой капитан, скорее всего, умрет. Если ты перевяжешь ему руку, он выживет и скажет майору, что это ты поднял шлагбаум и пропустил колдуна. Он подлый человек.

– Я... я... я не трону его.

– Это твое дело. Что такое Гарнизон? Это коммуна?

– Нет... Здесь у нас три... - Арбалетчик все еще всхлипывал. - У нас три коммуны. Гарнизон подчиняется Кремлю.

– Вот как? - Кажется, впервые дикарь удивился. - Сколько солдат в гарнизоне?

– Во... восемьдесят.

– А в коммунах нет своих бойцов? Сами они не могут защитить город?

– Им запрещено. Указ президента...

– Надо же, у вас появился президент! Я три года не был в... Москве, солдат. Кто вас, в таком случае, кормит? Коммуны?

– Нет, это тоже запрещено... - Солдат размазывал по лицу слезы. - Не три года... Прости, господин, я не хотел сказать, что ты лжешь. Но такой порядок установлен уже больше пяти лет. Коммуны платят оброк в Кремль, а уже оттуда нам присылают жалованье и еду. Гарнизоны следят, чтобы оброк уходил вовремя...

– Экономичная схема, а главное - оригинальная... Я не понял, для чего тут стоит гарнизон, солдат. Я не вижу следов боев. Кто нападает на город, солдат?

– Никто... - Арбалетчик осмелился поднять глаза.

Колдун спустился на землю, чтобы забрать автоматы стражников. Вблизи он оказался совсем не таким высоким и страшным, как казалось раньше. Длинные русые волосы, связанные в две косицы, были заправлены за ворот свободной дерюжной хламиды. И боже мой! Арбалетчик ощутил тошноту. За спиной у демона висел длинный мешок, из которого, прорвав ткань в двух местах, торчали желтые когти.

– Я люблю животных! - не оборачиваясь, сообщил колдун. Он отрешенно посмотрел на

корчащегося в луже крови капитана и легко запрыгнул в седло. - Значит, на город никто не нападает? Это я знаю и без тебя, солдат. На три дня пути от транспортного кольца дикарей нет уже много лет. Тогда зачем ты здесь? Тебе нравится отнимать деньги у тех, кто слабее? Отвечай!

– Не убивай меня, господин, прошу тебя!

– Отвечай, это важно! Откуда ты родом?

– Я из тульской общины оружейников. Папа послал меня в гарнизон в год Холодной смуты... Это всё отец, я не посмел ослушаться. Он сказал, что солдатом безопасности быть почетно и спокойно. Безопасность не дерется с дикарями, нас все слушаются...

– Это что за чертовщина - "холодная смута"?

– Но ты сказал, что не был в Москве всего три года!

– Черт возьми, приятель! Если хочешь знать, я вообще из Питера, но политикой интересовался мало. Говори!

– Что ты хочешь узнать? Когда семь лет назад президенты начали дележку земель за Кольцевой дорогой, они договорились, что их люди будут драться на холодном оружии...

– Час от часу не легче! Так у вас тут несколько президентов?

– Было четверо, теперь осталось двое. Наш гарнизон подчиняется кремлевскому папе Ивану. Есть еще президент большой Думы, но скоро его свалят... Папа Иван - настоящий президент России, потому что только у него есть огненные грибы. - Арбалетчик ощутил легкое дрожание почвы. Он сразу понял, что это такое: грузовик вез патрули на смену, двенадцать человек. Дикарь сидел, понурившись, в седле, и долю секунды солдат колебался. Но затем он вспомнил про шесть пойманных в полете стрел:

– Господин, сюда едут. Тебе надо уходить...

– Я слышу, - отозвался колдун, задумчиво почесывая бородку. - Как ты сказал: "огненные грибы"?

– Да, господин. Папа Иван дружит с колдунами со Старой площади. По слухам, такой колдун может пожать тебе руку, и через три дня наступит страшная смерть... А еще колдуны показали папе Ивану тайную комнату, где живет страж огненных грибов. Никто не знает, что это такое, но колдуны никогда не врут...

– Всё ясно! - Колдун подобрал поводья. - Я проехал полстраны и не верил тому, что мне говорили друзья. Здесь невозможно дышать, солдат. Прощай, и прими совет - уходи в коммуну, пока тебя не засосало. В тебе еще есть честность.

– Спасибо тебе! - Стрелок облизнул пересохшие губы, провожая глазами маленький выюнный караван. - Спасибо, что не убил меня, господин!

У колдуна оказался превосходный слух. Он придержал коня и обернул к сидящему в грязи человеку неожиданно грустное лицо:

– Ты умрешь и без меня, приятель. И очень скоро, если не бросишь свое занятие.

– Я брошу! Я уйду, клянусь, господин!

– Вот и хорошо. - Колдун прищипорил жеребца босыми пятками.

Над столбе шлагбаума болтался щит с кривыми буквами: "Город Королев".

25. Клинок и порядок

Следующий раз одинокого путника с двумя навьюченными лошадьми пытались задержать на Второй кольцевой дороге. Стража пропускного пункта издалека, с вышки, следила, как путник искал проход в сплошной полосе противотанковых ежей. Он медленно ехал вдоль шоссе и на ходу грыз цыпленка. Лейтенант безопасности прекрасно видел лицо дикаря в мощный армейский бинокль.

– Задержать? - лениво осведомился один из сержантов. - У него нет на шее жетона.

– Вижу, что нет. Похож на южного ковбоя, мог выйти и без жетона.

– И пешком обошел Москву? - фыркнул сержант. - Я возьму Ласку и схожу проверю, лады?

– Давай! - согласился лейтенант и занялся мозолями на ногах.

Когда спустя минуту он заметил, что внизу подозрительно тихо, то выглянул с башни и от удивления уронил на ногу кусачки. Ласка, непредсказуемая зверюга, лежала, раскинув лапы и довольно раззявив пасть. Дикарь спустился с коня, сидел рядом на травке и почесывал урчащего "азиата" по рыжему мохнатому животу. Сержант Халява лежал здесь же, лицом в землю, с руками на затылке и не делал попыток подняться. Ниже его скрещенных рук, вцепившись когтями в голую шею, восседало настолько кошмарное чудище, что остальные стражники на башне начали немедленно творить молитвы.

– Не стоит, лейтенант! - Путник поднял глаза. - В меня вы не попадете, а парнишка умрет. Летун нервничает, когда шум... Лучше отойдите калитку.

– Не стрелять! Никому не стрелять! - выкрикнул лейтенант, как-то сразу поверив, что шесть винтовок не зацепят единственного человека. - Я калитку не открою. Не открою я, не открою!

Летун задрал мышиную морду с красными лучиками кошачьих зрачков и пронзительно зашипел. Лейтенант понял, что он ни за какие сокровища не спустится вниз.

– Гора не идет к Магомету? - непонятно спросил дикарь и исчез.

Что-то сверкнуло, шестеро бойцов в левой башенке Ярославской заставы на мгновение зажмурились, а когда лейтенант открыл глаза, посланец ада уже стоял рядом с ним. Хозяин вампира меньше чем за три секунды поднялся по вертикальной бревенчатой стене. И при этом он был босиком.

– Пощади меня, великий чародей! - Старший патруля бухнулся на колени. - Пощади, я поставлю за тебя дюжину больших свечей Блаженному!

– Не надо мне свечей. - Колдун открыл планшет, развернул на полу карту столицы. - Рисуй.

– Что рисовать, господин?

– Ты человек служивый, должен всё знать. Рисуй мне границы коммун. И подписывай.

– Я... я не знаю точных границ, великий... И у нас нет коммун, в столице только гарнизоны. Я не имею права!

– Мне позвать моего друга? - Бородатый чужак внезапно схватил лейтенанта за мизинец и больно его вывернул. - Ты знаешь, как охотится летун? - Бешеные зрачки ввинчивались патрульному в мозг. - Когда он бьет хвостом, никто не успевает увернуться. Никто. У вас тут таких нет, это балтийские, северные зверушки. Он ударит тебя и отлетит. Он будет ждать. А я ждать не буду, я уйду. Летун будет ждать, пока у тебя не отнимутся ноги. Потом руки. Потом он начнет тебя есть. А поскольку он маленький, а ты большой, то трапеца затянется надолго. Ты будешь рисовать, паршивец?

Лейтенант потянулся к мелку.

– Сколько всего жителей сейчас в городе?

– Никто не считал! - буркнул лейтенант. - Говорят, что внутри кольца живет около ста двадцати тысяч.

– Скажи своим орлам, чтобы открыли ворота. Ты пойдешь со мной. Скажи, что, если за нами будет погоня, я отдам тебя летуну.

– Нет! Меня повесят за уход с поста!

Дикарь задрал подбородок. Над потолочной крестовиной башни ворковали почтовые голуби. Секунду спустя пушистые белые трупки попадали вниз. Лейтенант закрыл глаза и читал все молитвы, которые помнил.

– Мне очень жаль птиц. Я всего лишь хотел попасть в Институт холода. Я готов был заплатить за вооруженную охрану по городу. Вместо этого твой солдат спустил на меня собаку. Этот город разочаровывает меня второй раз за день. Садись на лошадь и поезжай впереди. Будешь показывать дорогу, вот адрес. И не вздумай меня запутать. Кстати, оторваться тоже не пытайся, кобыла слушает только меня. Ласка мне нравится, ее мы возьмем с собой.

Несчастный пленник в этом нисколько не сомневался. Почти в полной темноте

всадники миновали спорткомплекс "Олимпийский". Над чашей стадиона полыхали костры, оттуда доносились нестройные вопли и лязг оружия; шло какое-то состязание. На пересечении с Сухаревской всадников остановил патруль Чистопрудного гарнизона. Лейтенант показал жетон безопасности. Он мог бы закричать и броситься с лошади на землю, но на спине, в тоненьком холщовом мешке, поскрипывал зубами летун. Начальник патруля просто был не в состоянии ни о чем думать, кроме как о ядовитых шипах на хвосте упыря. Колдун с интересом поглядывал по сторонам, иногда задавал нелепые вопросы. Они довольно долго ждали на Сретенке, пока ковбои прогоняли скот. Лейтенанту показалось, что колдун рассердился, когда узнал, что стадо, клейменное квадратом, принадлежит не гарнизону, а лично папе Якову, главе Чистопрудных. Потом странный чародей долго не мог поверить, что некоторые гарнизоны открыли бордели, и женщин туда отдают за долги.

Они дворами проезжали места последних боев, где упрямцы из Китай-города пытались противостоять солдатам Кремля. Ни за какие блага патрульный не осмелился бы один, в темноте, путешествовать по чужой территории, но владелец летуна был непоколебим и требовал вести коротким путем. Лейтенант с гордостью поведал, что лично выкуривал повстанцев из Ивановского монастыря. Эти глупцы не соглашались продавать своих пацанов президенту по твердым ценам. Они утверждали, видите ли, что Ярославль и Питер платят больше за будущих бойцов. Пришлось их научить порядку. Теперь главари сидят в тюрьме, самых ярых повесили, остальные отрабатывают на полях.

— Их убивают за то, что они хотят торговать по свободным ценам? - мрачно уточнил волшебник.

— Они нарушили порядок, господин. Но "китайцев" мы подмяли быстро, вот с курскими пришлось повозиться. Сказать по правде, господин, большая ярмарка собиралась на земле курских много лет. Туда вся Россия съезжалась. Но получилось как? Папа Иван, наш президент, очень добр. Он предложил курским без драки перевести большую ярмарку за Малый Каменный мост. Потому что приходят тысячи со всей страны, и никто не платит Кремлю. Курские отказались, дураки! Теперь у них нет ни ярмарки, ни гарнизона. Теперь на Курском вокзале заправляет префект президента.

— У Кремля больше всего людей?

— М-м-м... Три тысячи стволов мы можем выставить в один день, господин. Да к нам всё время приходят новые люди, отовсюду...

— Значит, президент Иван заставляет другие гарнизоны продавать Кремлю товар по низким ценам?

— Почему по низким? По справедливым, господин. Вот, например, речники. Год назад они взбунтовались, потому что хотели на всех пристанях торговать рыбой по своей цене, а дальше их не касалось. Но папа Иван радеет за народ, он сказал речникам, что люди бедные и не станут больше платить за рыбку, как за свинину. Он честно предложил этим жадным гадам, что Кремль будет скупать у них всё на первой пристани по хорошей цене. Они уперлись. Конечно, сотню лет наживались на нас, а теперь им прижучили хвост!

— И чем кончилось?

— Сейчас полный порядок. Мы утопили четыре баржи вместе с их главарями. Теперь все общины речников продают рыбку только Кремлю.

— А в Москве после этого не стало меньше рыбы?

— Ты прав, господин, несколько месяцев рыбы вообще не было. Как и ковбои, речники перестали ездить на ярмарки. Но потом мы послали к предателям гарнизоны, и всё наладилось. Кое-кого пришлось повесить, конечно, не без этого... Мой взвод, господин, умирал шайку речников в Рублево. Четыре дня мы выкуривали этих демонов из их землянок, пока они не сдались. Полковник пожаловал мне перстень, и еще мне было позволено взять двух девок. Жаль, ни одна не оказалась мамашей...

— И что с ними? Ты живешь с ними?

— Зачем, господин?! Я отдал их в бордель. Одна, правда, померла во время черной язвы, но вторая до сих пор приносит мне доход. Она красивая и здоровая. Если господин

пожелает... - Постепенно заложник успокоился: чародей не проявлял явной враждебности. Возможно, мне еще удастся его задобрить, размышлял лейтенант, я отдам серебряные браслеты, я оплачу ему девок из "Балчуга"... А может, я ему понравлюсь, и чародей возьмет меня в обучение? Вдруг он сам предложит? Ведь отказываться нельзя, егомышь сожрет меня живо! Святой Василий, мир праху твоему, за что ты меня караешь?..

- Здесь! - сказал лейтенант, указывая на темную гранитную громаду, окруженную широкой полосой кустов. - Тот адрес, что ты искал, господин. Если позволишь зажечь фонарь, там на стене должны быть цифры, номер дома.

- Нет! - Колдун спешил. - Никакого огня. Теперь давай мешок и уходи.

- Как "уйди"? Ты меня отпускаешь? - Лейтенант двумя пальцами передал хозяину его мешок с мышкой, и только тут до него дошло, что придется возвращаться пешком через весь город. А после объяснять капитану, почему остался жив. И неожиданно для себя он проблеял:

- Позвольте мне остаться с вами, господин.

- Ты боишься темноты? - Бросив уздечку, колдун уверенным шагом продирался сквозь кусты к воротам здания. - Хотя, конечно... Как тебя зовут, лейтенант?

- Мое имя Андрей Порядок.

- Как?! - Босоногий демон расхохотался, настолько непринужденно хлопая себя руками по ляжкам, что Порядок невольно улыбнулся в ответ. - Это знаковый момент! - непонятно сказал демон.

- Я осмелюсь спросить: как твое имя?

Лейтенанту очень хотелось вытащить из голенища нож; он никогда не ходил в темноте без ножа, но при колдуне стеснялся. Тот тем временем толкнул дверь. Ласка сунула во мрак лохматую голову и коротко рывкнула.

- Зови меня Артур Клинок. Теперь запали фонарь.

- Что ты здесь ищешь, господин? Эти улицы проверены много раз, там ничего нет.

- Помолчи. Посвети здесь...

- Я боюсь спускаться, господин. Эта лестница такая старая. Видите, там над входом звезда, значит, внизу пусто! У меня всего одна бутылка масла, господин! Смотрите, великий, даже собака не хочет спускаться!

Овчарка кружилась вокруг лестничного пролета и ворчала, оскалив пасть. Что-то она унюхала там, внизу, куда не достигал ни единый луч света. В здании института пронзительно пахло мышами и гнилым деревом.

- Вот что! - Клинок нетерпеливо обернулся. - Ты служишь в безопасности и на голову выше меня, а ведешь себя не как Порядок, а наоборот. Или ты заткнешься, или подожди меня тут.

- Нет, только не тут. Я отсюда в жизни один не выберусь! Говорю тебе, господин Клинок, я знаю парней, что проверяли этот квартал. Мой бывший капитан...

Беспрерывно стелая, он ковылял вслед за колдуном. Один пролет, другой. Здесь ступени треснули и обвалились вниз, пришлось пробираться по опорному, звенящему под ногами швеллеру. Перила тоже оторвались и повисли над пропастью, словно воротничок из чугунного кружева. В неясном свете масляного фонаря по мокрым от протечек стенам ползали мокрицы и улитки. Лестница спускалась вокруг квадратной шахты. Ласка урчала, осторожно пробуя каждую ступеньку лапой. Порядок заглянул в проем шахты и на самом дне разглядел фрагменты человеческого скелета. Кого-то уже скинули вниз... Нельзя было идти ночью, в отчаянии сетовал лейтенант. Ласка никогда не боится просто так; если здесь окопались крысы с полигона, нам не жить...

- Это здесь, - сказал Коваль. Овчарка подпрыгивала, норовя лизнуть Артура в шею. Он провел ладонью по глухой бетонной стене. - Посвети мне!

Телешев не мог ошибаться, думал Артур, разглядывая вырванную из журнала страницу со схемой. Где-то здесь должен быть рубильник... И рубильник нашелся, но электроны в щитке замерли много десятилетий назад. Понадобятся гранаты, а скорее - направленный

взрыв.

– Хочешь послужить великому делу порядка? - Коваль придал голосу торжественность.
- И прекрати озиаться. Это всего лишь крысы.

– Я хочу послужить, господин, но это не крысы. То есть это могут быть не совсем крысы. Даже Ласка боится...

Огромная собака действительно терлась между людей, как беспомощный щенок. Коваль расслабился и перенес всю энергию восприятия на зрение. Метрах в двадцати за поворотом лестницы, по которой они спустились, копошились три живых существа. Явной угрозы они не излучали, но Коваль усилил напор. Два широких коридора крест-накрест, их пересекают два прохода поуже. Множество полузатопленных помещений, ни одного крупного животного. Дальняя часть подвала обвалилась, повсюду плескалась вода. Видимо, не так давно просело всё цементное основание здания и продолжало мягко уходить в грунт. Лишь за спиной Артур чувствовал мощный титановый каркас. Несомненно, сейсмотамбур. Но входа не было.

Из бокового прохода двигалось нечто живое и, судя по вздыбившейся шерсти собаки, крайне злобное. Всего лишь крысы, но крысы очень большие, размером с фокстерьера.

– Порядок, они агрессивны?

Лейтенанта в который раз затрясло. Он почти перестал бояться своего собеседника, но теперь оживали его худшие предчувствия. Он не видел соперника и заранее готовился к смерти.

Коваль следил, для верности закрыв глаза. Две хвостатые твари, пригнувшись, продвигались вдоль стенки. Еще две исчезли. Фонарик скорее коптил, чем светил. Артур стоял на ледяном цементном полу, но тут у него мелькнула замечательная идея. Он переместился на шаг в сторону, и правая нога провалилась в лужу. Какое счастье, земля! Кольцо восприятия немедленно замкнулось, разгоняя сердце, сжигая жиры, но он сразу услышал и собаку, и лошадей, и крыс. Секунду спустя он уже знал, что их окружают минимум восемь подвальных хищников. И никто из них не подчинится воле Артура. Как и пчелы, как и прочие представители коллективного разума. Подобные штуки городскому, пусть и демону, были не по плечу.

– Если это черные крысы, господин, то не страшно. Если рыжие - их завезли с южного полигона, - то нам конец... Я видел, как одна такая крыса ела человека, хотя у нее не было задней части...

– Встань мне за спину и помолчи.

Коваль зажал зубами четыре ножа, крайне осторожно откупорил плоский флакончик в поясной сумке. Затем по очереди макнул лезвия в яд.

У него имелось тридцать клинков, понадобилось тринадцать. Бердер бы сказал: "Плохо" - дважды кидал в одного зверя. Извиняло только то, что кидал в полной темноте.

– Всё, - сказал Артур, успокаивая сердце. Он срочно нуждался в глюкозе. - У тебя есть еще масло для фонаря?

– Немного, господин, и тряпка кончилась... Великий колдун, возьми меня к себе в ученики! Как ты это делаешь?! Я чуть не уделался со страху!

– Я не колдун. Возьми нож и обрежь шерсть собаке, сделай факел. Потом сходи и принеси мне тринадцать ножей. Надень перчатку и не прикасайся к лезвиям, пока не прокалишь их на огне. Для смерти достаточно малейшей капли. Я не слышу радости, Порядок? Неважный настрой для ученика.

Когда на перекошенных плитах, покрытых белесой грибницей, задымил вонючий костерок, Коваль увидел своих противников. Грызунам досталось от людских экспериментов еще больше, чем питерским булям. Темно-рыжая, в проплешинах, шерсть, голый хвост, щетинистый горб на затылке. Скакательный сустав на задних лапах развернут в обратную сторону, и вообще задняя конечность вдвое длиннее передней, как у кенгуру. Слепые бусинки глаз, точно у крота, и неправильный прикус. Нижняя челюсть выдавалась вперед, обнажая зубки, скорее подходящие доберману. Ласка тихо подвывала у Артура за спиной.

– Они не живут при свете, господин. Говорят, что их завезли случайно, с полигона, где добывают гранаты. Там бункеры и гнилая вода. От гнилой воды всё изменяется. Комары вырастают с воробья, а крысы их ловят. Мы выслеживаем их и сжигаем, но днем. А ночью они нападают на скот. Одна крыса может задрать целое стадо свиней, просто так, будто волк...

– Пошли! - скомандовал Коваль. У него в голове забрезжила новая мысль. Если повезет, можно будет обойтись без гранат. - Нам выше этажом, но надо найти эту же точку.

Точку они искали недолго. У патрульного заметно отлегло от сердца, потому что на первом этаже в окна проникал лунный свет, и, стало быть, крысы здесь не достанут. Коваль развязал мешок, вручил Порядку топор:

– Ломай пол, приятель. Вскрывай-вскрывай, пока не дойдем до перекрытия.

Лейтенант скинул куртку и взялся за дело. Вдвоем они часа за два содрали верхний слой досок, вычерпали труху и достигли кожуха вентиляционного колодца.

– Руби железо!

Затем лейтенант спустился в дыру и на ощупь прорубил еще две металлические преграды, а также несколько сетчатых фильтров. Когда отверстие стало достаточным, Коваль опустил в темноту веревку с горящим концом. И почти сразу увидел край анабиозной капсулы. Ласка сунула нос в дыру, но ничего подозрительного не унюхала. Лейтенант сидел на полу и дышал, как загнанная лошадь, разглядывая то, что осталось от топора. Хорошо, что я прихватил этого тяжеловеса, порадовался Коваль. Если придется вытаскивать людей через вентиляцию, один я не справлюсь...

Они сколотили из досок подобие лестницы. Высота потолка в камере превышала три с половиной метра. Затем накидали вниз топлива для костра и спустились. У Артура пересохло в горле, когда он с факелом в руках подошел к первой капсуле. Свершилось то, о чем он мечтал три года. Чудо уже то, что он сюда добрался, несмотря на препятствия. А вдвойне будет чудом, если из московской пятерки кто-то окажется живым...

Из окошка первой капсулы на Ковалю смотрела оскалившаяся мумия. Порядок охнул и забормотал молитвы. Вне сомнения, он считал, что присутствует на дьявольском обряде в заколдованном подземелье, откуда живым уже не выйдет.

– Это обычные люди! - как можно мягче сказал Артур. - Они уснули до Большой смерти, понимаешь?

Вторая и третья капсулы. То же самое. Даже не мумии, а сплошное месиво, видимо, температура реагента поднялась слишком быстро. Ковалю хотелось заорать от безысходности. Следующие два агрегата стояли пустые. Еще одна капсула, с мертвецом внутри. Порядок молился. Очевидно, он полагал, что колдун прямо сейчас оживит скелеты, и они полезут к нему обниматься.

И тут Коваль увидел слабый свет. Совсем крохотные голубые огоньки у изголовья двух последних лежанок. Та самая криобатарея, о которой писал Телешев, последняя разработка Толика Денисова. Замерев от вспыхнувшей надежды, Коваль протер иллюминаторы. Мужчина и женщина. Оба целы, хотя лиц практически не разглядеть. Маски на месте, а выше, словно застывшая слюда, сантиметровой слой реагента. Он нагнулся к пультам, но все приборы оказались мертвы. Единственным доказательством, что капсулы в режиме функционирования, оставалось бледное свечение индикатора.

Выбора нет, сказал себе Коваль, и повернул оба выключателя. Моментально пространство внутри капсул осветилось, и в окошках побежали перевернутые задом наперед зеленые цифры. Точно такие же, что встречали его три с лишним года назад. Программа реанимации запустила обратный отсчет.

– У нас три часа, лейтенант! Можешь поспать, - сказал Артур, поудобнее усаживаясь на мешке.

В дыру на потолке проникал неясный лунный свет. Овчарка время от времени поднимала мохнатую голову: Ласка терпеливо дожидалась нового хозяина, ушедшего под землю.

– Я не усну, господин, тут слишком холодно! - Порядок лязгал зубами. Периодически он разжигал костер, а затем задыхался от дыма. - Ты пришел в столицу, чтобы оживить этих могучих магов, господин?

Колдун долго не отвечал, и патрульный уже решил, что тот заснул.

– Не только за этим! - наконец отозвался голос из мрака. - Мои друзья, они живут далеко отсюда, просили меня узнать, как тут у вас дела... - Колдун вздохнул. - Они считают, что в Москве царит беззаконие и страдают много людей.

– Но это совсем не так! - горячо заступился за родимый край лейтенант. - Ты же заметил, господин, какой на улицах порядок. Если бы господину было угодно задержаться, я показал бы ему столицу днем. С моим жетоном безопасности, - он звякнул цепочкой, - мы пройдем везде...

– Я видел виселицы на мосту. Человек двадцать, не меньше.

– Ах эти! Это бунтовщики из Люберец, они посмели заявить, что будут сами торговать птицей с Ярославлем. Представь себе, они хотели оставить казну без оброка.

– А Ярославль? Их коммуны тоже подчиняются Кремлю?

– Пока нет, господин. Но это ненадолго! Ходят слухи, великий, - Порядок понизил голос, - что очень скоро мы выступим туда и поставим гарнизон. Они совсем обнаглели, ярославские!

– Я слышал, что у папы Ивана есть огненные грибы? - как бы невзначай осведомился Коваль.

– Мой господин, об этом нельзя говорить, но... - Патрульный подобрался поближе, словно его кто-то мог подслушать. - Наш мудрый президент, мир дням его, заключил союз с колдунами из полигона, что добывают порох и гранаты. Никто не знает где, но за городом есть большие подземелья. Там стоят моторы, которые можно разбудить. А на моторах лежат железные трубы. В трубах спят огненные грибы. Есть тайные заклинания, которые могут их разбудить...

У Ковалья внезапно заломило виски. Это круто, дальше некуда, рассуждал он. Видимо, оперативно-тактические ракеты малого радиуса. А почему бы и нет? Он представил себе армаду грузовиков на деревянных колодках, законсервированных в ангаре, щедро политых маслом, и зачехленные тупые рыла боеголовок. А тайные комнаты? Забытые командные пункты, где хранятся шифры на запуск, или как у них там это называется? Возможно, что для подобной техники не нужны никакие шифры...

– Знаешь, господин, я сначала испугался, что ты из Тех, кто раскачивает... Ведь известно, что они умеют подчинять себе зверей и убивают одним взглядом. Я так испугался, господин, но потом увидел, что ты сражаешься железом. Я уже решил, что сбывается легенда о Проснувшемся демоне...

– Как ты сказал?!

– Ну, это, конечно, сказки, но есть те, кто верит. Нам рассказывал на моление настоятель собора Святого Василия. Он хоть и колдун, но добрый человек, прямо как ты, господин. Он говорил про гадания на крови дикарей. Когда поймали и пытали мерзких колдунов с востока, что насылали язву на скот, они признались, что гадали на крови и видели, как придет в Москву Качальщик по имени Проснувшийся демон, и наступят от него великие беды и гибель... Это глупость, я понимаю, господин. Мерзкие колдуны всегда обещают погибель, когда их пытаются. Но они плохие, не такие, как ты, великий...

– Помолчи-ка! - Коваль снова почувствовал себя рыбой, поддетой на крючок. - Ты поведал мне много интересного. Раньше я склонялся к мысли, что в Москве мне делать нечего, но теперь я, пожалуй, задержусь.

– Я так счастлив, господин! - В мыслях патрульный уже представлял, как он приведет столь ценного человека к капитану. Или нет, лучше сразу к полковнику! - Ты даже можешь, господин, если захочешь, быть представленным самому президенту. И заслужишь великие богатства благодаря своим чудесным умениям. Ты увидишь, что твои друзья ошибались, и в столице полный порядок.

– Это меня больше всего и пугает! - чуть слышно отозвался колдун.

26. Хотеть в Париж не вредно!

Пробуждение прошло нормально. Последние минуты Артур провел, неотрывно наблюдая за процессами в капсулах. Едва загорелась надпись об успешном завершении процесса, он не стал ждать, пока человек внутри очнется, и принялся крутить подъемный винт вручную. В первой капсуле лежала женщина. Едва открыв глаза, она принялась орать, забилась в угол и глядела на Ковалья с выражением пещерного ужаса. Даже электроды с головы позабыла снять. Мужчина из второй капсулы вел себя приличнее, хотя тоже здорово перетрухнул. Артур уже решил, что оба повредились мозгами, и теперь у него на руках окажется вместо соратников парочка пускающих пузыри идиотов. Он открыл мешок и кинул им одежду. Женщина осознала свою наготу и тут же прикрылась. Коваль даже не успел заметить, красива ли она. Потом он поставил себя на место проснувшихся людей, отошел в тень и заговорил. Он употребил всё свое красноречие, чтобы успокоить их страхи.

Спустя какое-то время мужчина натянул штаны и подошел представиться:

– Сергей Дробиченко. А это моя жена Людмила.

Людмила стучала зубами. Для Ковалья, который давно не обращал внимания на такую ерунду, как холод, стало очевидным, что спасенные в самом скором времени попросту замерзнут. Он поднял за шкирку лежащего ничком на полу лейтенанта. Порядок тут же бухнулся на колени и принялся умолять великих колдунов сохранить ему жизнь. Как ни странно, поведение и одежда стражника подействовали на супругов Дробиченко отрезвляюще. Кое-как все четверо по самодельной лесенке выбрались наверх и, к радости Порядка, разожгли наконец нормальный костер.

При виде того, во что превратился институт, у полуголого инженера отвалилась челюсть. Коваль послал к Людмиле Ласку; женщина обхватила собаку и уставилась в огонь. Артуру очень не нравилось ее состояние, лучше бы она продолжала плакать. Искры взлетали к высокому потолку, выхватывая из темноты развороченные стеллажи и обломки оборудования. В разбитые окна стучали кусты, порывами налетал колючий ночной ветер.

– Господи! - сказал Дробиченко, вернувшись с короткой экскурсии по этажу. - Там за окошком стоит лошадь!

– Это моя! - кивнул Артур. - Не желаете подкрепиться?

Он вытащил из мешка свои запасы. Слишком хорошо Коваль помнил, как его сгибало в дугу первые часы. Убедившись, что Людмила способна самостоятельно питаться, он протянул супругам журнал Телешева. Закончив читать, Дробиченко некоторое время сидел неподвижно и шевелил губами, как двоечник, забывший у доски ответ. Он был очень смешной, лысый и тощий, с оттопыренными ушами. Людмила повязала на голове какую-то тряпку, чтобы скрыть бритую макушку. Коваль посчитал это добрым знаком: раз женщина вспомнила о мужском внимании, стало быть, оклемается...

– Выходит, Ракитский, не спросив нас, изменил режим? Но это произвол!

– Иначе вы были бы мертвы, - холодно ответил Артур.

– А остальные? Там сказано, что...

– Никто больше не выжил. Остальные капсулы повреждены. Теперь вы можете слушать? Люда, я к вам обращаюсь!

Женщина кивнула. Остановившись взгляд на костюме и черных пятках Ковалья, она и теперь слегка замирала, но самообладание уже возвращалось к ней. Артура вторично кольнуло нехорошее подозрение. Ему очень не нравилось, когда люди не смотрят в глаза.

Он снова заговорил. Ученые понимали по-английски, и Коваль, насколько позволила память, объяснил им, кто такой его спутник и почему не стоит быть особо доверчивыми в его присутствии. Затем отослал лейтенанта сторожить вход, хотя в этом не было никакой надобности. Он ни слова не сказал о Качальщиках, но попытался в общих чертах передать ситуацию в Москве и за ее пределами. Дробиченко долго молчали, переваривая

оглушительные новости. Только теперь до Артура дошло, что совсем не обязательно ученые его послушают и уедут в Питер. Для него раньше не возникало сомнений, что именно так следует поступить, но теперь он крепко задумался. Рядом сидели взрослые самостоятельные люди, которые, безусловно, требовали ухода и поддержки, но вполне могли отказаться от его услуг.

– Стало быть, работоторговля? - опустив голову, уточнил Сергей.

– Всё к тому идет.

– И фашистская клика во главе?

– Пока что скорее мафиозная структура. По крайней мере, кремлевцы строят жизнь "по понятиям". И контролируют они даже не всё Подмосковье. Но замахиваются на всю страну. Один мой местный знакомец назвал это возвратом к естественным общественным отношениям.

– Ну разумеется... - Дробиченко пожевал копченую цыплячью ножку. - А что за границей?

– Примерно то же самое. В смысле плотности населения. Последние лет двадцать наладилась торговля. Про Москву не знаю, но питерские ходят караванами в Финляндию, Польшу, Литву, Швецию... Впрочем, границы теперь весьма условны.

– И что вы предлагаете нам делать? Чем лучше ваш папа Рубенс, чем новый президент? Может, лучше махнуть в эмиграцию?

– Именно это я и намеревался вам предложить. Вместе отправиться в Берн или Париж. Возможно, нам удастся разбудить коллег...

– Вы только что сказали, что нет ни поездов, ни авиации! - гневно перебила Людмила. - Вы полагаете, что мы пойдем в Париж пешком?! Больше делать нечего!

– Ты же сама хотела! - заикнулся супруг, виновато поглядывая на Ковалю.

– Хотеть не вредно! - всхлипнула Людмила. - Ты как всегда, Серж. Сначала бросаешься, ни с кем не посоветовавшись...

– Да, знаете ли... - нерешительно добавил Сергей. - Мы вам, конечно, верим, но хотелось бы пообщаться с кем-то из руководства...

– Руководство?! - Артур сдержал ругательство. Черт подери, с этим инженером они говорили на разных языках! Или он за три года совсем одичал? - Вы можете присоединиться к любому из столичных гарнизонов, а их более двадцати, не считая пятидесяти мелких банд.

– Позвольте! Мы похожи на людей, способных вступить в банду?

– Вам так или иначе придется кому-то подчиняться, - развел руками Артур. - Но здесь я прогнозирую бесконечную войну за сферы влияния. Папу Ивана рано или поздно грохнут, как любого тирана, может даже начаться общее восстание.

– Он действительно Иван, или претендует на лавры Грозного?

Артур посмотрел в окно. Над столицей занимался рассвет. Радуюсь первому теплему утру, в палисаднике принялись куролесить сотни пернатых.

– Не он, так другой... Ребята, нас отшвырнуло назад на тысячу лет.

– Вы сами убивали людей?

Людмила не сводила с Ковалю колючего взгляда, но стоило ему повернуться, как она тут же прятала глаза. Коваль почувствовал, что начинает раздражаться, а это было совсем ни к чему.

– Иначе бы убили меня, сударыня. И вы бы навсегда остались в капсуле. Вас устраивает такой ответ?

– Секундочку! - забеспокоился Сергей. - Уж не намекаете ли вы, что и нам придется стрелять? Меня от этого увольте!

– Вы можете поехать со мной в деревню. Там вам не придется брать в руки оружия...

– В деревню?! - саркастически хмыкнула Людмила. - Для того я готовила докторскую, чтобы копаться в навозе?

Оба Дробиченко, насупившись, молчали. Артур решил смягчить разговор:

– Я предлагаю вам поехать со мной, и совсем не обязательно в Питер... Я так ждал

этого дня. Я ждал, когда смогу пообщаться не с дикарями, а с современниками. - Он не находил, что еще сказать. - Но сейчас вам лучше подождать меня здесь. Я добуду вам еду и лошадей. Ни в коем случае не выходите наружу. Ласка останется и будет вас защищать...

- Мне нужно принять душ! - перебила Людмила.

- Сожалею, но здесь нет воды.

- Нет воды?! Но я же не могу ходить как...как...

- Как я, вы хотите сказать? Я уверен, что найду вам воду.

- И это! Что это за дрань? - Людмила брезгливо рассматривала кожаные штаны. - От них воняет!

- Да, одежонка слегка подкачала! - неловко рассмеялся Сергей. - И правда, воняет. Видимо, мездоровали некачественно. Кроме того... Короче, я уже распорол ногу. Вы не могли бы найти нам обувь? У меня сорок второй, а у Люды тридцать седьмой размер...

- Тут же была раздевалка! - вспомнила Люда. - Там все мои вещи и косметика. Серж, сходи посмотри!..

- В раздевалку вы не попадете! - урезонил женщину Артур. - Все подвальные помещения затоплены.

- Бред какой-то! Но магазины-то работают? - Ковалю показалось, что он сходит с ума. Чтобы не нагрубить, он быстро пробормотал слова извинения и покинул комнату.

Лейтенант исчез. Сбежал, собака, подумал Артур, полной грудью вдыхая талую апрельскую свежесть. Конь обрадовался, увидев хозяина, подошел и ткнулся в ухо слюнявыми губами. Некоторое время Артур прикидывал, как лучше поступить. Вряд ли Порядок приведет подмогу, он же понимает, что его не будут здесь ждать. Да, не вышло из парня ученика чародея, ну и бог с ним. Такого всё равно не перевоспитаешь. А вот с Дробиченками гораздо хуже, пройдет время, прежде чем они адаптируются. Нет, не то чтобы он разочарован, но неужели у академика Ракитского не нашлось в штате никого поумнее?..

Коваль покормил дракона и поднялся в седло. Затем долго свистел в бесшумный свисток, подзывая летуна. Наконец, сытый до неприличия вампир появился, плюхнулся в мешок и уснул, выставив раздутое пузо.

- Хорошо тебе! - сказал летуну Артур. - Ты при любой власти пожрать найдешь!

Летун открыл один глаз и сказал "Кха!" С его морды свисал пучок вороньих перьев. Коваль сверился по карте и отправился в сторону ярмарки. Если где-то и продают лошадей, то именно там. Потом он представил себе, как долго придется уговаривать Людмилу Дробиченко сесть на лошадь, и поежился.

Москва была огромна, она разрослась еще больше. Много Артур узнавал, но за двадцать лет до катастрофы построили и кое-что новенькое. Москворецкая набережная стала двухъярусной, за Устьинским мостом появился еще один, высокий, однопролетный. У Москворецкого моста он издали заметил трехуровневую развязку, а под ней баррикаду, прогуливающих часовых и посчитал за лучшее объехать по другой стороне реки. Прямо под опорами моста стояли на якоре четыре сцепленных между собой рыбацких баркаса. На одном из них дымилась печурка, а дядьки в ватниках готовились выбрать сети.

Не встретив больше ни одной живой души, Коваль огородами выехал к храму Георгия Победоносца, оценил размеры разрушений и свернул к Болотной набережной. Он вынужден был согласиться, что столичные улицы смотрелись лучше. Скорее всего, судя по отсутствующим перилам набережных, армейские бульдозеры в дни кризиса просто сметали в реку брошенный транспорт. Несколько таких заросших лопухами машин, точно стадо слонов, пришедших на водопой, Артур заметил у самой воды. Потом ему встретился подбитый танк. Следов тяжелой артиллерии пока не наблюдалось, но стены всех нижних этажей зданий были густо наштапованы пулями.

Навстречу проехал почти целый джип, только вместо резины на скатах крутились какие-то тряпки. Трое небритых парней, сидевших в машине, проводили всадника хмурыми взглядами. На борту джипа красовался аляповатый трехцветный символ. Коваль вспомнил, что уже встречал такие же на стенах домов. Принадлежность одного из гарнизонов. Они уже

поделили весь город, мрачно размышлял он, везде метят территорию. Наверное, тут нигде нельзя просто так взять и вселиться в полюбившийся дом. Вот я, например, с детства мечтал пожить в исторической сталинской высотке... Высотки, кстати, остались на местах, ни одна пока не рухнула. Но помимо них, всматриваясь в рассветное марево, Коваль заметил еще целый ряд циклопических сооружений, скорее всего, на самых окраинах города. Часть из них почернела от бушевавших некогда пожаров, но кое-где на большой высоте светились огоньки.

Ярмарку он сначала унюхал, а уже потом увидел. Несмотря на ранний час, остров кишел народом. Здесь раскинулись сотни, а может, и тысячи палаток. Торговали с телег и высоких фур, запряженных быками, из сбитых на скорую руку контейнеров и прямо на земле. Всю Берсеневскую набережную занимал бесконечный ряд дощатых сходней, к которым в очередь швартовались целые флотилии рыбацких судов. С грохотом и песнями грузчики катили бочки и кидали из рук в руки товар помельче. У дальнего причала стояла длинная баржа-лесовоз; такелажники вручную разворачивали стрелу с подвешенной сетью, заполненной дровами. Со стороны Большой Полянки ржала и мычала сухопутная колонна. Стражники с жетонами Кремля на груди поднимали бревно, пропускали телеги по одной. На облучок взбирался мальчишка и, как заправский лоцман, сопровождал очередного негодянта в отведенный ряд. Везли всё подряд. В конце апреля Артур никак не ожидал встретить фрукты, но мимо прокатились три телеги, забитые ящиками с яблоками.

Свиные полутуши в мешковине, засыпанные колотым льдом, привязанные за ноги вопящие индюшки, откормленные на печень неповоротливые гусаки. Следом за гусями прошла повозка, заполненная валенками, и закрытый железный фургон с оружием. На крыше передвижного арсенала восседали четверо молодцев самого свирепого вида. Коваль отыскал коновязь, где за мелкую монету можно было оставить лошадь. В который раз он убедился, что отстал от жизни. Служитель "паркинга", вороватого вида малый в кроличьей безрукавке на голое тело, наотрез отказался принимать золотой лом. Только президентские монеты, настаивал он, стреляя глазами, но в конце концов жадность взяла верх. Артур получил медный номерок, не догадываясь еще, что совершает глупейшую ошибку. Он оставил притороченными к седлу оба тюка и подсумок. И он оставил в подсумке дракона.

27. Знакомство с инквизицией

Ярмарка производила грандиозное впечатление. Несмотря на гвалт и суету, в оптовых секторах царил полный порядок. Коваль уже понял, что все товары сначала выставлялись здесь, проходили через посредников Кремля и лишь потом разбирались мелкими торговцами. На его глазах в считанные минуты купили целый караван с медом. Главная контора, где проходили крупные сделки, находилась, очевидно, в бывшем Театре эстрады, но среди рядов тоже бродили оптовики в окружении четверых дюжих офицеров безопасности. Деньги носили в кованых неподъемных сундуках. К "обменнику" тянулась длинная очередь, начальство ярмарки разрешало к свободному хождению только местное золото и серебро. Медь принималась и посторонней чеканки, но шла по абсурдно низкому курсу, практически на вес.

Артур постоял минутку, пытаясь разобраться в хитросплетениях цифр на огромной грифельной доске. Рубли ярославские, казанские, рязанские, тамбовские... Чем дальше шли торги, тем быстрее курс менялся не в пользу провинции. При равном весе и содержании золота в монетах ни один российский рубль не достигал в цене и восьмидесяти процентов от столичного. Но самое интересное ждало Коваль на другой доске. Марка, крона, фунт... Черт подери, выходит, от евро ничего не осталось и старушка Европа возвращается к удельным княжествам?

Он заставил себя оторваться от расчетов и уже направился в сторону усыпанной песком арены, где по кругу галопировали лошади, когда все и произошло.

– Вот он! Это он! - Истощенный крик перекрыл остальные звуки.

Все головы повернулись в одну сторону. Разрезая толпу, как нож режет масло, к Артуру неслась шестерка вооруженных солдат. За их спинами, прижимая к груди обмотанную окровавленным тряпьем руку, бесновался тот самый придурок, которому Артур доверил коня.

— Это он, мерзкий колдун! Это Качальщик, убейте его!!

Всё стало ясно. Воришка, вместо того чтобы защищать доверенное имущество, полез в сумку с камнями и напоролся на вечно голодного Мига. Если дракончика не кормить, он бы еще долго оставался маленьким и надежным стражем карманов; последняя модификация, выведенная Прохором Вторым, позволяла замедлять рост на несколько месяцев.

— Убейте его!

В Артура, почти в упор, целились из шести ружей. То, что осталось от несчастного Мига, один из патрульных держал на острие казачьей сабли. Толпа мигом отхлынула в стороны, освобождая круг. Коваль проклинал себя за глупость. Проехать полстраны, миновать два пожарища, дважды драться с дикарями, чтобы попасться таким нелепым образом! От пули не уйти... Он расслабил дыхание, концентрируясь на обступивших его солдатах. Нет, бесполезно. Коваль мог бы их обмануть, всех шестерых, но с рынка его не выпустит толпа. Он видел, как женщины показывали пальцами на мертвого змея, как крестились старики и сжимали кулаки мужчины. Неужели они убили и коня? В крайнем случае, он мог подозвать жеребца свистом...

— Я умираю! Лекаря! Позовите лекаря! - "Парковщик" катался в пыли, безуспешно пытаясь остановить кровь.

— Ты можешь спасти его, мужчина?

Артур обернулся. На площадке перед обменным пунктом почти не осталось людей. Толпа отступала, растворяясь в щелях между повозками. Перед Ковалем стояли трое. Один - высокий, очень худой человек с желтым лицом и набрякшими мешками под глазами. В руках человек держал очки с сильными стеклами и неторопливо протирал их замшевой тряпочкой. Высокие залысины, парадная офицерская шинель без знаков различия и блестящие, как зеркало, хромовые сапожки. На шаг позади говорившего насупились двое амбалов, по виду обычные телохранители. Оба также целились в Ковалю из револьверов. Единственным острым воспоминанием, посетившим Артура в тот критический момент, была отчетливая картинка: Надя Ван Гог стоит на пороге дома, держа за руку старшего сына. Маленькая Белочка лежит, спеленутая овечьим одеяльцем, у отца на руках. Повитуха ошиблась, вторым родился не мальчик... Он целует дочь в розовую пуговку носика и передает теплый сверток матери. Потом поворачивается и уходит не оглядываясь. Он так и не успел понять в безумном ритме лесной учебы, любит ее или нет...

— Могу... - осторожно ответил Коваль. - Могу вылечить и его, и тебя.

— Спаси его! - Человек надел очки. Он прекрасно собой владел, но от Ковалю не укрылось, что вторая часть фразы была услышана. - Возможно, я сохраню твою жизнь.

Отступать было некуда. Коваль достал из поясной сумки нужный флакончик. Бедолаге развязали руку; из обрубков пальцев хлестала кровь.

— Это всё? - Очкарик оставался недвижим.

— Всё! - сказал Коваль. - Рана затянется. Этот человек - вор, он пытался...

— Мне это известно. Он будет казнен, - холодно отрубил собеседник. - Ты Качальщик?

— Нет! - Артур лихорадочно продумывал линию поведения. Какое счастье, что он оставил летуна возле института, охранять кобылу! - Я просто странник из Питера и подобрал этого зверька на пожарище...

— Ты не Качальщик. - Голос очкарика звучал, как скрип несмазанного колеса. - Те не заходят в города. Ты колдун, раз сумел приручить дьявольское отродье...

— Умоляю! Пощадите, ваша святость! Пощадите, это всё он, колдун! - "Парковщик" уже оправился от своей раны и теперь бился в руках двоих сержантов безопасности.

Очкарик на раненого даже не взглянул, он продолжал изучающе рассматривать Ковалю.

— Ваша святость? Ты соборник... господин? - вовремя поправился Артур.

– Я настоятель собора Святого Василия Блаженного, отец Карин. - Было видно, что Карин ожидал от Артура какой-то реакции и не смог сдержать удивления, когда реакции не последовало. - Взять его. Если у тебя есть оружие, лучше отдай сам.

В затылок Ковалю уперлись два ствола. Мгновением позже он был обыскан; отняли все ножи, отняли пращу, золото и наборы химикатов. Кое-что, впрочем, не нашли. Карин пошевелил носком сапога горку "вещественных доказательств":

– В каземат его.

– За что? - осмелился Артур. Раз на месте не расстреляли, следовало попробовать на зуб местное законодательство. - Я не сделал ничего дурного, пришел купить лошадь.

– За что? Ты убил двух патрульных в Королеве. Ты провез в город крылатую змею. Ты похитил офицера безопасности и пытался обратить его в колдуна. Ты расплачивался кусковым золотом. За каждое из этих преступлений ты заслуживаешь казни.

У Артура всё внутри опустилось. Не стоило недооценивать ищек Кремля. Видимо, служба оповещения была поставлена здесь гораздо лучше, чем он мог предполагать. Ему заломили руки и бегом пронесли через опустевшие ряды. За пределами рынка Карина ждал обитый жестью автобус "мерседес". Ковалю втолкнули в заднюю дверь и повалили на пол железной клетки, приковав наручниками к прутьям. Он даже не мог приподняться и сесть, так и лежал всю дорогу, набивая шишки. В салоне витала чудовищная смесь запахов из отрывки, немытых тел, горелого можжевельника и жженого сахара. С поправкой на повсеместное отсутствие асфальта, автобус мчал на бешеной скорости.

Когда Артура вытащили наружу, левый бок болел так, словно его час топтали ногами. Но ногами арестованного не били, только сунули пару раз в ребра для придания верного направления. На шею накинута затяжную петлю и поволокли по низким сводчатым коридорам. Это были старые, очень старые казематы; возможно, они помнили еще крики поднятых на дыбе стрельцов. Возможно, в этих сумрачных застенках раскаленными щипцами пытали зачинщиков многочисленных русских смут...

Он видел в темноте, но смотреть было не на что. Камера едва превышала четыре квадратных метра, а разогнуться мешал мокрый кирпичный потолок. Коваль ощупал стены. Толщина их составляла не меньше метра, кроме того, застенок явно находился ниже земной поверхности. Тяжелая дверь, запертая двумя щеколдами и крюком. И, что хуже всего, слой безжалостного камня под ногами, ни клочка земли, где можно было бы почерпнуть силу. Холод его не беспокоил, а без еды Артур мог обходиться много дней. Больше, чем за себя, он волновался за супругов Дробиченко. Что с ними будет, даже если лейтенант Порядок не привел в институт солдат? Они остались без еды и пищи в промерзшем здании, где подвалы кишат крысами-людоедами...

Артур расслабился и постарался разглядеть внешние границы своей темницы. На этаже размещались еще четыре каморки и запертая снаружи дверь на лестницу. За ней человек, охранник. Как минимум еще одна железная дверь, выше этажом, за ней Коваль тоже чувствовал людей. Он так и не придумал, как себя вести. Допустим, положить тюремщика, когда тот принесет воды, не составит труда, но дальше ему не прорваться. Это только в кино злодеи покидают тюрьму, прихватив заложника. Коваль почему-то не сомневался, что Карин, не сморгнув глазом, пожертвует десятком подручных.

Он заставил себя плюнуть на проснувшихся ученых, но мысли о семье отогнать не мог. Возможно, подобные чувства начинает испытывать каждый заключенный, раздувая в себе память об оставленных на воле близких. А у кого нет близких, начинают их придумывать, чтобы хоть как-то убаюкать себя, будто их кто-то ждет и помнит за пределами темницы... Он не мог с уверенностью ответить даже себе, какие чувства испытывает к матери своих детей. Привязанность? Симпатия? Уважение? Нелепые, поблекшие слова из стигнувшей эпохи, давно растерявшие смысл. Здесь понимали глагол "любить", очевидно, этот символ пребудет вечно, даже если выжившие после катастрофы перебьют друг друга и на планете останутся два последних человека...

Он так мало времени проводил с женой наедине. Двадцать дней в месяц он гонял с

Бердером и другими наставниками по лесам и болотам наравне с мальчишками и девочками, как переросток Ломоносов, осваивал науку выживания и науку подчинения земли. Его прежние знания оказались невостребованными; в отличие от городских жителей Качальщики почти не интересовались техникой прошлого. И проникаясь собственной обидной никчемностью, бывший отличник и стипендиат сильнее других вгрызался в неразрешимые, казалось, тайны. А когда пролетели три года, случилось, похоже, как в известной сказке Пушкина. Он понял, что никаких тайн не существует, но есть люди, принявшие дар общения с живым миром Земли... Он глазом не успел моргнуть, как сделал первые шаги сын и произнесла первое слово дочка.

Они так и не поженились официально и не справляли никаких обрядов. Теперь он вспоминал Надины глаза перед расставанием и корил себя, что так и не сказал ей нечто важное. Редкими ночами, когда Артур оставался дома, они неистово занимались сексом, а после он спал как убитый, чтобы вскочить в полпятого, окатиться ледяной водой и снова нестись... Но всегда под рукой оказывался узелок с едой и чистая одежда. А потом он возвращался и колол дрова, и резал вместе с мужиками скотину, и возил картошку с полей, и давил масло, и стриг овец, и опять валился замертво. Даже уходя, он не был с ней ласков...

Двадцать семь часов девятнадцать минут. Чувству времени его научил Исмаил. Спустя двадцать семь часов и девятнадцать минут за Ковалем пришли. Когда с головы сняли мешок, Артур не смог удержаться от улыбки.

— Чему ты смеешься, колдун? - Карин стоял в глубокой дверной нише, заложив руки за спину. Несмотря на жар, идущий от огромного очага, шинель он даже не расстегнул.

— Я не смеюсь, я улыбаюсь. Ты, должно быть, умный человек, раз достиг высокого положения, а пользуешься дешевыми эффектами.

— Ты говоришь непонятные слова. Откуда ты родом, колдун? - Карин стянул с рук перчатки и бросил их на низкий дубовый стол. По соседству с перчатками лежал полный набор "запленного" инструмента: щипцы, клещи, гвозди и прочие малоприятные штуковины.

— Я родился в Петербурге.

— В какой коммуне?

Карин махнул солдатам. Артура прислонили спиной к металлической решетке, кисти рук замкнули в широкие стальные браслеты.

— Это была маленькая банда. Литейщики, - соврал Артур. - На Выборгской стороне. Теперь ее нет.

— Я выясню. Как твое имя?

— Меня зовут Клинок. - Артур подумал, что стоит назваться последним, сельским, именем. Если у соборника есть глаза и уши в Питере, его легко рассекретят. Люди Рубенса вряд ли позабыли своего "зенитчика". Что касается банды Литейщиков, то команда с таким именем действительно существовала и рассыпалась, по словам книжника Левы, лет двадцать назад. Пусть копают...

— У кого ты учился магии? - Карин жестом отослал подчиненных.

— Моя мать разбиралась в травах. Это всё, что я умею, святой отец. - "Прости меня, мама", - подумал Коваль. Он ведь почти и не соврал, мама работала в аптеке. - На самом деле я инженер.

— Вот как? - Карин прошелся по залу. Подкованные сапоги звякали о каменные плиты. - От чего ты хотел меня вылечить, инженер?

— От хронического гепатита, святой отец. Твоя печень серьезно больна. Кроме того, у тебя почечная недостаточность и артроз.

— Не понимаю, говори проще!

— У тебя желтуха, и болят суставы, святой отец.

— В Кремле лучшие лекари не могут вылечить мою желтуху.

— Они лечат правильно, настоятель. Но ты усугубляешь болезнь. Ты пьешь нечистую воду и слишком много самогона.

— Ты мечтаешь купить свою жизнь, Клинок?

– А ты пытаешься угрожать мне смертью, настоятель?
– Только безумцы не боятся смерти.
– Тебе ли не знать, святой отец, что смерть может оказаться благом?
– Клянусь святым Василием, это великолепно! - Карин захлопал в ладоши. Четыре его тени от укрепленных в стенах нефтяных факелов заматались, как попавшие в силос птицы. - Инженер, который возит полную сумку алмазов, ручного змея, лечит желтуху и рассуждает, как монастырский монах! Я скоро начну гордиться знакомством с тобой! - Настоятель, кусая губы, прошелся между пыточных орудий. - Если ты такой умный, почему не работаешь на богатого папу? Что ты искал в Москве?

– Я уже говорил. Всего лишь хотел купить запасную лошадь.
– Вот как? А я почти поверил, что ты умный. - Настоятель дернул за свисающую вдоль косяка веревку.

Узкая стрельчатая дверь отворилась, и в помещение ввели... Сергея и Людмилу Дробиченко. Оба щурились, приноравливаясь к темноте, но выглядели совсем неплохо. Руки не связаны, ни следа побоев. На груди Сергея красовалась треугольная бляха со сложной гравировкой; из своего угла Артур не мог в деталях ее рассмотреть.

– Ты для них хотел купить лошадей? Думаю, ты опоздал, колдун. Эти люди уже приняли присягу президенту, мир дням его, целовали крест в соборе и получили рабочие места. Мужчина показал свои знания и удостоился звания подмастерья. Возможно, он станет мастером или даже инженером. Мы ценим умных людей, преданных великому делу объединения России. Очень скоро мастер Сергей, если будет хорошо работать, сможет сам купить табун коней... Это он поднял вас из волшебного сна? - Карин указал на распятого Артура.

– Да, ваша святость. - Сергей прятал глаза, Людмила с ужасом оглядывала зал. - Это он разбудил нас.

– Он призывал вас бежать из Москвы?

– Да, ваша святость...

– Почему? - Дробиченко затих. Настоятель прошелся из угла в угол. - Если вы будете молчать, я могу подумать, что лейтенант безопасности Порядок солгал перед военным судом.

– Он не солгал! - Коваль услышал срывающийся голос Людмилы. - Лейтенант сказал правду... ваша святость. Этот человек утверждал, что в Москве у власти находятся злые люди...

За бывшими научными сотрудниками захлопнулись двери. Карин грел ладони над огнем. Сполохи пламени дрожали в его измученных бессонницей глазах.

– Мне жаль тебя, настоятель...

– Вот как? - Карин продолжал думать о чем-то своем.

– Да, мне жаль тебя. Ты поднял тяжелую ношу, и она не дает тебе спать ночами.

– Кто ты на самом деле, Артур Коваль?

– Подойди поближе, я тебе скажу.

Карин остановился напротив. Его дыхание отдавало гнилью, морщинистая щека подергивалась.

– Раз ты не хочешь вымолить для себя жизнь, как насчет свободы? Ты останешься жив, но пожалеешь об этом. Я даю тебе последнюю возможность задержать меня здесь. После этого тобой займются мои люди, а мы не увидимся очень долго. Возможно, несколько лет.

– Я воспользуюсь твоей любезностью, святой отец. Когда-то меня звали Артур Коваль, но это в прошлом. - Артур смотрел соборнику в зрачки. Настоятеля качнуло, точно под воздействием невидимого магнита он сделал неловкий шаг вперед, затем еще один. Теперь пленник и инквизитор стояли лицом к лицу. - Меня зовут Проснувшийся демон.

28. Новые опричники

Карин с коротким воплем отшатнулся, но было уже поздно. Шип воткнулся ему в нижнюю губу. Артур выплюнул тонкую трубочку и аккуратно выкатил из-под языка следующую. Настоятель, дрожа всем своим длинным телом, валялся на полу. Остановившиеся глаза уставились в закопченный потолок.

– Слушай меня, Карин! Ты слышишь только меня, других звуков для тебя нет. Только мой голос, Карин, голос твоего господина. У тебя жутко болит голова, у тебя раскалывается голова. Ты не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой. Тело не подчиняется тебе...

Ты слышишь только меня. Твои уши готовы взорваться изнутри. Ты чувствуешь, что они вот-вот лопнут. Только я могу тебя спасти. Только я могу помочь тебе и убрать страшную боль. Только я могу помочь тебе встать. Без моей команды ты обречен на неподвижность...

Ты слышишь только меня. У тебя так шумит в ушах, ты почти оглох от боли и слышишь только мой голос. Я - твоя последняя надежда на спасение, Карин. Сейчас ты встанешь и поможешь мне освободить руки. Я случайно зацепился. Если ты не поможешь мне, головная боль убьет тебя... - Настоятель катался по полу, сжимая виски ладонями. - Только я спасу твои глаза. Если я не помогу, твои глаза зальет кровь. Ты уже чувствуешь, как кипит твой мозг. Встать!!

Со второй попытки настоятель поднялся на ноги. Артур походил по пыточной камере, разминая затекшие руки, осторожно подергал дверь. В отличие от соборника он уже никуда не торопился. Напротив, теперь следовало поступать крайне взвешенно. Он уже поспешил вчера, слишком поспешил, и проклинать несостоявшихся докторов наук нет никакого смысла. Кафедральные ученые; он и сам был таким же когда-то. Нет, пожалуй, в чем-то он от них отличался...

Еще несколько минут, пока наркотик будет действовать, инквизитор мог сообщить немало ценного.

– Отвечай мне. Сколько человек входит в Совет президента?
– В Большом круге - шестнадцать...
– Есть еще и Малый круг? Отвечай! Иначе я верну боль в твою голову!
– В Малом круге четверо...
– Ты состоишь в Малом круге?
– Да... Я главный духовник святого войска...
– Экая каша у вас в башке, святой отец... Замполит, стало быть. Это правда, что ваши люди через отравленные перчатки убили двоих кандидатов в президенты?
– Не так... Семена Задиру отравили грибами.
– Тоже неплохо!

Коваль прислушался. Из дымохода донесся далекий низкий звук. Потом еще, снова и снова. Он насчитал одиннадцать раз. Колокола собора опережали его "внутренние" часы на две минуты.

– Сколько гарнизонов Москвы не подчиняются вам?
– Три...
– Когда вы намерены их уничтожить? Говори! Говори, иначе я запущу тебе в рот зубастого червя, и он выгрызет изнутри твои глаза. Смотри! - Коваль поднес к желтому лицу настоятеля пустую ладонь. - Видишь, какие зубы? Он очень голоден и с удовольствием полакомится тобой...

– Нет, прошу тебя, не надо!! - Карин бессильно задергался в стальных браслетах.
– Тогда отвечай! Кто еще бунтует против отца Ивана?
– Чертановские ковбои... Они не платят десятину. Выгнали кремлевский гарнизон... Туда пойдет моторный батальон с минометами...

– Что их ждет?
– Малый круг постановил забрать в Кремль только мам. Остальных молодых - в бордели...
– Можешь не продолжать. Сколько солдат у Кремля здесь и сколько в удаленных

гарнизонах?

– Сорок сотен в столице и шестнадцать за Кольцевой дорогой...

– Солдаты и офицеры получают что-то еще, кроме еды и монет?

– Всем... Всем, кто честно служит, Большой круг нарежет землю.

– Ага! Земли тех гарнизонов, что вы подчинили?

– Да...

– Стало быть, вся Москва уже поделена! С ума можно сойти... Что принадлежит тебе лично, какие здания? Отвечай, или я выпущу червя!

– Мне пожалована земля между Москвой-рекой и каналом и право на сбор налогов с ярмарки и пристаней...

– А что папа Иван будет делать дальше? Когда вы подчините все малые города за Кольцевой? - Артур затаил дыхание. От ответа Карина зависело очень многое, хотя в главном сомнения уже отпали. Единожды начавшись, экспансия не закончится. Новоявленные опричники постепенно втянут всю страну в гражданскую войну.

– Малый круг будет думать, а не Иван...

– Как так? - Этого Артур не ожидал. - Разве не президент у вас главный?

– До власти все охочи, Клинок... - Похоже, Карин начал трезветь. - Сегодня один папа, завтра другой, а России крепкий кнут всегда нужен. Иван трусоват... Третий год уж говорим, что пора ярославцев в реке топить. На Рязани-то обжегся, у них много пушек на моторах сохранилось...

– Мне говорили, вас все боятся, потому что у Ивана есть ключ от огненных грибов?

– Ключ! - Карин сдавленно хихикнул. - Вот что тебе нужно в столице... Ты никакой не демон! Не по росту шапку выбирать вздумал, колдун! Ты, дурак босоногий, хоть слышал, что такое электричество? По ночам стража зажигает сотню ламп над Кремлем, но надо в сто раз больше, чтобы справиться с ядерным оружием...

– Я не ослышался? Ты сказал "ядерное оружие"? Откуда ты знаешь это слово, настоящий?

– Я умею читать... Теперь я понял, кто ты. - Каин окончательно пришел в себя и, даже будучи вязанным, попытался принять величавый вид. - Мы думали, это байки пьяных стариков. Люди болтали, что в Питере объявлялся человек, проспавший много лет в стеклянной кровати, так же как эти... Как я сразу не понял? Так ты инженер?.. Послушай! - Настоятель перешел в наступление. - Если бы ты признался сразу, не сидел бы в каземате. Развяжи меня, я приглашаю тебя пообедать со мной! Ты получишь дом, слуг и щедрое жалование. А главное, звание инженера! Нигде тебя не будут ценить так, как в Москве!

– Заткнись.

– Что?! - Желтое лицо настоятеля пошло пятнами.

– Ты слышал. Дай мне подумать. - На верстаке, предназначенном для выламывания суставов, Коваль нашел узелок со своими пожитками, отобранными на рынке, и очень обрадовался. Он закатал штанину и вернул в потайной карман два неиспользованных дурманящих шипа.

– Забудем то, что было! - Карин взял себя в руки. - Ты нарушил закон, но тебе очень повезло, что я оказался на ярмарке. Стражники могли пристрелить тебя...

– Я ценю твою доброту, святой отец! - Коваль отцепил один из наручников, пропустил цепь через прутья решетки и опять защелкнул его на руке настоятеля. - Теперь пошли!

Коваль дернул шнурок. Снаружи раздался топот кованых сапог и лязганье засова. Еще до того как дверь отворилась, Артур учуял запах перегара. Два крижистых опричника в форме речного флота и летных погонах, толкая друг друга, скатились по ступенькам и замерли, не успев достать оружие. Коваль держал лезвие у горла настоятеля. Минуту спустя он тщательно запер раздетых и связанных лейтенантов и продолжил путь к солнцу. Выше этажом Коваль наткнулся на некое подобие проходной. Карин плелся впереди, подбадриваемый уколами в шею, и засевший в будочке служивый вытянулся во фронт.

Впрочем, в отличие от предыдущих алкашей этот среагировал необычайно быстро. Он

попытался зарубить Артура палашом. Настоятель немедленно воспользовался моментом, свалился на пол и шустро пополз через порожек в открытую дверь. Стражник ударил трижды, два раза попал в стену, третий раз угодил в торчащий из кладки крюк и сломал клинок у самой гарды. Артур уже повернулся, намереваясь распрощаться, но услышал за спиной шелканье затвора. Неудачливый фехтовальщик поднимал карабин. Ковалю жутко не хотелось никого убивать; до сих пор, стоило закрыть глаза, он видел лицо мертвого мотоциклиста на заставе, но времени на уговоры не оставалось. Он нырнул под ствол, отводя взгляд противника левой вскинутой рукой, и коротко кольнул его в солнечное сплетение.

Настоятель за это время чуть не успел удрать, возвращать его вниз по ступенькам пришлось волоком. У Артура возникла идея навестить остальных заключенных. В первой камере парились сразу трое. Увидев соборника, дружно повалились в ноги. Судя по офицерским регалиям, все обитатели застенка принадлежали к кремлевской армии.

– Недоимщики! - брезгливо процедил Карин. - Собирали дорожный налог в своих областях, да много от казны утаили...

– Дорожный налог - это хорошо! - согласился Артур, запирая камеру. - С ними сами разбирайтесь. А кстати! Раз дорожный налог в области берете, стало быть, новые дороги там строите?

– У себя в областях пусть сами общины и строят! - брезгливо скривил рот святой отец. - Нам своих почти пять сотен азиатов прокормить надо, что Тверскую мостят. Москва - в первую голову!

– Это всегда! - охотно поддакнул собеседник, поднимая очередной крюк. - Москва в первую голову, а дальше пусть всё дерьмом зарастет...

В трех следующих камерах сидели:

1. Майор, незаконно оттяпавший себе кусок площади со всеми строениями в районе метро "Таганская". Причем судить его собирались не за то, что он выгнал на улицу несколько десятков человек из разоренного чужого гарнизона (за это его, наоборот, наградили), а за то, что в свою пользу трактовал земельный кадастр.

2. Пожилая, добродушная на вид мама, бывшая глава одной из бывших Люберецких шаек. Спротивляясь притязаниям законной власти, она собственноручно отравила большую часть своих родственников. Ей вменялся саботаж. Артур подумал и решил, что не хочет освобождать старушку.

3. Группа юных грабителей. Работали в столице по найму, но вкалывать оказалось тяжело и скучно. Гораздо проще оказалось нападать по ночам на загулявших торгашей. Всей четверке был прямой путь в суд большого круга, а оттуда на виселицу, не начни они при аресте выкрикивать антипрезидентские лозунги. Уголовниками радостно занялся политический сыск. Коваль поглядел на избитые таджикские хари и грустно притворил дверь.

– Негусто, - сообщил он настоятелю. - Не получилось из меня Зорро... Кстати, где мой конь?

– Я достану тебе любого коня или мотор...

Карин еле стоял на ногах; до Артура запоздало дошло, что настоятель был далеко не молод и в любой момент мог из заложника превратиться в беспомощного пациента. Вот только "скорой помощи" здесь взяться неоткуда...

– Ты хочешь мотор? - прохрипел Карин, опираясь на стенку. - Я никогда не вру и не предлагаю дважды. Я дам тебе лучший мотор и жетон безопасности. Отпусти меня, мне плохо...

– Нет, родной... - Коваль подхватил настоятеля в охапку, закинул на плечо карабин и шагнул к выходу. - Я слишком многим поверил за последние дни... Я почти отвык от вашей долбаной цивилизации. Настраивайся на долгий путь!

29. Уголь маркиза Карабаса

Коня ему было жаль. Такого орловца не достать днем с огнем. Оставалась еще надежда, что патрульные не нашли Чернику, которую он привязал во дворе института. Лошадей на местный рынок, со слов того же злополучного Порядка, гнали преимущественно из Средней Азии, и ничего путного на ярмарке Артур встретить не ожидал.

За последней дверью никого не было. Вот так всё просто, удивился Коваль, оглядывая загаженный Васильевский спуск, стаи ворон на мусорных кучах и непременную принадлежность крепостей - торчащие из красных зубцов самой известной стены России перекладыны виселиц. Он уже понял, где находится. Над головой нависала мозаичная твердыня, спасенная двести лет назад от разрушения другой тиранией. Настоятеля пришлось переодеть в сержантскую форму. Из собора непрерывно тянулись люди, и Артур рассудил, что слишком знакомая столице фигура в шинели соберет целый полк заступников. Карин неловко брыкался, когда его лишали сапог, и отказывался от чужих растоптанных ботинок. Пришлось его несколько раз стукнуть по больной почке, а затем слегка усыпить.

Красная площадь изменилась неузнаваемым образом. ГУМ сгорел до основания; по завалам ползали фигурки в пестрых халатах и откалывали годные для будущихстроек кирпичи. Внизу стоял немецкий грейдер с прицепом, в который кирпичи бережно складывали. В дырявом чреве бэтэра стражники жгли огромный костер. Спасская башня лишилась звезды и половины циферблата. Видимо, в свое время по ней стреляли долго и безнаказанно. Вместо елок вдоль плит с урнами вождей тянулся двойной ряд бревенчатых изб. Оттуда на всю площадь разносился запах жареного мяса, звон гитар и нестройное хоровое пение.

Брусчатка исчезла под толстыми слоями прессованного мусора. В нескольких местах, там, где не оттаяли еще последние сугробы, мусорные кучи вздыбились волнами, точно курганы степных воинских захоронений. В Воскресенские ворота непрерывным потоком вливались груженные подводы. Обратный, порожний, поток, грохоча по деревянным настилам, уходил по Варварке. С диким свистом пронесся поставленный на автомобильную раму паровик. В клубах дыма голые по пояс люди закидывали в топку метровые поленья.

В Мавзолей, очевидно, стреляли из крупного калибра и прямой наводкой. Усыпальница обрушилась, а в стене позади нее появились две зигзагообразные трещины. Прямо над уцелевшей гранитной плитой с буквой "Е" на веревочках сушилось белье и гуляла коза. Коза питалась остатками веников, потому что крайняя в ряду изба, судя по столбу дыма и воплям изнутри, исполняла функции бани. И отовсюду невыносимо воняло. Весна растапливала залежи отбросов, смердящие разноцветные ручейки сливались в потоки и устремлялись к реке. Коваль старался дышать ртом. Сегодня он, как никогда, понимал Качальщиков. Наверняка в Эрмитаже пахло немногим лучше, но три года, проведенные на свежем воздухе, давали себя знать. Он пожалел, что не захватил противогаз, но в столице почему-то не носили масок. Возможно, он отстал от жизни, и маски не носили уже нигде?

Он принял решение. Подхватив Карина в охапку, дождался, когда мимо пойдет длинная пустая подвода, укрытая рогожей, и рванул с места. Им встретилось несколько мужчин без знаков различия; Артур весело помахал, изображая пьяного, тянущего под мышку еще более пьяного дружка. Ноги соборника волочились по земле. Когда Коваль закинул его нескладное туловище на телегу, один ботинок остался на дороге. Возница обернулся и собрался поднять крик, но Артур подскочил и мигом снял все вопросы. В карманах святого отца нашлось достаточно золота, чтобы купить экипаж вместе с кучером.

— Напился, видишь? - Артур запихал настоятеля под рогожу. Тот моментально стал черным: телега ехала с разгрузки угля. - Мужчина, не подвезешь нас?... - Он назвал адрес, готовясь упрятать под рогожу и возницу, если тот начнет упрячиться. Но парень не упрямился. Его ожидал еще один рейс в угольную гавань, от такого количества денег он слегка ошалел и долго подозревал какой-то подвох, пока Артур не выдумал легенду о двух питерских инженерах, подрядившихся на ремонт подземки, сорвавших солидный куш и на радостях наклюкавшихся. Артур, в свою очередь, был потрясен, когда узнал, что собеседнику едва стукнуло двадцать четыре года. Выглядел тот на все сорок. Шелушащаяся

серая кожа, заеды на губах, остатки жидких волос. На жилистой, почерневшей от угольной крошки груди в разрезе ветхой рубахи кошмарной россыпью бугрились прижатые головки фурункул.

Когда Артур осторожно дал понять вознице, что работал у подземников по найму и теплых чувств к папе Ивану не питает, парень сразу подобрел и разговорился. Дальше пассажиру оставалось только поддакивать и поглядывать назад. Повозка, запряженная двумя костлявыми пожилыми меринами, ползла еле-еле, и ускорить их задумчивый шаг не представлялось возможным. Оставалось уповать, что Карина не хватятся хотя бы час.

Паренька звали Маркиз, потому что в доме, где он вырос, единственная книга, не пошедшая на растопку печи, повествовала о похождениях маркиза Карабаса. Кто такой был на самом деле маркиз Карабас, юный "аристократ" не знал, а Коваль решил, что просвещать его не стоит. Детство Маркиз провел в Брянске, и, как почти всякое детство, оно оставило ему одни хорошие воспоминания. Разве что жрать было нечего. И постоянно холодно. И многие умирали, потому что иногда в городе появлялись заразные больные. Артур так и не понял, о каких болезнях шла речь - о неведомых отголосках ВИЧ или о более вероятных в такой грязи тифе и холере. Еще на общину Маркиза нападали дикари, но потом пришли колдуны и предложили защиту. Колдуны вылили в речку немножко плохой воды, совсем немножко, и сказали, чтобы никто не пил три дня. Потом в речке всплыла вся рыба, умерли те, кто не послушался и попил. А еще несколько коров. Но это ерунда, потому что умерли почти все дикари, что жили ниже по течению. Здорово, правда?

— Здорово! - согласился Артур, прикидывая после этого рассказа, где бы поскорее отмыть ноги.

Карин тихонько похрапывал под рогожей, никто за ними не гнался, и Артур уже почти поверил, что удастся добраться до лошади. Главное, найти Чернику, а дальше, ночью, он выберется...

После того как дикарей потравили, колдуны поселились в городе и брали к себе маленьких за плату. Колдуны пришли с юга, с Украины, и многие были очень страшные, но к ним привыкли и почти не боялись. Мамы к ним не шли, потому что пап среди колдунов было всего двое, но и от тех дети рождались страшные. Один такой страшный, с подогнутыми ногами и мягкой головой, родился, еще когда Маркиза не было на свете. Женщины плевались, когда видели его, но страшный вырос и потом стал самым лучшим лекарем. Именно он приказал остальным колдунам сжечь за городом повозку со снадобьями, которые они когда-то привезли с Украины. Зато он умел заговаривать кровь, и к нему приносили женщин, кто не мог разродиться. Он держал их за руку, и всё получалось легко и быстро, почти без крови.

Страшный первый сказал мужчинам, что на Украине есть под землей черный горячий камень, и много камня осталось в паровиках на станции Конотоп. В Москве уже давно появились деньги, и страшный сказал, что можно хорошо заработать, если возить черный камень в столицу. И топить им дома лучше, чем деревом.

Уродец оказался прав, и отец Маркиза уже в первую зиму хорошо заработал на горячем камне. Община сумела купить хороших коней, а их было тогда совсем мало. Настолько мало, что пахать пытались на коровах и свиньях. А потом все стали возить уголь и жили хорошо, пока из Москвы не пришел гарнизон папы Ивана. Случилось это четыре года назад. В Брянске сосуществовали четыре общины, часто дрались, но уличные бои закончились до рождения Маркиза. Поэтому, когда в городе объявился батальон солдат с автоматами, никто не почувствовал угрозы. Кроме колдунов, которые ушли заранее. Капитан похвалил брянских и сказал, что отныне Москва их будет охранять. От кого охранять-то, удивились местные? От орловских, что ли, али от калужских? Так там, почитай, половина родичей...

— А как же дикари? - разволновался капитан.

— Дак вот, - похвалились брянские, - а арсенал-то на что? Стволов-то полно от прежних лет осталось, а патронов прикупили, потому как теперь при деньгах. Ни один дикарь не

сунется.

– Патронов прикупили? - покачал головой капитан. - А кто вам разрешил незаконно приобретать и хранить? Еще с позапрошлого года президент возложил охрану вас на нас. Так что либо сдавайте всё железо добровольно, либо отберем силой! - И солдаты для убедительности пальнули из пушки. По складу с углем. Понятно, чем кончилось.

– Да, кстати, насчет уголька! - вспомнил капитан, когда общинники осознали, что от восьми вагонов конотопского топлива остались одни воспоминания. - Кто тут у вас самый главный? Извольте подписать две бумаги! Торговать с Москвой вам теперь будет намного выгоднее, радуйтесь! Во-первых, вам не придется больше развозить уголь по всяким дырам вроде Калуги, всё тащите к нам. Мы сами разберемся, кому сколько дать и почем. И насчет цен можете больше не беспокоиться, не придется думать, сколько удастся выручить. Как большой круг определит, такая оптовая цена и будет...

А второй договорчик, так тот вообще зашибись! Согласно ему наш гарнизон будет вас круглый год охранять. То есть на Украину мы с вами не поедem, там уж вы сами, и до Москвы тоже не поедem, мало ли чего в дороге может случиться... Зато тут, в Брянске, и заставы поставим, и подорожные будем собирать, чтоб не шлялись всякие. Прикиньте, удобство какое? Не надо вам больше своих преступников судить. Сами всё сделаем, по московскому закону. Не дай бог, какая сволочь от работы отлынивать будет... Ну, это я так, к слову! Так, кто главный, прошу подписать!

– Так вить... не шибко грамоте обучены! - застеснялись папы, всё еще не отошедшие от гибели плодов своего двухмесячного труда.

– Это фигня! - прибодрился будущий генерал-губернатор. - Я и сам, кроме слов на заборах... Но порядок есть порядок! Да, чуть не забыл. Кто откажется подписать, тот не патриот России и враг государства. Кто хочет быть врагом государства?

Старейшины посмотрели на пушку и поставили крестики на неведомых договорах. Никто не захотел быть врагом государства.

– А теперь, - повеселел капитан, - ознакомьтесь с обязанностями по договору. Обязанностей у вас всего две, мне даже стыдно о них упоминать. Первая - это полностью кормить, поить и одевать охраняющих вас парней. Дома мы себе сами выберем. А вторая повинность - будете отдавать в казну пятую часть барышей. Делиться надо, мужики!

– Как это, как это? - пискнул кто-то шибко грамотный. - В Москве оберут, ишо и тут пятую часть отдавать? Два оброка с одного барыша? Да где ж такое видано?!

Миром дело не закончилось. Горожан собралось раз в двадцать больше, и кремлевский батальон спешно отступил, оставив на поле боя десятков убитых. Москва большая, сказали старики, на хрена платить этим выскочкам? И повезли опять уголек в столицу. Только дальше Калуги подводы не прошли, наткнулись на заставу. Пришлось заплатить, не так чтоб шибко много... Но в столице их ждал серьезный удар. Никто из прежних клиентов не хотел покупать уголь. И не только уголь, но и картоху, и свеклу, и соленья... И даже меняться, как раньше бывало, отказывались. Все торги только через кремлевский рубль да через ярмарки.

– Вишь, как повернулось! - шепотом делились бывшие компаньоны. - Ивановские псы откопали в подвалах золота немеряно, что до Большой смерти страна копила. Указ издали, что у кого нержавеющей металлы найдут или стволы нарезные, тот не патриот и враг единой неделимой России. А по такой вине кара одна, известно какая... А теперича все нержавеющей рубли других городов они плавят, из них свои льют, чтобы только кремлевские ходили. А на рынках ставят свой рубль чуть не в два раза тяжелее даже питерского. Во как! И менялы все из псов безопасности.

– Так может, это, ну их, ваши ярмарки? - выдвинули гениальную идею брянские. - Давайте отъедem за город и там по-быстрому махнемся? А то у нас уже варенье на жаре киснет!

– Ехай без нас! - извинялись компаньоны. - Не то нас потом в вашем же варенье и утопят! На пять дней пути везде ихние гарнизоны! Не поймешь, кто правит. То ли старики, то ли сопливые мальчишки с автоматами...

– Да откуда ж они столько народу-то набрали, чтоб вторую власть устроить?
– А очень просто! Плотют-то им сколько? То-то! И лошади с кормом дармовым им положены! И мотоциклы от немца им завезли, во как! И любой дом для гарнизона, самый лучший в городе, могут забрать! А ишо грамоты, пустые, с подписями да печатью Малого круга, им дают! Это значит, чтоб наделы раздавать! Кого хочут, того и впишут!

– Дык земля-то общая завсегда была...
– Была, да сплыла. Плюнуть не успели, пяти лет не прошло, а на самых жирных кусках столбы с московскими бляхами. И заводы, что по железу, и нефтяные бочки... Сами-то в крепости сидят, а попробуй сунься...

– Так выходит, они сами себе все грамоты и раздают?
– Выходит, что так. Кто ж из молодых не захочет у них-то послужить? Это тебе не уголек возить, не за клюквой кверху жопой по болотам шарить! Так что везите всё на рынок, нет больше правды, заместо нее - закон.

Делать нечего, не везти же всё назад. Слили брянские ребята свой товар оптом. Подсчитали - прослезались. В обратный путь закупились - так чуть не разрыдались, такие цены в столице накручены. Назад приехали, а там не батальон, а войско целое стоит. И амбары с зерном горят. И самые ярые враги единой неделимой государственности развешаны на березах. Вместо капитана войсками командовал высокий человек с желтым лицом. Он не кричал и не хихикал. Он показал два подписанных договора и очень тихо объяснил, что старейшины общин нарушили закон.

Кое-кто из вновь прибывших припомнил, что договором предусматривались твердые цены, но в столице приняли топливо совсем на других условиях. Для особо непонятливых человек растолковал, что за истекший месяц изданы новые поправки к законам. И поправок будет столько, сколько пожелает Большой круг. Ибо всё это в интересах народа. А кто против народа, пусть сделает шаг вперед.

Врагов народа в Брянске не нашлось.

С тех пор Маркиз гонял подводы с углем и дарами леса. Что интересно, сделки теперь оформлялись на рынке, а потом приходилось переться через весь город и выгружаться, где укажут. В Кремле - это еще хорошо, близко. Гораздо более загадочной стала система расчетов. Москвичи всё охотнее брали в долг.

– Вы что, нам не верите? - удивлялись они, когда брянские просили оплатить хотя бы предыдущую партию. - Куда мы, по-вашему, денемся? Мы же представляем не частную лавку, а государство! Эх вы, темнота! Кремлю сейчас нужны ваши деньги, ненадолго. Для вашего же блага! Мы покупаем слона. Вы же хотите, чтобы в нашей великой стране был живой слон?

– Оно конечно!.. - мялись брянские, придавленные широтой столичных замыслов. - Однако нам вить налог бы надо вам же заплатить! И гвоздей бы прикупить, стекла, одежонки...

– Какое нахальство! - в сердцах восклицали оптовики. - Вы их только послушайте! Вы же сами хотели торговать со столицей. Получили самые выгодные условия. Ну где вы еще найдете такой рынок? Ну, не хотите, катитесь в Питер или в Астрахань... если живыми доберетесь.

Московский тракт теперь надежно охранялся, а до Питера или на юг пришлось бы собирать большой караван с охраной. Денег на это не было. Как не было и уверенности, что загадочный закон не запрещает торговать с Питером.

– Так что вот какие дела, господин инженер! - закончил Маркиз. - Дальше проехать не могу, вишь, разворочено всё...

– Ничего, здесь уже близко. Мы дойдем.

В переулке не было видно ни единой живой души. Когда-то здесь прорвало водопроводную магистраль, размыло грунт, и огромный пласт асфальта встал на ребро, перегородив проезжую часть. Над открывшейся ямой возвышался край ледяного тороса, точно оплавившаяся сахарная голова. Крыша ближайшего особняка давно обвалилась и

увлекла за собой перекрытия двух нижних этажей; в результате шикарный дом превратился в иллюстрацию для учебника по гражданской обороне. Артур предположил, что пройдет насквозь. Он нахлобучил Карину на лицо шапку, взвалил обмякшее тело на плечо.

– Эка братишку твою разморило-то... А у вас-то, в Питере, все босиком ходят или тока инженеры? - вдогонку выкрикнул возница.

– Те, кто за правду, - босиком. Кто за порядок - по-всякому! - не оборачиваясь, отозвался инженер. Увлеченный прыжками по подгнившим балкам, он не заметил, как в другом конце переулка из подворотни выкатился открытый вездеход.

– Босиком чешет! - сказал своим спутникам кудрявый, покрытый шрамами детина. - Дуло спрячь! За мертвого и десятки не дадут! 30. О пользе домашних животных, или Прodelки летуна

Коваль нашел невредимую Чернику и страшно обрадовался. Кобыла от тоски погрызла все сухие ветки во дворе, но летуну было вообще нечем поживиться. Без хозяина он даже ночью не осмелился вылезти из мешка, но из вредности изорвал в клочки свою переносную "квартиру". Теперь скалился изнутри, злой и пристыженный. Чернику бы летун ни за что не тронул, поскольку был воспитан, как сторожевой пес, и полагал ее частью хозяйского имущества. Кроме того, частью детской дрессировки являлось упражнение с миской лошадиной крови. Человек давал попробовать и тут же больно ударял по носу прутиком, пока не возникало стойкой гастрономической неприязни. А главное оружие - хвост - наливался транквилизатором лишь на второй год жизни. К счастью, на боку у не расседланной Черники оставался еще один кожаный баульчик с сушеным мясом и фруктами, так что лакомства хватило на всех.

Артур не стал заходить в институт. Если бы у парадного входа появились чужие, он бы заметил. Судя по следам, Сергей и Люда Дробиченко ушли сами, никто их не заставлял. Сначала пробирались вдоль кустов, затем свернули на подъездную аллею, ведущую к упавшим воротам. Собака ушла за ними. По пути Ласка несколько раз останавливалась и оглядывалась, не решаясь подчиниться новым хозяевам. Скорее всего, она уже вернулась на ярославскую заставу.

Артур разбудил Карина. Сначала тот не мог понять, куда его завезли, затем попросился в туалет, после сообразил, что находится в Москве, осмелел и потребовал еды. Получив отказ, надулся, но на лошадь влез без споров. Видимо, рассудил, что лучше путешествовать верхом, чем с мешком на голове поперек седла. Он предпринял единственную и последнюю попытку сбежать, пока Артур перетягивал подпругу. Отпросившись по-большому, невинно отошел в кусты, а затем тихой сапой принялся отступать за угол. Он полагал, что пробирается незаметно, но производил больше шума, чем стадо кабанов на водопое.

– Святой отец, - тихо позвал Коваль, заканчивая собственное бритье, - вернитесь, я вам что-то покажу.

Чертыхаясь, Карин побрел обратно. Безусловно, трусом он не был, но реально оценивал шансы. Против человека, который трижды почти не сходя с места уклонился от удара палаша, шансов выстоять не имелось. Карин вернулся и увидел летуна.

– Когда ты неосторожно упал на лестнице в соборе, святой отец, я вытер тебе разбитый лоб платочком и дал моему другу понюхать. - Коваль блефовал, настраивать летуна на убийство было делом опасным. - Не уходи далеко, святой отец, мой друг догонит тебя. Я смотрю, тебе знакомы его повадки?

– Да, я их встречал... - Настоятель совсем упал духом. - Только не черных, а зеленых. В детстве у меня в клетке жил один.

– Значит, правду говорят, что ты из общины колдунов?

– Я из гадалщиков.

– Здорово! Садись на лошадь, только не вздумай держаться за мою шею... - Артуру почудилось, что за зданием со стороны улицы затарахтел мотоциклетный движок. Еще один мотор проехал по параллельному переулку, где они распрощались с угольщиком Маркизом. Не слишком ли бурные потоки транспорта в квартале, где никто не живет? - Так погадай

мне, святой отец! Например, скажи... Те люди, что караулят нас за углом, начнут стрелять, зная, что могут попасть в тебя?

Карин окаменел.

– Не оборачивайся, святой отец. Двое идут сзади, но они за забором и пока нас не видят.

Артур перехватил поводья левой рукой. Стрелком он как был, так и остался никудышным, именно поэтому разрядить трофейный карабин следовало в первую очередь. Чтобы не давил лишним грузом.

Черника тоже чувствовала опасность, холка ее напряглась, уши вздрагивали. Поэтому Артур так и горевал о потере жеребца; эти коники воспитывались в лесу и на чужаков реагировали враждебно.

До угла массивного здания института осталось три метра. Другого выезда из двора не предусматривалось. Прямо по курсу – накренившаяся стена соседнего дома и узкий проход налево. Под копытами Черники хрустело бетонное крошево. Когда-то здесь поднимался грузовой пандус, но теперь ушел в землю вместе с подвалом.

Позади треснула ветка. Преследователи преодолели ограду и продирались сквозь кусты. Артур отпустил поводья и сунул левую руку под куртку.

Можно было бы забраться в угловое окно и убежать коридорами первого этажа. Но лошадь не умела лазить в окна. Лошадь, которая его не бросила, как другие, а честно ждала больше суток...

– Ша, приехали! – произнес низкий прокуренный голос, и навстречу вышли четверо.

Карин втянул голову в плечи, а мгновением спустя и Артур понял – братишки не имели к кремлевской армии ни малейшего отношения. Скорее, они имели к ней серьезные претензии.

– Слазый давай! – со скучной интонацией, точно выполняя ежедневную надоевшую работу, приказал главарь. Рот у него до конца не закрывался, потому что левую щеку оттягивали вбок три или четыре уродливых шрама. Шапка каштановых кудрей на фоне перекошенной рожи выглядела нелепым париком. За его плечом, прикладом вверх, болталось богато инкрустированное ижевское ружье с обрезанным стволом.

Все четверо нарядились не по погоде и чем-то смахивали на кочаны с капустой. Скорее всего, спали, никогда не раздеваясь, в этом же сборном гардеробе выезжали на "промысел". А менять ночлег им приходилось частенько; лейтенант Порядок с большим удовольствием рассказывал Артуру, как обращается законная власть с бандами. Если разбойников находили, то квартал оцепляли с собаками или с волками, но в отличие от прежней милиции зверей отпускали с поводков.

Рыжий косоглазый парень в кожаном пиджаке без рукавов нацелил на Артура ружье:

– Винтаря сюды, жива!

– Ну, лови! – Артур послушно кинул карабин. Кинул чересчур сильно, так что бандюги малость отшатнулись. Рыжий поймал карабин за ствол, прикладом попало по плечу кучерявому.

Коваль синхронным движением выхватил из манжетных петель клинки. Разговаривать тут было не с кем.

Рыжий упал на четвереньки, хватаясь обеими руками за горло. Атаман успел дернуться, лезвие пробilo ему щеку и застряло в верхней десне. Самое интересное, что применять огнестрельное оружие никто не спешил. Третий разбойник выхватил турецкий ятаган и попытался отрубить Артуру ногу. Четвертый, заросший бородой кавказец, схватил Чернику под уздцы.

Это была с его стороны непростительная ошибка. Артур шлепнул кобылу в бок, она прыгнула назад, готовясь встать на дыбы, и оставила на лбу и груди кавказца четкие следы от подков. После такого демарша темпераментный горец упал, и земные печали для него закончились. Карин тоненько взвизгнул и кубарем скатился на землю.

Обладатель ятагана, промахнувшийся в первый раз, снова пошел в атаку. Он исполнял

для устрашения несложный, но очень эффектный трюк; Артур когда-то видел подобные представления в цирке. Лезвие крутилось вокруг кисти с такой скоростью, что сливалось в сплошной блестящий круг. Атаман ревел, пытаясь извлечь из щеки нож, рыжий норовил встать и снова падал, фонтанируя кровью из распоротого горла, Карин что-то бубнил внизу...

Коваль потянул из седельной сумки ни разу не опробованный "ремингтон" и запоздало осознал, что саблей крутили перед его носом совсем не для устрашения.

На шее затянулась петля. И сразу же рванули с такой силой, что, будь его ноги в стремях, оторвали бы голову. Но стремя Артур уступил настоятелю; вылетая из седла, он успел сделать три вещи: щипнул летуна, разрезал веревку и спустил курок.

Летун, словно того и ждал, вырвался из мешка и вцепился в харю кудрявого главара. На свету зверь видел плохо и реагировал на кровь. Чувствуя, что ему заживо сдирают кожу с лица, кудрявый забился в истерике и получил два удара ядовитым хвостом.

Коваль в этот момент пролетал над задыхающимся Кариным. Того тоже душили арканом, но отвлеклись на более занятные события.

Любитель фехтования, увидев, что за пакость кромсает голову коллеге, попытался голыми руками схватить летуна за крылья, но это было неправильно. Потому что, в отличие от осы, парализующей жидкости у вампира хватало на шесть ударов. Коваль кривил душой, пугая незабвенного лейтенанта Порядка медленным поеданием заживо. На самом деле паралич наступал очень быстро.

Артур упал. Веревку он перерезал лезвием, вшитым в манжет, но эти сволочи делали арканы из какой-то синтетической бечевы. Петля настолько глубоко врезалась в кожу, что остановился кровоток в сосудах; еще немного - и конец.

Он упал, но не на спину, как ожидали те четверо, а на ноги, как учил Бердер. Выстрел всех напугал, но никого не задело. Определенно, ребяташки привыкли заниматься своим ремеслом в тишине. Артур отшвырнул оружие, обеими ногами посылая тело в сторону, противоположное наклону головы. Гильза еще не успела упасть на землю, когда он раскрутил цепь с грузилом и, один за другим, послал два ножа. В ответ просвистел заряд дроби, но основная масса угодила в то место, где Коваль находился мигом раньше. Четыре дробины ужалили в бок, в ключицу и обожгли в двух местах плечо. Досталось и Чернике.

Бедняжка жалобно заржала и метнулась в сторону, прихватив за собой хрипящего настоятеля. Его левая нога так и висела в стремях.

Двое из оставшейся четверки съежились, как бумажные фантики над пламенем свечи, баюкая свои вспоротые животы. Третий, разглядев летуна, издал вопль на грани ультразвука и помчался наутек. Он успел сделать полтора шага, когда обвившаяся вокруг шеи цепь рванула его назад, спиной на острие кинжала.

Лошадь брыкалась в тупичке, по ее глянцевої шкуре многочисленными ручейками стекала кровь, но навзничь лежащий Карин застрял между двух деревьев и не давал Чернике сбежать. Тот, что стрелял в Артура, высокий здоровяк с перебитым носом и абсолютно белыми безумными глазами, сделал еще один заход. Он отступил на шаг, переломил ствол и судорожно пытался подцепить ногтем горячий капсюль.

— Уходи! - посоветовал Коваль и вытащил из-за обшлага очередное лезвие. - Брось ружье и уходи!

Не послушав совета, грабитель одной левой защелкнул затвор, а в правой руке у него уже появился тяжелый длиннотвольный пистолет. Так он и свалился, целясь из двух стволов в вечернее, ослепительно чистое небо... Коваль подошел и, кривясь от запаха, при помощи кинжала извлек клинки. Его левый рукав стал горячим и мокрым, на боку тоже расплывалось пятно. Головой он мог двигать лишь с большой осторожностью. Срочно требовалось найти тихое место и залатать пробоины. Но не здесь...

Как ни удивительно, косой рыжеволосый парень был еще жив. Артур знал, что стоит вытащить нож из его горла, и всё закончится. Смертельно раненный, рыжий смотрел на свою недавнюю жертву с такой мольбой в глазах, что у Артура не поднялась рука его трогать.

Проверять остальных не возникало желания, тем более что летун не закончил трапезы.

– Зачем... я тебе... нужен? - проскрипел настоятель, когда к нему вернулась речь. - Или... убей меня... сейчас, или нас... убьют вместе!

– Нет уж! - возразил Артур, кое-как, наспех, накладывая шину на сломанную ногу. - Мне нужно, чтобы с тобой, святой отец, пообщались мои друзья...

– Мне нечего скрывать... Что ты хочешь, я и так расскажу, без пыток...

– Вот и прекрасно!

Артур смазывал раны Чернике. Большинство дробинок он сумел "вытянуть" руками. В своем организме он навел порядок довольно быстро, но принял решение два инородных тела пока не трогать. После, всё после...

– Мне и надо, чтобы ты всё рассказал, святой отец.

– Ты не вырвешься из Москвы... Это были бандиты, а не стража. Поэтому не стреляли, хотели продать нас дикарям... Совсем обнаглели, днем нападают! Но меня ищут и знают в лицо. Убьют лошадь, пешком не уйдешь...

– А мы, святой отец, дальше на лошади не поедem!

Хоть бы подвернулся навстречу приличный человек, горевал Артур, обнимая дрожащую кобылу за шею. Отдал бы тебя бесплатно, лишь бы не обижали. Еще одна подобная стычка, и Чернику застрелят. Да где тут найдешь приличных людей?..

31. Байкер поневоле

За поворотом в тени стоял обшарпанный до невозможности вездеход без крыши, армейский жесткий вариант. Артур так и не сумел угадать его марку; складывалось впечатление, что джип собирали не так давно. А за джипом Коваль ждал очередной кусок преследующего его наваждения. Задрав, как сорочьи хвосты, самодельные глушители, там отдыхали два спортивных байка. Коваль перенес сборника в машину, туда же покидал мешки и всё пригодное оружие. Уложил Карина на заднее сиденье, закутал одеялом. Адепт малого круга выглядел хуже некуда, по лицу его крупными каплями стекал пот, и без того нездоровая кожа потемнела. У Коваль даже мелькнуло сомнение, правильно ли он поступил, захватив столь хворого "языка"...

Затем предстояло самое тяжелое. Хрипя от натуги, Артур втокнул через заднюю откидную дверь тяжелую двухцилиндровую "ямаху". Модель была абсолютно незнакома, и некоторые детали компоновки наводили на мысль, что машина создана уже после того, как он "уснул". Бак мотоцикла разбойники заполнили по горловину, но, открыв его, Артур удивился, как двигатель до сих пор справлялся. Безусловно, в столице отыскался умник, восстановивший производство бензина, но пока научатся делать горючее требуемого качества, вся техника встанет. А вот переборкой движков вряд ли кто-то занимается.

Аккумулятора и ключей зажигания он не нашел, зато обнаружил торчащую сбоку в капоте ручку с тросом, как в лодочных моторах. С четвертой попытки вездеход затрясся, выплюнул черное масляное облако, из всех щелей в салон хлынули отработанные газы, а скрежет и визг вентилятора оповестили прилегающие кварталы о начале автопробега. У Артура нашлись даже зрители, двое мальчишек лет двенадцати. Он встретился с ними в третьем по счету переулке, куда пытался свернуть в поисках ровного асфальта. Когда Артур, налетая грудью на руль, сражался с подгоревшим сцеплением, дети проводили его огрызками яблок и дружеской матерщиной.

При повороте на Басманную Артур освоился и промахивал рытвины, почти не снижая скорости. Видимо, эта трасса считалась стратегической. Поверх растворившейся мостовой в три наката лежали огромные бревна, стянутые костылями и проволокой, так что Артур отважился переключить на третью передачу. Черника послушно бежала следом. На дырявом пассажирском сиденье в мешке недовольно шипел обожравшийся крови летун. Артур не позволил хищнику кусать никого, кроме главаря банды, который был заранее обречен. Настоятель подпрыгивал, скрипел зубами, но молчал.

В том месте, где раньше зеленел сад Баумана, при свете костров валили деревья, тут же обрубали сучки и волоком доставляли к дороге. Дальше, у станции подземки, улица сужалась. Здесь дорожники укладывали самую свежую мостовую, ярким пламенем в бочках горел мазут, и варились в котлах бараньи ребра. Коваль осторожно объехал толстого мужика в желтой каске и резиновом плаще, по виду - начальника работ. Толстяк стоял под полиэтиленовым навесом, там, где над столом горела электрическая переноска и ругались бригады. На Артура никто не посмотрел, гораздо больше внимания привлекла его породистая лошадь.

Чем дальше они продвигались к Кольцевой, тем безлюднее становились проспекты. Основная масса служивых и мастеровых переселилась ближе к центру, а граждане "независимых" гарнизонов жили компактно в своих "исторических" квартирах и в сумерках не особо разгуливали. Коваль почти не смотрел по сторонам, всё внимание сосредоточивая на жутких ямах и нерастаивших сугробах. Сюда дорожники еще не добрались. Зима в этом году пришлось снежная, сточные колодцы давно забились грязью, и порой казалось, что вездеход не едет, а плывет среди бесконечных струй талой воды. Несколько раз машина застревала, тогда Артур выходил, впрягал уставшую Чернику, и вдвоем они кое-как справлялись.

Он рассудил, что выбираться стоит там же, где вошел в город. Собственно, мегаполис простирался на многие километры и за пределами кольца, но обитали там в основном ковбои, лесорубы и охотники. Артур встречался с десятками людей из этой породы и почти не сомневался, что ярких сторонников президента среди них нет. Главное - незаметно миновать ворота...

Незаметно не получилось. Он сделал всё, чтобы обойти площадь Трех вокзалов по самой большой дуге. Несколько раз, завидя впереди подозрительное движение, снова и снова забирал вправо, но на пересечении с Краснопрудной машину обстреляли. Позже Артур убеждал себя, что мог бы проехать иначе, но в тот вечер, натываясь на завалы и ряды колючей проволоки, он не решился соваться во мрак старых московских переулков. На Ярославском вокзале три года назад обитала та самая коммуна "паровиков", к которым и посылал его Рубенс. Как давно это было, поразился Артур... Он успел забыть о том горделивом, боевом настрое, который владел им тогда. Как он надеялся восстановить связь, пустить тепловозы, а там, чем черт не шутит, и электровоз! Он всерьез уверял библиотекаря Леву, что достаточно запустить пару котлов на теплоцентрали, и энергии хватит для подземки...

Он спрашивал себя: что если забрать Надю и переселиться в город?

Допустим, не сюда, пусть Качальщики разбираются с Москвой как хотят, а в Питер. И можно не к папе Рубенсу, который также поступил не совсем красиво, можно пойти к мэру. Инженеры нужны везде. Многое он подзабыл, но это не страшно, почитает. Страшно другое: он слишком привык к тому, что недалекий перевозчик угля Маркиз называл объемным словом "правда".

Вполне вероятно, что лесная демократия Качальщиков не продержится долго, и прав окажется старый книжник из Эрмитажа. Население возрастет, старые волшебники станут легендами, колдуны уже тянутся в города, и образовавшуюся брешь планетного разума опять заполнят самые обычные люди.

Малые и крупные царьки с имперскими замашками и подавленным детским честолюбием. И священная борьба соратников Бердера сохранится лишь в виде Книги. Хотя вряд ли сохранится; такие люди, как Карин, обычно жгут книги из самых лучших побуждений...

От тягостных мыслей Коваль отвлек свист пуль. Палили из автомата, издали, и очередь прошла высоко над головой. На севере города когда-то шли серьезные бои; он ошибался, полагая, что столицу не затронули волнения. Гостиница "Ленинградская" светилась множеством ярких огненных точек над безжизненными руинами кварталов, точно океанский лайнер среди холодной пучины океана. Коваль уже понял, что ошибся, и надо

было с самого начала уходить по Сретенке, там, по крайней мере, расчищали проезжую часть...

Еще одна очередь, и сразу же стук копыт. Их догоняли. Артур огляделся. Слева - сплошная мешанина из сгоревших станционных зданий, перевернутых вагонов, упавших железнодорожных кранов. Справа - бесконечное море тающего снега и вздыбившиеся над ним, точно вершины затонувших аттракционов, изогнутые обломки рельсов. Единственная сухая дорожка, по которой он приехал, прямиком вела к завалу. Лошадь пройдет, но для джипа оставалось слишком мало места. Коваль сам загнал себя в тупик.

Он оглянулся. Три всадника миновали полузатопленное здание депо и готовились выйти на "финишную прямую". До того, кто скакал первым, оставалось метров триста. Отступить было некуда, но после схватки с грабителями у Артура не добавилось желания драться.

— Я не вышел на моление... - глухо произнес настоятель. - Это патруль безопасности. Если ты отпустишь меня, я скажу, чтобы тебя не трогали... Ты сможешь уйти.

— Начнется стрельба - не вздумай высунуться, святой отец! - Артур пошарил в мешке, выложил на капот три булыжника. Вместе с конем он потерял значительную и лучшую часть своего арсенала. На ярмарке остались маленький арбалет и лук, и оба бумеранга, и очень удобные палочки, нечто вроде нунчаков... - Отпустил бы меня на рынке - махал бы сейчас кадилом!

— Не понимаю...

— Тогда молчи.

Трое с автоматическим оружием - это серьезно, подпускать нельзя. Артур встряхнул кистью и начал плавно раскручивать пращу.

Молоденький сержант, что было сил погонявший низкую мохнатую лошадку, ничего не успел понять. Час назад капитану позвонили по вертушке, он всех поднял по тревоге и велел прочесывать улицы. На авто приехал взмыленный посыльный из Кремля и сообщил, что из каземата малого круга сбежал опасный колдун. А после этого, озираясь, посыльный сообщил уж совсем невероятную новость, в которую никто не поверил. Якобы колдун темными чарами опутал самого настоятеля собора и утащил за собой.

Никто точно не знал, как выглядит колдун. Одни приписывали ему крылья, как у огненного змея, и раздвоенный язык длиной в метр. Другие, напротив, утверждали, что он снаружи, как человек, но пасть, как у волка, и вчера утром откусил человеку голову на рынке. Не совсем было понятно, кого и где искать, но гонцы полетели и в те гарнизоны, куда не дотягивались телефонные провода. Всех мужиков собирали с оружием, под команду свободных кремлевских офицеров.

Меднолицый человек в джипе с трусящей позавчера кобылой не только не остановился по приказу, но зачем-то свернул в тупик. А теперь он стоял возле машины по щиколотку в ледяной воде и крутил над головой какой-то тряпкой. Потом человек сделал непонятное движение, точно поскользнулся, а секунду спустя что-то тяжелое и твердое ударило сержанта в левый глаз, и он завалился набок. Лошадь пробежала еще немного, затем перешла на шаг и остановилась в недоумении. Солдат, скакавший следом, сам был из ковбоев, знал, что такое праща, но заметил второй бросок слишком поздно. Солдату повезло больше, камень попал в лоб, скрытый под меховой шапкой, и только на время его оглушил. Третий участник состязаний, отставший на сотню метров, дал еще одну бесполезную очередь и ускакал за подмогой.

Артур откинул одеяло. Солнце почти закатилось, но и в сумерках было заметно, что у Карина начинается сильный жар. За три года в лесу Артур, конечно, не стал первоклассным медиком, да Качальщики никого и не лечили. Единственным пациентом в деревне был он сам, и дважды в первую зиму простужалась Надя. Качальщики не лечили и не лечились, они слушали свой организм и настраивали его на дыхание Земли. Этим врожденным навыкам никто Артура учить и не пытался, зато дали с собой в путь десяток пузырьков на все случаи жизни.

– Выпей! - Он с трудом заставил святого отца разжать зубы. - Не бойся, это травяной сбор. Поможет твоей печени... Теперь выпей это, укрепляющее. Я привяжу тебя ремнем. Не вздумай за меня хвататься...

– Ты безумец... Нас уже ищет вся Москва...

Коваль признавал, что придется бросить всё. Запасную одежду, еду и, главное, Черника. Самый лучший орловец не угонится долго за мотоциклом... Затем он помолился. Молитва его состояла из пяти слов: "Всем моим врагам таких прогулок..."

"Ямаха" завелась легко, круга три пробежался - и готово. В одном цилиндре клапаны отбивали собственный похоронный марш, другой нагло дымил, сцепление еле слушалось, но в целом доисторическое чудо откликалось на руки человека. Всё управление скоростью было переброшено на ручной акселератор, что Артура вполне устроило. Он поерзал на седле...

Тело вспоминало. Четыре года назад, нет, сто двадцать четыре года назад он дал себе зарок не прикасаться к байку. Он не то чтобы садиться, он на них смотреть не мог. Это была абсолютная нелепость, и Коваль внутри прекрасно признавал, что старенький "харлей" ни в чем не был виноват. Но именно оттого, что невозможно было найти виноватого и не на ком было выместить злобу, он по странной прихоти возненавидел лучшего товарища своего детства. Кроме "американца", отец покупал сыну в свое время "яву", а позже, уже после института, Артур сам собрал денег на старую "хондочку". Погонял на ней два года, затем покрасил, подновил хром и втридорога продал пацанам из мотоклуба. Тогда по стране гуляла несусветная инфляция, а начинающий аспирант нуждался в компьютере. Наука становилась важнее любимой техники...

Он тронул с места, боясь какой-нибудь странной реакции организма, боясь, что загнанные внутрь воспоминания вырвутся наружу, но ничего такого не случилось. Машина пошла легко и мощно, заполняя тело восторгом, полузабытым чувством покорителя. На лошади совсем иначе, лошадь - это твой товарищ, напарник, иногда друг. Но когда под задницей, чаще стука сердца, взрываются порции бензина и два центнера железа готовы встать на дыбы от одного движения ладони, это вам не в "мерсе" пылить...

– Тебя убьют! - простонал в самое ухо Карин. - На всех заставах - пулеметы!

– Ты прав, но мы не поедем через северные заставы! - Артур сбросил обороты, разогнался, пробуя тормоза. - Мы двинем на юг, по Варшавскому или Каширскому тракту, там, где ночью выходят караваны.

– Генерал безопасности посадит сотню солдат на мотоциклы!..

– И все ваши солдатики гоняют с тринадцати лет? - зло рассмеялся Коваль. - Они прошли мотоклуб и байкерские тусовки? - Он отпустил сцепление и, взметая фонтаны брызг, покотил в обратном направлении. Растерявшаяся Черника запоздало бросилась следом.

Артур больше не скрывался и мчал напропалую, держась южного направления. Карту центра он представлял смутно и, чтобы не сбиться с дороги, рванул по верхнему ярусу Садового кольца. Здесь, как и в Питере, встречались остатки баррикад, но большинство из них растащили, освободив широкие проходы. По левой стороне Садового кольца сто лет назад шли танки. Скелеты многих из них, "обглоданные" новыми жителями внутри и снаружи, до сих пор "украшали" вечернюю столицу. Там, где кружились танковые колонны, от асфальта ничего не осталось.

По правой стороне приходилось двигаться галсами, чтобы не столкнуться с медленно ползущими повозками. Карин скулил от страха и боли, когда Артур укладывал байк почти параллельно земле. Но больше соборник боялся летуна в рюкзаке, который от потери ориентации прихватывал когтями спину пассажира. На двух заставах их пытались задержать. Артур замедлялся, изображая послушание, затем в последний момент поднимал машину на дыбы, и стражники успевали только отскочить. За Краснохолмским мостом за ними увязалась конная погоня, но вояки быстро отстали. Артур провел кусочек показательного выступления.

Моля Бога, чтобы не попалась яма, позволил всадникам приблизиться вплотную. Они не стреляли - видимо, информация о похищении Карина прошла по официальным каналам.

Дождавшись, пока рядом, слева и справа, замелькают ноги лошадей, он резко дал по тормозам, выкручивая руль, упал всей массой на левую сторону, тут же поддал газу... "Ямаху" развернуло на месте, задним колесом угодило ближайшей лошади по ногам; та взбрыкнула и упала, кувыряясь вместе со всадником. Остальные четверо кавалеристов по инерции пронеслись вперед, бестолково осаживая коней. Артур дал газу. Карин ему жутко мешал держать равновесие, но хотя бы не брыкался.

Наездник, скакавший справа, успел развернуться лишь наполовину и тут в метре от своего бока увидел неудержимо приближающееся широченное резиновое колесо. Конь от удара повалился набок, сломав наезднику в двух местах ногу о дощатую мостовую. Еще одного, усатого парня с накрученным на локоть лассо, Артур ранил метательным ножом. И тут же дал стрекача. По мосту приближался целый эскадрон.

Как только стало темно, пришлось снизить скорость, но Артур сразу получил преимущество. Теперь он видел патрули издалека и заблаговременно объезжал их. Солдаты жгли факелы и, растянувшись цепью, обшаривали дворы. Один раз Артур минут десять простоял в нише, ожидая, пока подвыпившая, хохочущая поисковая группа пройдет мимо. В подвальные окна бойцы кидали горящую паклю или фонари на палках, но сами спускаться не отваживались. Карин скрипел зубами, наблюдая такое "усердие".

— А чего ты хотел, ваша святость? - успокаивал Артур. - Тебя ж никто не любит.

В тот момент, когда вдали запылали сотни огней большой стоянки, настоятель впервые всерьез поверил, что его увозят из Москвы. Справа от Каширского тракта и до и после Кольцевой бетонки ночевали многие десятки погонщиков и бедных торговцев, у которых не было лишних денег заплатить за ночлег в гарнизонах. Утром вся эта громадная масса придет в движение, одна река подвод потечет в южные губернии, другая двинется к ярмарке - пополнять карман связанного, избитого человека, что трясся на заднем сиденье мотоцикла.

— Зачем я тебе нужен... демон? - безнадежно спросил Карин.

— Чтобы спасти Москву. - Артур полной грудью вдыхал ароматы просыпающихся от зимней спички полей. - Ты расскажешь моим друзьям всё то, что говорил мне. Как хорошо у вас жить и как все счастливы, что появилась крепкая власть. И сколько сделал для народа президент. Видишь ли, мне мои друзья не очень верят. Я им много раз говорил, что без государства никуда, они не верят. Вот я и подумал, не с пустыми же руками возвращаться, возьму тебя с собой... То, что мне было нужно для... э-э-э... работы, украли вместе с конем. Так что настраивайся спасать Москву, речь готовь.

— Да от кого? - опешил настоятель. - От кого спасать-то?

— От меня, ваша святость. От меня.

32. Спор без выигрыша

— Не дергайся! - сердито повторил Исмаил. - Если будешь мешать, я сломаю тебе ребро.

Артур так и не удалил две дробины, теперь обе обросли мясом, но при беге и даже при быстрой ходьбе доставляли неудобства.

— Я виноват. Я потерял обоих коней и змея... Чернику убили просто так, представляете? Ни за что. Эти сволочи убили ее из вредности, за то, что она бежала за мной. А я ничем не мог ей помочь... - Артур лежал на широкой доске и говорил без передышки, чтобы отвлечь себя от боли. Несмотря на всю полевую анестезию, пулевые отверстия нагноились. Исмаил раскалял над огнем крючки и довольно грубо ковырялся в ранах. - Я потерял все твои приспособы для меток, учитель... Я не специально...

— Это ничего. Слабая метка может быть чем угодно. Лежи тихо...

Когда Артур покидал "базовый лагерь", Качальщиков было всего трое - Бердер, Исмаил и Анна Вторая. Расположились в заброшенной деревеньке, не доезжая Сергиевого Посада, в единственном прямо стоящем здании, маленькой церквушке. Большинство изб на обеих улицах деревни превратились в покатые холмики. Вернувшись, Артур, к немалому

изумлению, застал в церкви "старшего генетика" Прохора и еще двоих незнакомых старичков из какой-то дальней общины. Мотоциклист так устал, что мог лишь смотреть и хлопать глазами. Прохор смеялся в бороду, он мало говорил. Оставалось предположить, что чародеи догнали авангард экспедиции по воздуху.

Как всегда, Те, кто раскачивает, знали о приближении любого человека заранее, и даже знали, что Коваль везет с собой пленного. Уже наготове была куча раскаленных камней, оставалось смести с них угольки, намочить веники, и следующий час Коваль провел, нежась в самой потрясающей баньке... Исмаил непрерывно окуривал всю округу таежными благовониями, но даже на таком удалении лесные жители ощущали запах столицы и никак не могли от него избавиться. Артуру, напротив, казалось, что после липкой, гнилостной атмосферы он попал в настоящий рай.

В пути Артур заправлялся дважды, по сути дела, отнимал топливо у встреченных автовладельцев. Но после второй заправки мотор застучал с перебоями, и до деревни он доехал почти на честном слове. Бердер вышел навстречу, дождался, пока Артур слезет и отстегнет от себя пребывавшего в полной отключке Карина. Артур уже знал, что последует дальше: один из тех "фамильных" трюков, которые ему не суждено было постичь.

Три секунды спустя на месте, где стояла "ямаха", бугрилась и опадала раскаленная спекшаяся корка. После проведенной стерилизации плевок Сатаны просуществует две недели, а потом на его остатках еще сильнее пойдут в рост побеги.

– Зачем ты привез его с собой? – Исмаил пустил по кругу ковшик с густым пахучим отваром. – Этот жалкий колдун не сказал ничего нового.

Седой Качальщик мотнул головой в сторону лежанки, где забинтованный, словно мумия, тихо страдал настоятель. В процессе осмотра выяснилось, что у святого отца сломано два ребра, воспалились фурункулы на спине и почти отказала почка. Теперь он лежал, до ушей залитый отварами, намазанный притираниями, и редко дышал через рот. Его даже не унесли в сторонку, пусть себе слушает...

– Я поверил... – Артур чувствовал каждой клеточкой тела такую блаженную истому, что самые простые слова давались с трудом. – Мне казалось, он сумеет убедить вас...

– Убедить в чем, Проснувшийся?

– В моей правоте. Историю нельзя остановить... То, что делают эти люди, жестоко, но необходимо.

– Необходимо было бить тебя и угрожать пытками? – поднял брови Бердер.

Белые старички переглянулись и одновременно затянулись из узких лакированных трубочек. Они курили не табак, а какую-то цветочную смесь, от которой у Артура всё плыло перед глазами.

– А разве ваше племя ласково обращается с врагами? Вы продаете людей, как скотину!

Артур знал, что может выплескивать из себя любые оскорбления, наставников это не трогало. Заставить их изменить принятое мнение могли не слова, а только очень серьезные обстоятельства.

– Хорошо! – сдался он. – Хорошо, попробуем иначе. Вы надеялись, что едва я вернусь в город, как тут же восплаю к нему ненавистью. Не скрою, так и случилось, но это не повод, чтобы навязывать сотням тысяч людей, как им жить. В таких решениях нет справедливости, о которой вы печетесь... Разберитесь вы, наконец, в собственных терминах! Я прожил тридцать лет в обществе, где справедливость понималась точно так же, люди были не глупее вас, но есть справедливость частная, а есть общественный интерес.

Меня забрали в тюрьму, могли пытать или даже убить. С точки зрения моей жены, это было бы жуткой дикостью и вандализмом, потому что я не сделал ничего плохого. Для большинства рыночных торговцев, я уверен, солдаты Карина тоже малосимпатичны. Подумаешь, паренек расплатился осколком от яйца Фаберже! Подумаешь, отрубил палец ворюге! Да так жулику и надо! При других обстоятельствах меня бы, возможно, даже спрятали от патруля. Это и есть та самая правда, о которой вы так заботитесь, чистой воды анархизм. А теперь взглянем на дело иначе.

Вот вам другой пример. В восемнадцатом веке жил один неглупый мужик, он объяснял это лучше меня... Так вот: скажем, меняльная лавка, из нее когда-нибудь вырастет первый московский банк. Богатый меняла дает денежки в долг, под процент. Не понимаете? Ну, чтобы вернули больше, чем взяли. Кто занимает деньги? Бедный караванщик, скажем, из Брянска. Ему надо перекрутиться, купить-продать, оставить семье и так далее... И вот бедняга не справился, не может вернуть долги.

О чем кричит ваша "справедливость"?! Как так можно, заявляете вы, тащить доброго, ни в чем не виноватого трудягу в тюрьму, бить его плетью, продавать в рабство? И вас, конечно, поддержат сотни тысяч бедняков. Они с радостью похваляют камни. И если солдаты, охраняющие менялу, не будут смельчаками и не разгонят толпу из пулеметов, можете не сомневаться: ваша "правда" возьмет верх. Конечно, это же так очевидно! Как можно давать еще больше наживаться лихоимцу, который и без того ездит на моторе и захапал себе кучу денег!

Но эти же ненавистные солдатики спасли бы рыночного воришку от расправы толпы. А торговцы, которым очень хотелось бы махнуть напрямую - ты мне сапоги, я тебе - груздей моченых, втайне рады, что появилась наконец стабильная валюта и за нее можно приобрести на рынке всё. Всё, что нужно, а не метаться по темным углам в поисках товара. Плюс к тому, на рынке тебя охраняют, и ближние дороги уже стали спокойны...

— Ты хочешь сказать, что доволен Москвой?

— Совсем нет, - горько улыбнулся Артур. - Но люди не были довольны и до года Большой смерти. Я просто стараюсь, в который раз, втолковать, что вы заняты безнадежным делом. Вы пытаетесь отделить добро от зла, а это нереально. Не я это сказал. Мне тоже очень хотелось бы помочь забитому ковбою, которого обдирают налогами московские вояки. Мы можем прийти в его деревню и прогнать гарнизон. Мы можем заставить купца вернуть деньги тем беднякам, что брали у него в долг, а теперь проданы ему с потрохами. И чего мы добьемся? Лично я не желаю стать героем фольклора вроде Емельки Пугачева или Стеньки Разина. Эти чудовища со своим обостренным пониманием правды не принесли народу ничего, кроме многолетних страданий. Поймите же, мы можем спасти десяток обиженных, но нанесем удар по системе взаимной безопасности, по общественному интересу. Купец больше не даст денег в долг, рубль обвалится, и пострадают все! Ковбой откажется содержать солдат, и рано или поздно его дом сожгут соседи или дикари. Только никто уже не защитит его! Пусть сейчас всем плохо, но так бывало и раньше. Либо появится сильное государство, либо по дорогам будут носиться банды шептунов...

Качальщики молчали. Незнакомые старики посасывали свои трубки, заполняя прогретую внутренность церкви сладковатым дурманом, Бердер раскладывал вокруг костра сырые поленья. Карин валялся, спеленутый, на постели из еловых лап и не подавал признаков жизни. Дым от костра поднимался к прорехам в крыше, обволакивал стены, где в вышине еще грозили пальчиками почерневшие лики православных святых. Сразу за церковью начиналось кладбище, но за век снега и дожди размыли могилы. Сквозь пролом окна Артур видел кусок решетки, изъеденную временем верхушку креста и почти вертикально торчащую из лужи крышку цинкового гроба. В таком гробу когда-то привезли из Чечни соседа Серегу... На деревьях уже набухали почки, по обломкам рухнувшей звонницы сосредоточенно вышагивали грачи, подступивший к деревне лес вздыхал, точно живой, и отряхивал на землю миллионы брызг.

— Мы не отделяем добро от зла, - медленно произнес Исмаил. - Мы слушаем Землю, а Земля для всего сущего на ней - всегда добро. До Большой смерти не было Тех, кто раскачивает. Потому что земля справлялась сама с теми ранами, что вы ей наносили. Мы читаем книги, Артур. Последнюю сотню лет до Большой смерти Земля почти не справлялась. Вы забрали у нее почти всё, не спрашивая. Как нас назвал твой знакомый музейщик? Альтернативным разумом? Сложное слово, но я понимаю. Этот самый альтер... разум должен был появиться намного раньше. Но я имею в виду не Тех, кто раскачивает, совсем другое. Теперь неважно, после Большой смерти Земля качнулась, они погибли...

Ты думаешь, Проснувшийся, что Вечные пожарища - это самое печальное, что есть на планете? Это не так. Ты знаешь, что последние двадцать лет вытекает в землю из древних заводов? А такие заводы повсюду. Люди ушли, а порошки, несущие смерть, остались. Мы пытаемся их остановить, но не успеваем, нас слишком мало. Ты помнишь, я брал тебя с собой на северный берег? Помнишь кладбища птиц, целые стаи птичьих скелетов? Помнишь рыб без глаз, рыб, покрытых язвами, тысячи мертвых рыб, вмерзших в лед у берега? Они погибли от огненных грибов, что давали тепло и свет... Только Те, кто раскачивает, поняли, чем опасны огненные грибы. Они остаются внутри рукотворного камня, они больше не дают тепла, они не двигают больше подводные корабли, но они не спят... Они продолжают раскачивать Землю, а не мы.

Понимаешь? Если бы миллионы людей не умерли от болезни СПИД, Земля скинула бы их. Она уже начала раскачиваться, еще тогда, но вы не замечали!

Исмаил говорил всё быстрее. Это была первая столь долгая проповедь, которую услышал от него Коваль за три года. Сейчас Качальщик не на шутку разгорячился; на обычно безмятежном, непроницаемом лице разлился румянец, сцепленные в замок руки, напротив, побелели.

— Вспомни хорошенько, Клинок, разве не было такого в давние времена, чтобы большие рыбы сами бросались на сушу, ища себе смерть? Разве не было такого, чтобы из грязных озер навсегда улетали птицы? А сколько тысяч уродов рождалось у ваших женщин?

— Такое случалось, но...

— Просто вы не понимали, что это значит! Земля уже качалась, Слабые метки уже бродили по ее поверхности, и достаточно было самой малости... Когда мой дед был еще ребенком, он нашел на краю теплого пожарища живую траву. Это пожарище не породил мертвый завод, там сошел с пути паровик, что вез военную химию... Мой дед взял в ладонь эту травинку, она была единственной посреди пустыни. Он дотронулся до нее и понял, что нашел один из звенящих узлов. Он нашел такую Слабую метку, которая могла бы раскачать не то что Вологду или Шарью, она могла бы раскачать всю Землю между океанами. И знаешь, что он сделал, Проснувшийся?

Ты чувствуешь справедливость, ты не тронул бы этой травы, возможно, даже бы полил ее водой, но не более того. А такой человек, как Карин, он бы прошелся по ней сапогом. Просто так, без удовольствия, но наступил бы, чтобы зеленые лепестки не нарушали серого цвета смерти! И таких, как твой соборник, в городах - большинство.

Если они встретят цветок, то непременно сорвут его, чтобы выкинуть. Если в городской пруд спустится дикий лебедь, они убьют его и зажарят, как будто им не хватает еды! Они сливают свое дерьмо в реку, из которой пьют воду! Они плодят болезни вокруг своих жилищ, потому что каждый выплескивает нечистоты под дверь соседу!..

Они боятся всего, что не подчиняется их бездарному городскому колдовству, они боятся нас и запугивают детей. Они не представляют, сколько сил мы тратим, чтобы сохранить равновесие Земли. Они ненавидят нас, потому что мы раскачиваем слабые узлы, а на самом деле мы их же и спасаем! Посмотри, что ревнитель церкви носит на груди! - Хранитель расстегнул наспящем Карине рубаху, брезгливо подержал на ладони целую пригоршню амулетов и оберегов.

Чего там только не было! На веревочках вперемешку висели христианские кресты разных конфессий, полумесяц пророка и моголеновид, какие-то баночки с волосатыми кисточками, пожелтевший зуб тигра и даже миниатюрный костяной слон с позолоченными бивнями.

— Этим насекомым всё равно, кому лизать пятки. Они будут поклоняться тому знаку, который носит их хозяин. Если папа любит объезжать коней, то они, ради того чтобы остаться при власти, тоже полюбят эту забаву! Они готовы отбить себе жирные задницы и свернуть шеи, но будут делать вид, что им нравится падать в грязь. Если старого хозяина убьют и придет новый, покровитель холодного оружия, они специально выучатся махать саблями, лишь бы не потерять милостей новой власти. А прежнего хозяина тут же забудут и

знак его силы упрячут подальше... А ты, Клинок, нахваливаешь мне их "государство"!

Мой дед был одним из первых Хранителей равновесия, он три дня пролежал возле кустика на пожарище, оберегая его своим теплом, укрывая его от ветра и насекомых. Когда шел дождь, он расстилал одежду, чтобы собрать для растения побольше воды. Там его и нашли родичи. Не все умели слышать, в те годы небо было отравлено дурным запахом смерти. Земля тогда еще не забрала кости миллионов умерших, повсюду жгли костры из человеческих тел, и запах этот мешал Хранителям. Моя прабабушка, мать моего деда, рожала его в первой лесной общине, возле пожарища, но сама она была городская, из Перми. Когда она захотела привезти сына в город, он сразу начал задыхаться. И остальные маленькие тоже. Тогда и стало понятно, что дети из Вечных пожарищ не могут вернуться в города.

И вот они, родичи, собрались вокруг моего дедушки и смотрели, как он спит на сером пепле, обняв зеленый росток. И стали они охранять этот кустик по очереди, не отлучаясь ни днем, ни ночью, ни в самые лютые холода. Охраняли его долго, пока рядом не выросла еще трава и метка не потеряла силу. Те, кто умел слышать, понимали, что дед случайно нашел огромную редкость. Слабые метки такой мощности попадают раз в двадцать лет и обычно там, где нет ничего живого... Где живое пытается вернуться, и если его убить, то Земля не выдержит и взорвется...

— Что значит "взорвется"? - Коваль уже не знал, чему верить. За три года он привык, что никакого волшебства, в смысле черной магии или говорящих котов, не существует, а нынче его снова погружали в трясину сверхъестественного.

— Взорвется - это не означает, что погибнет. - Голос Исмаила был печален, а глаза засасывали, как ледяные бездонные омуты. - Земля сметет всех нас, и ей будет всё равно, что шесть поколений Хранителей отдали жизнь во имя спасения равновесия... Ты слышал о Хранителях памяти?

— Мама Рита, мир дням ее, говорила, что мне незачем с ними встречаться.

— Она права! - кивнул Исмаил. - Эти люди плохо выносят общество. Мой младший брат Кристиан один из таких, он живет у озера Валдай со своей женщиной и детьми...

— Так это ему донес Рубенс о моем появлении в музее?

— Да. Кристиан не ищет общения, но к нему ездил и Миша Рубенс, и другие питерские папы, кто хотел увидеть будущее. Но будущее предсказать не так уж сложно, потому что перед нами всегда лишь его малая часть. Время похоже на старую сосну. Далеко вверх тянется голый ствол прошлого, затем идет тонкий срез настоящего, который тут же сменяется кроной. И каждая веточка на кроне, каждая иголочка - это один из путей, который ты выберешь. И Кристиан может разглядеть лишь одну из тысяч иголок...

— Это называется многовариантностью...

— Пусть так. Я не знаю умных слов. Я познакомлю тебя с Кристианом, но не ради будущего. Он покажет тебе прошлое, для него это легко. Не то прошлое, которое тебе знакомо. И не то прошлое, о котором ты читал в книгах. Он покажет тебе такое давнее прошлое, о котором не слышал ни один книжник до Большой смерти. То, что было пять миллионов лет назад. И то, что было двадцать миллионов лет назад. И шестьдесят миллионов лет назад.

— И что я должен увидеть? Процесс размножения мастодонтов? Или любовные игры диплодоков?

Исмаил укоризненно покачал головой:

— Я не знаю, кто такие диплодоки. Ты увидишь разумных, Проснувшийся.

— Твой младший брат ошибается. Миллион лет назад на планете не существовало людей.

— А разве я говорил о людях?

— Уж не хочешь ли ты сказать, что?..

— Кристиан не видит все ветки будущего, но прошлое понятно ему, как ствол сосны. Трижды на Земле появлялись разумные, и трижды они нарушали равновесие, раскачивали

живую природу до предела... И всякий раз на планете начинался хоровод Слабых меток. Как гнойная сыпь, что предшествует распаду тела. Как таежные клещи, что вгрызаются под кожу и делают там норы, а затем одним ударом яда отнимают у человека жизнь. Планета терпит разумных, пока они не нарушают равновесия... - Исмаил вытер пот со лба. Коваль чувствовал, что еще немного, и он потеряет сознание. Это не было гипнозом, но от Качальщика исходила такая энергия, что спина покрылась мурашками и покалывало в подушечках пальцев. - Когда Слабых меток становится так много, уже не нужно ждать, пока соберется узловой треугольник. Взмах серпа, раздавленный под сапогом жук, пролитая в реку бутылка нефти - всё что угодно!! Трижды планета рожала разумных, и трижды они несли угрозу самой жизни. И планета сметала их, как ты сметаешь с одеяла насекомых, прежде чем положить туда своего сына!

Затем пришли люди. Ты много нам рассказывал, Клинок, о том, сколько атомных станций вы построили. О том, сколько рек вы перегородили плотинами. Сколько леса вы вырубili, чтобы печатать книги. Сколько нефти вы взяли из почвы, и сколько миллионов моторов превращали эту нефть в смертельный дым. А теперь я спрошу тебя. Ты до сих пор уверен, что болезнь СПИД поразила человека случайно?

- Ну... Находились соборники, которые кричали, что это небесная кара, Божий промысел...

- Если бы на небе жил Бог, - отмахнулся Исмаил, - мой брат сказал бы мне об этом первому... Теперь послушай Прохора, он скажет тебе главное.

- Считая от года Большой смерти, никогда не плодилось столько Слабых меток... - Прохор Второй немного гнусавил: один из "экспериментальных" медведей когда-то заехал ему лапой в нос. - Мы следим за теми, что бродят вблизи древних заводов или там, где под землей спят огненные грибы. Мы расплавили тысячи поселков, и там, где мы прошли, звон прекращался, и наступало равновесие. Теперь метки уходят на запад, они стягиваются вокруг Москвы, потому что Земля чувствует здесь наибольшую угрозу. Пока еще, после Череповца и двух военных баз за Уралом, ни разу не складывался звенящий узел такой силы, как нашел дед Исмаила, но это может случиться в любой момент. Равновесие пока что держится. Как только папа Иван или кто-нибудь из его врагов, неважно кто, доберется до древнего оружия, миру наступит конец. В столице и вокруг нее слишком много опасного...

- погоди, Прохор! - Коваль плеснул себе в лицо колодезной воды, сразу стало лучше, мысли потекли ровнее. - Если я верно понял, Москву надо расплавить, чтобы выжил род людской? Но это же абсурд! Есть ведь и другие города!

- Петербург не так опасен. - Прохор достал из золы картофелину. - Сегодня там нет человека, который собирается отравить целый город.

- Господи! Да о ком это ты?!

- О президенте Иване... - Артур чуть не подпрыгнул. Вместо Прохора ответил настоятель. Дышал он через силу, но температура, по-видимому, спала, снадобья Хранителей сделали свое дело. - Папа Иван собирается отравить воду в Волге, чтобы вынудить Ярославль платить налог.

33. Новый друг лучше старых трех

- Да это же черт знает что! - подскочил Артур. - Волга, она же длинная, так и до самой Москвы дойдет!

- Не дойдет... - Карин слабо подвигал пальцами. - Колдуны сказали, что яд разлагается быстро, у них есть книги...

- Уж не ты ли, гад, сам и предложил? - вкрадчиво осведомился Коваль. - А теперь решил под святого закосить?

- Не он! - отозвался Бердер. - Он предлагал копить силы и выступить против Ярославля большой армией на следующий год. Но в голове у нашего соборника есть задумки и похуже. Я прав, насекомое? Это место, к западу от Москвы, называется Красногорск-3. Скрытый

въезд под землю, большие ворота. За воротами другие. Там стоят моторы, не меньше тридцати. Все они исправны. И на моторах уложены ракеты. Отдельно, ниже этажом, хранятся детали к этим ракетам. Без деталей они не могут взрываться. Моторы можно запустить, а ракеты нельзя, потому что ими управляло... м-м-м... стеклянный сосуд с нержавеющей стали внутри...

– Компьютер! - подсказал Коваль. - Там и золото, и платина...

– Эти ком... пьютеры они оживить не могут. Но люди Карина забрали с собой одну ракету и дали инженерам. Инженеры сказали, что ракету можно оживить, хотя это опасно, но внутри нее есть еще один... ко... эта самая штука, и непонятно, как ракету направить.

– Без гироскопов она начнет метаться, как заяц в капкане! - успокоил Артур. - Но скорее всего никуда без программы не улетит, взорвется на старте.

– А это неважно, где она взорвется! - сказал Бердер. - Даже если ракета не породит огненный гриб, может возникнуть та самая Слабая метка...

У Карина задергалась щека. Телепатия Качальщиков повергала его в панический ужас. Артур вспомнил, как Исмаил в день знакомства довел его до белого каления угадыванием мыслей. Он обернулся к Бердеру:

– Если вы... начнете расплавлять Москву, погибнет уйма народу!

– Я говорил тебе три года назад и сейчас повторю. По тем Слабым меткам, что бродят вокруг Москвы, нам быстро не собрать узлы. Нас слишком мало, а город огромен. Есть метки в самой Москве, в центре. Если качнуть оттуда, распад пойдет тихо...

– Очень тихо! - вставил слово Исмаил. - Люди успеют заметить и уйти.

– Мы не убийцы! - добавил Прохор Второй. Теперь все пятеро смотрели на Артура. Просто смотрели, ничего не говоря. И снова, как ни странно, на помощь пришел Карин:

– Мы можем пойти вместе... Меня люди послушают. Я скажу им, что был у Красных колдунов, и они предсказали землетрясение.

– Ты первым делом побежишь спасать президента! - Артур пожалел, что так и не врезал святому отцу в ухо, пока тот был цел.

– Иван - трус и дурак! - скривился Карин. - Против него готовят заговор. Когда его убьют, будет трое желающих сесть на его место. Тут уж как повернется...

– Всё ясно! - сказал Артур. - Тебя могут повесить за компанию... Значит, другого пути нет? - повернулся он к поджидающим Хранителям. - Нет другого пути остановить эти самые Слабые метки? Н-да... И потом! - спохватился Артур. - Я этому серому кардиналу не верю, он сдаст меня с потрохами. А если его отпустить вперед, то меня пристрелят, не доезжая до Кольцевой! Там полгорода с автоматами гуляют!

– Вы отправитесь вместе, Проснувшийся! - улыбнулся один из незнакомых дедушек.

– Ты ошибся, Качальщик! - Хохот настоятеля звучал, как воронье карканье. - Ты тоже веришь в глупые сказки? Ваш подмастерье никакой не демон! Поищите кого-нибудь понадежнее. Если бы не я, его забили бы кольями темные крестьяне на рынке!

– Это не сказки, соборник! Так написано в Книге, а наша Книга никогда не врет! - важно заявил Прохор.

– Я тоже доверял Красным колдунам, - отмахнулся Карин. - И чуть было не поверил ему, но затем кое-что вспомнил! Проснувшийся демон должен был явиться в Москву верхом на крылатом змее, а ваш Клинок приехал на кобыле. У него, правда, имелся змей, но тот вряд ли бы и зайца унес!

– Ах, вот ты о чем!

Прохор внезапно повеселел, засмеялись и старички, похожие на добрых лесных гномиков. Затем расхохотался Исмаил и, наконец, вечно не улыбочивый Бердер. Артур переводил глаза с одного на другого и никак не мог понять причину общего веселья. Он вообще никогда не видел Качальщиков смеющимися, да еще столь упоительно, разве что на праздниках рождения детей...

– Ты нам очень помог, соборник! - утирая слезы, выговорил Исмаил. - Ради одних этих слов тебя следовало сюда притащить и вылечить! Выходит, что Красные кровопийцы не

всегда врут! В Книге не было этих строк, но теперь всё совпало! - И старик кинулся обниматься с Бердером, что было уж совсем большой редкостью.

- Да что я такого сказал? - недоумевал Карин, не зная, то ли обидеться, то ли подхихикнуть вместе с этими непонятными Качальщиками.

Прохор Второй загадочно посмотрел на Артура, затем сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул. Сначала ничего не произошло, затем пропали голоса птиц. В наступившей тишине стало слышно, как потрескивает остывающая зола и свистит в кронах озорной весенний ветер. А потом Артур краем глаза уловил какое-то движение, оглянулся на разбитое окно и... прирос к полу.

На лужайку перед церковью величественно и неторопливо выходил крылатый змей. Этот взлетит, почему-то сразу понял Коваль и чуть не поперхнулся слюной. На сей раз Прохор постарался на славу. Любопытно, как это ему удалось так долго скрывать свою последнюю разработку? Заодно стало понятно, каким образом троица генетиков догнала авангард с такой скоростью...

Это был настоящий Змей Горыныч, совсем не классический пузатый дракон из области британского фольклора. Существо, стоящее на лужайке, обладало вполне приличными аэродинамическими качествами. Поджарое тощее тело, метров шести в длину, маленькая узкая голова. Короткий мощный хвост не волочился бестолково по земле, как у прежних "моделей", а приподнимался вверх наподобие паруса. Зато две пары крыльев за спиной. Каждое из передних, маховых, крыльев превышало длину тела. Задние, очевидно, выполняли функции рулей и, как выяснилось позже, позволяли змею висеть на месте по принципу вертолета. Лапы остались прежние, крокодильские, слишком маленькие для такого огромного туловища, отчего рептилия слегка смахивала на таксу.

- Прохор, ты превзошел себя! - прошептал Артур. - Восемь конечностей, это нереально!

Карин тоже оглянулся. Под впечатлением от увиденного вскочил на сломанную ногу и упал в костер. Если бы не Бердер, пришлось бы лечить настоятеля от ожогов.

- Я на... на этом никуда не полечу! - помертвевшим голосом заявил настоятель.

- Не правда ли, она прекрасна? - Прохор вышел на улицу, потрепал зверя по голове. Дракониша сразу потянулась к сумке, ожидая от хозяина лакомства. - Это не только моя заслуга. Семен и Марти, мы работали вместе! - Он махнул в сторону своих скромных помощников. В глазах обоих старичков светилось обожание. Они буквально боготворили свое детище.

- Из какой детской книжки ты ее вытащишь?

Артур тоже вышел на воздух. На спине змея крепилась сложная упряжь. Три седла, место под багаж, даже крепления для оружия. Сложная уздечка из сыромятных ремней крепилась под крыльями и нижней челюстью, охваченной толстым металлическим намордником.

- Никакие удила не выдержат давления зубов, мы пробовали! Кроме того, она хватает птиц на лету! - любовно поглаживая зверя по жесткой зеленой чешуе, нахваливал Прохор. - Теперь самое главное, Клинок. Мальвина очень пуглива. Если этот безумный сборник будет продолжать свои вопли, девочка испугается и может перевернуться...

- Как... как ты ее назвал?! - давясь от смеха, спросил Артур.

- Мальвина! - ответил маленький Семен. Он доставал из мешка и кидал в пасть драконише нещипанных куриц, та заглатывала, не жуя.

- Вроде бы это имя из датского фольклора! - проявил осведомленность Прохор. - Мне подсказал кто-то из детей. Слушай, Клинок, я покажу тебе, как управлять. Запомни три вещи. По земле ее не гонять, это полетный вариант. Фруктами не кормить, будет поносить. И ни в коем случае не ругать и не замахиваться. Это тебе не лошадь, с ней надо обращаться бережно! Она лучше, чем оба твоих коня и Миг впридачу, она стоит троих старых друзей, поверь мне! Подойди, Мальвина понюхает тебя, и мы вас оставим наедине. Всё как обычно, ты же знаешь. А потом посмотрите по карте, куда лететь, это в самом центре...

Установив первый ментальный контакт с драконом, Артур еще раз поразился творческому гению Прохора. Мальвина была гораздо умнее обычных змеев. И гораздо более тонко устроена, что ли...

— Ну что, милая? - спросил Артур, глядя драконихе в томные, обрамленные двойным рядом ресниц глаза. - На тебя вся надежда. Рот открой, у тебя там гадость какая-то застряла...

Мальвина послушно раззявила пасть. Артур вынул нож и вытащил застрявшую между резцов куриную лапу. Каждый зуб превосходил размерами спичечный коробок. Мощные когтистые лапы нервно скребли дерн.

Коваль оглянулся. Позади стоял Бердер. Его белая льняная рубаха раздувалась на спине, как парус.

— Ты хотел о чем-то спросить, Клинок?

— Да, учитель.

— Наш ответ: да. Если ты сделаешь всё, как надо, сможешь забрать женщину и обоих детей. Можете уйти, когда захотите.

— Ты тоже хотел спросить меня, учитель? - Коваль вдруг вспомнил, как он когда-то не мог рассмотреть лиц Качальщиков. Насколько ловко они прятались от всякого чужого, и насколько родными эти фанатики стали для него теперь...

— Я уже спросил и уже получил ответ, Клинок.

А я вот не получил ответа, подумал Артур, глядя вслед учителю. Я не уверен, что хочу возвращаться в Питер.

34. Проснувшийся демон

Коваль чуть не плакал от восторга. Даже несмотря на лютый холод, качку и встречный ветер, пробиравший до костей, ему хотелось кричать на всю округу. Мальвина махала крыльями с пугающей частотой, пока не набрала километровую высоту. Здесь она периодически отдыхала, отдаваясь во власть воздушных потоков, а затем под седлом снова начинали сокращаться стальные мускулы, оба седока зажмуривались и прижимались к горячей, как печка, спине. Сиденье скорее напоминало не седло, а жесткие штаны с двумя широкими лямками, крест-накрест облегающими плечи. В противном случае никакой наездник не сумел бы удержаться; дракониха, в отличие от сказочных собратьев, рыскала из стороны в сторону, а иногда проваливалась в воздушные ямы. Лица пришлось натереть жиром и вдобавок замотать головы толстыми шарфами.

В таком виде Коваль больше походил на старую цыганку или бедуина, но зато появился повод посмеяться над иллюстраторами старых романов-фэнтези. Никто из этих ребятишек и близко не представлял, каково это - подставить рожу ветру на скорости километров двести в час, да еще на такой высоте.

Он сверился с внутренним будильником и потянул на себя вожжи. Мальвина чуть развернула левое крыло навстречу ветру и, гася скорость, начала снижение по плавной дуге. Заходящее солнце выкинуло последний отчаянный луч из темной гряды облаков, и вокруг Артура, насколько хватало глаз, развернулась панорама неопишуемой красоты. Излучина Москвы-реки полыхала всеми оттенками, от бледно-розового до глубокого ультрамарина. Прямо над головой, так близко, что казалось - протяни руку и утащишь за собой, свисали снежно-белые сталактиты облаков, небо на западе переливалось алым, а на востоке переходило в осязаемую чернильную завесу.

Гусиный клин, смешно вытягивая шеи, разворачивался чуть ниже пересекающимся курсом, а еще ниже, словно неведомые волшебные деревья, покачивались у земли тонкие колонны сонных дымок. Сверкнули в закатном мареве шпили университета; принимая переключку, откликнулись огнем армады южных небоскребов, потянули спины уставшие за день мосты, и сквозь неумолчный свист ветра докатились, наконец, перезвоны со столичных колоколен. Растянувшиеся до горизонта кварталы погружались уже в сумрак, но в центре

сияли сотни огней. Влажная майская морось колыбалась над великим городом, и, точно злой вестник ночи, спускался в сияние костров восхищенный и плачущий человек, прозванный Проснувшимся демоном.

Над застывшим озером ЦПКиО Артур отважился на резкий вираж, чуть не стоивший дрожащему позади настоятелю двух передних зубов. Мальвина все команды воспринимала без задержки и, сложив крылья, камнем ринулась вниз. Затем Карин вторично стукнулся носом о спину Артура, когда захлопали задние крылья и дракониха пошла на посадку.

Десятка два метров она неслась у самой поверхности земли, перебирая лапами, и казалось, что собирается с размаху врезаться в громаду Центрального Дома художников, но всё обошлось.

В наступившей тишине было слышно, как перекликаются часовые на Крымском валу и тарыхтит на реке простуженный дизель.

– Ступай! - сказал Коваль, высвобождая застывшего настоятеля из плена ремней. - У тебя час с небольшим. Если я узнаю, что ты пошел не в ближайший гарнизон, а в Кремль, ящерица тобой позавтракает.

Карин, опираясь на костыль, сделал два неуверенных шага. Его здоровое колено подогнулось, и настоятель плюхнулся на обломок каменной тумбы. Затем его вырвало. К счастью, в темноте Артур не видел его лица.

– Мы ведь больше не увидимся, демон? - глухо спросил из мрака Карин. - Я хотел бы как-то отплатить тебе...

– Предупреди людей. Это лучшая благодарность.

– У меня больше не болит в правом боку... И пропала кровь, когда я хожу по нужде. И что-то в ноге изменилось. Спасибо.

– Лучше бы у тебя в голове что-нибудь изменилось... Что ты будешь делать, святой отец? Вряд ли кремлевских радостно примут погостить в той же Туле или Брянске?

– Не знаю... - Карин тяжело вздохнул. - Я попробую собрать новую общину.

– Без Ивана? Опять рвешься к власти?

– Иван не доживет до утра! - Настоятель зло рассмеялся. - Я говорил ему, что нельзя трогать спящее оружие! Мои братья дважды гадали на козлиную кровь и дважды видели бездну. Я уйду на юг и соберу новую общину, из преданных людей...

– Ступай уже! Горбатого могила исправит...

Когда ковыляющая фигура настоятеля скрылась у моста, Артур привязал Мальвину к дереву. Сделал он это чисто символически; легче было бы удержать дога привязанным к одуванчику. Затем скормил ей остаток курицы и велел ящерице притвориться корягой. Артур поймал себя на том, что бессознательно оттягивает главный момент. Самостоятельно он занимался этим первый раз и оттого немного психовал. Он не ощущал в себе морального права раскачивать, его родители не мерзли в болотах под радиоактивными дождями, не дрались за кусок хлеба, не приручали диких зверей...

Он развязал мешок и на ощупь слил в котелок жидкости из трех бутылочек. Затем добавил туда же нужные порошки. Подождал, пока разгорится огонь под котелком, и осторожно слил бурлящую вонючую похлебку в миску. Теперь предстояло действовать с предельной аккуратностью, малейшая ошибка могла погубить всё дело. Он сделал короткий надрез на левом запястье и проследил, как кровь, капля за каплей, тонет в зеленоватом бульоне. Как только жидкость зашипела и окрасилась в ровный кирпичный цвет, он отдернул руку и замочил в миске заготовленные тряпки. Затем, встряхивая обожженными пальцами, слегка отжал тряпицы и вытащил из заплочных ножен длинный кривой нож. Бердер затачивал лезвие больше часа, вода по куску грубой кожи, и малейшее неосторожное прикосновение могло нанести глубокую рану. Артур натянул длинные плотные перчатки. Из отдельного запечатанного пузырька, стараясь не капнуть на кожу, он пролил на лезвие черную, как смола, воду. Одна капля такой воды - и человека не спасет даже Анна Первая, лучшая знахарка общины. Черную воду готовили особым образом из той мертвой влаги, что сочилась в ров на краю пожарища.

Коваль искал молодые деревья, старые не годились. Он выбрал три подходящих ствола, обернул вокруг них еще горячие, остро пахнущие травами тряпки и сделал на коре по два надреза в виде косо́го креста. Мальвина следила за хозяином, ее глаза вспыхивали, как у огромной кошки, отражая лунный свет. Затем она улеглась на брюхо и принялась шумно устраиваться на ночлег.

Первые деревца оказались ложным следом. Артур повторил операцию, затем еще раз, отойдя подальше. Бердер не мог ошибаться..

Седьмой по счету ясень оказался именно тем, что он искал. Еще не веря собственным глазам, чувствуя предательскую дрожь в коленях, Артур подобрался к дереву вплотную. Слабая метка, вот она! Он, самый обычный человек, никому не известный инженер, только что вызвал к жизни страшную силу природы! У Артура было такое чувство, будто он активировал детонатор водородной бомбы. И почти сразу же сквозь мозг пронеслась теплая, ободряющая волна - это откликнулись разумы пятерых ожидающих его Качальщиков.

Юный трехметровый ясень колотило, как в лихорадке. Словно гигантский чокнутый крот подкопался под корни и пытался вытолкнуть дерево наружу. Артур сделал еще один надрез. Теперь раскачивался не только ясень, теперь в движение пришли как минимум шесть или семь крупных деревьев вокруг.

Мальвина подняла голову и низко заворчала. У ясеня сползала кора, скатываясь, точно засохшая змеиная кожа, одна за другой чернели и отпадали налившиеся соком почки. Затем раздался протяжный хруст, и ствол треснул пополам. Обрывки мокрых тряпок полетели на землю. В местах надрезов древесина превратилась в гниющую труху.

Артур застыл на месте, не в силах оторвать глаз. Соседний большой ясень накренился, с чавканьем из почвы показались узловатые переплетения корней. Земля под ногами вздрагивала всё ощутимее.

Над парком вспорхнули сотни птиц, но не улетели, а построились в жутковатый могильный хоровод. Они не каркали, не чирикали и не курлыкали, они молча носились по кругу, и каждую секунду к ним прибывало пополнение. Внезапно Артур ощутил резкую боль в правой лодыжке. Он нагнулся и, если бы не отточенная реакция, был бы вознагражден укусом в лицо.

Белка промахнулась самую малость, приземлилась и тут же бросилась в атаку вторично. Артур зарубил зверька в полете, почти машинально. Еще две белки прыгнули на него из темноты; их постигла та же участь. Мальвина зарычала в полный голос и поднялась на ноги. Тугой поток воздуха от взметнувшихся крыльев ударил Артура в спину. Дракони́ха чувствовала колебания земли гораздо острее человека и нервничала в опасном месте.

Птиц стало очень много. Коваль почти их не различал на фоне ночного неба, но чувствовал, что их уже несколько тысяч. Там кружили перелетные пернатые, не добравшиеся еще до родных водоемов, и местные, зимовавшие в Москве синицы, галки, голуби... С ужасающим грохотом отломилось сразу несколько веток у дряхлого тополя. Артур еле успел отскочить. Нападение белок его отрезвило. Хорошо, что в парке нет других, более крупных, зверей. Правда, Мальвина его защитит, если что, но против столь многочисленного воздушного противника и дракон может оказаться неважным телохранителем. Задрав оскаленную пасть к небу, дракони́ха тоже прислушивалась к неумолчному шелесту тысяч маленьких крыльев.

Земля уже не просто вздрагивала, она плясала под ногами. Артур чувствовал себя как на палубе катера, у которого в шторм отказал мотор. В десятке метров от него почва вздыбилась, пошла трещинами, из которых тут же хлынула вода. Несколько деревьев попадали, образовав непроходимый частокол. Обветшавшая каменная беседка на пересечении аллеек вдруг подскочила в воздух и рассыпалась на части. И тут ушей Артура достиг низкий вибрирующий гул. Он отскочил в сторону от летящей сверху ветки, обернулся и... ощутил, как встают волосы на затылке. Громада Выставочного зала медленно, но неуклонно уходила под землю. К счастью, здание не очень подходило для жизни, ни единый огонек не мелькал в черных провалах оставшихся на месте окон. Исполинская конструкция,

кряхтя, расползалась, с визгом отлетали облицовочные камни, словно тонкая проволока, рвалась железная арматура... Но зал не просто засасывало в почву, что-то происходило и с рекой. Артуру почудилось, что река приблизилась. Или часть берега вместе с набережной ушла под воду, или начался неслыханный доселе разлив. С оглушительным ревом, подобно цунами, вода заливала внутренности бетонной коробки. Рядом с погибающим Домом художников тянулись в небо какие-то легкие ажурные конструкции. Только когда они со скрежетом и звоном начали распадаться на части, Артур понял, что это такое. В парке оставался кусок американских горок, каким-то чудом продержавшихся стоймя целое столетие. И теперь эта циклопическая "верблюжья спина" и кольцо "мертвой петли" начали неторопливое падение.

Артур кинул взгляд в сторону Крымского вала. Святой отец не подвел, на мосту нарастало движение. На фоне горящего в бочках мазута хорошо было видно, как из центра потянулся ручеек подвод и моторных транспортных средств. Слышались крики, целая толпа собралась у парапета, показывая пальцами в парк, носились всадники с факелами и газовыми фонарями. Если эпицентр находится здесь, подумал Артур, стало быть, разошлось еще не так далеко! Но сумеют ли Качальщики выполнить вторую часть плана и "погасить волну" за пределами столицы?

В эту секунду земля заходила ходуном, и в метре от Артура образовалась глубокая расщелина. Он отпрыгнул, но нога встретила пустоту. Для того чтобы вернуть равновесие, надо было найти хотя бы одну точку опоры. Артур упал, и тут же что-то острое ударило его в спину. Ворона. Коваль машинально отмахнулся, но птица спикировала второй раз. Он перекатился на спину, готовясь обороняться. Большой, отравленный ядом нож пришлось выкинуть, а вместе с ним и перчатки...

Несколько болезненных щипков вернули его к реальности. Ворона была не одна, с десяток птиц кружили, норовя заехать клювами ему в голову. Артуру показалось, что среди ворон появился какой-то хищник; мгновение назад он отчетливо видел короткий изогнутый клюв, но теперь большая птица исчезла.

Защищая локтем глаза, он поднялся на ноги и тут же услышал низкий рык Мальвины. Всё что угодно, только не это! Если дракон сойдет с ума или решит переметнуться в лагерь нападавших, ему не выбраться из парка! Артур рванулся что было сил, подзывая ящера коротким свистом. Бердер просил дождаться, пока в центре не обозначится "знак отлива", иными словами, пока "волна" не уйдет дальше, оставляя пяточок спокойствия. Но, судя по поведению птиц, до спокойствия было далеко...

Он продвигался вперед, думая только о том, чтобы не упасть, и почти ничего не видя перед собой. Второй длинный кинжал остался в седле, поэтому отбиваться приходилось двумя короткими клинками. С каждым взмахом руки он рассекал одну, а то и сразу двух обезумевших птиц, стараясь не упустить момент, когда появится настоящий враг.

Он снова свистнул, но Мальвина не слышала его. В парке творилось настоящее светопреставление. Один за другим, точно костяшки домино, рушились дома, примыкающие к лесному массиву по Большой Якиманке. Они даже не рушились, а почва под ними становилась вдруг жидкой и засасывала здания, тут же сжимая их и перетирая в крошку. Грохот стоял такой, точно вблизи закрутились десятки каменных жерновов.

Из-за шума Коваль окончательно растерялся. Он не слышал, не чувствовал, где находится дракониха, вокруг громоздились сплошные завалы, ровные аллеи превратились в ямы и кратеры, а птицы продолжали молча пикировать на голову. Слава богу, им не доставало ума нападать снизу.

Обе руки Артура по локоть были покрыты стекающей кровью, лицо он опустил вниз, отбиваясь вслепую, и в подобной позе, вспоминая хичкоковский кошмар, выбрался наконец на относительно ровное место. И почти сразу ему в ногу вцепилась крыса. От неожиданности он покачнулся и чуть не упал. Привычное, выработанное годами тренировок восприятие покинуло его. Обычно хватало легкого усилия, чтобы подчинить своей воле птицу или мелкое млекопитающее, но сейчас ни одна из этих безумных тварей не проявляла

признаков послушания. Вторая крыса бросилась на грудь, совсем близко от лица Коваль увидел ее ощеренную пасть. Одновременно острый клюв ударил в левое плечо, а по лицу хлестнуло мощное крыло.

Артур расслабился, высвобождая энергию боя, и тут же завертелся в диком танце. Он колотил и рубил налево и направо, он кувырчался и давил их ногами, иногда не различая, где верх, где низ. Кто бы мог предположить, что в крохотном лесочке посреди города обитает такое множество мелкого зверья! Под натиском наступающей воды крысы катились бесконечным визжащим потоком, и не только крысы. Каждое животное, почуяв человека, забывало о вселенском ужасе и кидалось на него, обнажив клыки. Коваль зарезал десятка три крыс, по счастью, самого обычного размера, штук пять бакланов и кошек, без счета чаек и птиц помельче.

Его одежда превратилась в лохмотья, левую штанину по колено оторвала дикая собака, Артур сломал о врага четыре последних лезвия. Мышей, белок и прочих мелких грызунов, норотивших забраться под одежду, он давил голыми руками. Но большинство из них успевали укусить его хотя бы раз. Хуже всего была рана на локте. В горячке он не сразу заметил, что рука перестает слушаться, а затем в рукаве стало горячо, а пальцы скрутило, как у паралитика...

В тот момент, когда невидимая крупная птица схватила его когтями за шею и рассекла клювом лоб, что-то изменилось вокруг. Могучая туша дракона стремительно надвинулась из темноты и подмяла человека под себя. Испугаться у Артура не хватило сил. Он лежал на спине, почти раздавленный брюхом ящера, и сплевывал кровь. Мальвина услышала его крик и пришла на помощь. Она защищала хозяина, как защищала бы детенышей, накрыв своим телом.

Верхняя губа Мальвины приподнялась, освобождая скрытую пару ороговевших ноздрей. Миг спустя горло рептилии содрогнулось, и над трясущейся поляной пыльным фиолетовым сполохом раскрылся огненный цветок. Плотная струя огня ударила в небо, в самую гущу птиц, мигом превратив их в кричащие факелы. Затем Мальвина повела головой, выжигая полукруг на поверхности земли, и опять задрала морду вверх. Живое море хлынуло вспять, крысы и мыши на бегу превращались в скелеты, дикие кошки катались, теряя остатки шерсти. Освещая побоище, сверху падал настоящий ливень из горящих трупов птиц. Несколько облезлых псов, роняя слюну, кинулись на Мальвину сбоку и повисли на крыле. Дракониha взвыла, стараясь их скинуть, Артур освободился и кое-как встал на четвереньки. Ему удалось усилием воли остановить кровь, но левый глаз ничего не видел. Правый локоть превратился в сплошной голый нерв. Вокруг стало светло как днем. Горело всё, даже то, что не должно было гореть: сырые корни деревьев, насквозь промокший кустарник. Отвратительно воняло паленой шерстью. Мальвина каталась по земле, ударами хвоста раскидывая нападавших, но тех было слишком много даже для такого гиганта, как она. За кругом затухающего пламени Артур видел тысячи и тысячи маленьких свирепых глаз, полчища наземных и летающих живых существ, порожденных его волшебством. На земле огонь слабел, но в спутанных ветках ближайших кустарников неистово бушевал пожар. Улучив момент, когда Мальвина перекусила шею очередному псу, Коваль прыгнул в седло.

— Хоп-па! - Он дергал вожжи, но рептилия, взбешенная дракой, не реагировала.

Она крутилась на месте, делая короткие плевки. Каждый сгусток огня достигал цели, но сражаться против вставшей на дыбы природы они не могли. Артур понятия не имел, на сколько еще Мальвине хватит заряда. Чтобы набрать полный объем горючей смеси в мешок, расположенный между легкими, Прохор в течение недели каждый вечер поил свою питомицу особыми тайными отварами. Синтез в организме ящера заканчивался лишь на пятый день.

— Хоп-па!

Коваль завладел наконец вторым кинжалом и почувствовал себя увереннее. Дракониha ревела, приседая на вздувшихся лапах, одна из кожаных пластин крыла была располосована когтями. Под сорванной броней чешуи на боку багровели лохмотья мяса. И тут на Коваль

бросилась корова. Такого поворота он никак не ожидал, корова не могла родиться в степи, она принадлежала людям. В паху буренки раскачивалось увесистое вымя, на лопатке виднелось треугольное клеймо, а на шее болтался кусок оборванной веревки. Налитые кровью глаза излучали такую свирепость, что Артур пожалел об оставленном в деревне ружье. Корова бежала, сосредоточенно выставив рожки, и ей, похоже, было наплевать, кто там впереди - дракон или болонка. Никакие метательные ножи бы ее не остановили. Мальвина как раз отвлеклась на очередную собаку, когда корова с разбегу ударила ее рогами в бок. Такого удара чешуя не выдержала, рептилия издала сумасшедший вопль, дернулась всем телом, рога застряли, и корова тут же сломала себе шею.

— Хоп-па! - Коваль дубасил дракониху пятками и наконец поймал слабый отголосок ее возбужденного сознания. - Давай, милая, давай!! - умолял он, оттяпывая головы сразу двум осатаневшим котам.

Мальвина распустила все четыре крыла и без разбега поднялась в воздух. Артур обнаружил, что забыл просунуть правую ногу в седельные "штаны", и какое-то время с риском для жизни болтался над пропастью. Подтягиваться он мог только левой рукой, правое предплечье, порванное собачьими зубами, бездействовало. Кровь уже не сочилась, рукав намертво прирос к коже, но при любом движении боль стреляла от кончиков пальцев до затылка.

Он направил дракона в сторону, иначе они угодили бы в самый центр птичьей стаи. Несколько секунд крылатый змей летел как бы между двумя живыми пульсирующими облаками. Снизу, давясь от ярости, выпрыгивали в воздух очнувшиеся от сна сухопутные обитатели парка. Сверху, угрожающе шелестя крыльями, нависала орда еще более грозного противника...

Потом, когда Коваль понял, что опасность миновала, что они вырвались, он позволил себе достать флягу и, скрипя зубами от боли, отмыл спекшиеся ресницы. Внизу разворачивалось страшное и безумно красивое зрелище. От солнечного диска на западе оставался узенький серп, и в косых лучах заката бывший Парк культуры трепетал, словно живот умирающего в агонии зверя. "Волна" достигла середины реки, и маслянисто-блестящая стена воды готовилась обрушиться на Пречистенскую набережную. Парк смотрелся так, точно туда недавно угодил метеорит, деревья валились спиралью, кронами от центра. Выдергивая ветки, поднимая в воздух тучи грязи и строительного мусора, раскручивался невиданный для центра России смерч. Там, где проносился вихрь, срывало даже верхний слой почвы. Но Коваль уже знал, что на месте погибших растений через короткое время, как на дрожжах, поднимутся свежие непроходимые заросли.

Храм Святителя Николая накренился под углом градусов в двадцать и вот-вот собирался осыпаться. Не осталось ни Выставочного зала, ни жилых кварталов к востоку. По прилегающим улицам во всю мочь удирали пешие и конные, а асфальт под их ногами расплавлялся и проседал. Вдали столкнулись и горели два автомобиля. Артур не мог не усмехнуться. Последние минуты его пробирал безотчетный нервный смех. Очевидно, это было первое серьезное дорожное происшествие с участием моторных средств за прошедшие сто лет.

Он направил дракона к Кремлю. Пока что здесь не качало, но внизу наблюдался беспорядок. На площади горели десятки костров и поминутно вспыхивали новые. Непрерывный поток беженцев уходил по Воздвиженке и Тверской, мощным набатом гудели колокола. Где-то в темноте северных кварталов проносились трассирующие автоматные очереди. Цунами, поднятое первыми толчками, улеглось, но как раз в этот момент волна достигла опор Москворецкого моста и разом смыла несколько десятков подвод и автомобилей.

Артур напряг зрение. В черной воде среди ледяного крошева барахталось целое стадо мычащих, обессиленных коров. Некоторые пытались выбраться, но течение волокло их за собой. Люди с пристаней кидали веревки и сами бросались в реку, пытаясь спасти скотину. Лучше бы они этого не делали, мрачно подумал Коваль. Как только "волна" накроет район,

скот взбесится и кинется топтать своих же хозяев. Всё будет против людей. Всё будет против людей, пока не восстановится равновесие...

Последнее, что он видел, разворачивая всё еще ворчащего дракона на север, была мгновенная кончина причалов вокруг большой ярмарки. Баржа с лесом стояла почти вертикально, словно последний кутузовский гренадер, отдававший честь погибающему городу.

35. Право на лево

— Ты хочешь, чтобы я решала за тебя? - Надя вынула из печи дымящийся пирог с брусникой и поставила перед ним на стол.

Артур вздохнул:

— Я никогда ни о чем не советовался с тобой.

— Ты не такой, как другие музейщики. И ты не такой, как здешние. Ты сердишься тогда, когда другие смеются, и смеешься, когда другие серьезны.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты не можешь скрыть своей злобы... - Надя Ван Гог распустила волосы и принялась их расчесывать, как делала всегда, когда волновалась. - Ты сердишься оттого, что я должна в будущем году лечь с другим мужчиной.

— А я должен радоваться? - Он свирепо кромсал пирог левой рукой. Правый локоть до конца так и не восстановился. Порванное сухожилие срослось неправильно, и Бердер намеревался в ближайшем будущем провести новую операцию.

— Я же говорю, ты не такой, как все. Ты прожил со мной почти четыре года, но в чем-то не меняешься... Ты же знаешь, что год мой живот отдыхал, а теперь я обязана понести нового ребенка.

— Кстати, почему не слышно детей?

— Твой сын ушел в лес с Хранительницей. Она хвалит его, говорит, что он добьется успехов. А Белочку ты, как всегда, не заметил. Она спит в обнимку с собаками.

— Ты могла бы родить еще ребенка от меня.

— На кого ты сердишься, Кузнец? На законы, которые дают жизнь всем? Или на Землю, которая отняла эту жизнь в год Большой смерти?

— И ты туда же, вслед за Хранителями? Подводишь научный базис...

— Ты опять говоришь непонятно! - Надя подошла, отобрала у мужа нож и придавала пирогу божеский вид. - Ты очень умный, Артур Кузнец. Иногда я думаю, что ты не только умнее меня, ты умнее и многих здешних мужчин... Я не знаю, о каком базисе ты говоришь, но Анна Вторая мне многое рассказала. После Большой смерти мать-Земля сделала так, что женщины разучились рожать. Земля высушила их чрева, чтобы люди никогда больше не плодились... А те, кто стали мамами, несут свой долг с радостью. Если мы не будем ложиться с чужими мужчинами и не будем продавать им детей, люди погибнут.

— Я всё понимаю, но мне от этого не легче...

— Тем более, ты знаешь, Артур: я лягу с ним всего раз, ну, может, два. Он хороший папа, он сделал здорового сына внуке Прохора. Он придет и уедет. Вы даже не встретитесь, и заплатишь ему не ты, а община.

— О! Еще этого мне не хватало!

— И ребенок проживет с нами совсем недолго. Его увезут на юг.

— Прелестно! Я, конечно, понимаю твое спокойствие. Тебе ведь известно, что я спал с другими женщинами. Теперь вроде как твоя очередь, да?

— Ты хочешь обидеть меня, Артур Кузнец? Ты обязан был делать детей, ты же папа... Почему я должна страдать, ведь ты не ушел навсегда к другой маме?

— Куда я от тебя денусь...

Положительно, ее невозможно было переубедить. Любые аргументы, любые его эмоциональные всплески неизменно разбивались о преграду из меланхоличной доброты. Из

ее слегка замедленного, умиротворенного добродушия. Из ее запаха, в котором он всякий раз безвозвратно тонул, теряя остатки раздражения.

– Ты же мать, ты не будешь скучать по ребенку?

– Не знаю, наверное, буду...

За окошками сгустился сумрак, и Надя отошла зажечь свечи.

Коваль смотрел, как она тянется к полке, напружинив сильные икры, как выгибается знакомо и маняще ее спина, и с облегчением подумал, что жена почти не располнела после очередных родов. Он спорил с ней, даже ругался, и чем дольше ругался, тем отчетливее понимал, что говорит не о том и в который раз не говорит с ней о главном.

С Натальей всё было иначе, по сути дела, Наталья стала первой женщиной, с которой он отважился вместе жить. Чувства здесь ни при чем, чувства - это совсем другое. Нельзя ставить рядом две зубные щетки только потому, что тебе с ней хорошо в постели. Так говорил Артуру отец, и Артур полностью разделял папкины взгляды.

Вот, например, принято считать, что семью надо строить с той женщиной, с которой мужику удобно. Такую фразу как-то раз выдала Артуру замечательная, разумная девушка, сокурсница. А что такое "удобно"? - подумал он тогда. Это когда тебя ждет горячий суп и белье постирано? Или когда она сидит в уголке и вяжет, не мешая мужу смотреть футбол или отправиться в бар с друзьями, чтобы дернуть пивка? Или удобная - это та, что никогда не станет тебя пилить из-за маленькой зарплаты и будет радоваться каждому подаренному одуванчику?

Он легко влюблялся, как-то довелось испытать настоящую страсть, но стоило Артуру представить, что очередная пассия станет его заученно целовать перед сном и встречать с работы с телефонной трубкой в одной руке и половником - в другой, как вся страсть улетучивалась. Не сразу, конечно, не в один день, но вождение уступало место животному страху. Он уже не видел в очаровательном длинноногом создании источник наслаждения, он способен был представлять ее лишь растрепанной, стервозной каргой, днем и ночью вытрясающей из него душу нелепыми и бестолковыми требованиями.

Но со "стервозной каргой" он был готов смириться. В конце концов, ревность и чувство собственности у них у всех в крови от рождения. Гораздо сильнее, если призадуматься, его пугало другое. Пугало как раз то, что составляло оборотную сторону домашнего "удобства". Артур не представлял, как люди, даже имеющие деньги, десятилетиями проводят семейные вечера у телевизора. Как это можно, вооружившись чипсами или орехами, обняться и часами сидеть, уставившись в "ящик". Он отказывался понимать, почему, располагая средствами, нельзя нанять няню для ребенка, а самим весело проводить время.

Наташка была первая, кто сказал ему, что деньги нужны для путешествий. Она никогда не надевала дома тренировочный костюм. Либо носила летние брючки, либо, когда предки уезжали, разгуливала перед ним по квартире голая. Она не смотрела сериалы и не затевала готовку сложных салатов, чем постоянно раздражала маму. Мама считала, что сын погибнет от голода. Наталья запросто могла позвонить ему на работу и сообщить, что у нее на руках билеты на ночной концерт. Она без малейшего сожаления отказалась от покупки шубы в пользу Мальдивских островов. До островов они так и не доехали...

А теперь... Что случилось со мной теперь, спрашивал себя Коваль, покачивая на коленке столь знакомое и, черт возьми, родное тело Нади Ван Гог. Неужели я старею, раз счастлив этому брусничному пирогу, и свитерам, что она мне вяжет, и разогретой бане?..

– Может, я и буду скучать, - задумчиво произнесла Надя, - но у меня есть ты и есть двое детей. Кроме того... Ты опять будешь сердиться, но послушай! Ведь мы же не доехали до Москвы, я так и не получила золота. Я знаю, в этом ты похож на Качальщиков, для тебя богатство - не важная вещь. Но если ты хочешь, чтобы мы вернулись в Питер, мы не можем поехать бедными. Там везде теперь деньги! У Анны есть друзья среди тамошних колдунов. Они говорят, что торговцы теперь покупают всё только за рубли... А если мне суждено родить здоровую мамочку, старухи сразу скажут об этом. Ты же знаешь, здесь все такие умные, гораздо умнее питерских врачей. Если мы продадим мамочку, то станем очень

богатыми. Мы отдадим общине половину и всё равно останемся богатыми...

– Тогда, по твоей логике, надо нарожать еще пяток детишек от разных мужиков, так? Представляешь, сколько свиней или дикарей ты сможешь купить?!

– Ты опять сердишься. А ты знаешь, Артур Кузнец, что случилось бы со мной, если бы я доехала до Москвы? Анна мне рассказывала, и я ей верю. Ты не веришь ей?

– Да верю-верю, тут не врут...

Надя вытащила из печки горшочки с мясом, разлила по ковшикам напитки. Алкоголь в будние дни не полагался, но она поразмыслила и всё-таки выставила бутылку ягодного самогона. Гости могли постучаться с минуты на минуту.

– Я жила бы в Москве очень хорошо. Даже гораздо богаче, чем в Питере. Если хочешь знать, мне никогда бы не пришлось работать, как я работаю тут, в лесу... Ну пожалуйста, не обижайся! Вот ты опять сердишься, но ты же не виноват, что мы попали к Качальщикам. Зато мы теперь вместе, и я не жалею, что приходится работать. Там я бы ничего не делала, это точно. За мной бы всюду ходила охрана, и каждый месяц мне платили бы столько, сколько имеет мастер или даже инженер. Я могла бы купить целое стадо овец, тысячу или даже больше. И могла бы купить землю и нанять десять женщин сучить шерсть и вязать зимнюю одежду, как я это делаю тут одна. Я это говорю только для того, Артур Кузнец, чтобы ты понял: я довольна тем, что живу с тобой. Знаешь почему? Потому что в Москве женщин покупают, как желтых дикарей. Я была бы богата, но жила бы с тем мужчиной, который бы меня купил...

– Но караван вез вас всех в коммуну паровиков! Вас покупала коммуна, а не какой-то уездный князь!

– Как будто ты не слышал, что стало в Москве с коммунами! Когда мы ехали в караване Рубенса, паровики уже подчинялись папе Ивану. Они делали всё, что им приказывали из Кремля. Когда у них не было денег расплатиться за пищу, они отдавали кремлевским своих мам, чтобы те рожали детей!

– Я ничего не знал об этом!

– Откуда тебе знать? Ты пробыл в музее всего сутки... Ты рассказывал мне о большой ярмарке, помнишь? А ты слышал о том, что в Москве, до того как вы ее расплавили, было целых два ночных рынка, где продавали людей?

– К этому я уже привык, лучше молчи. Не начинай старых споров, для тебя ведь дикари тоже не люди!

– Я говорю не о тех, кто потерял язык... Я говорю о том, что в Москву приходят караваны с юга. Не с Украины, а с юга, где живут богатые азиаты. Анна мне рассказывала. Они торгуют ночью и дают за русских женщин столько золота, сколько не может заплатить ни одна община, ни один гарнизон. Не знаю, куда теперь они будут ходить, когда Москвы не стало. Может, доберутся до Питера... Анна говорит, что, пока в столице было четыре президента, там тоже собиралась Дума, и вместе они решили, что ни женщин, ни мастеров не будут продавать азиатам. Никому - ни азиатам, ни немцам, ни пшекам.

– Но мастер может и сам уйти...

– Ты забыл законы? В Москве еще строже, чем в Питере. Если мужчина хочет уйти, он уходит, но оставляет коммуне всё. Женщину он тоже забрать из города не может. Но от немца многие возвращались, там хорошо жить, и наших мамочек не обижают. А от азиатов никто не возвращался. Анна говорит, там женщин одевают в платья из золота, но не выпускают одних из дома. Там у одного мужчины может быть три жены...

– У них и раньше так было принято.

– Я не знаю, что было до Большой смерти, Артур Кузнец. - Надя расставляла на скатерти блюда с соленьями. - Но я вижу, что стало бы со мной, если бы караван дошел. Я ходила бы в золотом платье, и дети мои...

– Опять ты про золото?! - Коваль, забывшись, хлопнул по колену правой рукой и чуть не завопил от боли.

– Я не про золото, Кузнец... - Жена подошла к нему вплотную, обвила шею руками. - У

тебя столько шрамов, ты стал, как настоящий солдат... - Она поцеловала его в лоб, туда, где остался след от когтей. - Я говорю о том, что счастлива с тобой. Я говорю о том, что ни о чем не жалею. И мне грустно, когда я вижу, как ты не спишь ночью. Молчи, молчи, дай мне сказать... Когда ты веселый, я радуюсь вместе с тобой, потому что ты - мой мужчина. Но я вижу, как иногда ты скучаешь о другой женщине. Ты умный, ты был книжником, и до сих пор читаешь. Ты думаешь, что тебе нужна умная жена, такая, как Арина Рубенс. Умная, смелая, как воин, красивая, сильная. Я не такая, Артур, я не умею читать, я не всегда понимаю твои слова. Когда ты болел, когда Исмаил привез тебя из Москвы, и лежал целую неделю горячий, ты называл меня Наташей.

Я не хотела это вспоминать и никогда бы не вспомнила, но сегодня ты начал ругать меня из-за чужих мужчин... Эта Наташа, она была твоей женой до года Большой смерти, да? Ты любил ее, Артур, я понимаю. Она, конечно, была не такая дура, как я. Она умела читать и управлять мотором и еще много чего. Тогда женщины вели себя иначе, да? И ты много раз говорил с ней, пока лежал горячим, а мы тебя лечили. Ты говорил и просил у нее прощения. У меня ты никогда не просил прощения, Артур. И со мной ты никогда не говорил так, как с ней. Я многого не поняла, о чем ты говорил, но я не сердилась на тебя. Потому что ты мой мужчина, Артур Кузнец. Я и сейчас не сержусь... - Она поцеловала опешившего мужа поочередно в оба глаза. - Я только не хочу, чтобы ты думал, что я живу с тобой, потому что так решил Исмаил или кто-то еще...

- Я так не думаю! С чего ты взяла?! - Он чувствовал, что краснеет, и ничего не мог с этим поделать.

- Ты думаешь... - Надя закусила губу и на секундочку стала той же девчонкой, которую Коваль когда-то выносил из огня. - Ты думаешь, что счастье - это что-то громкое... Я не знаю слов, Артур. Ты думаешь, что в Питере тебе было бы лучше, потому что там столько людей и женщин... Знай только, что, если ты уйдешь и останешься там, я всегда буду тебя ждать. Всегда, пока земля не заберет меня...

36. Тайна старой бочки

- Так!! Это что за слезы?! - В дверях стоял Прохор Второй, баюкая на плече новорожденного медвежонка. Из-за его могучей спины выглядывали Анна и две лукавые мордашки ее дочерей.

Надя вскочила, утирая глаза, и завертелась, рассаживая первых гостей.

Артур чувствовал себя немного оглушенным и не сразу сообразил, что это такое горячее лизнуло его в нос.

- Вырастишь сам! - громоподобно вещал Прохор. - Если что, Четвертая тебе поможет. Самый сильный в помете, должен быть самым сообразительным. Николку не подпускай, не удержит. Эй, Клинок, ты меня слушаешь?

- Да, я слушаю, учитель... - Коваль перевернул медвежонка, ощупал лапы, заглянул в глаза. - Спасибо тебе, это дорогой подарок!

Анна принесла еще более ценный сувенир - полный набор оживляющих лекарственных снадобий взамен того, что пропал вместе с конем на ярмарке. В многочисленных кармашках кожаного пояса в пузырьках и мешочках таились такие редкости, за которые любой озерный колдун отдал бы если не руку, то половину зубов. Причем Анна не рыскала по полям, она чувствовала растения издалека и никогда не забывала их названий. Обе дочери, Третья и Четвертая, подарок приготовили сообща. Несколько странный выбор для девочек-подростков, но обе очень старались. В плотном мешочке гудел пчелиный рой.

- Это солдаты! - гордо заявила Четвертая. - Ты будешь их кормить, и они будут тебя защищать. Ты ведь не умеешь сам приручать пчел... - и немедленно получила подзатыльник от матери.

Пришел Исмаил и положил на стол нечто длинное, завернутое в промасленную тряпку. Присутствующие дружно закутили носами. Коваль уже понял, что под ветошью скрывается

металл. Такие подношения были совсем не свойственны лесному народу, стремящемуся избегать игрушек ушедших времен. Артур развернул тряпки и ахнул. Незнакомый ему "никонов", модификации двадцатого года со складным кевларовым прикладом, лазерной оптикой и вороненым глушителем на подвижном стволе. Четыре спаренных рожка патронов. Оружие буквально плавало в густой жирной смазке.

– Я тут подумал, - крутя ус, небрежно заявил Хранитель, - ты ведь не только с пчелами обращаться не умеешь, но и стрелок никудышный...

Грянул такой хохот, что подпрыгнула посуда на столе, а медвежонок со страху спрятался под лавку. В сарайчике заворчали проснувшиеся собаки.

– Спасибо, учитель...

– Сегодня я не учитель, - отмахнулся Исмаил, не скрывая удовольствия.

Бердер пришел с женой Катериной и притащил еще один пережиток прежних веков - ножное точило. Маленький Семен принес на себе огромный мешок ангорской шерсти, выменянный у южных Качальщиков. Хозяйка рода и главная акушерка мама Клавдия презентовала две пары потрясающих непромокаемых сапог на меху. Потом пришли соседи, знатоки меток - Матвей и Алина, с новеньким неводом. И последним появился еще один мучитель Артура, Хранитель полей. Одноглазый Борис оставил всех троих сыновей на уборке урожая, но сам не посмел нарушить новую традицию.

Первое слово, по старшинству, предоставили маме Клавдии. Артур мимоходом подумал, что именно благодаря ему у лесного народа проснется тяга к праздникам. А там и до гуляний недалеко, и до украшения елок! Качальщики сидели вокруг стола с закусками притихшие, непривычно смущенные, как детишки в детском садике накануне Восьмого марта.

– Я болтать-то не мастерица! - Мама Клавдия поскребла волосатый подбородок. На ее плече, укрытом пуховым платком, шевелил усиками белый крысенок. - Тебе, Клинок, вроде как сегодня тридцать пять лет. Сам сказал. Это хорошо. Скажу так - это лучше, чем восемьдесят один. Самый крепкий год для мужика. Еще и хрен стоит, и седой волос не пошел... Раньше мы пили, когда малыши рождались. Редко веселились. Поэтому мне по нраву, что сегодня и бражка на столе, и водочка. Вот только думаю: это когда ж мы работать будем, коли каждый захочет на свое рождение гостей созывать? Мне ж тогда и роды принимать некогда станет, а? Буду пьяная круглый год ходить!

Она раскатисто захохотала, показав два оставшихся зуба. Гости на протяжении речи изо всех сил сдерживали смех. Даже Надя, вытирая платочком набухшие от слез глаза, и та невольно прыснула.

– Бердер мне сказал, что желание за тебя загадать надо! - посерьезнела Клавдия. - Вот какое желание тебе, Клинок. Много силы в тебе, много. И правду ты понимаешь верно, ту правду, что для всех... Ты для всех добра хочешь. Это хорошо. Только во всяком человеке есть две правды. Та, что для всех, и та, что для себя. Вот моя правда - она маленькая. Что старухе надо? Варенья немного да чтоб дровишки в печи были, косточки погреть. У каждого свое, не будем... Я о тебе, Клинок. Нам не говори, себе скажи, чего хочешь, какую правду выберешь. Для всех мил не будешь, нет... Ах, не мастерица я болтать-то! Выпьем, что ли?

Выпили. И опять выпили. И ушла потихоньку напряженность, и уже сбегал хозяин в подвал за новой бутылкой можжевелевой настойки, и хохотали, вспоминая охоту, и как рыба утащила сына одноглазого Бориса в реку, и обсуждали виды на урожай, что можно и что нельзя продать. И так же спокойно, как зерно и кормовую свеклу, обсуждали, сколько желтых дикарей нужно оставить на зиму, а сколько можно отпустить - или лучше не отпускать, а продать на север. Исмаил возражал, утверждая, что желтые дикари плохо выносят заполярный климат, часто мрут и что больше для продажи годятся чингисы, те спокойно спят на снегу...

Потом обсудили торговлю с бурятами. Прохор посетовал, что узкоглазые в обмен на алмазы требуют всё больше только городских детей, новорожденные дикарей их теперь не устраивают. Постепенно разговор вернулся к Слабым меткам. Матвей летал на втором

драконе Прохора к Москве, там теперь постоянно дежурили трое Качальщиков из южных губерний. Земля успокоилась, лишь на день пути не достав до Твери. Метки исчезли, это было хорошо. Большинство людей успело спастись, это было неплохо. Качальщики воспользовались моментом и задешево покупали у нищих отчаявшихся переселенцев их малолетних детей...

Артур слушал и не слушал. Он выпил гораздо больше обычного, комната качалась перед глазами. Подперев щеку, он смотрел через стол на жену. Господи, думал он, вот оно, то самое, что так верно подметила старуха! Все эти милые люди, которые приняли его как родного и принесли ему самое дорогое на день рождения, навсегда останутся для него дикарями. Все они - и Качальщики, и горожане - останутся для него чужими, если он не привыкнет жить по законам этого мира. Хранители, если потребуется, будут сражаться за него, и они же, не моргнув глазом, его подставили. Они послали его на массовое убийство, исходя из своих представлений о правде.

И они не настолько глупы, чтобы не чувствовать эту разницу. И Бердер, и тем более Исмаил. Вчера их бредовая фантазия принесла гибель столице, и он был с ними заодно. Какую идею выдаст завтра их безумная Книга? Эти твердолобые не понимают, что мир не может застрять на уровне примитивного рабовладения... Господи, зачем я столько выпил? И Надя, Наденька... Какой я дурак...

— ...Лес растет очень быстро... - До Артура дошло, что Матвей продолжает говорить. - На месте столицы сейчас непроходимая чаща, и лес продолжает наступать. Я дважды облетал на крылатом и не нашел места для посадки.

— Что тут такого? - Осоловевший Прохор пьяненько хихикал. - После возвращения равновесия... так всегда происходит... Мать-Земля пожирает следы людей!

— В этот раз зелень наступает слишком быстро! - Матвей опасливо покачал большой круглой, как горшок, головой. - И впереди идет трава, которой раньше не было... Метки исчезли, но мне было беспокойно! По слухам, Ивана убили, но другой президент собрал солдат, и сейчас они штурмуют Казань. Они требуют дать им место внутри города и еду...

— Это не наше дело! - рассмеялся маленький Семен.

— Если Иван жив, то снова создаст свое царство! - Артуру было не до смеха. История возвращается, повторял он про себя. Они же ни черта не знают, для них мир только начинается, они не верят, что все их идеи давно высказаны и истлели вместе с книгами... Ох, на кой ляд я так нажрался?..

Вместо того чтобы применить свои способности для спасения тысяч голодающих, эти чокнутые анархисты плодят сказочных зверей, они отгородились завесой жутких суеверий, они верят, что можно прожить, собирая орехи и воруя чужих детей.

А что они станут делать, когда в общине соберется не полтора человека, а несколько тысяч?..

— Пойдем на воздух! - Бердер потянул именинника под мышки. - Нам надо поговорить, Клинок!

— Я идиот! - пожаловался Артур, когда учитель усадил его на врытую в землю скамейку.

— Ты просто перебрал медовухи! - Вот кто всегда держал себя в руках, так это Бердер. Воспитатель воинов смотрел трезво и печально, массируя ученику одним пальцем точку в основании шеи.

Артур поочередно растер левой ладонью уши. За окнами избы металась огоньки свечей и хохотали гости. Июльская листва нашептывала свои вечные колыбельные засыпающим птицам. С полей к амбарам ползла последняя груженная телега. Лохматый мальчишка, сын Бориса, с длинной трубочкой в зубах важно восседал на вершине горы из корнеплодов. На пригорке, там, где собрались в кружок соседские избы, словно соревнуясь, чья печь издает более вкусный запах, водили хоровод девчонки с венками на русых головках. А высоко, где купались в бескрайнем океане рваные клочья ваты, одна за другой зажигались далекие искорки звезд.

– Представить не могу, мне тридцать пять, - сказал Артур, словно пробуя на вкус эту цифру.

– Это хорошо, - уголками губ улыбнулся Хранитель. - Ты сумел дожить до зрелости.

– А я ведь сделал гитару! - рассмеялся именинник. - Ага, сделал и забыл вам сыграть. Ты хоть знаешь, что такое гитара?

– Анна мне говорила, что ты просил ее подобрать жилы... Это для музыки?

– Да, это для музыки... - Артур полной грудью вдыхал вечерний аромат, избавляясь от остатков хмеля. - Представь себе, Хранитель, я до сегодняшнего дня не знал, что такое счастье. Ты знаешь, что такое счастье?

– Расскажи мне. - Бердер утрамбовал в трубочку цветочный табак.

– Ха! Об этом непросто рассказать... Знаешь, пока я учился в школе, я гонял на мотоцикле и слушал рок. Девчонкам нравилось, что я их катал на байке, а мне нравилось, что можно легко менять девчонок. Это было потрясное время, Хранитель! А потом я решил сам выучиться играть на гитаре. Тогда я считал, что делаю это потому, что смогу играть как настоящие звезды, как Маккартни или даже как Хэндрикс... Всё это ерунда, теперь смешно вспоминать. На самом-то деле все мы выкобенивались, чтобы понравиться девушкам. Только и всего. В глубине души, вот здесь, - он постучал себя в грудь, - я понимал, что никакой рок-звезды из меня не выйдет. И байк, и гитара, и баскет - всё это было и продолжалось в институте... А потом началась эта дурацкая война, началось это побоище в Чечне, и никто ни хера не понимал. Никто не понимал, как такое случилось, что ушли войска и оставили всё оружие, и никто из толстожопых генералов, как всегда, ни в чем не виноват. А к соседям приехал гроб. В гробу был мой лучший друг, он был старше меня на два года. Когда его забрали, никто не сказал, что повезут в Чечню, он даже автомат в руках не умел держать! - Коваль всхлипнул. Снова начала кружиться голова - то ли от алкоголя, то ли от дурманящего дыма, что облачком висел вокруг Хранителя. - Ты понимаешь, Бердер, мы даже не смогли с ним проститься, так его изуродовали. Гроб приехал уже запаянный.

И тогда моя мать сказала, что она лучше даст себя убить, чем отпустит сына в армию. Мои предки продали всё, что могли, чтобы меня отмазать. Это было... Это было как обухом по голове. Я чувствовал себя полным дерьмом, понимаешь? Не потому, что мне было стыдно не идти маршировать, тогда уже многие косили, а потому, что я не знал, как смотреть в глаза друзьям, которые возвращались... И знаешь, я в первый раз тогда задумался, что такое счастье. Мы сидели втроем с мамой и папой, и я спросил маму: ну что ты плачешь, всё уже позади, не пойду я в армию. А она сказала, что для нее единственное счастье - видеть сына живым. А отец сказал, что, если я буду продолжать гулянки и вылечу из института, он ничего не сможет сделать. И я поверил...

Я не словам его поверил, а поверил, когда мы гроб с телом Сереги несли... И я забросил всё, в один момент повзрослел. Я хочу, чтобы ты врубился, Бердер, дело не в том было, что я испугался. Ты же знаешь, я дерусь, и убивать научился! Но подохнуть ни за что! Подохнуть, потому что наверху кто-то так за меня решил! Я за мать испугался и послал всё к черту - и группу, и байкерские тусовки, и баскетбол, и на дискач ходить перестал. Для чего всё это, я потом понял. Всё это для женщин, чтобы быть самым крутым и нравиться теткам. В этом вся соль. Всё, что мы делаем, даже когда не сознаем этого, мы делаем только для них.

Я пришел к папаше и сказал... Гляди, сказал я, я продал мотоцикл. Вот деньги. И гитару продал. А теперь скажи мне, в чем твое счастье? Неужели ты живешь, как мама, ради меня? Папка дал мне подзатыльник и ответил, что я длинный балбес. Я живу, чтобы была счастлива твоя мама, сказал он.

И когда я в эту тему воткнулся, я стал лучшим на курсе, прикинь! Это я, один из главных прогульщиков. Мне уже на четвертом предложили место в аспирантуре, потом я перевелся, но это другая песня... Я воткнулся, что всё для них, и надо стараться чего-то достичь, иначе ни одна нормальная девушка не захочет иметь со мной дело. Бердер, я работал, как черт... Наверное, я хорошо работал, раз до сих пор жив, правда? Ха-ха!

Но я ошибался в другом, Хранитель... Я всё время искал нечто особенное, понимаешь?

Мне казалось, что моя жена никогда не станет домашней клушей. Она должна быть самой красивой, самой стильной, иметь престижное образование, как минимум знать английский... Я представлял, как мы вместе займемся дайвингом, горными лыжами... и всякой прочей лабудой. И мне казалось, что я нашел такую. А потом я сам посадил ее на мотоцикл... Ладно, к черту! Всё к черту! Сегодня я понял... Я понял, что зря подсмеивался над предками. Счастье, оно... совсем не в дайвинге и не в английском... Вот так.

Бердер выколотил трубку. На его загорелом скуластом лице ничего не отражалось.

— Я не понимаю многих слов, но я слышу твои мысли, Клинок. Я рад, что не ошибся в тебе. Прости маму Клавдию, она не хотела тебя обидеть.

— Да ерунда!

— Нет, не ерунда. Ничего не произносится случайно. И мама Клавдия знала, о чем я буду с тобой говорить...

— Мать вашу, что еще стряслось?! Если тебе пришло в голову расплавить Питер, то на меня не рассчитывай. Я лучше суну Мальвине башку в пасть!

— Мальвина не станет тебя есть! Речь совсем о другом... Пойдем прогуляемся до реки! - Бердер неожиданно взял Артура под локоть. - Мама Клавдия очень боится и попросила меня подготовить остальных...

— Да что такое?! Почему именно она?

— Потому что она занимается маленькими детьми. Поговорим сначала о тебе, Клинок. Ты поступишь так, как решил. Но ты не можешь уехать в Питер прямо сейчас. Во-первых, твоя рука. Во-вторых, я не отпущу тебя, пока мы не закончим с урожаем и не набьем на зиму дичи. Это месяц. Но это не всё. Мальвина донесет тебя до Ильменского пожарища, дальше придется идти пешком. Вокруг города живут тысячи ковбоев. Если насекомые увидят змея, тебя убьют. Ты научился неплохо драться, но ты не Качальщик и не сможешь остановить толпу! Исмаил соберет для тебя хоть сотню дикарей, но...

— Я не удержу их!

— Да, ты не Качальщик и не умеешь владеть толпой. Это невозможно воспринять. Ты освоил, как при помощи укуса травы управлять лишь одним человеком... Поэтому мы считаем, что тебе еще надо кое-чему научиться.

— Мы? Кому это так важно, чтобы я дошел?

— Важно мне и маме Клавдии. Нет, не пугайся, Слабых меток искать не надо. Если ты согласишься задержаться еще на год, я постараюсь научить тебя.

— На год?!

— Ты вправе уйти хоть сегодня. Но помни, что в Москве тебе повезло! Тебя предали люди, которых ты же освободил от волшебного сна! Исмаил предостерегал тебя, чтобы ты не пытался их разбудить! Книга никогда не врет - Проснувшийся демон только один. Эти жалкие насекомые наверняка погибли, а в Питере у тебя нет друзей. Папа Рубенс уступил власть губернатору...

— Ты не говорил мне об этом!

— А зачем? Послушай и поверь мне. Я тебя никогда не обманывал. Тебе надо научиться управлять дикой стаей. Не прирученным летуном, а дикой стаей! Тебе надо научиться убивать живое, не прикасаясь, и научиться скрываться там, где скрыться негде. И задерживать дыхание под землей. И наводить морок на толпу. И еще многое другое... Времени очень мало, я прошу всего год. Один год, Клинок!

Артур оглянулся на деревню. От волшебной панорамы убегающих вдаль пологих холмов у него всегда захватывало дух, но сегодня вечером было не до привычных пасторалей.

— На что тебе мало времени, Хранитель?

— Ты знаешь, что дети, рожденные от Качальщиков, не выносят городов. Не те дети, которых мы покупаем или берем силой, а прямые потомки рожденных на пожарищах... - Бердер отвернулся и смотрел на поднимающийся серп луны. - Так вот. У Хозяйки рода есть бочка из-под химии, она спрятана глубоко в подполе, в старой хижине... Ни один Качальщик

не может провести возле этой бочки больше минуты. И новорожденные тоже начинают задыхаться. Твой сын и дочь не задыхались, они городские. Но месяц назад впервые...

Артура пронзила догадка:

– Возле бочки выдержали дети Качальщиков?!

– Да. Правнук Семена. Он не знает, не вздумай сказать. И еще одна девочка с Севера. Мы точно знаем, что ее отец Качальщик. Это седьмое поколение, Клинок... - Хранитель сгорбился, точно нес неподъемную тяжесть. - Сегодня тайна известна нам троим, но завтра это же произойдет в других общинах. В Книге сказано об этом, но раньше мы не могли прочесть. Там сказано: "Когда взойдет седьмой колос, корни его сгниют, но початок нальется невиданной силой"...

Завтра это станет известно всем, а послезавтра дети подрастут и поймут, что смогут уйти в города. Теперь ты понимаешь, почему я прошу тебя задержаться? Я соберу старейшин и обещаю тебе, что чужой мужчина не притронется к твоей жене.

– Но что я могу?..

– Если ты выживешь в Питере, ты сможешь сделать так, чтобы там выжили наши дети. Иначе придет день, когда некому будет хранить равновесие.

37. Хищник против терминатора

Всадник водил биноклем слева направо и никак не мог ухватить мало-мальски приемлемый ориентир. Каурый жеребец нетерпеливо перебирал ногами, но хозяин не спешил. Той дороги, по которой шли когда-то московские караваны, больше не существовало. Вместо нее сквозь серое волнующееся море Вечного пожарища разбегались десятки узких тропок. Само пожарище тоже сильно изменилось; повсюду поднимались угловатые островки скрюченных деревьев, покрытые желтоватой густой паутиной, будто мухи, закукленные запашливым пауком. Эти желтые островки неровными рядами тянулись до самого горизонта. Они взбирались на холмы посреди высокого папоротника, они торчали в лощинах, раздвигая заросли голубоватого грибного студня, они рассеивали споры даже вдоль границы пожухлой зеленой травы.

В то же время всаднику показалось, что пожарище съежилось, уменьшилось в размерах. Он оглянулся назад, туда, откуда приехал. За спиной кружила пурга из кричаще желтых, оранжевых и бурых листьев. По осеннему лесу металась и опадали бесконечно яркие шуршащие буруны. Да, удовлетворенно кивнул всадник, оно отступает. Раньше мертвечина захлестывала за бетонный блиндаж ГАИ, но за четыре года жизнь отвоевала себе почти километр. Это хорошо.

– Хорош-ш-шо, хорошш-шо... - повторил сентябрьский лес, словно соскучился по человеческой речи.

Всадник нагнулся и поворошил лезвием сабли рыхлую кочку. Из павшей листвы пустыми глазницами в небо смотрел человеческий череп. Но человека на коне не интересовали кости, он навидался их слишком много, чтобы уделять внимание такой ерунде. Он щипал ус и думал о тех, кто проделал тропинки в море пятнистых папоротников.

Дорога заросла. Об этом предупреждал Кристиан, брат Исмаила. Старый Хранитель выполнил обещание, проводил до скита и познакомил Ковалья со своим загадочным родственником. Коваль ожидал, что встретит насупленного затворника, но тот оказался крепким улыбчивым мужиком лет пятидесяти, лет на двадцать моложе старшего брата. И жил он с семьей не в землянке, а в добротном кирпичном коттедже посреди целого поселка из таких же, только заброшенных, миниатюрных замков. Кристиан накормил гостей, но, невзирая на родственные связи, коня оценил очень дорого. Исмаил, очевидно, надеялся получить для своего протеже хотя бы намек на пророчество, но брат молчал. Когда Качальщик помахал им рукой, сделав прощальный круг на Мальвине, до Артура дошло, что улыбка хозяина была лишь маской, навечно прилепившейся к лицу. За вечер здоровяк едва выдавил пару слов. Получив плату, он потрепал Дятла по холке и сказал только одно:

– Люди злы. Выбери в союзники меньшее зло... - И ушел, захлопнув дверь.

Артур поднял глаза к ржавому флюгеру на крыше "замка" и понял, что ждать здесь больше нечего. Размышляя, что могла означать фраза человека, к которому на поклон ездили лидеры общин, Артур миновал остатки поселка, потом долго ехал вдоль реки и наконец уперся в пожарище. Внутренний компас не мог его подвести. Лес окончательно победил московскую трассу. Можно было попытаться объехать пожарище, дать небольшой крюк в сотню километров, но человеку свойственно держаться известных путей. У Артура не было никакого желания углубляться в озерный край. Еще более опасным представлялись восточные леса, кишевшие дикарями...

Он тронул поводья. Навьюченный конь не подавал признаков тревоги. Часа полтора дела шли совсем неплохо, пока пламенеющий лес окончательно не исчез за горизонтом. Артур вслушивался в нежное бормотание ветра, вслушивался в себя и не мог понять, откуда возникла безотчетная, сосущая тоска. Небо оставалось изумительно чистым, ни одно насекомое, ни одна птица не вспорхнули из-под копыт. Иногда крапчатые листья папоротника поднимались высоко, почти вровень со стременами, и тогда Артур видел, что конь шагает не по голой земле, а по пружинящему ковру из жесткого серебристого мха. Иногда человек устраивал переключку с прочими членами "команды". Пчелы ни о чем не думали, их коллективный мозг был занят растворением большого куска свекольного сахара, а оба летуна ощутимо нервничали в карманах сумок. И чем дальше человек углублялся в безмолвие серой степи, тем сильнее они волновались.

Коваль старался держать направление, но не позволял Дятлу сходить с тропинок. В какой-то момент, объезжая очередное скопление больных растений, окутанных желтой паутиной, он заметил впереди прогалину. Затем пришлось свернуть вправо, потому что на пути возникла россыпь огромных бородавчатых грибов. Конь остановился как вкопанный, захрапел и категорически отказался приближаться к "поганкам" ближе десятка метров.

Когда они обогнули неприятный участок, Артур поднес бинокль к глазам и присвистнул. Сомнений не осталось: впереди и слева виднелась дорога. Тот кусок асфальта, что пропал раньше, появился снова. Значительный участок шоссе состоял из авиационных плит, которым не могла повредить никакая камнеломка даже за сотню лет. Но, выбравшись на бетон, Артур не почувствовал облегчения. До заката оставалось совсем немного времени, а впереди с обеих сторон трассы, насколько хватало глаз, расстилалась зловещая серая плешь, утыканная бугорками желтой паутины.

Коваль резко обернулся. Никого. Ему почудилось мимолетное движение за спиной, словно что-то маленькое и темное перелетело через дорогу. Конь всхрапнул и насторожил уши. Артур поехал рысцой по самому центру полосы обгона, изо всех сил крутя головой по сторонам. Лучше бы он остался на ночлег в лесу или в коттеджном поселке, ну потерял бы еще часов пятнадцать! По сравнению с прошедшим годом это фигия...

На сей раз человек был настороже и успел обернуться, прежде чем обитатель пожарища юркнул в мох. То, что Артур увидел, ему совсем не понравилось. Нечто длинное, масляно-блестящее, похожее на гофрированный черный шланг со множеством мохнатых ножек. И неизвестно, видел он всё тело или только кончик хвоста. Летуны уже не просто нервничали, они ворчали и шипели в сумках. Коваль расстегнул оба кармана, давая возможность маленьким друзьям подышать воздухом, и пустил коня галопом. Цокот копыт раскатился звенящей дробью, горький ветер, словно тугое полотнище, обвил лицо, и Артур понял, что его так угнетало. Не было эха. Подковы жеребца взметали фонтанчики цементной пыли, грохот поднимался над трассой и тут же исчезал, словно поглощенный сырой периной тумана.

Туман напелзал справа, тянулся к дороге тысячами голодных щупалец. Черт знает что, подумал Коваль, подгоняя коня, только что ведь было сухо, как в предбаннике! Один из летунов вдруг зашипел и высунулся, стреляя пунцовым язычком. Впереди на обочине дороги возвышалось что-то большое. Чуть просевшая набок крытая грузовая машина, запряженная парой мохнатых низкорослых лошадок. Обе лошади выглядели совсем как живые, и, если бы

не ржавчина, насквозь проевшая борта машины, Артур решил бы, что путники свернули с дороги совсем недавно. За кузовом первого грузовика, перегораживая путь, лежала на боку длинная шаланда, прицеп без мотора. Задние колеса торчали над дорогой, а весь передок глубоко утонул в... траве. Еще одна новость! Коваль и не уловил, когда папоротник сменился высокой травой, такой же серовато-бурой, смахивающей на осоку, но покрытой сверху донизу короткой белой щетиной. Трава колыхалась и издавала мерзкий скребущий звук, словно тысячи кузнечиков терли крылышками. С платформы упавшей шаланды на бетонку высыпалась груда ящиков, но никто их не собрал. Артур резко осадил коня и снял с плеча автомат. Требовалось всего лишь на пару метров углубиться в траву, чтобы обойти препятствие, но он удержал коня. Ветер стих, но трава шевелилась неправильно. Чутьочку сильнее, чем следовало... Обе лошадки, запряженные в грузовик, стояли понурясь, не шевелясь. Ветерок играл их спутанными гривами, шкуру покрывали темные пятна лишая, но морд не было видно, бурая осока поднималась здесь очень высоко. Бока у Дятла дрожали. не слушаясь человека, он боязливо отступал назад. Второй летун тоже наполовину высунулся из кармана и задрал хвост. Задранный хвост был очень плохим признаком, хуже некуда, вампир чувствовал настоящую опасность и готовился не к нападению, а к обороне. Гибкое лоснящееся тело проскользнуло среди щетинистых стеблей. Коваль не успел нажать на курок, как неуловимая тварь исчезла. Снова шорох позади. Коваль дал команду летунам. Новая порода вампиров была воспитана так, что они практически не испытывали чувства страха, но это замечательное качество имело свои минусы. Летуны быстро заводились и перли на рожон. Артур посмотрел туда, куда указывали чуткие мышинные носы, и обмер.

Из темного пятна на боку мертвой лошади, которое он издали принял за лишай, высунулась блестящая черная голова, похожая на мяч для регби, лишенная глаз и ушей. Несомненно, прототипом кошмарного создания послужило насекомое, скорее всего червяк, но во что он превратился! За головой, прикрытой подвижными хитиновыми пластинами, потянулось блестящее змеиное тело, усеянное десятками волосатых крючков. Наконец монстр выбрался целиком и устроился на спине лошади, поводя из стороны в сторону дрожащим рыльцем. Пластины на кончике его морды раздвинулись, и показался подвижный розовый хоботок наподобие комариного, но толщиной в руку ребенка. Если это червяк, сказал Коваль летуну, то я - самый маленький лебедь. Летун не возражал.

Вторая такая же полутораметровая гусеница выбралась из дыры на затылке второй лошадки. Обитатели пожарища пожирали трупы изнутри! При этом паралич наступал настолько быстро, что животные не успели даже упасть. Затем гусеницы, очевидно, обрабатывали внутренности животных каким-то цементирующим составом, превращая их в свои жилища. И не просто жилища... Артур почувствовал, как к горлу подступает рвота. Вслед за большим червяком из дыры в шкуре на свет выбрались два совсем крохотных, длиной меньше локтя, и устроились рядом с мамашей. Безглазые морды поблескивали на солнце, как опущенные мотоциклетные щитки.

Но большую тревогу вызывало другое. Всё, чему Артур кропотливо учился, ему не помогало. Уродливые и в то же время гармоничные в своем уродстве создания, плоды молекулярных аномалий, не желали подчиняться его воле. Либо они были слишком глупы и не обзавелись развитым мозгом, либо их разум неизмеримо отличался даже от разума летуна, который тоже не состоял в родстве с канарейкой... Но летуны слушались, и драконы, и прочие "произведения" Прохора! Артур достиг высшей степени концентрации, он слышал на десяток километров вокруг, но его сознание не воспринимало ничего, кроме тока жидкостей в безмозглых растениях.

Миг спустя тренированное тело, опережая мысль, отреагировало на опасность. Еще не полностью развернувшись в седле, Артур метнул клинок. Летуны взвились в воздух, их шипение показалось Артуру самой прелестной музыкой. Блокируя пути к отступлению, по дороге с невероятной скоростью приближались сразу три "гусеницы". Ближайшая спружинила и откатилась в сторону. Нож ударился о бетон и отлетел. Коваль не мог поверить своим глазам: мутант опережал его в скорости реакции!

Старый летун Чакка молнией упал на врага сверху и замолотил хвостом. Второй летун перехватил червя уже в полете. Членистое тело согнулось дугой и вдруг подскочило вверх, вытягивая хобот. Артур сдернул автомат с предохранителя и повел длинной очередью по траве, боясь зацепить мышей. Оставался один только выход - бежать вперед, но коня предстояло провести по обочине в обход перевернувшегося прицепа. Чакка, старый и более опытный охотник, перекусил противника надвое и бросился на помощь другу. Второму летуну повезло меньше, червяк извернулся и ткнул его в бок хоботком. Летун засадил ядовитые шипы в хвост врагу, но, когда подоспел товарищ, был уже мертв. Обе половинки разорванного червя, брызгая черной кровью, расползались в разные стороны.

Артур поливал огнем тех чудищ, что жили в мертвых лошадях. Одна "гусеница" разлетелась на части, а другие с удивительным проворством шмыгнули в траву. Лошадь завалилась набок, словно деревянная кукла. Чакка взлетел на крышу грузовика, грозно щелкая челюстями. Второй летун замер на дороге в обнимку с чудовищной гусеницей и на глазах превращался в окаменевший памятник самому себе. Метрах в шести от машины трава заколыхалась, и на дорогу высунулись еще два удлинённых черных рыла. С задранных вверх хоботков стекал зеленоватый сироп. Обе твари будто намеревались высморкаться. Дятел дергался и ржал, вне себя от ужаса.

Артур вспомнил кое-что и сменил рожок. Теперь он стрелял зажигательными, и щетинистая трава на обочине вспыхивала, как порох. Для верности он повел стволом по широкой дуге. Оставалось заставить Дятла шагнуть с дороги в горящую траву, чтобы обойти шаланду. Конь совершенно вышел из повиновения, Артуру пришлось спрыгнуть на землю и буквально тащить его за собой. Летун завопил, как сотня разъяренных кошек, и бросился на очередную гусеницу. Чудищу опалило половину туловища, но оно продолжало двигаться в немыслимом темпе. Летун дважды ударил хвостом, зависая в воздухе, и дважды промахнулся. Червь бежал, не приняв боя.

Артур заставил жеребца обогнуть препятствие и снова вскочил в седло. Его окружали еще четыре живых "шланга" на бетонке и несколько штук в дымящихся зарослях. Позади за шаландой Чакка из последних сил сдерживал врага. Судя по воплям, отважный упырь пока что сражался.

– Хищник против Терминатора! - сказал коню Артур и вспорол мешочек с пчелами. - Как это мило, что мы породили и тех и других...

Улей послушно повис на протянутой ладони.

– Вперед, братва! - выкрикнул Артур и сменил автомат на дробовик.

Верный "ремингтон" спасал его второй раз. Ближний червяк сложился пополам и готовился плюнуть, когда заряд крупной дроби оставил от него кровавые ошметки. Пока в ладони невыразимо долго скользил затвор, дымящийся ствол уже развернулся в противоположную сторону. Из травы, точно королевские кобры перед броском, выскочили сразу два монстра. Пластины на их мордах приподнялись, как усы у оскалившегося черного терьера. Совсем близко Коваль увидел сетчатую мембрану рта, покрытую слизью, и две пары коротких трепещущих щупалец по бокам. Дробовик рывкнул, от отдачи коня шатнуло в сторону, обеим гусеницам снесло головы. Еще один хищник плюнул из дальних кустиков, но Артур пришпорил Дятла и опередил врага на долю секунды. Он уже насмотрелся, чем грозит прямое попадание.

Пчелы вели себя замечательно. Потеряв две трети личного состава, отважная армия сладкоежек очистила местность за шесть секунд. Коваль не стал раздумывать, сколько еще гусениц спешит к нему выяснить отношения, и что было сил стегнул перепуганного Дятла. Тому не понадобилось повторять, и спустя минуту они летели по дороге, оставив дьявольский серпентарий далеко позади. Остатки пчелиной семьи догнали хозяина, уже когда впереди замаячили первые нормальные деревья. Летун не вернулся.

Дав измученному жеребцу отдых, Артур честно подождал маленького друга минут двадцать. Ветер нес из леса прохладу и запахи далеких дымков, а со стороны отравленной саванны подкрадывалось вязкое облако тумана.

– И всё-таки молодцы мы, что не пошли в обход, верно? - спросил Коваль у жеребца. Тот вращал налитым кровью глазом, могучие ребра ходили ходуном, с морды капала пена.

– Страшновато к озеру-то соваться! - доверительно продолжал Артур. - Там колдуны, говорят. Ну их к богу! А тут полчаса позора, мокрые штаны - и мы почти дома. Верно я говорю?

38. Разочарованный странник

Артур почел за лучшее просочиться сквозь заставы "Восьмой дивизии" в темноте. Остаток ночи он провел в одном из заброшенных домов на окраине Павловска. Пришлось сделать изрядный крюк, поскольку старые дороги рассыпались окончательно, а следуя проселочным колеям, он трижды выезжал на частные ранчо ковбоев. Всякий раз одинокого путника встречал бешеный собачий лай, а однажды его обстреляли. Нечего было и надеяться, что кто-то ночью окажет гостеприимство. Вокруг Павловского дворца в парке полыхали костры, прогуливались вооруженные люди, а возле ограды он приметил парочку болотных котов без ошейников. Артур решил, что выяснять отношения с местной коммуной ему незачем.

В пять утра он остановил коня перед величественным когда-то аникушинским обелиском. Стела и гранитное кольцо, символизирующее разрыв блокады, сохранились, но от скульптурных групп остались одни обломки. Гостиница "Пулковская" перенесла в свое время прямое попадание снаряда, или на нее скинули авиабомбу. Во всяком случае, ударная волна, превратившая здание в гору щебня, пронеслась по площади и сшибла с постаментов все фигуры. Сама площадь в человеческий рост заросла травой и кустарником, и оттого памятник казался упавшим и забытым марсианским звездолетом.

Артур вспомнил о танковом заслоне в районе парка Победы и решил двигаться вперед исключительно дворами. До Обводного канала у него это неплохо получалось. Он заметил, что в городе стало намного больше людей. В шесть утра уже гремели подводы, кто-то пытался заводить мотор, навстречу проехал трактор, тащивший за собой целых три прицепа с бочками для питьевой воды. На Обводном путника шокировала новая линия заграждений. Раньше - он мог поклясться - этих заслонов не было. Напротив каждого моста со стороны центра выросли свежие баррикады, торчали пулеметы, а из второго этажа бывшего Фрунзенского универмага обнюхивали канал стволы легких пехотных пушек.

Еще меньше Ковалю понравилось то, что он увидел, заглянув за парапет. По центру канала в грязной вонючей воде плыла баржа со связанными людьми на борту. Четверо парней с собаками охраняли полтора десятка арестантов. На груди у тюремщиков Коваль разглядел убийственно знакомые бляхи... Нет, не может быть, уговаривал он себя, просто померещилось!

К мосту стекалась разношерстная толпа работяг, стремящаяся перебраться на тот берег. Крестьяне, рыбаки, мастеровые проходили или проезжали через распахнутую настежь проходную, и никто их не задерживал. Но когда подошла очередь Артура, навстречу ему, подняв ладонь, выступил дюжий стражник в железной рубаше.

– Ты чей?

– Музейщик.

– Ты не похож на музейщика. - Парень перекатывал в зубах жвачку и смотрел не моргая. Сзади, опираясь на приклад карабина, выдвинулся еще один стражник.

– Я был в Перми, четыре года работал инженером. Теперь вернулся домой. - Артур постарался ничем не выдать своего волнения. Не стражники его пугали, а то, что болталось на шее у второго. Кремлевский жетон безопасности.

– Долго же ты шел! - с непонятым выражением заметил часовой. - Как твое имя, и кто может подтвердить, что ты из Эрмитажа?

– Меня зовут Артур Кузнец. Меня знает Старшина торговой гильдии Чарли Рокотов,

Хранитель закона Лев Свирский, распорядитель работ Сапер... А еще лекарь Эрмитажа мама Рона, начальник охраны Руслан... Этого достаточно? - Ковалю отчего-то не хотелось называть имена Рубенсов.

Оба стражника при упоминании о Руслане переглянулись и ощутимо напряглись.

— Эй, служба! - Старик-крестьянин свесился с высокого борта повозки. - Не задерживай народ! Отведи в сторожку и разбирайся!

Вслед за дедком принялась скандалить вся очередь. За Артуром собралось уже человек сорок.

— Слезай с коня! - приказал Артуру часовой. - Мы проверим, кто ты такой!

— А кто ты такой, чтобы проверять меня?

— Видел это? - Стражник продемонстрировал бляху. - Или ты, деревенщина, не знаешь, что это такое?

Его напарник лениво перехватил ружье за ложе:

— Где твой паспорт? Почему прешь в центр с автоматом? Где у тебя клеймо на автомате?!

— Паспорт не успел обменять... - Ковалья этот диалог перестал забавлять. - Я проеду в Эрмитаж и получу у Рубенса документ. И проеду со своим оружием.

Вокруг внезапно стало очень тихо. Из железного, слепленного из разноцветных кусков вагончика появился третий стражник, краснолицый толстяк с лейтенантскими звездочками на плечах.

— Кого ты хочешь надуть, мерзавец? - От лейтенанта несло перегаром. - Твоего Рубенса давно сместили. Город подчиняется господину губернатору. Слезай немедленно и покажи, что в мешках! Не слышал, что тебе сказал офицер внутренних войск?!

— Как вы мне надоели! - простонал Коваль, освобождая ногу от стремени.

В следующий миг он перехватил дробовик за ствол и сунул караульному, что стоял ближе всех, прикладом в зубы. Железные доспехи лязгнули о мостовую. Его товарищ не успел вскинуть ружье, как вороненый ствол уперся ему в лоб.

— Кинь пушку и прыгай в воду! Ну, живо! - Коваль придал лицу зверское выражение. Часовой попятился, выставив перед собой ладони, отпустил ружье и проворно полез через парапет. Из канала взлетел фонтан брызг, очередь нестройно захохотала. Лейтенант мигом протрезвел и попытался нащупать за поясом пистолет.

— Даже не пытайся! - сурово одернул Артур. - Ну, твоя очередь купаться! Считаю до трех! Раз...

Долго упрашивать лейтенанта не пришлось. Горланящая толпа, радуясь неожиданной бесплатной оказии, с криками ломанулась через ворота. Две мокрые головы, отдуваясь, как тюлени, разрезали грязную поверхность воды, стремясь к ближайшему спуску. Третий стражник ворочался в луже, пуская кровавые пузыри из разбитого рта. Поток людей обтекал его слева и справа, а какой-то мальчишка нагнулся и снял с руки лежащего массивный золотой браслет.

К вечеру весь город будет знать, хмурился Коваль, нахлестывая жеребца. Первый признак диктатуры - это заборы. Они ставят заборы и разоружают людей. Но сами разбегаются при малейшем сопротивлении... Они способны бить только слабых, только тех, кого легко запугать. Но люди, черт подери, и не планируют сопротивляться, у них совсем другие задачи. Они кормят семьи и растят детей, пока эти гады набирают силу! Ей-богу, с такими подонками поневоле станешь анархистом...

Ворота в Зимний покачивались, распахнутые настежь. У въезда во дворик внутри огороженной площадки мужик с саблей сторожил десяток самых разных автомобилей. За пределами "охраняемой стоянки" в полном беспорядке расположилось великое множество конных и моторных экипажей. Некогда чисто выметенная, площадь представляла собой настоящую мусорную свалку. У подножия Александровской колонны двое молодых людей, взобравшись на козлы, рисовали на огромном холсте чью-то усатую физиономию. Со стороны Адмиралтейства, там, где раньше бил фонтан, у свежесколоченной коновязи кушали

овес десятки нерасседланных лошадей. Памятуя о столичных приключениях, Артур заранее спрятал под куртку автомат и посулил сторожу золотой за особое внимание к его коню. Впрочем, одноногий инвалид на жулика не походил.

Никем не остановленный, одинокий странник поднялся по мраморной лестнице. На втором этаже ему снова встретилось усатое лицо со слегка выпученными глазами. Здоровенный лист крашеной фанеры висел под самым потолком. Из-за фанерки выглядывало слегка обиженное "Святое семейство". Затем Артуру пришлось потесниться, пропуская целый взвод юношей, у каждого из которых на левой стороне груди поблескивал бронзовый треугольник. Внутри треугольников изображался какой-то символ; не звезда, как в столице, что-то иное. Артур не стал всматриваться, чтобы не привлекать лишнего внимания.

– Святая Ксения! - прошептал Лева, роняя очки. - Этого не может быть! Откуда ты взялся?! Ты сумел бежать от Качальщиков?

– Можно и так сказать...

Артур прошелся по библиотеке, потрогал глобус, машинально погладил дряхлого сонного летуна. У книжника при этом невинном жесте округлились глаза. Всё в этой сумрачной зале осталось по-прежнему: карты на стенах, паутина по углам, уютный запах подсыхающих поленьев в камине. И Лева был всё тот же, седенький, шустрый, но поведение его заметно изменилось. Он стал каким-то пришибленным, что ли...

– Я жил у них в общине. Я работал. У меня трое детей и жена. Думаю, пока тебе достаточно? - Артур не мог сдержать улыбки при виде обалдевшей физиономии книжника. - Теперь ты мне скажи: что с папой Рубенсом?

Лева стрельнул глазами на дверь:

– Так ты ничего не знаешь? После того как стало известно о его дружбе с колдунами, начался бунт. Михаил бежал вместе с женой. Папу выставила родная дочь. Арина вышла замуж за сына губернатора...

– Вот как? А почему внизу нет охраны? Где Лапочка?

– Так ты совсем... Не вздумай ни с кем говорить, иначе угодишь на виселицу. Есть люди, которые еще помнят, как ты голыми руками повязал Качальщика и спас целый караван. Мне рассказал Рокотов, о Кузнецке ходили легенды! А тигр... Лапочку застрелили, охрана теперь только ночью, и только из офицеров тайной службы...

– Тогда почему меня должны повесить?

– Потому что легенды теперь не нужны, и вспоминать героев опасно. Свободной коммуны больше нет, а ты говоришь крамольные вещи. Весь город уже год подчиняется губернатору. Началось с драки в Думе. Они и так вечно скандалили, а в тот раз сцепились из-за того, чья очередь выделять людей на осушение подземки и подвоз чистой воды. От нас в Думе заседала Арина Рубенс, Рокотов, Аркаша, мой брат, и еще двое. Они предлагали голосовать в закрытую, но тут приперлись эти, мелюзга с правого берега, и заявили, что тянуть жребий нечестно. Потому что в их общинах мало народу, а у нас от каждой тысячи представлено по человеку. Получается, что крупные коммуны их забивают. Они сказали, что вообще больше не дадут людей в патрули, потому что "Восьмая дивизия" собирает с входящих в город нечестный налог, а с патрульными из общин не делится...

Слово за слово, заварилась такая каша, что думских пришлось разливать водой. Пока они дрались, губернатор собрал своих головорезов и окружил здание. Он их продержал целый день и заставил проголосовать за передачу власти ему одному. Он всё сделал хитро, и лично мне кажется... - Лева горестно возвел глаза к потолку. - Лично мне кажется, что без Арины тут не обошлось. Она умная, и, кроме того, ее дар слышать... Конечно, она начала играть в пользу своего свекра, а как же иначе?

Я ее не осуждаю. Арина вернулась во дворец с солдатами губернатора и разоружила обоих братьев Абашидзе, Руслана и Серго, ты их должен помнить. Потом у них якобы нашли письма от Мишки Рубенса и обвинили в заговоре. Абашидзе бежали из города, и с ними десятка два верных им парней...

Так и пошло, они захватывали власть, поочередно нападая на разные районы. Мама Кэт держалась дольше всех, но губернатор объявил, что набирает новое войско, общее для всего города. Так и называли - "внутренние войска". Им положили двойное жалованье и стали выделять квартиры в Михайловском замке. Раньше там жила община папы Арбузика, его губернатор обвинил в уклонении от налогов на строительство дорог. Всех выгнали из замка и раздали комнаты солдатам. Я говорю, без Арины не обошлось: только она умеет угадывать, кто что думает... Ну вот, мужики от мамы Кэт тут же побежали наниматься в войско.

— Постой, Лева! - Коваль затряс головой. - Я не могу поверить, что губернатор подмял весь Питер. Насколько я помню, он пожилой больной человек и не гнался за властью...

— А он и не гнался! Всё началось с этого соборника.

— Как ты сказал?! - Артур поперхнулся чаем.

— Ты знаешь, что случилось в Москве? - Лев понизил голос, на цыпочках подбежал к двери, проверил, не подслушивают ли снаружи. - Москвы больше нет. Ее растворили Качальщики, это точно. Лишь они способны поднять Землю на дыбы! Из Москвы целый год шли к нам беженцы. И приперся целый гарнизон их поганого президента, папы Ивана. Президента убили его же солдаты, гарнизон привел один из московских соборников. Они встали за городом, больше трех тысяч штыков, представляешь? Там были не только бойцы, почти тысяча женщин и дети. И все кремлевские слушали этого соборника, как родного отца. Он сказал, что будет говорить с тем, кто в Питере главный. К нему поехали старейшины от Думы, никто не хотел, чтобы такая голодная армия вошла в город.

Но соборник не стал говорить с думскими, он тайно встретился с губернатором. Он заставил Думу принимать решения под дулами автоматов. Этот лис убедил губернатора принять всех солдат на довольствие губернаторской коммуны. Они заняли Серый дом. Это там, на Литейном...

— Я знаю. Там им самое место.

— И всё, Артур! Спустя месяц губернатор разогнал Думу и запретил коммунам содержать свою стражу. Кто не послушался... Парни из гарнизона сожгли две коммуны дотла. Они умеют воевать гораздо лучше нас. А потом они поставили своих людей на всех дорогах и назвали себя пограничными войсками. И к ним тут же побежали присягать бандиты из мелких шак. Всем понравилось быть пограничниками, собирать деньги на дорогах и ничего не делать...

— А что Арина? Ты же говорил, она имеет влияние на губернатора?

— Еще какое! Стало быть, она тоже была не против. Если хочешь знать, я думаю, девочка побаивается кремлевских или договорилась с ними отдельно. Если уж быть до конца честным, Артур, то много и хорошего сделано. Губернатор отобрал у мэра золото и запретил другим чеканить монету. Он открыл большие ярмарки, как было раньше в Москве. Он посылает солдат собирать урожай. Теперь мы меньше зависим от ковбоев, город не только покупает еду, как раньше, а получает натуральный процент в казну и на склады. Амбары забиты зерном на два года вперед. Он мостит дороги и посылает команды гонять булей...

— Значит, вам нравится при новой власти? Кстати, а как выглядит этот соборник? Случаем, не такой высокий, хромой, в очках?

— Так ты его видел? - возбужденно всплеснул руками книжник. - Его же встречают только на проповедях. Считается, что Питером управляет губернатор, но все знают, кто стоит за его спиной. Потому что солдаты преданы...

— Карину?

— Тише, Артур, тише! Помимо внутренних войск, он устроил тайную полицию и личную стражу, и еще особый отдел при войске. Называется тра... три...

— Трибунал?

— Ага! Я всё забываю, что ты родился до Большой смерти. Как жаль, что мы так и не поговорили, ты столько знаешь! Да, в этом трибунале люди с закрытыми лицами, они следят за остальными солдатами и офицерами, и все их боятся...

— Я что-то слышал вскользь об этом Карине, - небрежно бросил Коваль. - Почему его нельзя увидеть?

— Потому что он сажает деревья.

— Что?! - Такого поворота Артур не ожидал.

— Сажает деревья, - подтвердил библиотекарь. - Не один, конечно. Выгоняют команды девчонок на поля, где шли вырубки, и заставляют пропалывать и сажать. У кого саженцы не привьются, тех отправляют под землю. Они обложили дерном древние свалки, свалок больше нет, повсюду посадки. А весной знаешь, что случилось? Никто в Думе бы до такого не додумался! Это всё он...

Рыбу глушить запретили! Еще деды наши глушили, а тут указ вышел: на ловлю рыбы особый жетон, за деньги, и только трем общинам рыбаков. А глушить вообще нельзя, смертью карается! Инженера из Чухни выписали, губернатор ему дом подарил и дикарей дал в прислугу, чтобы рыбный завод на Ладоге поставил. Теперь вся рыба вроде как казенная, и свободных цен больше нет! А еще соборник наладил очистку воды, привез от немцев инженеров. Теперь за ведро помоев, вылитое в Неву, можно схлопотать пять лет подземных работ. И нужники нельзя ставить где попало! Все помои приказано сливать в специальные бочки и вывозить за город, на свалку. Этот Карин, он помешан на чистоте, но не только...

С ним всюду полусотня, преданные ему бандиты, они готовы по его приказу перерезать глотку любому и умрут за хозяина. Карин раздобыл старые военные карты, что нарисованы до Большой смерти. Он ездит со своими людьми по тем местам, где жили военные, и сжигает всё. А если они находят подземные хранилища оружия, они взрывают выходы и засыпают землей! Я точно знаю, без Арины он не находил бы эти места так легко. А еще он убедил губернатора отогнать из города все корабли, где есть химия. Всю химию, что находят по старым заводам, тоже собирали на баржи и вывозили, но не в залив. Ты бы видел! Они заставили ковбоев пригнать сотню быков и утащили баржи с химией вверх по течению, а там перегружали и везли в лес. Карин нашел место, бетонное хранилище...

— Значит, он чистит город? Не вижу в этом ничего дурного...

— Он открыл новую церковь, а соборников из Лавры заставил повторять его проповеди. Кто не послушал... - Лева сделал характерный жест рукой возле горла. - Он говорит, что Питеру придет конец, как и Москве, если не будут следовать его заветам. И ему верят, Артур! Ты бы видел, какие толпы он собирает. Он так говорит, что люди рвут на себе волосы и катаются в пыли. Он всех убедил, что он один знает, как спасти наш город.

Люди Карина ловят буля и режут на части на глазах у прихожан. Это становится традицией - убивать животных, вроде...

— Вроде жертвоприношений?

— Хуже. Когда древние резали коз на алтарях, они молили богов о благодати. А Карин не говорит о хорошем и не взывает к Богу. Он доводит себя и других до безумия, он кричит о близкой гибели. Если мы не спасем город, кричит он, придут твари с пожарищ и пожрут нас, а земля засосет наши дома. Ты бы видел, что творится с толпой, когда кремлевские режут булей! Страшно смотреть...

Понимаешь, губернатора устраивает вся эта трескотня. Никто не копает под его власть, напротив. Вот рыбаков разорили, куда им податься? Они теперь за краюху хлеба горбчатся, дороги кладут. Карин предложил издать указ, запрещающий вырубки в парках. Чтобы на дрова теперь можно было рубить только старые дома. Губернатор сначала противился, затем подписал и только выиграл от этого. Все здания в городской черте теперь принадлежат казне. Хочешь обзавестись дровишками на зиму - плати! И пожаров меньше стало; почитай, гореть нечему уже. А срубишь дерево - заплатишь своей шкурой. Рубли так и посыпались в казну, а Карина еще больше бояться. К власти он не рвется...

— Но ты же ему не веришь?

— Как тебе сказать? - Книжник отвел глаза. - Чарли многих знал в Москве. Только гарнизон Кремля вышел из столицы почти без потерь... Они пришли с золотом, бабами и даже со своим скотом. Люди говорили, что там творилось. Три дня Москва качалась, но

местные надеялись, что всё уляжется. Не улеглось, им пришлось бежать, побросав имущество. А кремлевские ушли в первую ночь и забрали всё ценное, что могли унести. Земля вставала дыбом, и река бросалась на город, как болотная кошка... Соборник знал, он заранее предугадал то, что случится.

— Сволочь!

— Что?

— Нет, ничего, продолжай. Выходит, он предвидел катастрофу, а спас только своих?

— Ну не только. В Питер до сих пор идут тысячами, но больше народу осело у ковбоев. Честно говоря, не всем по вкусу новая власть... Ведь мы в Эрмитаже больше не шьем платье, не льем стекло. Мы гоним спирт. Да-да, это Карин так надоумил губернатора, чтобы каждая коммуна занималась одним делом. Конечно, оно выгоднее для города, это понятно. Водку можем делать только мы. Если у кого найдут самодельную - виселица. Доходы большие, но ковбои начали пить. Раньше так не пили, Артур, раньше работали и просили взамен товары мастеровых. Теперь всё готовы обменять на водку...

— А кто командует Эрмитажем?

— Мой брат, Аркадий. - Лева бросил косой взгляд на Ковалю, проверяя его реакцию. - Конечно, ты скажешь, что Аркаша - не личность, не герой. Так оно и есть. Он и как инженер не особо одарен. Но губернатору такие и нужны! Сидит тихонько в Думе, кивает вместе с остальными. В общинах нынче правят не папы, а эти... пири... при... Московское словечко, всё время забываю!

— Префекты?

— Во-во! Ты всё знаешь, ты ведь книжник... Что поделаться, не время для орлов, Артур! Поэтому я за тебя и боюсь... Народ присмирел, а для меня счастье, что префектом поставили Аркашу. Благодаря его заступничеству я могу читать...

— Эка! Я не пойму, Лева, губернатор запретил читать?

— Почему же? Читай, коли умеешь, но... Я умоляю тебя, Кузнец, эти слова не для чужих ушей. Ты как появился в музее, сразу уехал, я не успел познакомить тебя с Самуилом Крохой. Мой друг, он живет у портвых. Он умеет рисовать. Ты видел, на площади малюют портрет губернатора? Кроха давно собирал детишек, у кого получалось водить углем или кистью. А нынче все они рисуют губернатора и получают за каждый портрет по рублю серебром. Не хочешь рисовать губернатора - топай, работай в другом месте. Не хочешь работать - отправят под землю! А знаешь, что делают с портретами, Кузнец? Люди губернатора их продают...

— Да быть не может? Кому нужна его харя?

— Тише, умоляю тебя, тише! Мальчишке, что малевал, платят рубль серебром, а продают по три рубля золотом. Корову можно купить! Общины же и покупают. Аркадий вон для Эрмитажа шесть штук заказал. Зато когда усатый в гости приезжает, доволен!

— Черт знает что! - Ковалю казалось, что он никак не может очнуться от сна.

— Так что Кроха запил, - грустно продолжал библиотекарь. - И мне учить детей больше не позволено. Теперь всех вместе учат, в Лавре соборники школу открыли. Утром на портрет губернатора молятся и читают хором про его великие дела... Разбуди ночью любого ребенка и спроси - на сколько пудов картошки мы собрали больше в этом году, чем в предыдущем. Не сомневайся, тебе ответят. На утренних проповедях только и твердят о том, на сколько пудов мы живем лучше, чем в прошлом году. У меня был ученик, его дед возит в город торф для растопки. Пять лет назад он возил торф, и сейчас возит, и будет таскаться в лес на своей телеге до самой смерти. Как ему платили буханку в день и пять монет серебра в месяц, так и платят, только губернатор заменил серебро медяками. Всё серебро уходит на закупки нефти. Соборники в школе твердят детям, что в нынешнем году город собрал в казну на шесть пудов серебра больше прежнего, а через шесть лет удвоит запас. А дед возит торф, ему без разницы, что там удвоится. Может, он и не проживет эти шесть лет... Древние книги читать детям не велено, а мне указано собирать лекарские да по инженерному делу. Про остальное говорят, что вредное. Что ни день, боюсь, как бы указ не вышел пожечь книги-то...

– Дай мне очухаться, Лева! - Коваль походил из угла в угол, растирая уши. - Значит, без паспорта я жить не могу?

– Никак. И Аркаша тебе не даст. Только в учетном приказе, на Исаакиевской площади.

– И выбирать, где жить, тоже не имею права?

– Пятьдесят километров отмахай, там без бумаги заселяйся. И то - неведомо, сколько так проживешь... И потом - ты за паспортом придешь, в оборот возьмут. Или подмастерьем, или мастером придется соглашаться.

– А в Эрмитаже я могу остаться? Полно же пустых комнат?

– Всюду клерки бродят, которые по учету, - угрюмо отозвался библиотекарь. - Не спрячешься, продадут. Наши же и продадут. Испоганились людишки, Артур, раньше не было такого. Друг за другом следят. Страшно мне, ночами не сплю, так страшно... Вроде и сыты все, и даже праздники древние вспомнили, в Новый год хоровод водили и елку зажигали... А мне страшно. Самуил спился, Чарли пьет, Сапер повесился... А еще Санечка был, в коммуне мэра, музыку умел на рояле делать, ноты понимал. Никто не умел, он один. Ему сказали, что заберут с роялем в Думу, для них музыку делать, для старейшин. Он отказался, просил, чтобы детей дали учить, как раньше. Детей ему учить больше не позволили, рояль сломали. Он бежал в Чухню, а кто-то его у норвегов видел...

Клерки ходят и солдаты с ними. Ежели в пустом доме заколоченном кого найдут без гербовой бумаги - сразу в кандалы. А то и пристрелят, это запросто. Им за каждого бродягу платят больше, чем офицерам. Детишки больше не в тайную стражу хотят, а в клерки. Там сытнее.

– Это точно, - согласился Коваль. - Там всегда было сытнее. Вот что, Лева! Я тебя покину, у меня на заставе небольшой спор утром состоялся. Не хочу, чтобы из-за меня проблемы появились. Позже еще увидимся! И пожалуйста, не говори никому, что я приходил, ясно?

– Да уж куда яснее! - печально усмехнулся книжник. - Куда пойдешь-то?

– Да вот, один добрый человек посоветовал... - Артур напоследок угостил летуна кусочком сала. - Я его слов поначалу не понял, а теперь всё разъяснилось. Пойду искать в союзники меньшее зло.

39. Меньшее зло

Артур не стал брать с собой огонь. Глаза быстро приспособились к темноте, а дым факела отбивает обоняние. За последнюю неделю он трижды выбирался из города и трижды возвращался назад, переодеваясь и меняя лошадей, чтобы не маячить на породистом животном. Коня он оставил на попечение Левы, а поклажу и оба ствола спрятал в капсуле. В городских катакомбах автомат ему не помощник. Спустя четыре года Артур вернулся туда, откуда начинался его путь наверх.

Проходя по гулким коридорам пятого отдела, он испытал смешанные чувства. Вот шахта, по которой он карабкался с липкими от ужаса руками, не представляя, что ждет его наверху и обмирая от каждого шороха. А за этой дверью, где они с Мирзояном и Денисовым в незапамятные времена обсуждали очередной матч или новенькую сотрудницу, он впервые столкнулся с лысым псом... Сегодня вечером он был вполне настроен на такую встречу, но институт хранил молчание. Артур слышал, как в глубинах чердака любовно перекликались голуби и дребезжала на ветру оторванная оконная рама. Институт был мертв, как океанский лайнер, навсегда потерявший свою преданную команду. "Навсегда", - повторил Артур. Слово каталось на губах, словно засохшая ягода, безвкусная и чуточку горькая.

Команды "зачистки", несомненно, побывали здесь еще раз, но оба корпуса не сочли пригодными для жилья. Исчезли остатки паркета, деревянные перила и двери. Вынесли даже стенные панели - словом, всё, что могло гореть. Следы десятков сапог взбаламутили вековую пыль. Доблестные клерки даже сняли ботинки с трупов, валявшихся на лестнице.

Он спустился в канализацию через люк котельной. Большая труба имела слабый уклон,

и он прикидывал, что метров через двести окажется под руслом Невки. Артур считал шаги. В пространстве, где ни зрение, ни обоняние не могли зацепиться за какой-то достаточно верный ориентир, приходилось полагаться на шестое чувство. Или считать шаги.

Через пятьдесят метров Коваль вышел к развилке и разглядел высоко над головой маленький рваный кусочек неба. Он угодил в один из канализационных коллекторов; грязь под ногами уже не чавкала, а хрустела, как пересохшие листья. Если предыдущий отрезок был почти свободен, то впереди трубу на треть заполняли многолетние отложения.

Артур дотронулся до огромного вентиля. Что-то хрустнуло, и половина железного колеса осталась у него в ладони. Из прогнившего косо́го фильтра шелестящим дождем посыпался поток ржавчины. Здесь даже не пахло гнилью. Очевидно, сточные колодцы находились выше уровня мостовой, или вода уходила в почву сквозь трещины.

Еще через пятьдесят шагов Коваль начертил угольком крест на вогнутой стене трубы. Теперь ему приходилось идти согнувшись, рискуя зацепить головой свисающие из люков обломки лестниц и куски арматуры. Грязь стала чуть жиже, и далеко впереди послышался какой-то равномерный ухающий звук, словно работала помпа. Потом он услышал запах, почти незаметный, но это был тот самый запах. Окажись Артур здесь четыре года назад, он не почувствовал бы ничего, кроме паники и дикой клаустрофобии. Со всех сторон ему бы чудились клыки и когтистые лапы...

Он медленно продвигался вперед, ухающий звук стал ближе, теперь среди глухих тонов различалось металлическое звяканье. Либо труба проходила вблизи ветки метро, где заключенные откачивали воду, либо на поверхности над одним из люков работал мотор. Внезапно труба стала шире. Артур приподнял нос, шевеля в темноте ноздрями, точно терьер, выслеживающий лису. Он не сразу догадался, где находится. В конце концов, сюда приглашали на экскурсию не каждого горожанина.

Труба никуда не исчезла, она плавно сворачивала, но в месте поворота, очевидно, произошел разрыв. Сразу за разрывом жерло перекрывала толстая решетка, а за ней Артур чувствовал следующую, с более мелкой ячейкой. Еще он чувствовал впереди огромную массу металла и воду, много тонн стоячей цветущей воды. До сих пор в подземелье не встречалось ни мокриц, ни других насекомых, любящих влагу, а теперь Коваль слышал неумолчное зудящее пение сотен комаров.

Он находился на границе очистных сооружений, на первом форпосте. Мощный стальной каркас, удерживающий переплетения труб и очистные ванны, просел под собственной тяжестью, или его подмыли грунтовые воды. Так или иначе, сварная конструкция лопнула и потянула за собой трубопроводы. Артур мелкими шагами добрался до места разрыва. Труба под ногами слегка раскачивалась. Он оценил расстояние до решетки метра в два с половиной, опустился на четвереньки и ощупал край. Запах стал сильнее. Из провала тянуло сырой землей, но он уже не сомневался, что придется прыгать: трещина уходила слишком глубоко.

Он щелчком, вслепую, убил комара, затем еще одного. Можно было вернуться и попытаться пройти с другой стороны. И потерять еще три часа. Три часа он ползает под городом... Нет, случайностей не бывает. Если ему суждено подохнуть в этой дыре, то не играет роли, через какой люк он поймает за хвост свою смерть!.. Коваль оттолкнулся и прыгнул.

Ноги повисли над пропастью, но руками он намертво вцепился в решетку. Фильтр давно держался на честном слове, осталось его только раскачивать. Спустя четверть часа его пальцы кровоточили, плечи и колени онемели от напряжения, но прутья поддались. Вторую и третью решетки Артур выбил с одного удара. А дальше труба закончилась, он не удержался на скользком порошке и полетел в воду. По счастью, тут оказалось совсем неглубоко, но воняло так, что Артура чуть не вырвало. Впервые за годы он почувствовал себя некомфортно босиком. Ступни точно погрузились в ледяной шевелящийся кисель. Здесь, в очистных ваннах, кишела жизнь, и жизнь не в самых приятных ее проявлениях. Слава богу, он влил в себя достаточно снадобий Анны и не боялся заразиться.

Артур уже понял, что к центральной городской станции этот подвал не имеет никакого отношения; скорее всего, он пробрался в сточную систему одного из крупных заводов. Как и прежде, он не видел ни зги, но обострившееся восприятие подсказывало, что подземное сооружение имеет по крайней мере три уровня и занимает пару тысяч квадратных метров. Он успокоил дыхание, вытер руки о штаны и шагнул на узкий металлический мостик. Мостик подозрительно закрипел, но Коваль уже ничего не слышал. Он увидел глаза.

Две голубые льдинки перемещались в полутора метрах над ним, затем замерли. К ним присоединилась еще одна пара, чуть больше первых.

– Хорошая собачка, – сказал Артур и потянул за лямку рюкзака. – Смотри, какая вкуснятина у меня есть для тебя. Хорошая собачка! – Он вспомнил, как точно так же подлизывался к лысому крокодилу в курилке.

Коваль чувствовал, как еще один буль подкрадывается сзади, совсем молодой, почти щенок. Он подкрадывается и сам очень боится человека. Замечательно! Человек шел на запах и не ошибся. Здесь у них гнезда, и наверняка есть выход к реке, куда псы выплывают за рыбой. Но еще больше человека возбуждало то, что он их слышал... В отличие от плюющихся червяков с пожарища разум собак был открыт для него. И разум не был враждебным. Они не доверяли, они боялись, они готовились защищать щенков, они страшно хотели есть, но... они слышали и откликались.

Артур не видел щенка, которого кормил с рук. Потом к нему подплыли еще два, совсем маленькие; толкаясь и ворча, они принялись сражаться за кусок бекона. Их мать заволновалась и негромко рявкнула из темноты, но Артур успокоил ее одним ласковым прикосновением мысли.

– Хорошие собачки! – повторил он, вытряхивая последние крошки. – А теперь мне нужно, чтобы вы пошли и привели остальных. Я отведу вас туда, где много-много свежего мяса... Я отдам вам целую свинью, нет, целое стадо свиней. – Он без труда представил себе это стадо – освежеванные дымящиеся туши на крюках – и швырнул этот образ собакам. Булей трясло от возбуждения. – Приведите сюда остальных, приведите всех! У нас будет самая сильная, самая смелая стая! – Его волосы взмокли от пота. Артур чувствовал, как непроизвольно дергаются мышцы на щеках и под глазами. Удерживая волю на пике, на самом острие сознания, он раздувал внутри себя огонь жоака. Стая приняла его за своего, но не к этому он стремился. Они должны быть готовы умереть за жоака...

В три часа ночи Коваль вывел их к скотобойне. Точнее, его вывели туда були, но сами псы давно бы уже не отважились на такой поход. Как и положено, бойни имелись у каждого из трех рынков, но их охраняли не хуже арсенала. По периметру цеха прогуливалась шестерка матерых волков и сторожа с пулеметами. Волки свободно бегали между двумя линиями колючки, и до прихода утреннего смотрителя никто бы не отважился к ним подойти. Кроме одного человека.

Артур позволил волкам облизать себе руки. Затем выдернул щеколду и выпустил их во внутренний двор, туда, где носился кислый аромат забоя и вокруг дубовых колод валялись кости животных. Выскочившие на шум сторожа, не протестуя, отдали колдуну оружие и ключи от бетонного ангара. В стойлах, чуя хищников, исходили пеной коровы. За перегородкой оглушительно верещали свиньи. Артур запер горе-охранников в сторожке и позволил волкам выпотрошить свинью. Пока волки насыщались, они были неуправляемы, и Артур не смел к ним подходить. Потом он запер их в сарайчике и привалил дверь. Настала очередь его стаи.

Их собралось несколько сотен. Многие пришли под землей, по водопроводу и канализации. Они пробирались дворами и плыли по каналам, неуловимыми тенями пересекали проспекты и бесшумным валом катились по заросшим травой переулкам. Лева был прав: военные вытеснили дикую живность из центра, большинство булей обитали в новостройках, стараясь держаться Невы. Коваль знал, что не имеет права показать робость, но внутренне он содрогнулся. Разлагавшаяся в водах Балтики химия превратила животных в ходячие экземпляры для кунсткамеры. Более того, в темноте ему показалось, что на зов

откликнулись не только собаки. Во всяком случае, не совсем собаки... Он отрезал себе изрядный ломоть грудинки и зажарил над огнем в будочке охраны. Не подкрепившись, не стоило и думать, чтобы двигаться вперед. Он потерял слишком много сил под землей, но Бердер сказал бы, что сделано неплохо. По другую сторону забора, окружавшего базарные ряды, надрывались обычные собаки. Сделано неплохо, но главное только начиналось...

Часовому, что боролся со сном на третьем этаже резиденции, вдруг почудилось, что площадь перед памятником царю подернулась мелкой рябью. Он встряхнул головой, хотел окликнуть товарища, но, когда снова посмотрел вниз, ничего странного не заметил. На противоположной стороне здания другой солдат обратил внимание на то, что Мойка ведет себя как-то странно. Только что стоял полный штиль, и тут поверхность воды покрылась волнами, будто вверх по течению шел косяк рыбы. Но тревогу он поднимать не стал, потому что ничего опасного не случилось. Вместо этого он оглянулся, не подсматривает ли сержант, и быстро раскурил самокрутку с дурманящей травой. За кило травки он отдал азиату на рынке полный рожок патронов, но дело того стоило. За дурман могли, конечно, вышвырнуть из тайной стражи и отправить в пограничный гарнизон, но без риска жить неинтересно. Зато девчонкам нравится...

Парадное крыльцо стерегли двое "безликих", из тайной полиции. Они не спали и не курили, вместо курева они жевали совсем другую траву, дающую ночную бодрость и зоркость. Лица обоих полицейских скрывали вязаные капюшоны с дырками для рта и глаз. Старший последние семь минут всё чаще поглядывал на большие напольные часы, установленные в специальной будочке. За дверями у печки давно уже грелась смена передвигного патруля, а машина все не показывалась. Джип должен был вернуться с объезда минимум четверть часа назад, но, сколько полицейский ни вслушивался, знакомое тарахтение мотора не достигало его ушей. А своим слухом он гордился. Ничего, только плеск воды и лязганье весел в уключинах ночующих за мостом лодок. Машины иногда ломались, но не обе же одновременно. Кроме того, куда-то запропастился конный патруль городской стражи. Последний раз они подлили горючего в бочки, стоящие по периметру площади, три часа назад, и с тех пор не появлялись. Полицейскому это совсем не нравилось. Он решил, что подождет еще пять минут и ударом в рельсу поднимет все свободные смены...

— Кто-то идет! - озабоченно произнес молодой напарник и упер сошки пулемета в мешок с песком.

— Ты рехнулся! Кто может идти в три часа ночи? - Старший оглядел пустую площадь, но на всякий случай дернул за веревку. В холле дворца коротко забренчала трещотка.

— Да вон же, вон!

— Да где, черт тебя дери? - Полицейский передернул затвор и влез по лесенке на вершину баррикады. Он различал лишь темную громаду собора и конную скульптуру древнего императора на пьедестале. Пламя в бочках почти погасло.

— Эй, что там, капитан? - Трое "безликих", побросав кружки с чаем, выскочили на крыльцо. - Мотор приехал?

— Ни хрена не вижу! - злобно отозвался капитан. - Яшка, лупи в рельсу, кажись, неладно что-то!

— Святые отцы! - пробормотал, не двигаясь с места, молодой полицейский. Вместо того чтобы подать сигнал тревоги, он словно прирос к прикладу. - Он смотрит на меня! Там, справа!

Капитан скосил глаза и чуть не проглотил свою жвачку. Со стороны Морской улицы, царапая сотнями когтистых лап по сырой брусчатке, на него катилась нескончаемая волна диких псов. За спиной капитана трое патрульных вскинули обрезы, но не успел прозвучать первый выстрел, как на втором этаже забили в колокол. Затем дважды тявкнула пушка; ослепив до рези глаза, вспыхнули на площади фонтаны разрывов. На короткое время живая лавина замедлилась, но бреши тут же затянуло.

Новый звук заставил капитана перевести взгляд налево. В Мойке кипела вода. Десятки

и сотни блестящих тел выпрыгивали из глубины, взлетали над парашютом и, сливаясь во второй яростный вал, стремились к крыльцу. Им не было числа.

Одновременно грохнули обрезы, и со второго этажа заговорил автомат. Первую шеренгу собак раскидало. Полицейский не верил своим глазам: раненые падали и скуля продолжали ползти вперед. Колокол звенел не переставая. В верхних покоях и казармах вспыхивали огни.

– Он смотрит! - продолжал стонать Яшка.

– Стреляй! Стреляй, дурень! - прохрипел капитан, сам бросаясь к пулемету.

Он оттолкнул напарника, положил щеку на приклад и в прорези прицела увидел человека. Человек неторопливо брел по центру площади, зарываясь голыми ногами в гниющие листья, а слева и справа от него бурлило море голубых глаз. Лысые псы расступались, оставляя человеку проход. Человек шел и смотрел прямо в глаза капитану.

Полицейский почувствовал, что не может пошевелить пальцем. Ему требовалось совсем небольшое усилие, чтобы накрыть колдуна и его свору градом свинца; лоб покрылся потом, мочевого пузырь дал слабину, но палец на курке не сдвинулся и на миллиметр. Где-то наверху зазвенело разбитое окно, с карниза сыпался дождь из горячих гильз, над ухом дважды выстрелили из обреза, кто-то из подчиненных тряс полицейского за плечо.

Потом стало совсем тихо, и капитан понял, что остался один. Он продолжал смотреть в глаза грустному бородатому человеку и не мог ни встать, ни пошевелить рукой. Яшка лежал рядом, запрокинув голову. Из-под его вязаной маски стекала тонкая струйка крови. А на груди у младшего патрульного, шевеля жабрами, устроилось мокрое голубоглазое чудовище. Оно улыбнулось капитану двойным рядом зубов и прыгнуло ему на горло. Это было последнее, что увидел начальник "безликих".

Подобно кипящей лаве, свирепая лавина ворвалась в здание и растеклась по коридорам, сметая всё на своем пути. Дежурная полусотня личной стражи была уничтожена прямо в казарме. Через пять минут от мечущихся между коек солдат остались клочья одежды и залитые кровью полы. Проснувшиеся клерки и члены семей прыгали в окна со второго и третьего этажей, кто-то пытался выбраться через чердаки. Но всюду люди натывались на сплошное сужающееся кольцо собак. Возле покоев губернатора стражники с пулеметами ненадолго замедлили атаку булей. Собаки карабкались по трупам своих же товарищей, пока гора из мертвых тел не закупорила напрочь два лестничных пролета. На второй лестнице четверо телохранителей развернули рукав огнемета. Двое без устали, скинув куртки, дергали рычаги ручного бензонасоса, а вторая пара, покрытая копотью, словно черти в аду, заливала площадку огнем. Их ладони, несмотря на толстые рукавицы, покрылись волдырями, но стражники не отступали. Терять им было нечего.

Буквально позавчера именно эти двое под руководством его святости распяли троих щенков булей, выкололи им глаза, а затем медленно выпустили кишки. Изловить щенков было совсем несложно, всем известно, где були выходят по ночам рыбачить. В центре их почти не осталось, но на правом берегу полно нор; достаточно подвесить слегка протухшую рыбку над железным сачком, и молодняк попадет в ловушку! Теперь стражники не сомневались, что свора пришла мстить. Мстить за всех, кого они убили в последний год.

Командовал охраной плотный старик, он служил губернатору пятнадцать лет с того дня, как нынешний глава захватил свой пост. Он хорошо помнил прежнего губернатора, глупца, задушили ночью в собственной постели. Он потакал книжникам, а старую гвардию, что привела к власти его отца, заставлял работать наравне с крестьянами. Нынешний губернатор жил по закону и отлично знал свое место. Командир охраны мог бы забрать своих людей и сбежать от собак, он знал тайные ходы, что вели наружу к Неве или выходили во двор к гаражам. Но знал он и то, что, если губернатор погибнет, соборник Карин найдет их из-под земли. Этот чертов колдун видел насквозь...

Командир личной стражи приказал бросить бесполезный огнемет и прочее железо. Он собрал оставшихся в живых людей, их было не больше дюжины, и приказал любой ценой удерживать угловой коридор, где находились спальни губернаторской семьи. Вот-вот

должно было подойти подкрепление. Находясь наверху, он не мог знать, что квартировавшая на первом этаже рота "безликих", приставленная Кариным, вырезана до последнего человека, почтовые голуби валяются на чердаке мертвыми, а телефонные провода перекушены. Не знал он и о том, что в гараже давно горит броневи́к губернаторской семьи, а от лошадей в стойлах остались обглоданные скелеты.

Стражники жевали траву и оттого не чувствовали страха. Они перегородили коридор старой мебелью и собрались плотной группой, обнажив сабли. Пожар еще сюда не добрался, он веселился этажом ниже - жадно обгладывая шкафы с документацией, уничтожал многолетние труды клерков. Уже погибли данные по оброкам и недоимкам, погибли дарственные на землю и карты наделов, погибли важнейшие государственные бумаги. Из покоев семьи губернатора выскакивали полуодетые люди; все, кто мог носить оружие, спешно разбирали ружья и автоматы. Атака псов прошла настолько быстро, что никто не успел понять, кого надо бояться. Гражданские выбегали в коридор, но не видели ничего опасного, только дюжину оцетинившихся клинками телохранителей. Все слышали рев пожара и спрашивали друг друга, что случилось. Окна покоев были давно и наглухо заколочены в целях безопасности после давнего нападения шептунов на Нарвскую комму́ну. Начальник стражи колотил в дверь спальни губернатора, он нуждался в ключах от пожарной лестницы. От дыма становилось невозможно дышать, на этаж поднималась удушливая вонь горелого мяса.

Получив ключи, старик-полковник, стараясь не сорваться на бег, отправился к пожарному выходу. За ним, отшвыривая друг друга, ринулась толпа домочадцев. Общими усилиями скинули крюки с тяжелых дверей. На пожарной лестнице не было ни дыма, ни собак, только паутина и крошечная тьма. Тут до всех дошло, что впопыхах забыли прихватить фонари. Молодые мужчины побежали назад, женщины и дети жались друг к другу, не решаясь сделать и шагу вниз.

— Что там, ребята? - крикнул подчиненным старшина.

— Пусто! - отвечали ему верные рубаки. Они уже устали держать сабли и ножи наизготовку. Они закрыли лица мокрыми тряпками, выбили ставни на окне в торце коридора и по очереди бегали глотнуть свежего воздуха. Перекрытие этажа раскалилось настолько, что начали уже тлеть доски и дымились подошвы сапог.

— Пусто, никого нет!

— Они отступили!

— Эти гады боятся огня!

Ни черта они не боятся, подумал старый вояка. В отличие от зеленой молодежи он дрался с буями еще в те годы, когда они безбоязненно бросались на людей в центре Питера. Он был ребенком, когда из города, спасаясь от псов, тысячами бежали крысы. И в том, что псы перестали нападать на горожан, совсем не было заслуги соборников, как они ввали на молениях. Старики прекрасно понимали, что из реки ушла наконец древняя химия и очистились леса. У зверюг появилась пища; еще немного, и они сами покинули бы город и убрались к Ладоге. И то, что происходило этой ночью, командир стражников никак не приписывал личной мести.

— Тихо! - Старшина поднял руку. Тут было не до субординации. - Тихо, заткнитесь все!

Солдаты затаили дыхание. Ровный гул наступающего пламени. Хлопки взрывающихся бутылок на нижней кухне. Ни лая, ни криков...

— Господин полковник! - робко позвал один из бойцов. - Стоит ли тащиться через гараж, если парадный вход очистился?

— Заткнись! - Старик обернулся.

Люди губернатора всё так же толпились за поворотом, не отваживаясь спускаться. От группы полуодетых женщин отделилась стройная фигура в кольчуге.

— Ты тоже слышишь, госпожа? - одними губами прошептал полковник. Они стояли плечом к плечу, третий служака и третья из невесток губернатора.

Стояли и смотрели в темный задымленный пролет, где уже плясали первые язычки

огня.

– Прикажи им бросить оружие, - столь же тихо ответила женщина. - Это не поможет...

Собаки покинули здание, в огромном дворце остались лишь горы трупов и горстка насмерть перепуганных жителей. Тех, что еще вечером представляли в городе верховную власть.

Но интуиция никогда не подводила командира. Самое страшное только начиналось. 40.
Правды и законы

Теперь слышали и солдаты. По охваченной пламенем лестнице шлепали босые ноги. Первым на площадку шагнул высокий небритый мужчина. Его темно-русые волосы были уложены в две аккуратные косички вокруг загорелого лба. По краям серых глаз разбегались лучики морщинок. Торс мужчины облегал плотная матерчатая куртка со множеством накладных карманов и широкими загнутыми манжетами. Ночной гость носил кожаные короткие, чуть ниже колен, штаны. Из заплочных ножен торчала рукоять кинжала, еще два ножа висели на поясе. Но человек не воспользовался оружием.

Он привел его с собой.

Следом за мужчиной, фыркая на огонь и поджигая лапы, поднимались по ступенькам четыре болотных кота. В молодости полковник хаживал с подобными зверюгами в патрули; они слушались, пока их досыта кормили, но даже тот, кто кидал им мясо, не рисковал поворачиваться спиной. А таких здоровых полковник и не встречал...

Коты равнодушно оглядели солдат и принялись вылизывать шерсть. Чужак перешагнул через груды оружия на полу, бросил косой взгляд на вжавшихся в стену бойцов.

– Здравствуй, госпожа.

– Здравствуй и ты, Кузнец.

– Я рад, что ты выздоровела.

– Мы тоже не верили, что ты жив.

Коваль обошел Арину и направился к плотной группе людей, собравшихся у черного выхода. Мужчины отважно прикрывали спинами женщин. Огромные кошки закончили туалет и припустили вслед за хозяином. В толпе раздались сдавленные крики, одна из старух забила в истерике. Коваль подошел вплотную; мужчины прятали лица. Но не все. Тоненький рыжеволосый юноша лет семнадцати стоял чуть в стороне и, глядя с улыбкой на укротителя котов, жевал овсяную лепешку.

– А ты всё так же жрешь не переставая? - усмехнулся Артур. - Не ожидал я, что и ты с ними...

– Я с ними и без них. Ты нашел, но ищешь. - Юноша перестал улыбаться и спрятал лепешку в карман. - Смелый, но боишься.

– Что я ищу, Христофор?

– Нашел правду - потерял закон. Нашел закон - потерял правду.

– Тут ты прав, дружище... Где он, Арина? - не оборачиваясь, спросил Артур.

– Оставь отца в покое, прошу тебя!

Арина Рубенс слишком резко шагнула вперед; коты разом выгнули спины и оскалили зубы. Одного сжатия челюстей хватило бы, чтобы перекусить мужскую лодыжку. Полковник лихорадочно вспоминал все забытые в детстве молитвы. Две женщины истерически завизжали.

– Где он? - повторил Артур, осаживая хищников взглядом. - Тот, кто посылает людей на смерть, и сам не должен быть трусом...

– Это правда, а не закон, - тихо вставил Христофор.

– Согласен, - кивнул Артур.

– У него больное сердце... - Арина боялась сделать шаг. Напротив нее сидел кот, облизывал лапу и тер себя между ушами. Полосатая голова мутанта находилась на уровне ее пояса. - Тебе же не он нужен, правда, Кузнец?

Старшина охраны оглянулся. Огонь достиг верхней площадки и в бешеном темпе пожирал коридоры. Один за другим плавилась и разлетались плафоны ламп, апельсиновой

кожурой свернулась краска на стенах, разом вспыхнули несколько картин в дорогих рамах. Закрывая лица руками, пятились уцелевшие солдаты; под ногами у них чадил утеплитель и горели два слоя досок. Артур и кошки очутились как бы в окружении: слева дюжина безоружных бойцов, справа - два десятка гражданских.

— Кто из них твой муж? Этот?

Артур поймал перестрелку их взглядов. Арина тщательно скрывала растущую панику. На секунду он даже позавидовал дочери Рубенса. Она искренне любила мужа и боялась за него. Напротив Ковалья, понурившись, стоял яркий, красивый парень с тонкими усиками на подвижном лице. В его физиономии без труда угадывались черты папаши, даже усы он отпустил из фамильной гордости. Парень изо всех сил старался сохранить горделивую осанку, но это у него неважно получалось.

Одна из кошек подошла и потерлась Ковалю о бедро. Он потрепал хищника по кисточке на ухе. Секундой позже в толпе произошло какое-то быстрое движение. Артур мгновенно присел, и короткая стрела воткнулась в дверной косяк. Один из бойцов за спиной Ковалья сдавленно крикнул и упал, суча ногами.

— Нет! - крикнула Арина.

Женщины с визгом подались в стороны. Кошка зашипела и намеревалась рвануться вперед, но Коваль ухватил ее за загривок. Его правая ладонь уже снова была пустая.

На полу с клинком в глазу корчился один из родственников правителя. Возле него валялся маленький разряженный арбалет.

— Ты и ты! - приказал Артур, безошибочно определяя носителей угрозы. - Две секунды разоружиться!

И обернулся к солдатам за спиной. Боец, что не выкинул револьвер, тоже был мертв.

— Я же просила тебя! - Арина готова была вцепиться полковнику в волосы. Тот отступал от нее, белый как мел.

— Полковник! - Артур поманил старика в погонах. - Кто среди этих людей занимает посты в правительстве? Ты видел, что я не люблю, когда меня обманывают. Быстро, иначе по твоей милости погибнут невинные!

— Кошки устали, - вдруг не к месту вымолвил Христофор. Впервые, насколько Артур его помнил, юный оракул выдал нечто неоспоримое. И он был прав. Коты всё тяжелее удерживались в подчинении, они боялись огня, боялись людей и отвратительно чувствовали себя среди здешних запахов.

— Еще как устали! - согласился Коваль. - Я жду, полковник!

— Не надо! - подался вперед муж Арины. - Я занимаю пост Старшины топливной палаты. Мой брат, - он кивнул на соседа, - Старшина дорожников. Еще здесь наш племянник, Георгий, он начальник подземки. Больше никого. Остальные ни в чем не замешаны. Это просто наши семьи. Можешь убить нас, но отпусти детей, - Артуру показалось, что сын губернатора был почти горд тем, что проявил отвагу на глазах у жены.

— Полковник! Скомандуй солдатам, пусть выводят людей через черный ход. Там внизу, в гараже, сидит кошка, но вас не тронет. Я ей скажу. И всех переправьте к Думе. Если посмеешь меня ослушаться, люди погибнут! А вы, родные, оставайтесь!

Коваль чувствовал жуткую усталость. Самым сложным оказалось не привлечь к боевым действиям котов, а вывести из боя и отправить вплавь на тот берег тысячу собак. Он до сих пор чуял боль их ран и неугасший боевой настрой.

— Я никуда не пойду! - заявила Арина, прижимаясь к мужу.

— Как угодно! - Коваль не настаивал. Ему попался на глаза жующий Христофор. - Ты, я смотрю, тоже не торопишься?..

Старый уса́тый человек с выпученными глазами лежал на высокой кровати и действительно выглядел очень больным. Но Коваль очень быстро определил, что губернатора сегодня, как назло, посетил один из обычных ночных приступов, о которых никто, кроме ближнего окружения, не догадывался. Через часок всё войдет в норму, думал Артур, разглядывая новоявленного тирана. Такие вот сморщенные глисты, несмотря на

больное сердце и прочие пробоины, доживают обычно до глубокого маразма...

– Берите его на руки! - скомандовал Коваль. - И галопом вниз. Если, не дай бог, у кого-нибудь появится идея ткнуть меня в спину, лучше заколите себя сами. Всем понятно?

– Куда мы едем? - готовясь к смерти, спросил кто-то из сыновей.

Артур, собираясь в поход на резиденцию городского главы, позаимствовал в губернаторском гараже приличную карету. Моторному транспорту он доверял все меньше.

– Мы едем в Думу. Там подождем остальных.

– Что ты задумал, Кузнец? - Арина Рубенс сверлила его глазами. - Тебе ведь не мы нужны?

– Где он, Арина?

Копыта коней отбивали дробь по ночным мостовым. За кучера сидел Христофор. В городе, судя по всему, заметили пожар. Сразу в нескольких местах колотили в рельсы, звенели колокола. Навстречу пронеслось несколько экипажей, набитых людьми с баграми и прочим пожарным инструментом.

– Он за городом, со своими "безликими". Собирался на запад, в сторону Нарвы, но я не уверена... Никто не знает, где он.

– Ты позовешь его сюда. - Арина переглянулась с мужем.

– Ты боишься его, дочь Рубенса? Я запомнил тебя совсем другой. Что они сделали с тобой, девочка?

Арина смотрела в окно, губы ее кривились:

– Не сомневайся, Кузнец. К нему уже поехали и без меня!

– А ты, родимый, стало быть, топливом командуешь? - переключился Артур на губернаторского сынка. - Ты, наверное, инженер?

– Нет... - потупился тот.

– Через твою палату идет в Питер вся нефть, уголь, торф, да? И дерево тоже?

– Только то дерево, что на растопку...

– Замечательно! Это твои бойцы вешают замерзающих зимой людей за срубленную елку?

– Артур, я прошу тебя, прекрати! - взмолилась Арина.

Ее супруг покрылся пунцовыми пятнами, прочие родственнички помалкивали. Губернатор, завернутый в одеяла, тихо стонал позади. Карета, подпрыгивая на ухабах, въехала на мост.

– А ты помолчи! - бросил Артур.

– Не я пишу законы! - пытался оправдываться "нефтяной король".

– Сколько тебе лет, парень?

– Двадцать семь...

– Ты учился у книжников?

– Нет...

– Ты разбираешься в том, как нефть перегнать на бензин? Ты хоть знаешь, что можно купить на те медяки, что вы платите за торф и уголь? Ты осведомлен, сколько топлива в сезон потребляет город?

– Нет, нет, нет...

– Ты запретил малым артелям продавать лес кому они хотят? Ты знаешь, сколько народу ваша сраная лавочка пустила по миру?

– Я только исполнял! - Парень чуть не плакал. - Я делал, как решала Дума...

– Но ты же понимал, что душишь малых собственников? Ты оглох? Я тебя спрашиваю, говнюк! Ты понимал, что разорешь людей?

– Легко спросить о правде. Нелегко спросить о законе, - прокомментировал с облучка жующий Христофор.

– Павел, будь мужчиной! - прикрикнула на мужа Арина. - Что ты воешь, как баба?!

– Я... я понимал... - выдавил наконец третий сын губернатора. - Но так было лучше для города. Я старался для всех, я верил отцу и выполнял решения Думы. С них и спрашивай,

откуда такие указы...

– Мне ваша коллективная порука вот где! - Артур провел ногтем по горлу. - Это болезнь! Во всей стране не найти человека, который готов отвечать за воровство! Ничего, я вас заставлю...

Два кота, которых он взял с собой в экипаж, норовили ухватить кого-нибудь за пятку. Несчастные собеседники Артура то и дело поджимали ноги.

– Так, теперь ты! - Коваль повернулся к Арине. - Меня всегда интересовало, милочка, что чувствуют жены бандитов. Расскажи-ка мне!

– Павел не бандит!

– А кто бандит? Тот, кто грабит прохожих на большой дороге?! - Коваль схватил женщину за плечо. - Может, и так, а может, у мальчишки с большой дороги просто не было отца, чтобы накормить и всыпать по заднице! Он, конечно, не прав, но он всего лишь мелкий пакостник по сравнению с твоим свекром. А у твоего Павлика всё есть, и папа, и мама. И сытое детство, и слуги, и охрана. Всё, что надо, хоть обожрись! Но это не мешает вашей веселой семейке грабить народ! Вот я и спрашиваю тебя, Арина Рубенс. У тебя отросла вторая задница?! Зачем лично тебе две спальни и еще пять комнат? Твой отец никогда не спал на двух кроватях. Слушай, больше ста мелких артелей и общин посылают в город людей на заработки. Потому что им не прокормиться. И что творят твой Павлик с братьями и папашей? Они платят работягам медяками, которые невозможно обменять на серебро. А музейщиков вы заставили гнать самогон и поставили кабаки по всем дорогам. И эти самые нищие общинники, заработав в Питере копейки, тут же сливают их в ваших кабаках.

Что ты мне скажешь, дочь Рубенса? Когда-то я думал, что меня предал Качальщикам твой отец. Потом я был ему благодарен. Ты предала отца, ты подняла бунт против него и уничтожила лучших людей, самых преданных Эрмитажу... Почему ты молчишь, Арина? Ты сама выбрала этот путь, в отличие от муженька, тебе не приказывала Дума. Я спрашиваю, как тебе спится ночами, жена?..

– Ты убьешь нас? - глухо ответила она.

– Следовало бы вас судить. И вас, и всех остальных начальничков...

– Ты хочешь бунта, Кузнец?! Ты будешь доволен, если пьяная толпа растерзает нас и разграбит казну?

– Поэтому суда не будет... - вздохнул Артур. - Не доросли вы еще до этого. А может, и не дорастете никогда. Слушай меня, дочь Красной луны. Сейчас мы приедем в Думу, твой муж пошлет гонцов ко всем старшинам палат и ко всем выборным кивалам. И ко всем начальникам застав, чтобы сняли патрули и привели личный состав на площадь. Когда все соберутся, ты сообщишь людям три новости. Ты скажешь, что губернатор очень болен и не может руководить городом. Он уезжает в деревню на долгое лечение.

Ты скажешь, что соборник Карин задумал убить всех старейшин и семью губернатора. Для этого он поджег дворец и натравил псов. Всех вас спас Артур Кузнец, он заставил псов отступить и держит их в своей власти... И Артура Кузнеца губернатор назначает, вместо себя, командовать городом.

– Но мне никто не поверит!

– Поверят, когда увидят собак. Були ждут нас в подвалах Думы. Дума единогласно проголосует за нового губернатора. После этого я отпущу заседателей и назначу новых старшин палат. И последнее, что ты скажешь. Всех командиров патрулей, начальников малых гарнизонов, что квартируют в городе, ты пригласишь в здание. Там с ними поговорю я. Кто откажется сдать оружие, будет убит на месте.

– А что будет с нами?

– Разве я не сказал? Поскольку мне не собрать честный суд, вы все отправитесь в одно прелестную деревушку на Урале. Там вас быстро перевоспитают. Сколько всего старшин? Человек тридцать? Значит, с семьями наберется сотня. Там прекрасный воздух, грибы, рыбалка. Лет за десять окрепнете, заодно вспомните, как работать в поле.

– На Урал?! Мы погибнем в дороге...

– Ты забыла, как водить караваны, детка? Не трусь, караван будут сопровождать твои старые друзья. Не забыла еще братишек Абашидзе?

– Серго?! Ты врешь, чертов колдун! - Арина уже не сдерживалась, орала во весь голос. - Он сбежал к моему отчиму и наверняка сгинул среди озерников!

– А вот тут промашка вышла! - широко улыбнулся Коваль. - Я отыскал и Серго, и Руслана. Руслану найдется о чем с тобой поговорить в пути. А чтобы у вас не возникло желания повернуть с полдороги назад, я придам ему в помощь сотню-другую булей.

– Они сожрут нас!

– Будете вести себя тихо - не сожрут. Под Новгородом караван встретит один улыбчивый дяденька, кстати, самый настоящий Качальщик, давний знакомый твоего отчима. Со всеми жалобами на собак до конца путешествия будете обращаться к нему...

– Но ты же один, Кузнец! - опомнилась Арина. - Как ты один заставишь нас уехать? У Павла сотни преданных солдат...

– Уже нет, госпожа. Сегодня ночью предатель Карин послал булей в Михайловский замок и Серый дом. У вас больше нет солдат. Разве что пограничные гарнизоны, которые уже завтра присягнут новому губернатору. Но у меня имеется неплохая личная стража. Двадцать штыков под командой Серго Абашидзе.

Арина и трое мужчин выглядели абсолютно раздавленными.

– И когда... Когда ты хочешь нас выселить?

– Сразу после того как распушу Думу. Фургоны уже готовы.

Артур отдал проголодавшейся кошке последний кусок мяса.

– Так вот чего ты добивался, Кузнец! - глотая слезы, злобно прошипела Арина. - Кричал о справедливости, а сам незаконно мечтаешь захватить власть?! Чего тебе не хватает? Ты мог бы всё иметь и так! А теперь берегись. Каждую минуту ты будешь ждать пули в спину...

– Хотел правды, получит закон! - звонко расхохотался Христофор. Юнец обернулся, и Коваль увидел, что глаза его оставались очень грустными. - Сам теперь станешь законом - потеряешь правду...

– Я об этом догадываюсь, дружище... - почесал затылок Артур. - Этим всегда и заканчивается. Но я попытаюсь удержаться, честное слово, попытаюсь...

41. Десять лет спустя

– Ты так и не поймал сборника, папа?

– Нет, сынок. Никто не знает, куда он сбежал.

– А вдруг это он подсылал к тебе убийц в прошлом году?

– Нет, сынок. Это были наши, питерские, сборники. Не бойся, Серго всех переловил.

– Их повесили, папа?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты говорил, что мы никогда не должны врать друг другу, так?

– Да, сынок. В противном случае мы потеряем уважение и дружбу.

– Я слышал, как дядя Христофор говорил с какой-то женщиной. Она сказала, что губернатор Кузнец повесил шестерых невиновных. Что только трое сговаривались отравить тебя... Это правда, отец?

– Я доверяю Серго. Он спасал меня от трех покушений.

– Ты говорил, что, если человек не хочет врать другу, он должен сказать, что не будет отвечать на вопрос. Ты не хочешь мне ответить, папа?

– Я отвечу тебе. За последние годы погибло много людей, чья вина не заслуживала смерти. Не шестеро, а намного больше.

– Почему всё так? Старшина книжников, когда ведет у нас уроки права, говорит, что в Петербурге правит диктатор. Это плохое слово, да? Он называл тебя плохим словом?

– Ах, Лева! Болтает при детях всякую чушь... Книжник прав, сынок. Но тут ничего не

поделаешь. Слово не очень хорошее, но иначе никак. Не получается жить так, чтобы все были довольны. Кто-то страдает. Представь себе, дружище, что соборникам удалось бы отравить и меня, и Серго. Зато те шестеро, которых считают невиновными, остались бы жить. Так тебе больше нравится?

— Мама говорит, нельзя накликать беду! Не говори так... Я бы тогда отомстил за тебя.

— Вот видишь. Ты начал бы войну, и погибли бы сотни. Это тяжелый выбор, сын. Постарайся пока не думать об этом. Скажи лучше: тебе нравится здесь?

— Я соскучился по маме и по деревне.

— Тебе не нравится учиться?

— Нравится... Папа, Христофор сказал, что ты приказал книжникам летом открыть этот... университет. И что он будет не здесь, а в общине. А меня возьмут туда?

— Да, он будет в общине. Ты же знаешь, что Хранители не могут жить в городе. Они согласились учить только там. Но не я буду решать, возьмут ли тебя. Поедут лучшие.

— Но папа, ты же можешь приказать!..

— Ну-ка тихо! Ты что-то сказал?

— Нет... Я случайно. Тебе послышалось.

— Прекрасно. Будем считать, что мне послышалось. Мама скоро придет. А потом на всё лето вы с братом улетите учиться к дяде Бердеру. Пока меня нет, ты старший в семье, отвечаешь за сестру и младших братьев.

— Ты опять уезжаешь?..

— Ненадолго. - Артур поднялся и кивнул охране. Он смотрел через окно, как за подростком захлопнулась дверь броневики, и четверо дюжих сержантов в форме губернаторской гвардии поскакали вслед отъехавшей машине. И так будет всегда, подумал он. Либо тихая жизнь в лесу, либо вечный бой.

— Старшины собрались, господин. - Секретарь держал под мышкой папку с бумагами и нескороаемый сундучок с большой губернаторской печатью.

— Уже иду... - Коваль поднял руки, давая возможность двум желтым дикаркам застегнуть на нем латы. Двойняшек привезли в город в пятилетнем возрасте, обе были преданы и покорны, но так и не выучились нормально говорить. - Как дела у деда, Миша? Помогли лекарства?

— Ему лучше, господин. - Юноша отвесил короткий поклон. - Он благодарит тебя за приглашение и за всё, что ты сделал для семьи Рубенс, но вряд ли покинет озеро. Он говорит, что его сердце не переживет возвращения в Эрмитаж...

— Когда поедешь на озеро, передай деду, что его всегда ждет здесь стол и кров.

— Спасибо, господин...

У выхода из кабинета двое гвардейцев взяли на караул. Еще двое, сверкая полковничьими погонами, встали по бокам, готовясь сопровождать губернатора в Большой круг. Артур машинально кивнул и уже сделал шаг, когда заметил у одного из караульных плохо вычищенное оружие и небритые щеки.

— Представься, солдат.

— Рядовой Иван Оглобля! Второй взвод первой роты гвардейских клинков! - выпучив глаза, отрапортовал солдат. - Командир роты - капитан Людовик Четырнадцатый!..

— Не ори так... - поморщился губернатор. - Ты не хочешь служить в гвардии, солдат?

— Никак нет, хочу, господин!

— Ты не хочешь учиться в академии и стать офицером? Ты хочешь возить навоз?

— Никак нет... - Солдат был готов расплакаться и в ужасе переводил взгляд с губернатора на полковника. - Хочу служить, господин!

— От тебя на посту разит брагой. Грязное оружие. Всю ночь перед заступлением пил? Отвечать!

— Да...

— Как тебя учили отвечать, солдат?

— Так точно! - У бойца по вискам струился пот. Остальные военные прекратили

дышать. Молодой Рубенс превратился в статую.

– Полковник! - повернулся губернатор к офицеру эскорта. - Прими у этого солдата оружие. Пусть отправляется в казарму, приведет себя в порядок. Офицера, который сегодня принимал заступающую смену, разжаловать в рядовые и отправить в Петрозаводский гарнизон. С правом выслуги. Через полчаса жду готовый приказ на подпись. В шестнадцать часов доложишь мне об исполнении.

– Слушаюсь! - вытянулся Даляр.

– Людовик ведь у тебя в подчинении? - вполголоса спросил Артур, когда они спускались по лестнице.

– Так точно, командир.

– Насколько я помню, у него два взыскания за год? Накажи его своей властью. Это будет третье, последнее, взыскание. Передай ему, что я никогда не забуду, как он поручился за меня на полевом Совете, но погоны рядового я ему обещаю!

– Будет сделано, командир.

Две дюжины мужчин, сидевших в приемной, вскочили при приближении губернатора. Коваль заметил в толпе двух женщин со старшинскими бляхами, подошел к ним первый, пожал руки. Михаил Рубенс открыл папку и откашлялся.

– Недельный отчет префекта Петроградского района.

Коваль слушал хорошо поставленный баритон старшего сына мамы Кэт, одобрительно кивал, когда речь шла о новых газовых фонарях, об успешном лицензировании извозчиков, о перевыполнении налогового плана по малому бизнесу. Он слушал и вспоминал, как четыре года назад другой сын бывшей хозяйки Петроградской стороны пытался принять участие в покушении на губернатора... Правда, остальные члены семьи сами пришли с повинной и сразу отмежевались от опасного родственничка, и всё-таки... Заговорщиков казнили. Возможно, следовало бы всех неблагодарных детишек мамы Кэт сослать...

– Я правильно понял, префект? Наши ссуды ковбоям на открытие торговых лавок оправдались?

– Верно, господин! На двадцать три выданные ссуды пять не вернули. Разорились. Но налоги остальных перекрыли убыток во много раз. И цены на рынках упали...

Следующим был доклад мэра Выборга. Три вопроса. Многие ковбои не хотят отпускать детей в городскую школу, возражают против обучения грамоте. Кричат, что не позволят своим отпрыскам сидеть за партой вместе с детьми дикарей.

– Передашь списки зачинщиков генералу Абашидзе. Старшина книжников! - Коваль обернулся к Лева. - Свяжись с директором тамошней школы, пусть представит пятерых лучших учеников к награде. Родителям каждого - по пять рублей золотом...

– Будет сделано, господин.

Второй вопрос касался закладки рыбачьей флотилии. Третья проблема Ковалья позабавила. Финны возражали против пограничных поборов с их караванов, что ходили в глубь России. Не желая платить, обходили заставу лесными тропами.

– Генерал!

– Слушаю, командир!

Серго облысел, растолстел, но зато его горб стал почти незаметен, а в черных глазах таилось прежнее веселое бешенство. Он, как и прежде, был готов по приказу хозяина на месте зарезать любого ослушника. Охотнее всего Серго бы зарезал Арину Рубенс, но до нее было далеко. Если Даляр командовал личной гвардией, а Руслан Абашидзе возглавлял городской гарнизон и на пару с Бердером военную академию, то на Серго лежала самая грязная работа - управление всеми пограничными войсками. Губернатор за успешное подчинение Пскова пожаловал генералу здание Пулковской обсерватории и прилегающие охотничьи угодья.

– Генерал, к моему возвращению подготовь предложения по укреплению дороги. А пока что заberi арестантов, что сажают лес, пусть роют канавы вдоль трассы на три дня пути. И ни одно дерево чтоб не срубили! Выкапывать и пересаживать, ясно?

– Так точно, командир!

– Михаил, сочинишь сегодня для финнов бумагу, пусть толмач переведет, а я до отъезда поставлю подпись! Напиши: хоть одна повозка пройдет дальше Выборга без нашей гербовой бумаги - мы от их Лапеевранты камня на камне не оставим! Только вежливо напиши, понял?

– Будет сделано. - Серго довольно шурился.

Потом заслушали доклад старшины лекарской палаты мамы Роны о вспышках черной язвы под Сертолово и нуждах Медицинского института, что праздновал свою трехлетнюю годовщину. Затем выступал начальник Счетной палаты. Речь шла о зарубежных спецах, нанятых для организации первой биржи. Дело шло крайне туго; если у германцев и шведов уже появились в свободной продаже акции, то в Питере никто не желал вкладывать кровные накопления даже в первую государственную железную дорогу.

– Еще вопрос, господин... Те два чешских инженера, которых мы выписали для запуска стекольной фабрики. Они подали прошение. Говорят, что за двадцать рублей золотом в месяц готовы остаться и открыть свои цеха. Но это грабеж, господин!

– Где старшина Промышленной палаты? Передай им наши предложения. Цена нас устраивает. Контракт с каждым на пять лет при условии, что, кроме цехов, откроют стеклодувную школу. За каждого готового мастера получают отдельно по пять рублей золотом. Если нет, пусть убираются. Найдем других...

– Будет сделано.

– Что еще по Счетной палате?

– Проблема с паспортами, господин. После того как Большой круг принял закон о защите граждан, мы не справляемся с очередью. В Гатчине скопилось семнадцать тысяч человек, желающих осесть в Петербурге. Люди едут даже из Сибири и Крыма, господин. Они откуда-то узнают о ссудах и пенсиях!

– И что плохого? Мы этого и добивались. Или у нас не хватит на пенсии старикам?

– На пенсии хватит, но художники не успевают рисовать портреты к паспортам! И еще возникли беспорядки среди тех, кого мы уже пустили в город. Избили несколько клерков и полицейских! Некоторые беженцы не хотят заселяться согласно ордерам Жилищной палаты. Они привыкли жить общинами, господин!

– Серго! - Ковалю было достаточно обменяться с генералом одним взглядом. - Зачинщиков в тюрьму! Их семьи выселить из города. Судебной палате - в субботу назначить публичный суд, чтобы весь город знал...

– Будет сделано, господин.

К трем часам дня совещание закончилось, и губернатор позволил себе ненадолго расслабиться в ванной. Мускулистая рослая женщина из клана озерных колдунов растворила в хвойной пене несколько капель из разноцветных флаконов. Затем она намазала ладони бодрящей мазью и принялась втирать снадобье в плечи и спину хозяина. Коваль откинулся в целебном пару и сквозь потеки воды на огромном стенном зеркале разглядывал свою распаренную физиономию. На висках волосы полностью поседели, лоб покрыт морщинами и старыми шрамами. Два шрама от укусов на левой щеке, на шее - след стрелы, в ключице - вмятина от кинжала... Вроде бы он ничего важного не упустил, хотя всё упомянуть практически нереально...

Когда Артур поднялся в висячий сад, грузчики закончили паковать вещи. Старшина книжников лично проверял баулы, Даяр ковырялся с оружием. Два правнука Мальвины, сопя и игриво покусывая друг друга, топтались возле кормушки. Белокрысы мальчишка, внук Качальщика Семена, подсыпал драконам в мясо лечебную зелень. Как и прежде, с крылатыми не боялись общаться только дети и внуки Хранителей.

В нынешнем году в городскую школу привезли уже сорокового ребенка из родившихся в деревнях. Всякий раз отбивать шестилетних детей у родителей Ковалю приходилось с боем. Как ни странно, он получил неожиданную поддержку от Хранительницы Книги. Исключительно благодаря маме Рите удалось убедить Качальщиков отпускать детей каждые

полгода в город. Теперь малышей привозили из тринадцати лесных общин, даже с Дальнего Востока. Маленьких хранителей охраняли надежнее, чем городскую казну. Ради них Артур перевел школу в Эрмитаж, а детишкам под интернат отдал четыре зала на своем этаже. После того как музейщиков расселили в обычные жилые дома, Зимний впервые за сотню лет непривычно опустел...

Проход Второй практически отошел от дел, команду генетиков возглавляла теперь внучка Анны. Новые модели драконов были значительно совершеннее прежних. Грузоподъемность до шестисот килограмм, дальность беспосадочного полета достигла пятисот километров. На спинах могли уместиться четверо наездников, не считая груза. Отвечая своим детским сказочным представлениям, Анна Третья перекрасила чешую змеев в золото и нежную сирень. Десятиметровые молочно-белые крылья ради безопасности персонала стягивали крепкие веревки. В узком пространстве двора, начав разминаться, драконы могли запросто зашибить человека.

— Куда сначала, Артур? Ты решил? - Книжник расстелил карту Европы.

— Сначала в Париж.

— Что мы будем делать, если ты их разбудишь, а они сбегут, как и те, что предали тебя в Москве?

— Не знаю, Лева. Возможно, нам придется забрать их силой. Надеюсь, что они понимают английский.

— Опять силой, Артур. Ты стал решать все вопросы силой.

— Я знаю, Лева.

— Они ведь люди, а не дики. Они инженеры. Ты не представляешь, как я волнуюсь. Мне даже не верится, что я доживу до того момента, как увижу других Проснувшихся. А ты говоришь о силе...

— Поругай меня еще, Лева. Мне так не хватает этого...

— Я слишком стар, чтобы тебя ругать.

— Ну, пожалуйста. Существуют лишь двое, кто меня ругает, - ты и Надя. Бердер не понимает, Исмаил тоже...

— Они живут в лесу, им нет дела до города, Кузнец. - Лев уложил бинокль, компас, застегнул последний кармашек и передал баул солдатам. Парни закинули широкие лямки на спину змею и, упираясь ногами, затащили упряжь вокруг мощного туловища. - Тебя, Артур, нынче многие не понимают. Ты пытаешься навязать людям вещи, привычные до Большой смерти...

— Я стараюсь возродить цивилизацию.

— Когда-то ты говорил мне, что Дума - это цивилизация. За десять лет ты четырежды обещал мне собрать Думу, но свободных выборов так и нет...

— Мы назначим выборы, как только я буду уверен, что не пострадают дети Хранителей и диких. Как только я буду уверен, что Судебная палата прекратит путаться в кодексах. Как только я буду уверен, что люди выберут самых умных, а не самых горластых. И главное - пока не разбогатеют частники...

— В таком случае до выборов мы не доживем... Как, по-твоему, люди выберут лучших, если ты разогнал коммуны? Теперь все живут отдельно! Жилищная палата перетасовала весь город...

— Зато не стало организованных бунтов.

— Ты захватил власть благодаря колдовству Тех, кто раскачивает, благодаря псам и крылатым змеям. Когда ты уйдешь, Качальщики могут не поддержать нового губернатора.

— Теперь есть гвардия, трибунал и тайная стража. Они не дадут развалить государство.

— Это как раз то, за что ты ненавидел прежнего губернатора.

— Между прочим, старый хрыч до сих пор жив. Он на деревенских харчах еще нас переживет! Хочешь, я верну его в Питер? Спорим, его через час прирежут?

— А тебя? Сколько раз тебя хотели убить? Сколько офицеров, которым ты пожаловал звание и землю, погибли, прикрывая тебя? А после того как застрелили Чарли Рокотова,

никто из нас, старшин Большого круга, не выходит без охраны. Даже в меня стреляли дважды, в книжника! Я провел в Эрмитаже пятьдесят лет, ходил с караванами и никого не боялся!

Раньше вора можно было повесить на первом суку, мы боялись чингисов и зверей, но коммуны не дрались между собой. Теперь на правом берегу промышляют тысячи пришлых. Тебя могут ограбить среди бела дня, но губернатор запретил ношение оружия. Попробуй застрели грабителя, сам угодишь в каземат! Владельцы лавок нанимают свободных полицейских, чтобы спокойно спать ночью. Когда прекратится эта бойня, которую ты называешь государством? Зачем нам в Питере эта безработная нищета?

– Государство не строится за десять лет... А чего хочешь ты, Лева?

– Люди тянутся к общине, а ты их насильно разделяешь. Люди привыкли работать артелью, но им запрещают. Общины сами разбирались с бездельниками и бандитами. Без всякой полиции... А ты хочешь сделать, как у немца? Чтобы каждый богатый мастеровой отгородился от соседей забором и даже за ученичество брал бы плату?..

– Левушка, я расскажу тебе одну историю... В России до Большой смерти жил один правитель. Его тоже окружали книжники и призывали его собрать честную Думу. Он собрал Думу, а потом старейшины взбунтовались, и правитель расстрелял Думу из пушек. Знаешь, почему начался бунт?! Потому что в стране не было богатых мастеровых, Лева! Когда в Питере будет не сотня нищих артелей, а десять тысяч богатых мастеровых, я соберу Думу и распушу трибуналы...

– Командир, всё готово! - По команде Даляра во дворе построились остальные члены экипажей. Все шестеро увешались рюкзаками, точно заправские десантники.

– Ну, с богом!

Губернатор посадил книжника на спину дракону, сам опустил ноги в седельные "штаны". Восемь человек натянули меховые шапки и очки, намазали лица жиром. Маленький Качальщик распустил узлы на стягивающих крылья канатах. Солдаты ослабили болты, сняли с задних лап драконов тяжелые железные цепи.

– Па-берегись!

Двор моментально очистился от людей. Остался только мальчик. Он улыбнулся губернатору, безбоязненно пробрался к кормушке и растянул намордники.

– Прощай, Бердер! Учись хорошо!

– Прощай, господин Клинок! Мир твоим дням... - Змей потянулся, пробуя ноздрями ветер.

– Господин! - Придерживая папку, к Артуру бежал секретарь.

– Ну, что еще?

– Прости, я совсем забыл... - Михаил задыхался от бега по лестницам. - Насчет твоих портретов! Главный художник подал прошение Малому кругу. Он запустил типографскую машину и просит разрешения отпечатать сотню портретов губернатора. Префекты поддерживают...

– Охо-хо! - выразительно прокряхтел из своего седла книжник.

– Нашел ты время! - скривился губернатор. - На кой черт им сотня?

– Генерал Абашидзе и настоятель Лавры тоже просили. Люди хотят молиться за твое здоровье...

Дракон задрал голову к небу и заворчал, возбужденно подергивая кончиком хвоста. Солнце прошло уже большую часть пути, и колодец двора погружался в тень. Если не будет сильного ветра, подумал Коваль, то заночуем в Витебске. К вечеру будем возле Варшавы, у местных Хранителей, а там и до Парижа рукой подать...

– Ладно, шут с вами! - притворно нахмурился губернатор. - Здоровье не купишь. Пусть печатает. Передай художнику: если я буду на себя не похож, он лично от руки нарисует еще двести штук. Лишними не будут!